

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ «САХАЛИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА

ТАБАЧЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,
доктор педагогических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

РУБЛЕВА Лариса Ивановна,
доктор филологических наук, профессор

УШАКОВА Галина Дмитриевна,
кандидат педагогических наук, доцент

ЧУДИНОВА Виктория Ивановна,
кандидат филологических наук, доцент

ШУМИЛОВА Татьяна Евгеньевна,
кандидат филологических наук, доцент

ВЕРСТКА
Е. Ю. Иосько

КОРРЕКТОР
Г. Д. УШАКОВА

В НОМЕРЕ

РАЗДЕЛ I

Материалы научно-практических чтений,
посвященных 90-летию со дня рождения
Николая Максимовича Шанского

- Барышников С. В.* Словари иностранных слов
в лексикографической системе русского языка
XIX века 5
- Добрычева А. А.* Парцелляция рядов
подлежащих в прозе С. Довлатова 9
- Добрычева А. А.* Синтаксические особенности
прозы А. Тоболяка 12
- Казанцева Е. В.* О формировании
терминологии в обозначении понятия
«совмещение» морфем 15
- Лозовая Г. Н.* Понятие политической
метафоры: источники ее формирования 17
- Полупан Е. Б.* Разговорная лексика на занятиях
по русскому языку как иностранному
(на материале российских кинофильмов) 21
- Сабурова В. А.* Парцелляция в публицисти-
ческих произведениях И. Андронникова 25
- Слепцова Е. В.* Лексико-семантическое поле
концепта ДОМ в языковом пространстве книги
А. П. Чехова «Остров Сахалин» 30
- Табаченко Т. С.* Когнитивная основа
современных школьных учебников
по русскому языку 34
- Чикова Т. В.* Основные смыслы в значениях
фразеологизмов (на материале «Опыта
этимологического словаря русской
фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зимина,
А. В. Филиппова) 39
- Чудинова В. И.* Концепт ДОМ в художественном
пространстве рассказа В. Г. Короленко
«Соколинец» 46
- Шатунова Л. В.* Краеведческие тексты как
средство формирования профессиональной
компетентности будущего специалиста 51

РАЗДЕЛ II

Проблемы отечественной и зарубежной филологии
и методики преподавания филологических дисциплин

- Долгополая М. С.* «Новая критика» и ее
литературоведческая методология 56
- Корнеева И. В.* Роль дисциплины «Литература
страны изучаемого языка (Корея)» в процессе
формирования культурной самоидентичности
сахалинской корейской молодежи 60
- Лозовая Г. Н.* Обучение студентов основам
аргументирующе-убеждающей речи 64
- Масеева В. Н.* Эволюция образа падшей женщины
в прозе А. П. Чехова 66
- Николаева Т. И.* Своеобразие поэзии Ивана
Белоусова 71
- Павлова Т. К.* Языковые реалии Дальнего Востока
в ранней прозе Анатолия Кима 75

*Журнал зарегистрирован
Дальневосточным межрегиональным
территориальным управлением
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.*

*Свидетельство о регистрации ПИ № 150357 от
05.06.2002 г.*

Подписано в печать 25.12.2012.

Формат 60x84¹/₈.

Тираж 150 экз.

Издательство

Сахалинского государственного университета.

693008, Южно-Сахалинск,

ул. Ленина, 290–32.

Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.

E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru

Отпечатано:

типография СахГУ.

693008, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.

Тел. (4242) 45-23-16. Тел./ факс (4242) 45-23-17.

E-mail: polygraph@sakhgu.ru

Цена свободная

Рублева Л. И. Организация самостоятельной работы студентов направления подготовки «журналистика» в условиях перехода на ФГОС	78
Тарасова М. Р. Восприятие времени в литературной критике В. Г. Белинского и И. А. Ильина	84
Ушакова Г. Д. Коммуникативное намерение как категория современной лингвистики	90
Федорова И. В. Вознесенский и Хрушев: сакраментальный взгляд поэта на политического лидера	94
Шумилова Т. Е. Русский роман в контексте литературного процесса 1920-х годов	97

РАЗДЕЛ III

Проблемы зарубежной лингвистики и методики преподавания иностранных языков

Григорьева Г. С. Формирование навыков диалогического общения на иностранном языке как способ повышения речевой активности студентов младших курсов нелингвистических направлений подготовки	102
Григорьева Г. С. Формирование навыков монологической речи на английском языке у студентов первого курса естественнонаучного факультета	105
Козырева Ю. В. Прагматический потенциал английских фразеологических единиц	108
Козырь Е. Н. Формирование профессиональной компетенции лингвиста-переводчика на примере решения проблемы перевода реалий с английского языка на русский	111
Машарина Л. Л. Когнитивный аспект преподавания иноязычных дисциплин в рамках нового Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования	115
Медведева Г. Г. Отрицательные слова в немецком языке	119
Орлин Г. В. Эмотивная идентификация языкового потенциала мифического компонента немецкой баллады	121
Скибина В. И. Полифункциональный характер существительного “THING”	128
Шановалова Т. Р. К проблеме передачи национально-культурной специфики в переводе	130

РАЗДЕЛ IV

Актуальные проблемы журналистики

Жукова А. В. Новости на радио: структура, функциональность, языковые особенности	138
Зиновьева Н. В. К вопросу о стенной печати Долинского района (по материалам газеты «Долинская правда» конца 1950-х годов	141
Митрохин В. К. Методика информационно-аналитической работы в исследовательской журналистике	144
Олешко В. Ф. Методы изучения читательской аудитории газеты	147
Олешко Е. В. Современные печатные СМИ: взаимосвязь информационной и шрифтовой культур	150

<i>Степаненко А. А., Лопасова К. Г.</i> Современная российская кинокритика: функции, тенденции и приоритеты	152
---	-----

РАЗДЕЛ V

Проблемы филологии и образования в исследованиях магистрантов

<i>Басаргина Я. В.</i> Техника публичных выступлений: из опыта работы областной очно-заочной школы «ЛИДЕР»	158
<i>Володченко Е. В.</i> Образ ребенка в произведениях Ф. М. Достоевского	162
<i>Чикова Т. В., Дорогов П. Ю.</i> Антонимия как художественно-изобразительное средство в русских сатирических пьесах XVIII–XIX веков	166
<i>Манаева Д. В.</i> Интегрированный урок «Грамматические трансформации при переводе с русского на английский язык»	172
<i>Нелюбина О. В.</i> Реалии в языке и культуре: проблемы перевода	176
<i>Ожегова М. В.</i> Изучение фразеологизмов на занятиях по русскому языку как иностранному	182
<i>Табаченко В. В.</i> Классификационное описание фразеологизмов английского языка с антропокомпонентом	186
<i>Табаченко Т. С., Винник Н. Ю.</i> Организация исследовательской деятельности старшеклассников	

в рамках проекта «Сравнения в книге А. П. Чехова “Остров Сахалин”»	193
--	-----

РАЗДЕЛ VI

Вопросы краеведения

<i>Иконникова Е. А.</i> Материалы для изучения литературы Сахалина и Курильских островов в школе	198
<i>Кудрявцева Г. Н.</i> Иван да Марья на каторжном Сахалине	208
<i>Чикова Т. В.</i> Топонимы в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»	215

РАЗДЕЛ VII

Рецензии

<i>Иконникова Е. А., Долгополая М. С.</i> Как ринг стал кругом, или почему на ринге нет победителя и побежденного. Рецензия на книгу стихов Л. В. Дорофеевой «Круг» («Ринг»). – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. – 56 с.	220
<i>Перепелкин М. А.</i> Рецензия на монографию Е. А. Иконниковой, О. В. Югай, Р. В. Якименко «Отечественная новелла рубежа XIX–XX веков в профильных гуманитарных классах». – Южно-Сахалинск : изд-во ИРОСО, 2012. – 100 с.	223

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	225
----------------------------------	-----

РАЗДЕЛ I

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ НИКОЛАЯ МАКСИМОВИЧА ШАНСКОГО

СЛОВАРИ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XIX ВЕКА

XIX век занимает особое место в истории России. Это время называют периодом реформ и перемен во всех сферах жизни общества: в государственном устройстве, в политике, в экономике, в военном деле.

В это время русская национальная культура в литературе и искусстве достигла высокого уровня и стала определяться словом «классическая». Лексикография этого периода вышла на новую, более высокую ступень развития. Появились новые жанры (диалектная лексикография), вышло большое количество толковых, энциклопедических словарей. В этот период были созданы такие фундаментальные труды, как «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И. И. Срезневского, «Словарь церковнославянского языка» А. Х. Востокова, «Словарь русского языка» под ред. Я. К. Грота, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, многотомные энциклопедии Плюшара, Крайя, Березина, Брокгауза и Ефрона, Граната и др. Система словарей была нацелена на изучение истории языка. В словарях же выработан новый подход к описанию слова, к построению словарной статьи.

XIX век – время, в которое было создано большое количество словарей иностранных слов. В отличие от других словарей, эти словотолкователи имеют прочные связи с лексикографией древней поры. Появление первых словарей иностранных слов свидетельствовало о возникновении начального этапа в русской лексикографии, т. к. первые азбуковники давали пояснение именно иноязычным словам.

Словари иностранных слов в современном их понимании появились в XVIII веке. В Петровскую эпоху словарный состав русского языка обогатился большим количеством заимствований. Наплыв иностранных слов требовал создания специальных словарей, в которых объяснялись бы их значения. В связи с этим, вероятно, по поручению Петра I был составлен «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», включавший в основном заимствования из европейских языков. Словарь опубликован через двести лет после его создания.

Интерес к изданию таких словарей в XIX веке был оправдан продолжающимся обширным пополнением словарного состава русского языка лексическими заимствованиями. Большинство составителей таких словотолкователей в пре-

дисловиях к ним подчеркивают всю важность и необходимость создания подобных лексикографических трудов. Они отмечают, что образование проникает в разные слои русского общества, растет потребность в «духовном наслаждении, которое дает чтение всевозможных произведений печатного слова как научных, специальных, так общих и популярных». Книги, газеты, журналы содержат необходимые сведения по разным отраслям знания. На страницах таких изданий встречаются иностранные слова, непонятные читателю. Разъяснение таких слов является основной целью словотолкователей иноязычной лексики.

Первым словарем иностранных слов, изданных в XIX веке, стал словарь Н. Яновского. Незаурядность этого труда и его заметная роль в освоении и развитии словарной традиции не раз отмечалась исследователями: характер отбора, богатство словника (более 10 000 словарных статей), указание лингвистических сведений и сферы употребления (в виде помет). Этот словарь – первый опыт нового типа словаря иностранных слов, созданного на значительно более высоком лексикографическом уровне, характерном уже для XIX века. Подобного словаря иностранных слов еще не было, а опыт данного издания послужил основой для дальнейшей работы над словарями иностранных слов. Его (словаря) источниками были самостоятельные и притекстные словари, а также книги разной тематики, газеты и журналы.

«Новый словотолкователь» Н. М. Яновского в дальнейшем послужил основой для создания последующих словарей иностранных слов XIX и XX веков. Он являлся синтезом энциклопедических и филологических знаний в области заимствованной лексики. Позднее составители словарей стремились к фиксации в своих изданиях слов с указанием лишь необходимой информации о них, без дополнительных научных и каких-либо других сведений, что вело впоследствии к более четкому разграничению филологических и энциклопедических словарей.

Наряду со словами, широко употребительными в русском языке, в «Новом словотолкователе» обильно представлены экзотизмы, историзмы, окказионализмы (терминология способов гадания, лексика, относящаяся к античному миру, обозначение денежных единиц и мер веса в различных странах, название предметов быта, обо-

значение титулов, чинов и рангов светских и духовных лиц в Африке, на Мадагаскаре и др.).

Как правило, «Новый словотолкователь» не воспроизводит заимствованные слова в написании языка-источника; исключение составляют случаи, когда заимствование является преобразованием иноязычного слова на русской почве. Кроме того, довольно последовательно воспроизводится оригинальное написание слова в музыкальных терминах, что отчасти может быть связано с традицией такого написания их в нотной литературе.

Словотолкователи иноязычной лексики, следовавшие всегда узкопрактическим целям, включают в себя фактический материал, представляющий положительный интерес для выявления эволюции состава заимствований в сфере литературной лексики. С. И. Ожегов считал словари иностранных слов важным научным источником для исследования некоторых лексических явлений в истории русского языка.

В связи с развитием русской науки и общественной мысли к середине XIX века центр тяжести в вопросе о заимствовании переместился из области общелитературной и бытовой лексики в сферу общественно-политической и научно-философской терминологии. Отсюда наличие в словарях иностранных слов этого периода большого количества терминов научных, общественно-политических. Не являлись исключением и словари Н. Дубровского, А. Д. Михельсона, а также «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания» Ф. Толля. Составитель «Настольного словаря» – писатель и педагог; посещал собрания Петрашевского, рассуждал о том, что религия возникает из страха. Им написан ряд беллетристических очерков, а также библиографических статей о детских книгах. В 1861 году вышел его роман «Труд и капитал», в предисловии к которому автор изложил свои общественные воззрения. «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)» стал главным его трудом. Идея о создании такого словаря возникла у Ф. Г. Толля после выхода «Словаря иностранных слов» Кириллова (1855–1856), изданного Петрашевским. Издатель (Петрашевский) пытался пропагандировать в этом словаре свои общественные взгляды, но словарь не был окончен по цензурным соображениям. Ф. Г. Толль поставил в своем словаре несколько другую задачу. В словник им были включены термины науки, искусства, бытовая лексика др. В состав словаря вошли библиографические указания на сочинения, брошюры и журналы, из которых можно почерпнуть более подробные сведения о каком-либо предмете. Данное издание вызвало большое количество положительных отзывов среди современников составителя.

Словарь Толля, по мнению ученых, имеет самостоятельное значение как интереснейший па-

мятник русского литературного языка середины XIX века. Он в значительной мере подытожил развитие книжной лексики в таких ее сферах, как общественно-политическая, философская, эстетическая, естественнонаучная, так называемая общенаучная. Словарь достаточно полно отразил новые явления и известные тенденции дальнейшей эволюции русского «книжного» словарного состава, особенно в области интернациональной лексики и в сфере именного словообразования. Здесь раскрыта семантическая перспектива многих слов общественно-политического и научного содержания и назначения. Рассматриваемое издание содержит богатый историко-лексикологический (в том числе и историко-словообразовательный) материал для изучения русской литературной лексики середины XIX века. Он систематизирован для целей историко-лексикологического анализа, снабжен лингвистическим комментарием, который дает представление о сфере и особенностях употребления слов, об их соотношении с другими словами.

В «Настольном словаре» есть прямые и косвенные указания на характер и сферу употребления многих слов. Кроме того, «системой перекрестных ссылок дается известное представление о смысловых соотношениях между определенными словами. Эти два обстоятельства выгодно отличают «Настольный словарь» от словарей иностранных слов, издававшихся в середине и конце XIX века». Замечания Ф. Толля относительно значительной группы слов – неопценимое живое свидетельство об их функционировании в литературной речи середины этого столетия. Особый интерес представляют наблюдения составителя над словами общественно-политического и публицистического характера (это было обусловлено и создавшейся в середине века общественно-политической ситуацией). Также существенны сведения о сфере распространения слов из естественнонаучной, вообще из специальной лексики. Важна также регистрация их переносно-расширительного употребления для обозначения социально-политических явлений, потому что дальнейшее развитие многих таких слов идет именно по пути актуализации их общественно-политических и публицистических значений.

В словаре Ф. Толль указывает на сферу распространения лексической единицы как в прямом значении, так и в переносном (употребление слова «кризис» в медицине, в торговле, в политической сфере). В целом данный словарь носит энциклопедический характер (в толковании большей части лексических единиц автор приводит пространное описание с некоторыми дополнительными научными сведениями о реалии). Словарная статья по своей структуре не имеет других особенностей и соответствует общей структуре описываемых словотолкователей.

Словари иностранных слов XIX века фиксируют слова, которые стали входить в активный запас русского литературного языка или актуализировались в данный период.

Некоторые составители словарей иностранных слов в этот период преследовали лишь коммерческие цели (в связи с большим потоком иноязычной лексики в русский язык словари, объясняющие значения непонятных слов, пользовались спросом у читателей). Исследователи, в частности Ю. А. Бельчиков, относят к таким словарям «Словотолкователь 30 000 иностранных слов...» И. Ф. Бурдона (1865). Данный словарь не отличается четкой разработкой словника, в некоторых дефинициях находим лишь краткое объяснение иноязычному слову. Однако следующее его издание выходит с дополнениями и исправлениями, а также соответствующими изменениями в составе словника и словарных толкованиях.

«Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием их корней» Н. Дубровского отличается упорядоченностью материала, осознанным подходом к составу словаря и др. Данный словарь насчитывает 21 издание (1-е относится к 1866 году, последнее – к 1914 году).

В Предисловии ко 2-му изданию составитель дает информацию о том, с какого времени и каким путем иноязычные слова начали входить в русский язык, о том, что, несмотря на любовь Екатерины II к русскому языку и ее старания, приток иноязычных слов в русскую речь был неудержим. При царствовании Павла и Александра I разговорный и литературный языки были больше похожи на французский, чем на русский, а во времена императора Николая, когда Россия сблизилась с Западом, язык стал наполняться философскими терминами и другими научными словами.

Н. Дубровский восхищался красотой и стройностью речи В. Г. Белинского и говорил о том, что последний не избегал иностранных слов, но использовал их умело. Сам составитель словаря считал, что иностранных слов можно избежать, если есть им русские соответствия. Тем не менее, он добросовестно работал над созданием словаря, каждое издание которого представляет собой серьезный лексикографический источник.

В ряду толковых словарей XIX века, отличающихся серьезной разработкой словника, структуры словарной статьи, можно назвать «Полный словарь русского языка с подробнейшим разъяснением всех отличий разговорной речи от ее письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами», составленный А. И. Орловым (1884). Этот словарь несет в себе не только информацию о значении заимствованного слова, но и дает предельно четкие установки на возможность образования грамматических форм, а также приводит акценто-

логические варианты и орфографические требования к употреблению слова в устной и письменной речи. В Предисловии к словарю составитель отмечает, что основной мыслью для составления предлагаемого русского филологического словаря служил вопрос о том, совместимы ли требования устной речи с требованиями ее письменного изображения. В словарных статьях автор дает разъяснения изменениям в произношении гласных и согласных звуков, ставит ударение над каждым толкуемым словом. К словарю прилагаются таблицы изменения окончаний всех изменяемых частей речи. К словам даются стилистические пометы, указание на язык-источник: такая разработка словарной статьи, способ подачи иноязычного слова характерны небольшому количеству словарей иностранных слов XIX века. Можно говорить о том, что данный словарь является новым типом словотолкователей иноязычной лексики с измененной структурой словарной статьи, с включением полного набора грамматических форм. По этим характеристикам словарь А. И. Орлова близок к современным словарям. Составитель строго подошел к отбору словника, включая преимущественно единицы, находящиеся в активном употреблении. Данный словотолкователь отражает не только результаты семантической, но и фонетической и грамматической адаптации иноязычных слов, в связи с чем может быть полезным источником для исследователей лексикологии и лексикографии.

При всем богатстве и разнообразии словотолкователей иноязычной лексики у многих из них отмечаем и некоторые недостатки: иногда словари не справляются со всем объемом лексики, заимствующейся в данный период, в связи с этим они не успевают отражать заимствования актуальные, находящиеся в активном употреблении. В некоторых случаях словари фиксируют слова, вышедшие из активного употребления носителей языка. В некоторых словарях толкование определенной части лексических единиц сводится лишь к этимологической интерпретации. В отдельных словарных статьях наблюдаем лишь объяснительный перевод значений. При всех указанных недостатках словари иностранных слов XIX века являются важным лексикографическим источником и важнейшей частью системы словарей русского языка в целом. Все эти издания отражают результаты процесса эволюции иноязычной лексики в русском языке, вследствие чего являются важным научным источником. Их составители внесли весомый вклад в формирование лексической системы русского литературного языка, способствовали становлению его норм.

Литература

1. Бельчиков, Ю. А. К характеристике русских словарей иностранных слов 50–60-х годов XIX в.

как источнику историко-лексикологических исследований / Ю. А. Бельчиков // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков / отв. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1974. – С. 69–78.

2. Бельчиков, Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века / Ю. А. Бельчиков. – М. : Высш. шк., 1974. – 192 с.

3. Войнова, Л. А. Новый словотолкователь Н. Яновского и его источники / Л. А. Войнова // Словари и словарное дело в России XVIII века. – Л. : Наука, 1980. – С. 45–69.

Словари

1. Бурдон, И. Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. Сост. по словарям Франц. акад. Боаста, Гейзе и др. Ручная справочная книга для непонимающих значения науч.-техн., науч. и др. иностранных выражений, встречающихся в книгах, журналах и газетах / И. Ф. Бурдон. – М. : Университетская тип., 1865.

2. Бурдон, И. Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, с означением их корней. Сост. по словарям Франц. акад. Боаста, Гейзе и др. Ручная справочная книга для непонимающих значения техн., науч. и др. иностр. выражений, встречающихся в книгах, журналах и газетах / И. Ф. Бурдон. – 3-е изд., испр. – М. : тип. Бахметеева, 1871.

3. Бурдон, И. Ф. Словотолкователь 32 000 иностранных слов, вошедших в состав русско-

го языка, с означением их корней. Сост. по словарям Франц. акад. Боаста, Гейзе и др. Ручная справочная книга для непонимающих значения техн., научн. и др. иностранных выражений, встречающихся в книгах, журналах и газетах / И. Ф. Бурдон. – 4-е изд., испр. и доп. – Ч. 1, 2. – СПб. ; М. : тип. Индрих в М., 1874–1875.

4. Дубровский, Н. А. Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней / Н. А. Дубровский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : тип. И. Е. Шюман, 1871. – 533 с.

5. Дубровский, Н. А. Полный толковый словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней / Н. А. Дубровский. – 21-е изд. – М., 1914. – 768 с.

6. Орлов, А. И. Полный филологический словарь русского языка с подробнейшим разъяснением всех отличий разговорной речи от ее письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами / А. И. Орлов. – М., 1884.

7. Толль, Ф. Г. Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон) / Ф. Г. Толль. – Т. 1–3. – СПб., 1863–1866.

8. Яновский, Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины / Н. Яновский. – Ч. 1–3. – СПб. : при Императорской Академии наук, 1803–1806.

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ РЯДОВ ПОДЛЕЖАЩИХ В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА

Сергей Довлатов – писатель-минималист, мастер сверхкороткой формы: рассказа, бытовой зарисовки, анекдота. Стиллю Сергея Довлатова присущ лаконизм, внимание к художественной детали, живая разговорная интонация. В. Кривулин замечал, что Сергей Довлатов «создал собственный жанр, в пределах которого анекдот, забавный случай, нелепость в конце концов прочитываются как лирический текст и остаются в памяти как стихотворение – дословно. <...> Жанр, созданный Довлатовым, без читателя, и читателя сочувствующего, немислим»¹.

Действительно, тексты произведений С. Довлатова характеризуются ярко выраженной направленностью на читателя. При этом текст воспринимается не как письменное речевое произведение, а как записанный устный рассказ. Важную роль в создании такого эффекта играет синтаксическая организация его прозы. На уровне организации текста Сергей Довлатов широко использует средства коммуникативного синтаксиса, а именно: сегментированные конструкции, синтаксический параллелизм, номинативные цепочки. Например:

1) сегментированные конструкции: *Книги? Но, в основном, у меня были запрещенные книги. Которые не пропускает таможня. Пришлось раздать их знакомым вместе с так называемым архивом. Рукописи? Я давно отправил их на Запад тайными путями.* («Чемодан»)² (т. 3; 288);

2) синтаксический параллелизм: *Я дарил их всем своим знакомым. Хранил в них елочные игрушки. Вытирал ими пыль. Затыкал носками щели в оконных рамах.* («Чемодан») (т. 3; 303);

3) номинативные цепочки: *В Америке нас поразило многое. Супермаркеты, негры, копировальные машины, улыбающиеся почтовые работники...* («Марш одиноких») (т. 2; 410).

Значимое место в организации текста занимают вводно-модальные конструкции, сообщающие повествованию различные субъективно-модальные значения, например:

И тут, как говорится, нахлынули воспоминания. Наверное, они таились в складках этого убогого тряпья («Чемодан») (т. 3; 290).

Самым распространенным и наиболее важным экспрессивным средством в текстах Сергея Довлатова является парцелляция. Например:

Я знал, что в газетах пишут неправду. Что за границей простые люди живут богаче и веселее. Что коммунистом быть стыдно, но выгодно («Наши») (т. 2; 317).

Парцелляция является ведущим средством организации текста, поскольку расчленение высказывания позволяет актуализировать ремю, заострить внимание читателя на важном, с авторской точки зрения, фрагменте текста, и при этом вынести за пределы высказывания все усложняющие восприятие компоненты.

Чаще всего в текстах произведений Сергея Довлатова парцеллируются простые предложения (87 % от общего объема исследованных конструкций). Подлежащие и сказуемые всегда отчленяются только в качестве членов ряда. И если отчлененные сказуемые наиболее часто выступают в качестве парцеллята (66 % случаев парцелляции простого предложения), то в случае с подлежащими наблюдается обратное явление: подлежащие отчленяются значительно реже остальных членов предложения и выступают в качестве парцеллята всего в 5 % случаев (нам отмечено всего 56 языковых фактов подобного рода).

Хотя исследователи и указывают на то, что в качестве парцеллята может выступать любой член предложения³, для подлежащего эта роль не совсем характерна. Это подтверждается проведенным анализом и объясняется, на наш взгляд, несколькими причинами. Во-первых, при нейтральном, так называемом «прямом» порядке слов подлежащее редко оказывается в конце высказывания (как это наблюдается в конструкциях с парцеллированными подлежащими). Во-вторых, считается, что подлежащее чаще всего выражает тему высказывания⁴, в то время как парцеллят содержит в себе актуализированную ремю. В анализируемых текстах конструкции с отчлененными подлежащими в большинстве случаев представляют собой парцеллированные предложения бытийного типа. «В классическом случае теме (исхо-

¹ Кривулин, В. Поэзия и анекдот / В. Кривулин // Звезда. – 1994. – № 3. – С. 122.

² Довлатов, С. Собр. соч. : в 4 т. / С. Довлатов. – СПб., 2003. – Т. 2. – 496 с. ; Т. 3. – 464 с. Далее в тексте все цитаты даны по этому изданию с указанием тома и страниц в скобках.

³ Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса / О. В. Александрова. – М. : Высш. шк., 1984. – С. 117.

⁴ Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М. : Просвещение, 1976. – С. 162.

дному пункту сообщения, данному) в бытийных предложениях соответствует локализатор, а реме (сообщаемому) бытийный глагол в совокупности с именем предмета»⁵, то есть для бытийных предложений характерна позиция подлежащего в конце предложения, что повышает возможности парцелляции таких предложений.

При отчленении подлежащих между базовой частью и парцеллятом реализуются следующие типы внутрирядных семантических отношений: пояснения, перечисления, градации, альтернативы.

Наиболее распространенными являются конструкции, части которых связаны **отношениями пояснения** (31 языковой факт). В подобных конструкциях члены ряда содержат разные обозначения одного и того же предмета. Например:

Конечно, мы – не только сослуживцы. Не только – единомышленники. Есть у меня в редакции близкие друзья. Люди, которыми я восхищаюсь. Мнением которых чрезвычайно дорожу («Марш одиноких») (т. 2; 464).

Ведь исчезали самые заурядные люди. И в каждом помимо достоинств были существенные недостатки. В каждом, если хорошо подумать, было нечто отрицательное. Нечто такое, что давало возможность примириться с утратой («Наши») (т. 2; 327).

При пояснении первый член ряда уточняется или корректируется последующими. Это выражается эксплицитно: союзом «а именно», вводно-модальными компонентами «вернее», «попросту говоря». Например:

Далее Мейер успокаивает читателя. Говорит, что Огарков не всесилен. Что у него есть влиятельный оппонент. А именно – министр обороны Устинов («Марш одиноких») (т. 2; 412).

Это вовсе не значит, что я был глубокомысленным юношей. Скорее, наоборот. Просто мне это сказали родители. Вернее, мама («Наши») (т. 2; 317).

Нужен был хороший бизнес-менеджер. Попросту говоря, администратор. Деловой человек. Да еще в какой-то степени – идеалист («Марш одиноких») (т. 2; 387).

В половине случаев первый член пояснительного ряда выступает как обобщающее слово, а парцеллаты раскрывают его значение. Например:

В час должны были появиться именитые гости. Ожидали мэра города, товарища Сизова. Его должны были сопровождать представители ленинградской общественности. Ученые, генералы, спортсмены, писатели («Чемодан») (т. 3; 312).

На треть виноваты объективные причины. Сокращение эмиграции, узость и перегруженность рынка, отсутствие значительно-

го начального капитала («Марш одиноких») (т. 2; 488).

Ср.: *На треть виноваты объективные причины: [а именно] сокращение эмиграции, узость и перегруженность рынка, отсутствие значительного начального капитала.*

В качестве обобщающего слова в подобных рядах могут выступать местоимения «все», «всё». Например:

Но Сахарова любят все. Мрачноватые русские патриоты и запальчивые сионисты. Убежденные демократы и приверженцы сильной власти. Глашатаи плюрализма и сторонники авторитарных форм... («Марш одиноких») (т. 2; 429).

Наутро всё сначала. Легкая неловкость, душ и кофе с молоком... («Наши») (т. 2; 365).

Обычно конструкции с обобщающим словом представляют собой ряды, члены которых связаны только интонацией. В отдельных случаях члены ряда соединяются повторяющимся союзом «и». Например:

Конечно, всё это мишура, серпантин. И бар, и пьяный негр, и айриш-кофе. Но что-то, значит, есть и в серпантине («Зона») (т. 2; 67).

В ряде конструкций значение пояснения осложнено добавочным модальным значением, которое вносят вводно-модальные компоненты. В частности, в некоторых конструкциях анализируемого типа один из членов ряда выделяется с помощью вводно-модальных компонентов «может», «может быть», «наверное», «допустим», которые осложняют пояснительное значение добавочным значением неуверенности, предположительности и придают высказыванию ярко выраженную модусную окраску. Например:

В основе политического террора лежит значительная идея. Допустим, идея национального самоопределения. Идея социального равенства. Идея всеобщего благоденствия («Марш одиноких») (т. 2; 423).

Девочка резко повернулась в сторону. <...> Что-то привлекло ее внимание за кадром. Может, какая-нибудь бродячая собака («Чемодан») (т. 3; 371).

Очевидно, заключенному необходимо что-то лежащее вне его паскудной жизни. <...> Нечто безнадежно далекое, почти мифическое. Может быть, дополнительный источник света. Какой-то предмет бескорыстной любви («Зона») (т. 2; 93).

Менее частотными являются конструкции, члены которых связаны **отношениями перечисления** (21 языковой факт). Такие конструкции описывают некоторую совокупность предметов

⁵ Арутюнова, Н. Д. Русское предложение. Бытийный тип / Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. – М. : Русский язык, 1983. – С. 53.

или явлений, но при этом каждый член ряда актуализируется. Например:

Для такой работы необходима просторная **мастерская**. Значительные **подсобные средства**. Целый **штат ассистентов, формовщиков, грузчиков**. Короче, требуется официальное признание («Чемодан») (т. 3; 306).

Затем началась эмиграция. И повалил народ обратно, в евреи. Замелькали какие-то **бабушки** из города Шклова. Какие-то **дедушки** из Бердянска. Мой знакомый Пономарев специально в Гомель ездил, тетку нанимать... («Марш одиноких») (т. 2; 392).

В ряде случаев перечислительные отношения выражены эксплицитно – с помощью союза «и», например:

Дальше – **кровь** на листах продовольственного отчета. И хриплый **голос капитана Токаря**, появившегося в дверях («Зона») (т. 2; 120).

Короче, требуется официальное признание. А значит – полная **благонадежность**. И **никаких экспериментов...** («Чемодан») (т. 3; 306).

Союз «и» употребляется для выражения перечислительных отношений не только между частями парцеллированной конструкции, но и внутри каждой из частей. Например, в следующем примере парцеллированные подлежащие сгруппированы попарно (на основании их семантической близости), причем союз «и» соединяет подлежащие только в пределах каждой «пары», а между парцеллятами перечислительные отношения выражены имплицитно:

Дома было всякое. Дома было **хамство** и **лицемерие**. **Консервы «Завтрак туриста»** и **ботинки «Скоростной»**. **КГБ** и **цензура**. **Коммунальные жилища** и **очереди за мылом** («Марш одиноких») (т. 2; 410).

В сочетании с союзом «и» используются также и другие лексические средства – например, частица «еще», которая вносит в перечислительный ряд значение добавочности, дополнительности той части высказывания, к которой эта частица относится. Например:

Я вскрыл ее на почте. В ней лежала голубая **трикотажная фуфайка** с эмблемой олимпийских игр. И еще – тяжелый **металлический штопор** усовершенствованной конструкции («Наши») (т. 2; 353).

Не печалься, Глаша, все будет хорошо. <...>

Прости, что у меня есть **ботинки** и **сигареты**. И еще – **работа по специальности** («Марш одиноких») (т. 2; 405).

Такое же значение добавочности, дополнительности вносится в высказывание и другими лексическими средствами, например:

Искусство лагерной речи опирается на давно сложившиеся традиции. Здесь существуют нерушимые **каноны**, железные **штампы** и бесчисленные **регламенты**. Плюс – необходимый **творческий изыск**. Это как в литературе. Подлинный художник, опираясь на традицию, развивает черты личного своеобразия... («Зона») (т. 2; 88).

Отдельные лексические средства указывают на некоторую разнородность описываемых предметов, например:

Выхожу через три минуты – **кофе** на столе, **печенье**, **джем**. Почему-то **заливная рыба...** («Наши») (т. 2; 363).

Следующие типы отношений представлены единичными случаями.

Отношения градации (2 языковых факта) выражены эксплицитно. Порядком членов ряда определяется значимость описываемых явлений (последний член ряда является наиболее важным в смысловом отношении). Например:

И тут произошло чудо. Это признавали все. <...> И даже **фарцовщик Белуга**. А этих людей трудно было чем-нибудь удивить... («Зона») (т. 2; 20).

Разумом все понимаю. А в сердце живут какие-то необъяснимые **пристрастия**. И что гораздо хуже – неприятные мне самому **антипатии** («Марш одиноких») (т. 2; 407).

Во второй конструкции лексическим показателем градационных отношений является придаточная часть «и что гораздо хуже», семантика которой не только указывает на большую значимость второго элемента ряда, но и содержит авторскую оценку описываемых явлений.

Отношения альтернативы (1 языковой факт) выражены с помощью разделительного союза «или», который подразумевает взаимоисключающий выбор одного из описываемых в ряду явлений, например:

Помню, я читал насчет взаимной тяги **антиподов**. По-моему, есть в этой теории **что-то сомнительное**. Или, как минимум, **спорное**. Например, Даша с Андреем были похожи. Оба рослые, красивые, доброжелательные и практичные («Чемодан») (т. 3; 353).

Подводя итог, заметим, что парцелляция рядов подлежащих встречается в первую очередь в предложениях бытийного типа. При расчленении подобных предложений в парцелляты выносятся наименование субъекта или явления, которое необходимо актуализировать в соответствии с авторским замыслом. Это и обуславливает частотность пояснительных и перечислительных отношений между членами парцеллированных рядов подлежащих.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ А. ТОБОЛЯКА

Имя писателя и драматурга Анатолия Тоболяка широко известно на Сахалине и за его пределами. Его перу принадлежат повести «Письма туда и обратно», «Двое в доме», «Попытка контакта», «Откровенные тетради», «Папа уехал», «Денежная история», «Некто К.», «Четверо на острове», «История одной любви», роман «Невозможно остановиться», пьеса «Влиятельное лицо» и другие произведения. Однако произведения Анатолия Тоболяка изучены в большей степени с литературоведческой точки зрения¹. Лингвистических работ, полно и всесторонне описывающих языковые аспекты прозы Анатолия Тоболяка, на данный момент нет, хотя языковая организация его текстов заслуживает не меньшего внимания, чем идейно-образная, поскольку «форма» произведений в значительной мере помогает раскрыть художественный замысел автора.

В прозе Анатолия Тоболяка наблюдаются характерные черты «новой» (постмодернистской) прозы: сотворение автором мифа о себе, типичный герой (выбивающийся из общепринятых норм поведения, отрицающий традиционную нравственность) и т. д. С точки зрения синтаксиса в его прозе также ярко выражены черты постмодернистской литературы.

Для языка произведений Анатолия Тоболяка в целом характерны две яркие синтаксические особенности. С одной стороны, это синтаксическое слияние, которое проявляется в образовании усложненных конструкций, сложных предложений, насчитывающих в своем составе десятки предикативных единиц. К таким построениям относятся межфразовое единство, абзац, период. В такое сложное предложение или межфразовое единство может включаться диалог (один или несколько), реплики которого не всегда синтаксически, графически и пунктуационно отделяются друг от друга и от основного повествования. Например:

Я подумал и сказал:

– А ты не обращай внимания – и всё.

– Как же не обращать? Это люди.

– А ты делай что надо – и всё! Кто поймет – тот поймет. А кто дурак, с тем и разговаривать не стоит. По-моему, так.

– Ну-у, в принципе правильно... – засмеялся папа.

– Ты же не какой-нибудь! – разгорелся я. – Ты же лучше других можешь работать. Ты же талантливый, папа!

Он даже остановился, словно его по лбу стукнули.

– Кто это тебе, Лешка, такую ерунду сказал?

Я ответил: мне эту ерунду мама сказала, да и от других слышал, а если бы не слышал, то я тоже не слепой, сам вижу («Папа уехал»)².

С другой стороны, характерной чертой прозы Анатолия Тоболяка является синтаксическое расчленение, которое представлено сегментированными конструкциями, вводными и вставными предложениями, ненормативным пунктуационным расчленением и т. д. В произведениях писателя встречаются как простые, так и сложные предложения. Чаще это простые предложения, осложненные различными вводными и вставными конструкциями, обращениями. Анатолий Тоболяк «отказывается от нейтрального стиля <...> и идет по пути модернизации текста»³. Например:

– Элен! (Ах, она Элен!) Это я. (Это он.) Должен тебя огорчить. (Ах, ах, огорчить ее должен!) Сегодня я не приду домой. (Ну никак он не сможет прийти, понимаешь, Элен?) («Некто К.»)⁴.

А я... что же делаю я?.. Я ношу тебя по комнате на руках – из угла в угол, от двери до бельевого шкафа... еще у нас в комнате есть тахта, твоя кровать и черно-белый телевизор на ножках... и тихим голосом убаюкиваю («Вокруг Аси»)⁵.

Самым распространенным синтаксическим средством создания экспрессии в текстах произведений Анатолия Тоболяка является сегментация. Мы понимаем этот термин широко – как любое расчленение высказывания на несколько

¹ См., например: Белоусова, Н. Д. Анатолий Самуилович Тоболяк (к 60-летию со дня рождения) / Н. Д. Белоусова // Краеведческий бюллетень. – 1996. – № 2. – С. 183–196; Шумилова, Т. Сахалинская проза в спектре русского постмодернизма (А. Тоболяк «Невозможно остановиться») / Т. Шумилова // Чеховские чтения. – Южно-Сахалинск, 2002. – С. 43–49; Тарасов, Н. «К такому я готов уделу...» / Н. Тарасов // О литературе Сахалина. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 7–13.

² Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 282.

³ Шумилова Т. Повести А. Тоболяка 80-х годов: поиски и обретения // О литературе Сахалина. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 30.

⁴ Тоболяк, А. С. Денежная история. Некто К. / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 224.

⁵ Тоболяк, А. С. Четверо на острове: повести / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1991. – С. 30.

сегментов, при котором информация подается частями, в то время как синтаксическая система русского языка позволяет передать ту же информацию без членения текста. В сегментированной конструкции обязательны две части: тема (уже известная из предыдущего контекста информация) и рема (новая информация, сообщаемая о теме). В зависимости от того, какая именно часть высказывания отчленяется, в экспрессивном синтаксисе выделяются тематические сегментированные конструкции, акцентирующие внимание читателя на теме высказывания, и парцелированные конструкции, актуализирующие рему высказывания. В текстах произведений Анатолия Тоболяка широко представлены оба типа сегментированных конструкций. Например:

– тематическая сегментированная конструкция: *А папа... просто что-то ужасное случилось... он... меня... поцеловал! И быстро-быстро пошел вперед. А я стоял, и глаза жутко жгло* («Папа уехал»)⁶;

– парцелированная конструкция: *С полминуты, наверное, я на нее отупело и бессмысленно смотрела. Затем медленно опустилась в кресло. Не совсем понимая, что делаю, допила вино из фужера. Потянулась за сигаретами. Закурила* («Некто К.»)⁷.

При этом автор использует все возможные структурные разновидности сегментированных конструкций. В качестве тематических сегментов могут выступать не только номинативные предложения, но и двусоставные предложения (как полные, так и неполные), а также предложения, осложненные однородными членами, обращениями и вставными конструкциями. А в качестве парцеллятов могут выступать и различные члены предложения, и придаточные части сложноподчиненных предложений. Например:

Обычный деловой гражданин, я сказала? О нет! Он будто сошел со страниц журнала – высокий, светловолосый, узкобедрый, с ослепительной белозубой улыбкой. Его смеющиеся глаза сразу просвечивают меня насквозь, и я чувствую вдруг сильный укол в сердце («Некто К.»)⁸;

У вас своя компания. Элитная («Денежная история»)⁹;

– *Ладно, Вика, ладно... не сердись, – тяжело извиняюсь. И чтобы прервать разговор, при-*

нимаюсь стучать по машинке («Денежная история»)¹⁰.

Тематические сегменты выносят в синтаксически независимую позицию гипертему междумфразового единства. Такой сегментированный текст обладает повышенными коммуникативными и функциональными возможностями. В прозе Анатолия Тоболяка наиболее частотной является позиция тематического сегмента в середине междумфразового единства (70 % от общего количества в тексте). Тематический сегмент в этой позиции переключает субъектные сферы повествования (то есть переносит внимание с одного субъекта повествования на другой) и коммуникативные регистры текста. Наиболее характерным для произведений Анатолия Тоболяка является переключение репродуктивного и реактивного регистров (т. е. переход от повествования к оценке описываемых явлений и субъектов). Например:

За тебя я спокоен. Родительские искусы ты выдержишь и редакционные соблазны тоже. Но это Влиятельное Лицо из телевидения... оно, знаешь, слегка раздражает меня. Не слишком ли демократично для Влиятельного Лица приглашать внештатного сотрудника в редакционный бар? («Письма туда и обратно»)¹¹.

В парцелированных конструкциях актуализируются семантические отношения между частями конструкции за счет ее расчленения. Это встречается при описании внутреннего мира героев, их внешнего облика, ситуаций и условий, при которых действуют персонажи. Семантика отношений широка и разнообразна: между частями парцелированных конструкций реализуются присоединительные, перечислительные, пояснительные, определительные, обстоятельственные значения. Например:

А хочется мне, Лена, одного: встретиться с вами. Причем немедленно («Некто К.»)¹²;

Светло улыбнувшись, этот нетипичный мельтон идет к дверям. И уходит, оставив меня один на один с собой («Денежная история»)¹³;

Тут мы оглянулись. Одновременно («Попытка контакта»)¹⁴.

Таким образом, представляется возможным говорить о своеобразии стиля Анатолия Тоболяка, которое выражается в повышенной экспрессивности на текстовом уровне. Это достигается использованием различных средств, в первую

⁶ Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 282.

⁷ Тоболяк, А. С. Денежная история. Некто К. / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 270.

⁸ Там же. – С. 213.

⁹ Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 324.

¹⁰ Там же. – С. 350.

¹¹ Там же. – С. 146.

¹² Тоболяк, А. С. Денежная история. Некто К. / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 217.

¹³ Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / А. С. Тоболяк. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 367.

¹⁴ Там же. – С. 245.

очередь сегментированных конструкций. Сегментация широко и разнообразно представлена в прозе Анатолия Тоболяка и является одним из ведущих приемов организации текста в его про-

изведениях, поскольку такие конструкции создают фрагментарность текста, его динамизм, могут имитировать спонтанность высказывания и придавать языку выраженный оттенок разговорности.

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ОБОЗНАЧЕНИИ ЯВЛЕНИЯ «СОВМЕЩЕНИЕ МОРФЕМ»

Русский язык носит фузионный характер аффиксации. Это означает, что объединение значимых частей внутри слова, контактируемых (морфем), может сопровождаться их взаимопроникновением, при котором проведение морфологических границ (прежде всего между основой и аффиксом) становится затруднительным. Примером фузии является само слово *fusio* (лат.). Исторически в нем соединены корень *fu(n)d* и суффикс *-tio*, причем *-d* и *-t* накладываются друг на друга и дают *-s*, через которое проходит морфемная граница.

Одним из проявлений фузионного способа соединения морфем в русском языке является «слияние», «сплетение», «спайка» морфем на морфемных границах слова.

В русском языке на существование этого явления в устной речи было обращено внимание уже давно. «Слияние» морфем было отмечено А. А. Реформатским¹ в словах *детский* [д'эцкий], *богатство* [блг'ацтва], *резчик* [р'эщик], *объездчик* [аб'эщик], где в **ц** и **щ** «сплавлены» конечные согласные корня и начальные согласные суффикса.

В данных словах фонетико-морфологические изменения не отразились в орфографии.

Но зачастую это явление «слияния» проявляется и на письме.

Впервые это явление, проявляющееся в письменной речи, было отмечено Н. М. Шанским и определено им как «взаимопроникновение» морфем в словах типа *приду*, *обмануть* и др.² В последующих работах данное явление под названием *диффузия* или *аппликация* было описано Н. М. Шанским более подробно.³

В глаголе *приду* [и] является одновременно принадлежностью непроизводной основы *ид-* и приставки *при-* (ср. древнерусское *прииде*). В глаголах типа *обмануть* *пнуть*, *-н-* представляет собой конечный согласный корней *пн-* и *обман-* и начальный согласный суффикса *-ну-*.

В русском языке существует довольно много случаев явления «совмещения» морфем.

В существительном *архиерей* в звуке [и] еще в древнегреческом языке произошло стяжение двух [и] (приставки *архи* и корня).

Явление «совмещения морфем» реально можно видеть уже в древнерусских глаголах типа *печь*, *мочь*, *стеречь* и др., где еще на праславянской почве в [ч] были объединены [к] и [г] и инфинитивный суффикс *-ти(-ть)* (общеславянское *mogti* > *мочи*, затем *мочь*).

В прилагательных, образованных от существительных с помощью суффикса *-ск*, типа *купец-купецкий* (ср. *купеческий*, где совмещению морфем препятствует гласный *е*), *молодец-молодецкий* (*молодеческий*), *отец-отецкий* (ср. *отеческий*) в **ц** совмещается конечный согласный корня и начальный согласный суффикса.

В прилагательных *сотерный* от *сотерн*, *экстерный* от *экстерн* в одно *-н-* орфографически соединяются конечный гласный корня и словообразовательный суффикс.

«Совмещение морфем» наблюдается также в ряде сложных слов: в существительных с морфемой *вед-*, образованных от названий лиц, типа *лермонтовед* (*Лермонтов* + *о* + *вед*), в существительном *табакур -к-* является одновременно элементом первой части *табак* и элементом второй основы *кур* и др.

Данное явление «взаимопроникновения» морфем исследуется многими учеными.

Отдельные случаи «взаимопроникновения морфем при гаплогонии» и «слияния соседящих звуков, принадлежащих двум разным морфемам, в один звук» были рассмотрены Ю. С. Масловым.⁴

Подробное описание данное явление получило у Е. А. Земской, предложившей для его обозначения термин *наложение морфем*.⁵

Вопросы, связанные с анализом данного явления в конкретных словах, затрагивались в ра-

¹ Реформатский, А. А. Введение в языкознание / А. А. Реформатский. – М., 1947. – С. 91.

² Шанский, Н. М. О принципах словообразовательного анализа / Н. М. Шанский // Русский язык в национальной школе. – 1958. – № 4.

³ Шанский, Н. М. О морфемном составе / Н. М. Шанский // Русский язык в школе. – 1966. – № 1. – С. 21; Шанский, Н. М. О диффузии и замещении морфем / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. – М.: изд-во МГУ, 1966. – Вып. 5. – С. 176–185; Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию / Н. М. Шанский. – М., 1968. – С. 235–244.

⁴ Маслов, Ю. С. О некоторых расхождениях в понимании термина «морфема» / Ю. С. Маслов // Ученые записки ЛГУ. – Серия филол. наук. – 1961. – С. 145.

⁵ Земская, Е. А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 84–88. Позже Е. А. Земская ввела для этого явления параллельное обозначение «интерференция». См.: Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – С. 149–150.

ботах Н. А. Янко-Триницкой, использовавшей термины «наложение, аппликация или интерференция морфов»⁶.

Наиболее распространенным в современной литературе по словообразованию термином по отношению к данному явлению является термин наложение морфем.

Обилие дублетных наименований для обозначения данного явления отражает прежде всего интенсивный поиск понимания сути этого явления, и в то же время подтверждает еще недостаточную его изученность.

В современной литературе по словообразованию сложились разные подходы в оценке **природы** данного явления, **месте проявления в слове**, имеются значительные разногласия по поводу **наличия наложения морфем в конкретных словах**.

В отношении природы данного явления одни авторы считают его чисто фонетическим явлением (по мнению Н. М. Шанского, «важнейшая и почти единственная причина диффузии морфем – различные звуковые изменения, прежде всего стяжение одинаковых гласных»⁷), другие относят к морфонологическим (согласно точке зрения Е. А. Земской, «оно проявляется в определенных морфологических условиях – на морфемном шве»⁸). Как фонологическое определяется данное явление М. В. Пановым: «наложение морфем не позиционно-фонетическое явление, поэтому оно должно рассматриваться не на уровне звуков, а на уровне фонем»⁹. И как морфологическое (словообразовательное) рассматривается это явление Н. А. Янко-Триницкой.¹⁰

Существует мнение, что наложение морфем происходит только на границе корневой морфемы (или основы) с суффиксальными морфемами. Но в то же время наложение морфем отмечается, и это признается многими учеными, на стыке приставки с корневой морфемой.

Неоднозначную трактовку на синхронном уровне получают и конкретные примеры, вклю-

ченные разными авторами в перечень случаев наложения морфем, но вызывающие и иные оценки в рамках синхронного словообразовательного анализа. Это связано с тем, что наряду с ясными случаями наложения морфем существует определенное количество спорных случаев, когда морфемные границы трактуются по-разному, и одни авторы видят в них наложение морфем, а другие отрицают его существование.

К таким явлениям можно отнести:

– прилагательные типа *розоватый*, где одни ученые выделяют наложение производящей основы *розовый* и начала словообразовательного суффикса *-оват-(ый)*, а другие видят видят усечение *-ов-* производящей основы *розов-*;

– прилагательные на *-ский*, соотносящиеся с топонимами на *-ск*, типа *курский* (при Курск), *томский* (при Томск) и др., в которых одни ученые трактуют наложение суффикса *-ск(ий)* прилагательных на финальную часть *-ск* топонимов, а другие определяют усечение горообразующего суффикса *-ск*, место которого занимает адъективный суффикс *-ск(ий)*;

– образования от несклоняемых слов типа *таксист* (от такси), где одни лингвисты выделяют наложение начального гласного *и* словообразовательного суффикса *-ист* на конечный гласный *и* производящего слова *таксист*, а другие видят усечение этого конечного гласного *и* при образовании производного *таксист* и др.

В анализе таких примеров представляется необходимым поиск нового подхода, который бы позволил непротиворечиво объяснить происходящие на границах морфем процессы. Это ставит вопрос о подключении исторического аспекта для решения спорных случаев данных слов и привлечения некоторых фактов их исторического развития. Соединение фактов синхронии и диахронии позволило бы устранить противоречия между разными точками зрения в рамках синхронного подхода.

⁶ Янко-Триницкая, Н. А. Наложение морфем в основе русского слова / Н. А. Янко-Триницкая // Изв. АН СССР. – 1970. – Вып. 6. – С. 481–483.

⁷ Шанский, Н. М. О диффузии и замещении морфем / Н. М. Шанский // Этимологические исследования по русскому языку. – М.: изд-во МГУ, 1966. – Вып. 5. – С. 176–185.

⁸ Земская, Е. А. Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1964. – № 2. – С. 84–88.

⁹ Панов, М. В. О наложении морфем / М. В. Панов // Ученые записки МПГИ. Вопросы филологии. – 1969. – № 341. – С. 279.

¹⁰ Янко-Триницкая, Н. А. Наложение морфем в основе русского слова / Н. А. Янко-Триницкая // Изв. АН СССР. – 1970. – Вып. 6. – С. 481–483.

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ: ИСТОЧНИКИ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Как и другие технологии речевого воздействия, политическая метафора становится все более управляемым явлением. Повышается и эффективность ее применения: политическая метафора чутко реагирует на события в стране и на языковую моду. Последнее время в политической метафоре все чаще применяется лексика, ранее недопустимая: молодежный сленг, уголовное арго, просторечные слова и т. д. Это необходимо для обеспечения эффективности речевого воздействия. Иногда уголовный жаргон понятнее для избирателей, чем экономическая терминология.

Любой текст, любое высказывание всегда подразумевает адресата, направлено на адресата и предполагает реакцию адресата. По словам Ю. М. Лотмана, «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, аудитория отвечает ему тем же»¹.

Современная российская политическая метафора имеет лингвокультурный характер и не может рассматриваться в отрыве от политической и экономической жизни страны, в изоляции от ее традиций и менталитета. При рассмотрении политической метафоры особенно важен человеческий фактор, учет личности автора метафоры и ее адресата.

Метафоричность – один из важнейших признаков современной агитационно-политической речи. Политическая метафора необычайно динамична, она понятна и действенна только в данный момент времени. Язык политической метафоры – это особая подсистема национального языка, предназначенная для политической коммуникации: для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям, для принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множества точек зрения в обществе. По мнению Е. И. Шейгал, «главная функция политического языка – борьба за власть. Политический язык отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и одновременно участвует в ее

создании и изменении. В нашей стране яркая политическая метафора все чаще становится материальной силой, способной решать судьбы законов, политиков, партий»².

В связи с этим выделяются следующие функции политической метафоры:

– *номинативная*: метафора нужна для фиксации знания, особенно когда у реалии нет краткого наименования. В подобных случаях метафора используется для создания наименования реалии и для осознания существенных свойств этой реалии;

– *коммуникативная*: метафора позволяет представлять новую информацию в краткой и доступной для адресата форме;

– *прагматическая (воздействия на адресата)*: метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия;

– *изобразительная*: метафора помогает сделать сообщение образным, ярким, наглядным, эстетически значимым;

– *инструментальная*: метафора помогает субъекту мыслить, формировать собственные представления о мире;

– *гипотетическая*: метафора позволяет представить что-то еще, не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта;

– *моделирующая*: метафора позволяет создать некую модель мира, уяснить взаимосвязи между его элементами;

– *эвфемистическая*: метафора помогает передать информацию, которую автор по тем или иным причинам не считает целесообразным обозначить при помощи непосредственных номинаций;

– *популяризаторская*: метафора позволяет в доступной для слабо подготовленного адресата форме передать сложную идею.

Исследование российской политической речи на основе теории метафоры – одна из наиболее перспективных областей современной отечественной когнитивистики. Ведущие направления работы в этой области³:

¹ Цит. по кн.: Чудинов, А. П. *Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации* / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2003. – С. 19.

² Шейгал, Е. И. *Семиотика политического дискурса* / Е. И. Шейгал. – М. ; Волгоград, 2000. – С. 168.

³ См. об этом: Чудинов, А. П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000)* / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – С. 12–69.

1. *Исследование метафоры в дискурсе различных политических убеждений.* Многопартийность – завоевание современных российских демократов. Для когнитивного исследования различия в политических взглядах тех или иных партий не принципиальны. В данном случае важнее тот факт, что эти политические взгляды прямо отражаются в метафорах, которые позволяют зафиксировать даже то, что политики иногда предпочитают не афишировать.

Отдельная очень серьезная проблема – изучение идиостилей крупных политических фигур современной России. Обращение к политическому языку поможет лучше понять соотношение между личностной метафорической системой, метафорикой политического направления и общей системой русской политической метафоры, сделает возможным выявление индивидуальных когнитивных стилей, каждый из которых понимается как «предпочитаемый подход к решению проблем, характеризующих индивида относительно целого ряда ситуаций и содержательных областей»⁴.

Перспективна в исследованиях А. Н. Баранова выдвинутая им задача «метафорической портретизации» политических деятелей⁵. Идиостили ведущих современных российских политиков отличаются подлинной индивидуальностью, узнаваемостью, яркой образностью.

2. *Сопоставительные межкультурные исследования политической метафоры.* Очевидно, что российские метафорические модели отражают национальную культуру России. Вместе с тем Россия – это часть европейско-американского культурного пространства, которое заметно отличается от культурного пространства арабского мира, стран Африки или Азии.

3. *Региональные особенности российской политической метафоры.* Несомненны различия в ментальности москвичей и уральцев, петербуржцев и сибиряков, жителей юга и севера России. Эти, а также множество других факторов определяют серьезные различия в политическом дискурсе регионов России, а следовательно, возможность и необходимость автономного исследования региональной политической метафоры. Большой интерес представляет и изучение метафоры в языковом мышлении различных народов России, воздействие национальной ментальности языка на развитие метафоры в условиях еди-

ного политического, правового и экономического пространства.

4. *Лексикографическая систематизация метафор.* Образцом такой работы могут служить словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова (1991; 1994)⁶, но материалы данных словарей отражают в основном период «перестройки» (до 1993 г.), а политическая метафора, начиная со времени президентства Б. Н. Ельцина, стала несколько иной. И, следовательно, ощущается нехватка словарей политических метафор начала XXI века.

Анализировать политические метафоры можно в различных аспектах их применения, следовательно, источниками данных метафор могут быть различные сферы⁷:

1. *Антропоцентричность.*

Создаваемая человеком метафорическая картина политического мира сама по себе антропоцентрична: человек метафорически создает (концептуализирует) политическую действительность в виде некоего подобия своего тела и составляющих его органов, своих физиологических и иных действий и потребностей, своих генетических связей с собственными родственниками. Политическую действительность России создает (метафорически) гражданин России, а поэтому создаваемые им образы имеют национальные корни и в то же время отвечают современным потребностям.

2. *Физиологическая метафора.*

Физиологическая метафора – одна из наиболее традиционных и детально структурированных метафор в отечественном политическом дискурсе. Отсутствие разного рода свобод издавна обозначалось как душная атмосфера, где человек задыхается. Недостаток информации традиционно связывается с нехваткой духовной пищи. В нашей стране залогом успешной политической карьеры считаются «гибкий позвоночник», «хороший нюх», «мохнатая рука» и т. д.

Россия в целом, ее отдельные регионы, государственные и политические структуры часто обозначаются как единый биологический организм, который нельзя разделить. В политической речи подобные метафоры обычно служат аргументом в пользу единства, нерасторжимости существующего объекта.

И в обыденной, и в научной картине мира в составе человеческого организма разграничиваются части организма и его органы. Политики

⁴ Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 87–112.

⁵ Баранов, А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) / А. Н. Баранов // Русистика. – 1993. – № 2. – С. 57–89.

⁶ Баранов, А. Н. Русская политическая метафора : материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1991 ; Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М., 1994.

⁷ Яцутко, Д. Политическая метафора в СМИ: функции сообщения и воздействия / Д. Яцутко. – М., 2000. – С. 21.

часто используют в своих метафорах названия частей тела, органов обоняния, осязания, речи, слуха. Основная часть таких метафор способна нести эмотивную нагрузку.

3. Государство – семья.

Метафорическая модель «государство – это семья» представляет отношения между государством и гражданами, между лидером страны и народом, между социальными силами, между регионами и иными субъектами политической деятельности. Эти отношения могут представляться как отношения в семье, члены которой ощущают кровную связь между собой и душевную привязанность друг к другу, где младшие должны проявлять уважение к старшим, глава рода может при необходимости и наказать неразумного. Вместе с тем едва ли не в любой семье могут возникать противоречия, появляться взаимные обиды и непонимание. Отношения в семье регулируются не столько законами, сколько традиционными представлениями о том, как должны поступать родственники в тех или иных ситуациях. Метафора родства широко использовалась в политической речи Российской империи (*царь – батюшка и т. д.*). Современные политики употребляют в своих высказываниях не только термины кровного родства, но и родства по супружеству: особенно ярко в этой области противопоставляются «своя» и «чужая» семья.

4. Социальные метафоры.

Социальные метафоры также очень активно употребляются в политической речи. Высокая употребительность и широкие возможности социальных метафор связаны с тем, что в современном российском национальном сознании политическая деятельность часто понимается, структурируется и осуществляется на основе отождествления с понятиями: *преступность, война, театр, цирк, игра, спорт и т. д.* В этом плане оказываются активными криминальная метафора (представление современной российской действительности как преступного мира); милитарная метафора (политическая борьба рассматривается как этап военных действий – военная терминология становится политической). Политиками употребляются не только военные термины как таковые, но и «разновидности войны», «иерархия военных чинов», «воинские символы и атрибуты», «итоги войны», «ранение и смерть».

5. Театр. Постановки. Цирк.

Театральная метафора распространена в политической речи в силу ряда причин: яркая неискренность, искусственность, ненатуральность, имитация реальности – субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью; присутствуют притворство, ложь, внешняя моделируемость событий. Важно отметить высокую структурированность театрального мира как

исходной сферы для метафоры, достаточно объемное представление большинства носителей языка о театре, их естественный интерес к зрелищным искусствам.

6. *Игра и спорт.* Политиками используется как игра вообще, так и разновидности игры и спорта, квалификация спортсменов и итоги соревнований, правила игры.

7. Природа.

В русском национальном сознании общественная жизнь традиционно сопоставляется с миром живой природы. Значимость органистической метафоры особенно велика в текстах с установкой на фундаментальные национальные ценности, на возвращение к «истокам». В публичных текстах широко используется зооморфная метафора, причем как названия животных, так и их действия, образ жизни, обращение с ними, места обитания. Фитоморфная метафора также имеет место в текстах публичных выступлений. Фитоморфные образы – одна из традиционных понятийных сфер отечественной политической метафоры. В ее основе лежат базовые метафоры, связанные с архетипическим восприятием мира, в котором все имеет корни и плоды, происходит из семян и зерен. Роль растений в политическом языке в некоторой степени сопоставима с их значимостью в мифопоэтических представлениях. *Старый дуб, родные березы и осины, русское поле и русский лес, луговые цветы* – эти и многие другие образы уже давно используются как национальные символы, концепты русской культуры. Типичный для российской политической метафоры образ – *ветви власти, верхушка власти и т. д.*

Если для зооморфной метафоры характерны жестокость и агрессивность, то фитоморфные образы обычно неагрессивны: они акцентируют идею естественности и непрерывности развития жизни, близости и взаимосвязанности человека и природы, наглядно отражают причинно-следственные связи в природе, значимость крепких корней и другие, фундаментальные для русского национального сознания ценности.

Таким образом, современная политическая метафора является важным компонентом современной публичной речи политиков всех рангов, а потому – это перспективное направление в рамках когнитивной лингвистики.

Литература

1. Апресян, В. Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3.
2. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М., 1999.

4. Вежбицка, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицка. – М., 1996.
5. Виноградов, С. И. Слово в парламентской речи и культуре общения / С. И. Виноградов // Русская речь. – 1993. – № 2–4.
6. Земская, Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3.
7. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 1999.
8. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М., 1990.
10. Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
11. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 1996.
12. Словарь перестройки / сост. В. И. Максимов и др. – СПб., 1992.
13. Телия, В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

(на материале российских кинофильмов)

Разговорная речь, реализующаяся в устной форме в процессе неподготовленного, непринужденного общения, занимает важное место в формировании лингвистических, а также лингвокультурологических навыков студентов-иностранцев. Изучение и понимание особенностей современной русской разговорной речи на занятиях по русскому языку как иностранному (далее по тексту – РКИ) необходимо, поскольку иностранные студенты часто испытывают трудности при непринужденном общении с русскоговорящими вне учебной аудитории, в быту.

В современной русистике существуют разные подходы к определению места разговорной речи в системе литературного языка. Разговорная речь рассматривается как некодифицированная разновидность литературного языка, как разновидность функционального стиля, как особая коммуникативная система, неподготовленная речь носителей литературного языка, имеющая неофициальный характер. Разговорная речь является семиотической системой устной коммуникации, в которой определяющую роль играют слуховой и визуальный (мимика, жесты) каналы связи.

Лексика разговорной речи имеет ряд особенностей, проявляющихся на самых разных уровнях: фонетическом, морфологическом, словообразовательном. В последние десятилетия сферы функционирования разговорной лексики значительно расширились, о чем свидетельствует бурный процесс снижения стилистической тональности газетных материалов, рекламных текстов с широким использованием в них просторечной лексики, фразеологии, жаргонизмов.

Активные процессы, происходящие в последние годы в лексике русского языка, семантические и стилистические преобразования, многочисленные заимствования, компьютерный язык повлияли на языковую ситуацию, что осложнило понимание и восприятие разговорной речи иностранными студентами в различных ситуациях общения.

Изучение разговорной лексики на занятиях по РКИ с использованием российских кинофильмов представляется весьма эффективным методом формирования лингвистической и культурологической компетенций студентов-иностранцев. Кинофильм является аудиовизуальным источником получения информации в ситуациях общения. В кинофильмах представлены многочисленные

акты речи (диалоги, монологи), различные темы, интонационные обертоны речи, экспрессивно окрашенные единицы речи.

Для более полного вхождения студентов в сферу разговорной лексики важно использовать отечественные фильмы, повествующие о жизни современной молодежи, так как:

1) в речи персонажей часто используются фразеологизмы, сравнения, устойчивые сочетания слов (учет подобной лексики очень важен при обучении иностранцев русскому языку, поскольку способствует аутентичности);

2) в фильмах широко представлена лексика эмоционально-оценочного характера, которая обогащает речь и является неотъемлемым компонентом русской речевой культуры и при обучении нуждается в комментариях;

3) в кинофильмах наиболее четко проявляется функциональная роль разговорных лексем, так как в процессе просмотра фильма очевидны ситуации общения, социальные роли участников общения (их гендерная принадлежность, возраст, социальное положение и др.).

Обучение иностранных студентов лексике разговорной речи посредством современного кинофильма способствует адекватному, более эффективному восприятию и пониманию звучащей речи носителей языка, а также ознакомлению с особенностями русской разговорной речи в ситуации непринужденного общения.

Для работы со студентами-иностранцами второго сертификационного уровня был выбран фильм О. Бычковой «Питер FM», так как разговорная лексика фильма представляет актуальный материал для работы с иностранными студентами. С целью усвоения разговорной лексики на материале кинофильма предлагается несколько этапов работы (работа над кинофильмом длится в течение 4–5 занятий). Лексическая работа проводится после (возможно, домашнего) просмотра художественного фильма.

1-й этап: студенты делятся впечатлениями о фильме, дают ответы на вопросы по содержанию фильма.

Вопросы после просмотра фильма:

1. Понравился ли вам сюжет фильма и почему?

2. Все ли слова были понятны в процессе просмотра фильма и какие слова вам не знакомы?

3. Какой персонаж вам ближе и почему?
4. Как герои обращаются друг к другу и почему?
5. Какие разговорные элементы вам уже знакомы и где вы их уже слышали?
6. Как вы думаете, встретятся ли герои?

2-й этап состоит из нескольких видов работы.

1. *Беседа об особенностях русской разговорной речи и классификация разговорной лексики.*

Беседа переводится на язык иностранных студентов.

Разговорная лексика употребляется в сфере устного общения, имеет характер непринужденности, сниженности и фамильярности. В составе разговорной лексики обычно выделяются две группы:

1) литературно-разговорная лексика, употребляемая в разнообразных сферах общения людей;

2) разговорно-бытовая лексика, используемая в повседневном обиходе.

Разговорная лексика богата экспрессивными и эмоционально-оценочными оттенками и имеет особые пометы в словарях (разг., бран., шутл., ирон., уменьш.-ласк. и др.).

В российских кинофильмах используются различные разговорные явления русского языка:

1) антропонимы – единичные имена собственные, идентифицирующие человека (имена, отчества, фамилии, псевдонимы). В фильмах также используются неименные номинации типа «зайчик», «пупсик» и др.;

2) оценочная лексика – слова, включающие элемент оценки (тупица, красопетка);

3) просторечная лексика – слова со стилистически сниженным, грубым и даже вульгарным оттенком, которые находятся за пределами литературной нормы. Слова просторечной лексики обладают экспрессивно-стилистическими оттенками (прост., груб., бран. и др.). Просторечная лексика также может быть представлена вульгаризмами – бранными и социально непристойными словами;

4) субстантивы – разговорные собственные наименования-существительные, перешедшие из состава прилагательных (Я живу на Комсомольской);

5) прецедентная лексика – лексика, известная любому представителю социума, усвоенная в семье, в культурном, социальном, национальном пространстве.

Среди прецедентной лексики выделяют:

– прецедентные имена – индивидуальные имена, связанные с широко известными текстами (Обломов, Ромео);

– прецедентные высказывания – это высказывания, вводимые в речь, которые хорошо известны любому носителю языка.

К прецедентным высказываниям также относятся цитаты («Кто виноват?»), пословицы и поговорки («Тише едешь – дальше будешь»), тексты песен, рекламные тексты, анекдоты и др.;

б) заимствованная лексика – слова, вошедшие в активный запас из других языков (грин-карта, триколор).

2. *Работа с упражнениями и словарями.*

Примерные задания:

– найти в словаре толкование выделенного слова (выражения), сопоставить его значение с контекстом;

– найти в тексте отклонения от норм литературного языка, сопоставить с нормой;

– подобрать синонимы к выделенным словам (сочетаниям);

– определить, в какой ситуации выделенное слово уместно (в публичном выступлении, в разговоре с другом, с преподавателем, со старшим товарищем).

3-й этап включает толкование названия кинофильма, знакомство с сюжетом и просмотр фильма:

а) толкование названия фильма. В процессе работы нужно обратить внимание, что и название фильма связано с разговорной речью: Питер – разговорный вариант официального названия Санкт-Петербурга;

б) краткий сюжет фильма, перечисление героев фильма, знакомство с их социальным статусом и интересами.

Вспоминаем сюжет:

Маша Емельянова – диджей на популярном питерском радио. Маша – творческий человек, она ведет на радио развлекательную программу: ставит хорошую музыку, рассказывает о погоде, дает советы в прямом эфире.

Максим – талантливый молодой архитектор, приехавший в Петербург из Нижнего Новгорода. Он тоже человек творческий. Чтобы иметь регистрацию и жилье в Петербурге, он работает дворником.

Костя – одноклассник и жених Маши – карьерист и зануда.

Маша готовится к свадьбе с Костей, которого давно знает, но не любит. Максим победил на международном конкурсе молодых архитекторов, и ему предложили выгодный контракт в Германии. Скоро он должен туда уехать, хотя он очень любит Петербург. Молодые люди не уверены, что им нужно именно это.

И кто знает, как бы сложилась их судьба, если бы не случай: Маша теряет мобильный телефон, а Максим его находит. Это лирическая история о двух молодых людях, оказавшихся перед выбором, когда каждый должен решить – что для него действительно важно?

в) повторный просмотр фильма.

Перед началом просмотра фильма можно снабдить студентов словником, включающим разговорную лексику фильма, чтобы обратить внимание на ее функционирование в речи героев.

4-й этап (самый важный) включает работу по составлению словаря разговорной лексики фильма. Возможно, часть работы будет дана для домашнего задания. Словарь разговорной лексики включает несколько разделов:

а) антропонимы – неименные номинации (солнышко, малыш);

б) оценочная лексика (супер!, бедуин, ужас!, порнография, офигеть, чумовой);

в) просторечные слова (Питер, пересечься, труба);

г) субстантивы (из Нижнего [Нижнего Новгорода], на Чкаловской [на станции метро «Чкаловская»]);

д) прецедентные явления (трах-тибидох-тибидох; Тихо шинами шурша, едет Саша не спеша; Пушкин, Отелло);

е) заимствованная лексика (gastarbeiter, style).

Работу можно организовать по группам (каждая группа работает со своим разделом):

1-я группа работает с антропонимами;

2-я группа – с оценочной лексикой;

3-я группа – с просторечными словами;

4-я группа – с субстантивами;

5-я группа – с прецедентными лексическими явлениями.

На данном этапе работы используются различные толковые фразеологические словари, словари жаргонной и разговорной лексики.

Словарная статья разговорной лексемы должна состоять из самой лексемы, толкования лексемы со стилистическими пометами и социокультурными комментариями, а также перевода на язык студента-иностранца.

Фрагмент из словаря разговорной лексики:

Сынок 1. Уменьш.-ласк. к сыну. 2. Разг. Обращение пожилого или взрослого человека к молодому мужчине, юноше, мальчику. – Сынок, я тебя прошу... 3. Ирон. жарг. армейское в речи старослужащих солдат к новобранцам. 4. Разг. Молодой, неопытный, малоавторитетный человек. Доп. зн.: 1) Шутл. обращение к друзьям; 2) Ирон. обращение к любому человеку: Ты в этом деле еще сынок.

Далее – перевод на язык иностранных студентов.

5-й этап: работа со словарями русского языка, проигрывание речевых ситуаций с использованием разговорной лексики фильма, которая представлена в словнике.

На этом этапе формируются умения и навыки студентов, направленные на использование уместных разговорных лексических единиц в процессе общения с носителями русского языка.

Студентам предлагаются различные коммуникативные ситуации с использованием разговорной лексики с учетом пола, возраста и социального статуса участников. В упражнениях они заменяют нейтральные формы и словосочетания на уместные разговорные.

Примерные коммуникативные ситуации:

1) обратитесь с просьбой к другу, к любимой девушке, преподавателю, ректору, используя уместные в ситуации обращения: солнышко, птичка моя, кореш, уважаемый, Иваныч, господин, профессор, Игорь Николаевич). Обращения проверьте по словарю;

2) введите в диалог следующую разговорную лексику фильма: ужас!, отвязаться, труба, Отелло. Дайте толкование этих примеров по словарю.

6-й этап: просмотр фильма по фрагментам.

В процессе работы с разговорной лексикой фильма целесообразно поделить фильм на фрагменты (диалог с подругой или другом, диалог с незнакомцем, диалог с начальником и др.) и пронаблюдать, как происходит отбор лексики в различных ситуациях общения, с людьми разных социальных статусов, возрастных групп.

7-й этап: работа с разговорной лексикой фильма (упражнения, словарная работа) по темам:

а) обращения в фильме (личные имена – по имени, по имени и отчеству, по фамилии, по отчеству);

б) эмоционально-оценочные обращения;

в) работа с разговорной лексикой в сопоставлении ее с нейтральной.

Здесь могут быть предложены упражнения для самостоятельной работы, на основе которой иностранные студенты закрепляют знания, полученные на занятиях.

Таким образом, процесс обучения иностранцев разговорной лексике на основе кинофильмов целесообразно проводить с помощью специально составленного словаря лексики фильма, включающего лексические единицы, трудные для восприятия иностранной аудиторией, содержащего стилистические пометы и социокультурный комментарий.

Обучение иностранных студентов лексике современной разговорной речи базового (2-го сертифицированного) уровня целесообразно проводить на основе речевого материала современного молодежного кинофильма как источника аутентичной речи носителей языка, увеличивающего мотивацию студентов к изучению разговорной лексики и содержащего видеoinформацию для более удобного усвоения ситуаций общения. Выявление наиболее частотных элементов разговорной лексики в повседневном общении носителей языка и знакомство иностранных студентов с этими элементами облегчает адаптацию иностранцев к среде изучаемого языка, помогая адекватному восприятию и пониманию ситуаций общения.

Литература

1. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. – 2-е изд. – М. : ЛКИ, 2007. – 320 с.
2. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учебное пособие для студентов вузов / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2001. – 304 с.
3. Викторov, А. В. Для тех, кто любит кино. Материалы к кинокурсу / А. В. Викторov, Л. А. Викторова. – Часть 1. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 100 с.
4. Горбачевич, К. С. Как говорят студенты? / К. Горбачевич // Рус. речь. – 1977. – № 1. – С. 50–56.
5. Земская, Е. А. Русская разговорная речь. – М. : Проспект, 1968. – 99 с.
6. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
7. Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков и др. – Вып. 1. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.

ПАРЦЕЛЛЯЦИЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. АНДРОНИКОВА

В современном литературном языке парцелляция как явление экспрессивного синтаксиса вызывает неподдельный интерес как со стороны писателей и публицистов, использующих его в качестве приема письменного языка, так и со стороны ученых-лингвистов, исследующих данное явление.

Сам термин «*экспрессивный синтаксис*» возник в отечественной лингвистике в 60-е годы XX века и включает в себя такие синтаксические явления, как присоединение, **парцелляция**, сегментация, вставка, неполные предложения и др. По мнению Г. Н. Акимовой, «экспрессивные конструкции образуют открытый ряд», они «не составляют окончательного списка расчлененных синтаксических структур»¹.

Активизация различного рода расчлененных построений, в том числе и парцелляции, связана с демократизацией письменного языка, то есть с проникновением в письменную речь конструкций разговорного языка.

Действительно, в устной речи предложение формируется по мере течения мысли, и классическая для письменного литературного языка форма предложения здесь часто бывает не уместна, она не может отразить последовательность возникновения мыслей говорящего. Поэтому синтаксису устной речи свойственны фрагментарность, прерывистость, расчлененность синтаксических структур.

Так, возникнув в живой устной речи, парцеллированные конструкции, постепенно проникая в письменную речь вначале как средство речевой характеристики персонажей, затем начинают все шире употребляться писателями в качестве особого экспрессивного индивидуального стилистического приема.

В дальнейшем, получая все большее распространение, проникая в другие функциональные стили, парцелляция перестает быть исключительно индивидуально-авторским приемом и постепенно превращается в «активное “техниче-

ское” средство современного речевого синтаксиса, позволяющее делать сообщение лаконичным и одновременно информативно емким»². Причина широкого проникновения парцеллированных конструкций в практически все функциональные стили (за исключением делового стиля, где они представлены крайне слабо), в частности, в публицистику, заключается в их «структурной гибкости и богатых экспрессивно-стилистических возможностях»³, а также, как мы уже упоминали, в активном воздействии разговорной речи на все современные письменно-книжные стили.

Нужно заметить, что сам термин «парцелляция» произошел от французского слова *parceller* – «делить на мелкие части». Интересно определение, вполне емкое и точное, сформулированное Е. И. Иванчиковой: «Под **парцелляцией** мы будем понимать такой **прием** экспрессивного синтаксиса письменного литературного языка, существо которого состоит в **расчленении** синтаксически связанного текста на интонационно обособленные отрезки, отделяемые знаком точки»⁴ (выделено мной – В. С.).

В качестве практического материала для исследования парцелляции мы взяли художественно-публицистические произведения писателя, литературоведа, телеведущего, а также мастера художественного рассказа Ираклия Луарсабовича Андроникова (1908–1990). Творческое наследие этого выдающегося человека включает в себя различного рода публицистические статьи, очерки (большой частью портретные), его выступления, устные рассказы по радио и телевидению. Это такие работы, как «Возле Тынянова», «Николай Алексеевич», «Первый раз на эстраде», «Четырнадцать русских троек», «Горло Шалыпина», «Что же такое искусство Яхонтова?», «Одержимый пафосом дружбы» и др.

В основу исследования положена именно его художественная публицистика, так как она интересна, прежде всего, тем, что совмещает в себе черты художественного и публицистического

¹ Акимова, Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г. Н. Акимова. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 87.

² Шалимова, Г. С. Современный русский синтаксис: Присоединительные конструкции в современном русском языке (на материале публицистики) : учебное пособие для студентов-заочников / Г. С. Шалимова. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1971. – С. 35.

³ Там же.

⁴ Иванчикова, Е. И. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции / Е. И. Иванчикова // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1968. – С. 250.

стилей: образность, выразительность, эстетичность одного и информативность, экспрессивность другого. И именно в литературе такого рода можно найти все богатство различных средств экспрессивного синтаксиса, в том числе интересующие нас парцеллированные конструкции, которые широко представлены в публицистике Ираклия Андроникова. Разнотипность и частотность употребления парцеллированных построений в художественной публицистике Ираклия Андроникова позволяют дать общую характеристику синтаксических и экспрессивных функций парцелляции.

Говоря о функциях данного синтаксического явления в художественной публицистике Ираклия Андроникова, мы имеем в виду не только написанные очерки и литературоведческие статьи, но и устные выступления по радио и телевидению, его так называемые устные рассказы, которые вошли в полное собрание сочинений этого замечательного публициста, литературоведа, мастера устного жанра. Надо заметить, что жанр устного рассказа (имеется в виду по радио или телевидению), так полюбившийся Андроникову, как нельзя лучше отражает функциональный характер парцелляции, все богатство стилистических и коммуникативно-экспрессивных возможностей, которыми обладает данное синтаксическое явление. Ведь в этом жанре удачно совмещены черты как художественного стиля (образность, выразительность), так и стиля публицистического (информативность, экспрессивность). И это вызывает еще больший интерес к парцелляции и к ее функциональным особенностям.

В таких жанрах, как устный рассказ, очерк, зарисовка, литературоведческая статья, наиболее часто используемых Андрониковым, в которых ярко проявляется авторская индивидуальность публициста, мы встречаемся с осознанным, целенаправленным употреблением парцеллированных конструкций для экспрессивных, стилистических целей. Парцелляция благодаря своим богатым коммуникативным возможностям позволяет автору выделить главное, создать выразительный портрет (особенно это характерно для портретного очерка), обрисовать явление, особым образом подчеркивая детали и т. д. В этих случаях парцелляция используется автором как выразительный экспрессивно-стилистический прием, например:

Люди разных вкусов и поколений, любящие разную музыку, разные жанры, единоклубны в

оценке Шаляпина. Это – неумирающе ново. Доступно. Смело. Глубоко. Сложно. Разнообразно («Полное собрание исполнений»)⁵. Подобное выделение, экспрессивное подчеркивание кратких прилагательных, характеризующих в целом творчество Шаляпина, не только показывает их смысловую значимость, но и усиливает воздействие на читателя.

С другой стороны, мы имеем дело все-таки с публицистикой, неотъемлемой чертой которой является информативность, поэтому повышение информативности высказывания – расширение коммуникативных возможностей предложения – основное достоинство парцелляции. В плане анализа коммуникативных возможностей данного синтаксического явления парцеллированные конструкции очень перспективны, так как позволяют актуализировать ту часть высказывания, которая оказывается наиболее значимой при организации коммуникативной направленности предложения. Например:

И все-таки это не мемуары, а образы, подобные тем, какие являет лирическая поэзия. Ибо перед нами возникают давние события и юные пристрастия автора («Сверкающее слово Катаева»). Так, в данном предложении парцелляция является средством создания нового самостоятельного рематического центра: придаточная часть содержит важную информацию, она оказывается наиболее значимой в коммуникативном плане, а ее выделение в парцелляте еще более усиливает эту значимость.

Итак, **выделительную** функцию парцелляции многие исследователи (в частности, Е. И. Иванчикова)⁶ называют в качестве основной (постоянной), так как она может проявляться в любой текстовой реализации парцеллированного предложения, и в данном случае публицистика Ираклия Андроникова не является исключением. Далее мы рассмотрим основные функции парцелляции, реализованные в текстах Андроникова, и выделим из них наиболее продуктивные (отчасти будем основываться на классификации А. П. Сковородникова)⁷.

1. Экспрессивно-грамматическая функция (синтаксическая) реализуется в двух вариантах:

а) грамматико-семантическая функция (посредством парцелляции несколько модифицируются синтаксические отношения между базовой частью и парцеллятом) является наиболее продуктивной в исследуемых нами тек-

⁵ Здесь и далее по тексту иллюстративный материал дан по книге: Андроников, И. Л. Я хочу рассказать вам... : рассказы, портреты, очерки, статьи / И. Л. Андроников. – М., 1971. – 420 с. Здесь и далее в цитатах подчеркнуто мною. – В. С.

⁶ Иванчикова, Е. И. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции / Е. И. Иванчикова // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М. : Наука, 1968. – С. 262.

⁷ Сковородников, А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке / А. П. Сковородников // Рус. яз. в шк. – 1980. – № 5. – С. 86–91.

стах. Надо отметить, что данная функция, если говорить вообще о частотности ее применения в текстах различных стилей, в равной степени характерна как для публицистического, так и для художественного (что является немаловажным при анализе текстов Андроникова, которые совмещают в себе признаки обоих стилей). В связи с этим можно считать оправданным тот факт, что данная функция является самой продуктивной в исследуемых текстах. Случаи проявления этой функции многообразны, но мы выделили наиболее часто встречающиеся:

1) с помощью парцелляции оформляются уточняющие или пояснительные отношения:

Весь город на площади – здесь. На крышах. В окнах домов. На балконах («Мой друг Кайсын») (пояснительные отношения); *Макаров умер. Замерз в дороге* («Четырнадцать русских троек») (уточняющие отношения).

2) парцелляция усиливает присоединительную связь между компонентами высказывания:

...Что выделял знаменитый аварец Гамзатов Расул, танцую лезгинку по-дагестански! И грузинские поэты пошли! И иностранные гости! («День рождения Шота»). Подобное построение конструкции усиливает также и эмоциональное воздействие на читателя.

3) парцелляция ослабляет грамматические отношения однородности между сказуемыми:

Недавно впервые попробовал записать эту историю – посмотреть, как она выглядит на бумаге.

Записал.

И решил напечатать («Первый раз на эстраде»). В данном примере это ослабление однородности усиливается вынесением сказуемых, содержащихся в парцеллятах, в отдельные абзацы.

4) парцеллят служит средством выделения заключительного члена предложения (или придаточной части) в ряду однородных, являясь более значимым с авторской точки зрения:

...Раковина, в которой шумит море, дубы, орел, пламенные краски рассвета и полдня, руки мастера, ночной Тбилиси. И горы («Возле Тынянова»).

5) и еще одна частная реализация грамматико-семантической функции – функция «разгрузки», или «облегчения», структуры высказывания, когда содержащиеся в нем однородные члены (или придаточные части) выносятся в отдельные парцелляты, для того, чтобы, с одной стороны, «разгрузить» конструкцию, а с другой – показать значимость, информативную насыщенность каждой части:

Он рисовал. Видел себя как бы со стороны. Впитывал в себя советы художников – Серова, Коровина. Врубеля... («Полное собрание исполнений»); *Бывало – он спит очень мало. Ему грезятся новые строчки. Андрей Белый с женой. Философские разговоры, споры. Поездки по Гру-*

зии. Командировки по велению дружбы («Одержимый пафосом дружбы»).

б) другая вариация экспрессивно-грамматической функции парцелляции – **грамматико-конструктивная**, суть которой заключается в том, что парцелляция изменяет характер основного синтаксического отношения между компонентами предложения, перегруппировывает структурно-семантические связи между ними. Надо сказать, что данная функция нехарактерна для публицистики Андроникова. Мы можем привести лишь один пример ее проявления:

Я очень любил бывать в опере. И мог бывать сравнительно часто. Потому что в молодые годы мне поручали такие роли, что через двадцать минут после начала спектакля я уже шел разгримировываться («Горло Шалапина»). В данном примере предикативная единица – *И мог бывать сравнительно часто*, сохраняя соотношенность с базовой частью по линии присоединительной связи, в то же время оказывается соотносительной и с последующей предикативной единицей, вынесенной во второй парцеллят, по линии причинной связи.

2. Для художественно-публицистических текстов Андроникова также весьма характерна **изобразительная функция**. Большей частью она проявляется при художественно-образной конкретизации изображаемого. Популярность данной функции также связана со спецификой публицистических текстов Андроникова (наличие в них свойств художественного стиля – образности, выразительности). Случаи ее употребления также могут быть различными. Рассмотрим основные:

1) с помощью парцелляции последовательно протекающие действия подаются отдельно друг от друга (как бы в отдельном кадре):

Он иногда обернется, бросит реплику... И снова занимается своей бородой. Подклеит. Повертит головой во все стороны. Оторвет («Горло Шалапина»). А в следующем примере эффект «замедленного кадра» достигается с помощью отчленяемых обстоятельств:

Василь показан на тракторе и в танце. В деловом разговоре. В объяснении с любимой. У изголовья умершего деда. И наконец, в гробу («Поэзия Довженко»).

2) парцелляция членит текст так, чтобы выделить важные детали общей картины, наиболее существенные элементы поведения, качества объекта:

Он был невелик ростом. Пропорционален. Изящен. Пластичен («Возле Тынянова»);

Уже начало этого вальса мгновенно захватывает вас. Оно уже полюбило вас. Внезапно. Без подступов. С первого такта. С первого раза. И навсегда («Вальс Арбенина»);

3) членение текста с помощью парцелляции способствует изменению ритма: *Я стал ози-*

ратся, чтобы куда-нибудь спрятаться. И не успел («Первый раз на эстраде»). В данном примере неожиданная пауза создает эффект внезапности, тем самым усиливает экспрессию.

А вот другой пример, когда паузы между частями парцеллированной конструкции способствуют созданию такого ритма, который усиливает эффект длительности действия: Успеваешь мысленно поблагодарить его за необлегченное, глубокое, и необходимо нужное нам ощущение мира. За все, что он выразил в музыке. За бесконечное богатство его неисчерпаемого разнообразного музыкального языка. И за нашу способность узнать каждую ноту («Шостакович»).

3. Еще одна функция парцелляции, специфическая для публицистических текстов и часто проявляющаяся в текстах Ираклия Андроникова – **это функция перераспределения информативной нагрузки частей предложения**. Здесь мы встречаемся с таким случаем ее реализации, когда парцелляция усиливает семантическую противопоставленность базовой части и парцеллята:

Шведу мы обещали шуметь тише. Но вскоре забыли о нем. Заснули под утро («Римская опера») – пауза и противительный союз *но* после базовой части усиливают ее противопоставленность парцеллятам и подчеркивают информативную насыщенность отчлененных частей.

А в следующем примере парцелляция не только показывает семантическую противопоставленность базовой части и парцеллята, но и усиливает ее посредством лексического повтора (а также отрицательной частицы *не*), придает экспрессию высказыванию: ...Переписка Чайковского и Римского-Корсакова – свидетельство общности. Не вкусов. Не стилей. Но общности задач. И общности интересов («В Троекуровых палатах»).

И еще один случай явной семантической противопоставленности частей присоединительной конструкции: В этом не было игры. Было проникновение («Возле Тынянова»).

4. Не менее яркой функцией парцелляции, проявляющейся в публицистике Андроникова, является **эмоционально-выделительная функция**, которая характерна для конструкций, где парцелляция служит средством подчеркивания эмоций, эмоционального состояния или эмоциональной оценки. Данная функция, также как и грамматико-семантическая, является общей для публицистического и художественного стилей. Причем, надо заметить, что категория оценки шире категории эмоционального. Кроме эмоциональной реакции говорящего она может включать в себя и субъективную оценку воспринимаемой информации (в нашем случае чаще всего авторскую оценку). Следовательно, можно выделить следующие подгруппы:

а) конструкции, в которых парцелляция служит средством усиления эмоциональной сто-

роны высказывания (помогает усилить эффект восхищения, порицания, сомнения, удивления и т. д.). Например:

Я с гордостью сообщил Пастернаку, что Тынянов читал мне его, Пастернака, стихи «Сестра моя жизнь». И как восторгался ими («Возле Тынянова»). В данном примере парцелляция подчеркивает восхищение, восторженность.

Или такой пример: ...Оставалось либо уйти, либо исполнять требование. Но как? Оправдаться? Вызвать жалость? Стыдиться? Сетовать на судьбу? («Первый раз на эстраде»). Здесь парцелляция способствует усилению внутренней неопределенности субъекта, его сомнений, а вопросительная интонация еще более подчеркивает эмоциональность высказывания. Подобный случай употребления приема парцелляции в большей степени характерен для устных выступлений Андроникова, отличающихся богатством проявления эмоций;

б) конструкции, в которых парцелляция, являясь средством усиления оценочного содержания высказывания, может не связываться с подчеркиванием конкретных эмоций, а быть средством придания тому или иному отрезку текста возбужденности, нерасчлененной авторской эмоциональности: Ведь это биография Корнея Ивановича, да какая! Писанная друзьями.

Это история каждого знакомства, каждой дружбы его.

Это и биография времени!

Это история жизни литературной! («Корней Иванович и его «Чукоккола»). В данном примере возбужденность, экспрессивность подчеркнута синтаксическим оформлением текста, в частности, вынесением каждого из парцеллятов в новый абзац.

5. Среди функций парцелляции, характерных для художественно-публицистических текстов Андроникова, можно выделить еще одну – **композиционно-семантическую функцию**, суть которой заключается в том, что парцелляция выделяет заключительный вывод, усиливает пафос концовки (может содержать авторскую оценку). Например:

Он был провозвестником дружбы народов и дружбы культур настоящим, по влечению таланта, души, и по разуму, и интуитивно. И дружим быть не мог («Одержимый пафосом дружбы») – парцеллят содержит итог, обобщение всего сказанного в базовой части. Или такой пример:

Он знал себя, он рассчитывал на силу воли, на упорство свое, на всепреодолевающий труд. Он верил в дружбу, в Малый театр.

И остался актером. («Горло Шалапина») – с помощью парцелляции в новый абзац выносятся неожиданный вывод, что усиливает экспрессию концовки.

Таким образом, использование парцелляции в художественно-публицистических текстах

Ираклия Андроникова можно рассматривать и как черту индивидуального стиля автора, и в качестве одного из приемов экспрессивного синтаксиса. Создавая свой характерный метод выражения авторского отношения к изображаемому, автор-публицист создает и свою особую манеру использования такого синтаксического средства, как парцелляция. Однако, несмотря на возможное своеобразие в индивидуальном использовании парцелляции, при употреблении парцеллированных конструкций проявляются их общеязыковые стилистические и синтаксические возможности. Так, основной (постоянной) функцией парцелляции, которая встречается при любой текстовой реализации, является **выделительная функция** (экспрессивно-выделительная, выделительно-информативная). Все же остальные факультативные функции выделены с учетом частотности их проявления в исследованных нами текстах (более продуктивные/менее продуктивные), а также учитывая специфику художественно-публицистических текстов (совмещение в них особенностей публицистического и художественного стилей).

Практически каждая из представленных функций парцелляции имеет свои частные случаи проявления, которые также сгруппированы и описаны

нами. Возможны также случаи наложения функций, причем каждая из перечисленных функций парцелляции всегда совмещается с основной – экспрессивно-выделительной. В проанализированных нами текстах мы выявили и функции, специфичные для публицистического стиля (функция перераспределения информативной нагрузки частей предложения, композиционно-семантическая функция), и функции, свойственные в большей степени художественному стилю (изобразительная), а также функции, которые характерны для обоих стилей (грамматико-семантическая и эмоционально-выделительная). Подобное разнообразие функций парцелляции еще раз подтверждает богатство возможностей, которыми обладает этот прием, а также подчеркивает особенность художественной публицистики Ираклия Андроникова – совмещение признаков двух стилей – публицистического и художественного.

Проведенное нами исследование показало, что явление парцелляции в современном языке продолжает развиваться, сохраняя свою экспрессивную сущность, и это открывает новые возможности для изучения данного явления уже не только на примере художественных текстов, но и текстов других стилей современного русского литературного языка.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КОНЦЕПТА ДОМ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ КНИГИ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

На сегодняшний день, исходя из антропоцентрической парадигмы в лингвистике, язык рассматривается не только как средство общения, но и как культурно-историческая среда. В связи с таким пониманием языка произошло расширение традиционных границ объекта изучения в лингвистике и появление дисциплин лингвокультурологической направленности. В связи с этим стало возможным введение регионального компонента в процесс обучения современных школьников и студентов прежде всего с целью воспитания и выработки бережного отношения их к культуре своего родного края. Одной из задач реализации данного компонента является включение регионально-ориентированных текстов, отражающих природно-климатические, экономические, культурно-исторические и другие особенности своего региона.

Поэтому обязательным, на наш взгляд, является при изучении курса лингвистического краеведения обращение к такой книге, как «Остров Сахалин» А. П. Чехова. Далеко не оптимистичное произведение позволяет особым образом взглянуть подрастающему поколению на историческое прошлое родного края и в целом российского государства, на трудности проживания на острове, связанные с определенными природно-климатическими условиями, формирования на протяжении нескольких десятилетий особого «островного» менталитета населения, связанного с отдаленностью и оторванностью от материковой части России.

Мы в нашем исследовании не претендуем на открытие чего-то кардинально нового в интерпретации исследуемого произведения, но хотим показать особый подход к изучению авторского текста на основе языкового материала. Следует отметить, что если в процессе развития лингвистической науки о тексте господствовал функциональный подход (анализ смыслов произведения путем от формы к функции), то на современном этапе начинает лидировать когнитивно-концептуальный (анализ путем от

функции к форме, а затем к выражаемому формой концептуальному смыслу). Как отмечает исследователь Л. Г. Бабенко, цель концептуального анализа состоит в выявлении парадигмы культурно значимых концептов и описание их концептосферы, то есть тех компонентов, которые составляют ментальное поле конкретного концепта¹. Исследователями под концептуальным анализом понимается часто и анализ самих концептов, составляющих смысловое пространство произведения, и в то же время анализ с помощью концептов.

В этом аспекте важным является понимание молодого для современной науки термина (который существует примерно 15 лет) *концепт*. Несмотря на спорность применения этого термина в собственно лингвистических исследованиях, этот термин стал очень удобным в плоскости исследования для таких смежных интеграционных наук, как лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика. Текст, как известно, нельзя отрывать от культуры, он обладает экстралингвистическими свойствами, то есть выходит за пределы собственно языковых фактов, поэтому концепт стал той интегрирующей единицей, которая помогает объединить при изучении текста его лингвистические и экстралингвистические параметры, то есть исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, в социально-общественной жизни.

Правда, в современных лингвистических науках нет единого подхода к пониманию концепта, существует множество его определений. Мы придерживаемся определения, данного понятию *концепт* исследователем С. Г. Воркачевым — это «единица коллективного знания/сознания, оправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная лингвокультурной спецификой»². Будучи представленным в языке в результате процесса речевой объективации, концепт является основой языковой картины мира. Такими средствами

¹ Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста : учебник / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. — М. : Флинта : Наука, 2004. — С. 57.

² Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. — 2001. — № 1 — С. 50.

объективации концепта являются те, систему которых представили исследователи З. Д. Попова и И. А. Стернин³, это: готовые лексемы и фразеосочетания из состава лексико-фразеологической системы языка, паремии, свободные словосочетания и непосредственно тексты и совокупности текстов.

Одним из важных, универсальных, но имеющих свою национально-культурную специфику, является концепт ДОМ. Он занимает особое место в русской языковой картине мира, относится к числу архетипических образов, имеет большую значимость в системе ценностных ориентиров русских людей с древних времен и представлен большим числом вербализаторов. По данным Н. В. Уфимцевой, которая проводила сопоставительное исследование языкового сознания славян, у русских концепт ДОМ занимает третье место, после таких значимых концептов, как ЖИЗНЬ и ЧЕЛОВЕК, у белорусов – четвертое место, а у украинцев – шестое.⁴ В первобытную эпоху, по наблюдениям В. В. Колесова, это слово *дом* на первом месте имело значение «люди, живущие вместе», в Древней Руси – «хозяйство, которое велось родственниками совместно», а затем уже на первый план выдвинулось значение «здание, строение, предназначенное для жилья, а также для размещения учреждений или предприятий»⁵.

Существует своя уже достаточно разработанная методика изучения концепта, которую мы попытались систематизировать в своей статье по концепту ДОМ:

- это и определение статуса концепта национальной языковой картины мира путем обобщения данных различных лингвистических и культурологических источников;

- и установление места изучаемого концепта в русском языковом сознании путем описания паремиологического и вербально-ассоциативного полей концепта;

- и выявление особенностей проявления данного концепта в качестве индивидуально-авторского, репрезентированного в художественном пространстве того или иного произведения.

Но главным, на наш взгляд, является построение лексико-семантического поля исследуемого концепта путем изучения особенностей вербализованной его реализации в парадигматической, синтагматической и словообразовательной системе русского языка.

Концепт ДОМ, на наш взгляд, достаточно широко представлен различными видами своего языкового воплощения в книге А. П. Чехова

«Остров Сахалин». В этом произведении писатель включает большую группу слов, которые входят прежде всего в тематическое поле, которое можно было бы назвать общим заголовком «Дом, жилище». Это, несомненно, обусловлено тем, что, обращаясь к теме условий существования ссыльнокаторжных на острове, он не может не затрагивать тему дома, описания мест, предназначенных для проживания людей. Чехов старался описывать все виды жилья, которые он видел в различных поселениях острова.

Так, основное первичное значение лексемы *дом*, по данным толковых словарей, является: «здание, строение, предназначенное для жилья, а также для размещения учреждений или предприятий». Таким образом, данная лексема уже первоначально включает в свое значение сему «жилой». Согласно этому, в обозначенную нами уже тематическую группу, могут войти слова: *дом, домик, изба, постройка, сруб, юрты-землянки, дом, напоминающий помещичью усадьбу*. Слово *дом* как основное первичное, стилистически нейтральное, используется для обозначения различных видов строений, предназначенных для проживания. Это может быть и дом начальника острова, и дом ссыльного, и маяк – «скромный белый домик с мачтой и с фонарем». Здесь уменьшительно-ласкательный суффикс используется для обозначения размеров строения, выполняющего функцию маяка, который находится высоко над долиной, на мысе Жонкиер, и от удаленности кажется маленьким. Однако в *беленьких чистеньких домиках* уже проживают по контексту «начальник военной команды, смотритель Дуйской тюрьмы, священник, офицеры и проч». Здесь уменьшительно-ласкательное производное *домики* используется в ироничном смысле, так как далее по контексту им противопоставляются *избушки ветхие, без дворов, без зелени, без крылец*, которые в беспорядке лепятся внизу у *дороги, по склону горы и на самой горе* на территории бывшей сахалинской каторги – поселения Дуэ. Это уже дома поселенцев.

Для обозначения жилья для людей высшего сословия, которые обеспечивают прежде всего на острове надзирательную власть, Чехов использует и слова *квартира, комнаты* – больше для обозначения мест проживания офицеров и чиновников. Для обозначения временного проживания другого лица на квартире того или иного чиновника или офицера используется производный глагол *квартировать*. Несмотря на то, что данное сословие находится в привилегирован-

³ Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2007. – С. 16.

⁴ Уфимцева, Н. В. Сопоставительное исследование языкового сознания славян / Н. В. Уфимцева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И. А. Стернина. – Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. – С. 70.

⁵ Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : изд-во ЛГУ, 1986. – С. 194.

ном положении, но это тоже далеко не идеальное жилье, похожее на то, которое обладает уютом и теплом. Одно из производных значений, которое выявляется при помощи проведения и анализа вербально-ассоциативного эксперимента, а также анализ паремий говорит о том, что для русского человека главное понимание дома заключено в определении уютный, укромный, где можно укрыться и где будет комфортно. Можно отметить лишь одно из немногих описаний, которое включает в себя упомянутое значение: *В Корсаковке есть дом, который своими размерами, красною крышей (обратите внимание на этот своеобразный символ) и уютным садом напоминает помещичью усадьбу средней руки. Хозяин этого дома, заведующий медицинской частью, д-р П. И. Супруненко, уехал весной, чтобы экспонировать на тюремной выставке и потом навсегда остаться в России...* Здесь Чехов говорит об усадьбе как идеальном воплощении дома русского дворянина, русского хозяина, барина. И почти ни одно другое жилье чиновника в районе Александровска не могло называться усадьбой.

Жилье же ссыльнокаторжных, поселенцев, крестьян из ссыльных, свободного состояния характеризуется прежде всего лексемами изба, как типичный вид крестьянского жилища, стилистически окрашенное избушка; постройка, строение, срубы, врытые в землю на 2–2 ½ аршина, с двускатными земляными крышами как нечто неопределенное, все это, часто сделанное наспех, на время, не добротно, не качественно, и даже юрты-землянки – первоначальные постройки, пока не были построены тюрьмы. Приведем пример из текста: *Все избы здесь (поселение Красный Яр) на одинаковый фасон, двухоконные, строятся из плохого и сырого леса, с единственным расчетом – отбыть как-нибудь поселенческий срок и уехать на материк. Контроля над постройками со стороны администрации нет, вероятно по той причине, что между чиновниками нет ни одного, который знал бы, как нужно строить избы и класть печи. Или еще про селение Ново-Михайловское: Пахотные участки показаны в подворной описи у всех хозяев, крупный скот имеется у 84, но тем не менее все-таки избы, за немногими исключениями, поражают своей бедностью, и жители в один голос заявляют, что на Сахалине не проживешь «никаким родом». Не то, чтобы уют, семейственность отсутствовали в такого типа домах, но их сопровождала полная нищета, убогость, бесхозяйственность. Так, при описании Дуэ мы находим строки: За недостатком места в избах, 27 семейств живут в старых, давно уже обреченных на снос постройках, в высшей степени грязных и безобразных, которые называются «казармами для семейных». Тут уже не комнаты, а камеры с нарами и парашами, как в тюрьме.*

По понятным причинам к наименованиям

мест проживания следует отнести и такие слова, как *тюрьма (место содержания лиц, лишенных свободы, место заключения), казарма (в дореv. России: общежитие для рабочих), камера (отдельная комната, помещение особого назначения), каморка*. Они тоже входят в лексико-семантическое поле концепта ДОМ данного произведения. Несмотря на то, что согласно словарю они не содержат сему жилой, тем не менее, где еще могли проживать только прибывающие на остров осужденные или преступники, совершившие тяжелые преступления и обреченные на пожизненное заключение. *В Александровской ссыльнокаторжной тюрьме я был вскоре после приезда. ...Двери у всех корпусов открыты настежь. Я захожу в одну из дверей. Небольшой коридор. Направо и налево двери, ведущие в общие камеры. Над дверями черные дощечки с белыми надписями: Казарма № такой-то. Кубического содержания воздуха столько-то. Помещается каторжных столько-то». Прямо в тупике коридора тоже дверь, ведущая в небольшую каморку: здесь два политических...* И через несколько страниц: *В пользу системы общих камер, я думаю, едва можно сказать что-нибудь хорошее. Люди живут в тюремной общей камере, – это не община, не артель, налагающая на своих членов обязанности, а шайка, освобождающаяся от всяких обязанностей по отношению к месту, соседу и предмету... Общая камера не дает преступнику одиночества, необходимого ему хотя бы для молитвы, для размышлений и того углубления в самого себя, которое считают для него обязательным все сторонники исправительных целей... Стадная сарайная жизнь с ее грубыми развлечениями, с неизбежным воздействием дурных на хороших, как это уже давно признано, действует на нравственность преступника самым растлевающим образом. И далее ключевое слово, которое войдет в словообразовательную парадигму лексико-семантического поля концепта ДОМ: Она отучает его мало-помалу от домовитости, то есть от того самого высокого качества, которое нужно беречь в каторжном больше всего, так как по выходе из тюрьмы он становится самостоятельным человеком колонии, где с первого же дня требуют от него, на основании закона и под угрозой наказаний, чтобы он был хорошим хозяином и добрым семьянином. Обратите внимание как раз на то, что входит в ключевое понимание концепта ДОМ в русской языковой картине мира – домовитость.*

Мы представили лишь фрагмент лексико-семантического поля концепта ДОМ, так как его составление – это большая и кропотливая работа. Но главный интерпретационный смысл, на который выводит такой способ исследования сложного, избыточного изощренными, часто жестокими подробностями, уточнениями и оценками текста Чехова, – это то, что каторжная

система, вроде бы направленная на исправление, не могла создать нормальных условий существования для человека, даже если он преступник, ни нормальной хозяйственной, ни спокойной жизни у этих людей просто быть не могло.

Ссылаясь на Марка Теплинского, мы можем сказать, что в этом как раз «прямая и тяжелая вина каторги, которая заставляла проклинать, ненавидеть остров как место, где можно только окончательно потерять человеческое достоинство и всякие нравственные ориентиры. Недаром обитатели острова говорили: “Кругом вода – посередине беда, кругом море – посередине горе”. Сахалин воспринимался лишь как символ страшных мучений, издевательств, предельной несправедливости. Поэтому и дома здесь строились как бы наспех: нет дворов, ни одного дерева, комнаты похожи на камеры для одиночного заключения»⁶.

Такое понимание продуманного царской властью, особо изощренного способа наказания провинившихся по разным причинам людей, но все же людей, с учетом отдаленности места ссылки, специфики климатических условий, самого устройства лагерной и поселенческой жизни, позволяет читателям проникнуться, на наш взгляд, особым отношением к родному краю, где земля обагрена болью и страданием, что смог проникновенно показать великий русский писатель А. П. Чехов, выразивший в этом произведении свою гражданскую позицию, чувство личной ответственности за все то, что происходило в родной стране.

Материалы исследования

Чехов, А. П. Остров Сахалин // Чехов, А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. – Т. 14–15 / А. П. Чехов ; примеч. М. Л. Семановой. – М. : Наука, 1974. – 927 с.

⁶ Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск : Дальневост. кн. изд-во, Сахалинское отд., 1990. – С. 109.

КОГНИТИВНАЯ ОСНОВА СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Уровень общей культуры народа всегда определяется тем, что в языке интересно ему сейчас. Было время, важным казалось, «как писать правильно» то или иное слово, затем – произношение слов, позже – правила построения речи, стиль и синтаксис, много говорили и спорили о правильности конструкций и сочетаниях слов. Теперь на очереди вопрос о том, как кратко и четко выражать свои мысли, как правильно понимать собеседника, вслушиваясь в его речь, перебирая его аргументы: как активно участвовать в построении нормативного языка, чего настоятельно требует новое время. Нравственное и культурное развитие общества каждый раз, при любом повороте событий, отражается на том, как понимают родной язык.

В школьных учебниках всегда отражается то лингвистическое направление, которое характерно для определенного этапа развития языкознания. Школа пережила и «грамматистов», и «антиграмматистов». В разные периоды развития школьной методики преподавания русского языка внимание было обращено то исключительно на формирование правописных навыков, то исключительно на работу с текстом, то случалась другая крайность – формализация школьной грамматики в отрыве от речевой практики. Развитие семантической лингвистики дало импульс таким направлениям, которые в современной методике преподавания русского языка сформировались как функциональное, коммуникативное, структурно-семантическое. Благодаря семантической лингвистике в грамматике наметился синтез всех дисциплин, исследующих семантику языка, в рамках наиболее общего – когнитивного подхода (когнитивной науки).

Когнитивный подход, с одной стороны, опирается на положения когнитивной лингвистики, главным компонентом которой является категория «смысл»; с другой стороны – на положения когнитивной психологии, для которой важнейшей категорией является «понимание», что способствует глубокому проникновению в суть изучаемого на всех этапах обработки информации. Когнитивный механизм решения мыслительных задач обеспечивает практически бесконечное производство и понимание смыслов в речевой деятельности.

Задача когнитивного обучения – сформировать у учащегося такие интеллектуальные способности, которые будут направлены на актив-

ные познавательные действия в процессе отбора языкового материала для формирования, выражения и сообщения мысли в конкретной ситуации.

В каждой ситуации порождения высказывания при таком подходе формируется дискурс – речь, наполненная смыслом, относящим высказывание к реальным фактам действительности. И в любой части дискурса план выражения и план содержания имеют конкретное смысловое содержание, связанное и с предыдущими, и с последующими сегментами дискурса.

Задача учителя, владеющего методикой когнитивного обучения – научить школьника из всего репертуара языковых средств сознательно, в соответствии с конкретным коммуникативным намерением (речевой ситуацией) формировать высказывание, дискурсивно обусловленное (то есть имеющее реальное смысловое содержание, соответствующее ситуации).

Когда мы говорим, что некоторое предложение обладает определенным смыслом, то имеем в виду, что его содержание соотносено с фактом реальной действительности. Но мы ничего не говорим относительно того, как говорящий или слушающий должен практически поступить, чтобы построить такое высказывание. Эти вопросы (порождение смысла в высказывании) и подлежат разрешению в когнитивной теории. Без их рассмотрения не обойтись и современной методике преподавания русского языка.

Развивающий потенциал методики школьной грамматики с позиций теории и практики когнитивного обучения, отраженный в большинстве современных учебников, определяется последовательным рассмотрением ряда теоретических и практических вопросов. Важнейшими теоретическими вопросами когнитивной методики изучения грамматики являются следующие:

- роль и значение современных лингвистических теорий, и в особенности современных лингвистических концепций, в теоретической и практической разработке методики грамматики;
- собственно методические принципы преподавания русского языка и их преломление в когнитивной методике грамматики;
- развитие мышления и речи, учащихся на основе процессуально-когнитивного подхода к изучению грамматики.

Таким образом, процессуально-когнитивный подход в школьной грамматике направлен на формирование уровней языковой личности школьника,

предполагающих развитие следующих способностей: осведомленность в лингвистической теории, осознание ее как системы правил и общих предписаний, регулирующих употребление средств языка в речи; знание речеведческой теории, овладение основными видами речевой деятельности; владение основными языковыми (опознавать, классифицировать и т. п.) и речевыми (выбирать, актуализировать и т. п.) умениями; способность анализировать речевую ситуацию и в соответствии с ней выбирать программу речевого поведения.

Правильно организованные занятия по грамматике на когнитивной основе значительно расширяют возможности школы для успешного обучения учащихся практическим навыкам владения русским языком в его устной и письменной форме (речевым, орфографическим, пунктуационным). С развитием филологического образования роль грамматики возрастает как никогда, появляются школьные грамматики новых типов. Научные школьные грамматики призваны объяснить характер и принципы выведения грамматических категорий, а практические – дать знания и навыки построения и понимания правильной речи, оценки речи с точки зрения правильности.

Примером научной школьной грамматики может служить учебное пособие Золотовой Г. А. *Русский язык: От системы к тексту. 10 класс (2002 г.)*¹, предназначенное для факультативных занятий в общеобразовательных учреждениях гуманитарного профиля. Впервые в школе известные морфологические и синтаксические категории рассматриваются в связи с их функциями в тексте, что является отражением функционально-коммуникативного подхода к изучению языковых категорий. Когнитивная основа учебника предполагает методику размышлений, рассчитанную на то, что ученик «вместе с авторами будет обдумывать решение той или иной проблемы, находить аргументы за и против»².

Так, например, в той части учебника, где изложены материалы, касающиеся системы языка, представлена тема «Классификация реальных объектов и классификация слов». Покажем, как организуется работа с известными школьникам морфологическими категориями, но в аспекте функционально-коммуникативном.

К тексту К. Д. Ушинского «Различие предметов» даются следующие задания, направляющие познавательный процесс в нужное русло решения проблемы³:

- Понять, по каким признакам можно классифицировать объекты реальной действитель-

ности, вам поможет статья К. Д. Ушинского. Прочитайте ее.

РАЗЛИЧИЕ ПРЕДМЕТОВ

О т е ц. Вот два одинаковых листа бумаги; между ними, вероятно, можно бы найти различие; но должно очень долго всматриваться; не знаешь ли ты, как бы различить их с первого взгляда?

С ы н. Очень легко: один лист лежит на скамейке, а другой – на столе.

О т е ц. Хорошо, но здесь ты различаешь два предмета не по цвету, не по форме, не по весу, а **по положению**. Я могу переложить один предмет на место другого, и тогда положение их переменится. Но если один лист будет черный, а другой – белый, то, где бы я ни положил их, они все будут различаться **по цвету**. Те признаки, которые принадлежат самому предмету, называются **качествами** или **свойствами** предмета. Положение предмета тоже может быть признаком, но не будет свойством. Но, кроме свойств и положения предмета, можно еще различать предметы по времени.

Так, мы говорим: вчерашний день, вчерашний обед, завтрашний урок, утренние занятия, вечерний чай; здесь мы различаем предметы **по времени**... Для такого отличия мы употребляем названия месяцев, дней недели, считаем часы, числа, годы. Можно отличать еще один предмет от другого **по количеству**: в этой комнате шесть стульев, в той – двенадцать; два аршина сукна меньше трех и т. п. Но вот две одинаковые книги: как ты думаешь, чем всего скорее можно их различить?

С ы н. Одна из них раскрыта, а другая закрыта.

О т е ц. Вот две одинаковые монеты: возьми их в руки и скажи проворнее, чем они отличаются.

С ы н. Одна из них холодна, а другая тепла.

О т е ц. Вот два стула: найди различия между ними.

С ы н. Один из них лежит, а другой стоит.

О т е ц. Здесь предметы различаются **по состоянию**, в котором они находятся. Один человек стоит, другой сидит, третий читает, четвертый пишет, пятый бежит: все эти люди различаются по состоянию, в котором они находятся. Можно еще различать предметы **по действию**, которое производит один предмет на другой или которое он сам претерпевает от другого действующего предмета: один мальчик

¹ Золотова, Г. А. *Русский язык: От системы к тексту. 10 класс : учебное пособие для факультативных занятий в общеобразовательных учреждениях гуманитарного профиля* / Г. А. Золотова, Г. П. Дручинина, Н. К. Онипенко. – М. : Дрофа, 2002. – 320 с.

² Там же. – С. 4.

³ Там же. – С. 30–37.

режет палочку, а другой пускает змея; один крестьянин погоняет лошадь, а другой рубит дрова; один мальчик был строго наказан отцом за шалости, а другой был награжден за прилежание. Часто такие предметы различаются **по назначению**: печка назначена для того, чтобы нагревать комнату, а окошко для того, чтобы освещать ее; перочинный ножик назначен для того, чтобы чинить им перо и т. п.

Не перечислишь ли ты мне теперь, какими признаками можно различать предметы?

- Ответьте на вопрос К. Д. Ушинского – перечислите, по каким признакам можно различать предметы. Выпишите из статьи примеры, иллюстрирующие эти признаки, и добавьте свои.

- Замечили ли вы, что К. Д. Ушинский в статье пользуется понятием предмета в более широком смысле, в смысле имени существительного вообще? Выпишите из его текста ряд непредметных имен (с их определениями). Каково категориально-семантическое значение этих имен?

Далее в параграфе даются задания, расширяющие представление учеников об изосемических словах и их категориальных значениях. Эти задания построены на приемах сравнения, анализа, обобщения, классификации и т. п. То есть решение проблемы на познавательном уровне проходит все когнитивные стадии работы с научной информацией.

В качестве показательных примеров практических школьных грамматик (учебников, учебников-практикумов) назовем те, в которых отражен такой же подход к обучению русскому языку.

Примером такой практической школьной грамматики могут служить школьные учебники по русскому языку коммуникативно-системного типа под научной редакцией акад. Н. М. Шанского. Авторский коллектив этой серии учебников (с 5-го по 9-й классы) представляют известные ученые-методисты Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина и др. Особый интерес представляют учебники этой серии для 8–9-х классов⁴. В этих учебниках изучение синтаксиса построено на основе структурно-семантического, функционального и коммуникативного подходов. Так, предложение, основная коммуникативная единица синтаксиса, рассматривается как совокупность отражаемых в нем элементов внеязыковой действительности, как фрагмент окружающего нас объективного мира. Функциональный подход выражается в интеграции различных синтаксических средств на базе общности их функций как в процессе изучения

материала, так и на этапах повторения, обобщения, систематизации. Традиционная синтаксическая теория дается с учетом современных достижений науки о русском языке.

Работа по этим учебникам ведется в двух направлениях. Познавательное направление – это изучение основ науки о языке, которые необходимы для понимания языка как системы взаимосвязанных единиц, участвующих в порождении речи – в коммуникации, для создания теоретических основ развития речи, а также для формирования правописных и речевых умений и навыков, то есть для обеспечения решения задач практического направления. В свою очередь, формирование умений и навыков (практическое направление) закрепляет теоретические знания и создает предпосылки для понимания учащимися коммуникативной функции языка, формирует учебно-языковые, правописные, а также речевые умения и навыки.

Кроме того, «эти учебники имеют несомненную когнитивную направленность, что проявляется в постоянном обращении к языковому опыту учеников, в целенаправленной работе по формированию у них новых когнитивных стратегий. Так, наряду с анализом и синтезом, которыми обучаемые уже владеют, у них формируются операции абстрагирования, извлечения информации из разных источников, совмещения и интегрирования этой информации, отработки процедуры выдвижения гипотез, индукции и дедукции. Учебник, таким образом, учит мыслить, используя для этого богатейшие возможности русского языка»⁵.

Когнитивный подход к изучению грамматики в школе реализуется в учебной линии под редакцией Н. М. Шанского при соблюдении следующих лингводидактических условий:

- в теоретических сведениях описания грамматических явлений по возможности фиксируется соотносительность языковых выражений с внеязыковой действительностью, с внеязыковыми ситуациями, объектами;

- в упражнениях и грамматических заданиях используется значительное количество текстов, содержащих разнообразные знания о мире, известные и в то же время новые для школьников. Чтобы выполнить обычные задания (определить тему, основную мысль текста и т. д.; ответить на вопрос из задания к упражнению), от учеников потребуется активная переработка информации, содержащейся в текстах, а также привлечение дополнительных знаний;

⁴ Русский язык : учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина, О. М. Александрова ; науч. ред. Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2006. – 237 с. ; Русский язык : учебник для 8 кл. общеобразоват. учреждений / Л. А. Тростенцова, Т. А. Ладыженская, А. Д. Дейкина, О. М. Александрова ; науч. ред. Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 2005. – 204 с.

⁵ Фарисенкова, Л. В. Новый учебник по русскому языку / Л. В. Фарисенкова // Русский язык в школе. – 2003. – № 1. – С. 99.

– для обеспечения активной мыслительной деятельности учеников будет учтена последовательность расположения упражнений, способствующих формированию механизма выполнения мыслительных операций; будут использованы упражнения, построенные по аналогии с предыдущими, но требующие от ученика обобщения материала.

Приведем далее конкретные примеры реализации процессуально-когнитивного подхода к обучению русскому языку на основе материалов названного учебника. Так, на этапе понимания необходимости изучения нового материала важно помочь школьникам понять различие в изучаемых языковых явлениях; научить самостоятельно находить ту или иную грамматическую категорию и сопоставлять ее с другими. На этом этапе реализуется положение о необходимости развития мышления обучающегося в процессе самостоятельного открытия им новых знаний в ходе решения познавательных задач. С этой целью используются познавательные задачи, основанные на решении проблемных ситуаций.

Например:

Сравните по интонации данные предложения, когда говорящий просто сообщает информацию, сомневается в ее достоверности, утверждает или опровергает ее достоверность. В зависимости от речевого намерения употребляются вводные слова (наверное, конечно и др.).

Пришел гость.

Наверное, пришел гость.

Конечно, пришел гость.

Какими еще языковыми средствами можно передать речевое намерение говорящего (вопрос, категоричность и т. п.)?

При выполнении подобного познавательного действия, основанного на сравнении, активизируется внимание, мышление школьников, что способствует лучшему осознанию необходимости получения новых знаний.

Положение методики когнитивного обучения о необходимости достижения интуитивно-неформального характера усвоения учебного материала реализуется в процессе аналитической работы с текстом, содержащим изучаемое языковое явление.

Например:

Прочитайте первые строки из рассказов А. П. Чехова. Начинаются эти рассказы с назывных односоставных предложений. Это позволяет лаконично указать на время, место событий, ввести читателя в ту обстановку, в которой развернется действие. Перепишите отрывки, подчеркивая главный член односоставных назывных предложений; укажите, на что указывает предложение: на место или время действия. Назовите в первом, втором и третьем отрывках слова, которые писатель

отобрал для того, чтобы более ярко рассказать о зимнем дне и снеге.

1. Хмурое зимнее утро. На гладкой блестящей поверхности реки Быстрянки, кое-где посыпанной снегом, стоят два мужика.

2. Земская больница. Утро. За отсутствием доктора, уехавшего с становым на охоту, больных принимают фельдшера: Кузьма Егоров и Глеб Глебыч.

Положение о том, что новые знания «выстраиваются» в когнитивную структуру лингвистических знаний и становятся взаимообусловленными компонентами этой структуры, достигается с помощью, например, познавательных задач на синонимическую замену языковых явлений, на трансформацию одной синтаксической структуры в другую, на выявление внутрисистемных связей изучаемых явлений.

Например:

Замените выделенные двусоставные предложения близкими по смыслу назывными односоставными. Как изменится смысл всего контекста, в котором употреблено односоставное предложение? Всегда ли возможна такая замена?

Реализация этого положения в процессуально-когнитивном подходе связана с упражнениями, направленными на манипулирование с предложениями: трансформация, перестановка, подстановка. Целью таких упражнений является умение строить и понимать множество фраз путем тренировки, репродукции и проработки исходных текстов (моделей, образцов).

Положение об отказе от механического заучивания решается в процессе работы с информативными текстами. Школьники в ходе такой работы учатся видеть и выбирать способы и средства связи текстовых единиц, овладевают приемами информационного поиска, овладевают приемами просмотрового, ознакомительного и изучающего чтения, учатся перерабатывать и преобразовывать информацию из одной формы в другую (конспект, таблица, план, схема и т. п.), учатся передавать информацию в сжатом и развернутом виде, анализировать и оценивать свою и чужую устную и письменную речь и т. д.

Подбор содержательных (коммуникативно значимых) текстов для тренировочных упражнений реализует положение о необходимости в процессе обучения внутренней учебной мотивации, выражающейся прежде всего в интересе к самому процессу учения.

Особый интерес в аспекте развития познавательных способностей учащихся представляет Образовательная система «Школа 2100»⁶. Назовем отличительные особенности комплекта учебников этой системы: учебники соответствуют Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования и отвечают концепции вариативного развивающего образования; могут быть использованы в разных типах современных

общеобразовательных учреждений; построены на общих дидактико-психологических принципах личностно-ориентированного, деятельностного обучения; обеспечивают *преемственность* всех ступеней образования с учетом психологических особенностей возраста; ориентированы на использование *современных технологий обучения*. Авторы данного непрерывного курса русского языка для общеобразовательной начальной и средней школы: Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, Е. С. Барова, Л. Ю. Комиссарова, И. В. Текучева, З. И. Курцева и др. – воплощают в школьном преподавании содержательно-методические концепции лингвистического образования⁷. Сущность этих концепций проявляется в том, что школьный курс русского языка направлен на развитие как предметных, так и общеучебных умений, прежде всего коммуникативных и информационных. Информационные умения и составляют основу процессуально-когнитивного подхода к обучению как в вузе, так и в школе.

Примером когнитивной организации учебной деятельности старшеклассников является учебник-практикум А. Д. Дейкиной и Т. М. Пахновой «Русский язык: учебник-практикум для старших классов» (6-е изд., испр. – М.: Вербум-М, 2006)⁸. В силу того, что в нем учтены когнитивные механизмы мыслительной деятельности на всех этапах работы с информацией, этот учебник универсален по своей педагогической направленности: им можно пользоваться учителю русского языка в образовательных учреждениях любого типа – в общеобразовательных школах, лицеях, гимназиях, а также на факультативных занятиях, для организации самостоятельной работы старшеклассников.

Знание человеком окружающей его действительности не дается ему сразу в готовом и законченном виде. Оно приходит в результате накопления представлений о ранее неизвестном, путем постепенного расширения круга известных человеку явлений или определенных признаков того или иного уже известного ему явления. Таким образом, неполное, неточное знание предмета становится более точным, полным. Эта модель познания лежит в основе учебника-практикума по русскому языку А. Д. Дейкиной и Т. М. Пахновой. В дидактике эту модель обучения называют *активизирующей (деятельностной)*, направленной на повышение уровня познавательной активности учащихся за счет включения в учебный процесс когнитивных ме-

ханизмов обработки информации с опорой на познавательные потребности и интеллектуальные качества школьников. Ключевое понятие данной модели – «познавательный интерес».

Использование этой модели, несомненно, способствует повышению эффективности школьного обучения, поскольку на первом плане оказывается ученик как субъект деятельности и основные педагогические усилия направляются на его познавательное и личностное развитие. Особенно ярко это прослеживается при определении слагаемых мотивации обучения. Интересы, потребности и особенности эмоционального проявления школьников связываются прежде всего с их коммуникативными умениями, так как именно мотив является иницирующим стимулом для развития учебной речевой деятельности.

Знания многих школьников по грамматике в рамках существующей модели обучения часто не получают должного применения в их речевой деятельности, так как, зная те или иные грамматические правила, учащиеся не имеют представления о том, как их использовать в речи, какую помощь они могут оказать при выполнении речевого задания. Это приводит к тому, что школьники не в состоянии анализировать, оценивать и сопоставлять оттенки значений, которые выражаются с помощью данных грамматических форм, не знают о возможностях и условиях замены одних форм другими. В сознании учащихся слово или грамматическая форма не ассоциируются с речевой задачей.

Введение в преподавание грамматики элементарных сведений о коммуникативных функциях языка активизирует интерес учащихся к урокам грамматики, развивает внимание к использованию изучаемых грамматических категорий в речевых актах, связанных с проявлением ситуативного поведения школьников.

Когнитивный подход в лингводидактике – это один из способов объяснения языковых явлений. На когнитивном уровне грамматика языка предоставляет говорящим инвентарь языковых ресурсов (лингвистическую систему). Использование этих ресурсов для построения и оценки соответствующих выражений – это то, что выполняют говорящие, благодаря своим способностям, то, что формирует лингво-когнитивный уровень языковой личности. Овладение лингво-когнитивным уровнем создает предпосылки для структурирования мысли, развития интеллекта личности, усложнения когнитивной деятельности.

⁶ Так называется комплект учебников с 1 по 11 классы, а также научно обоснованная и проверенная экспериментально образовательная система, рекомендованная Российской академией образования.

⁷ Например: Бунеев, Р. Н. Русский язык. 10-й класс : учебник для общеобразовательного и профильного гуманитарного уровней / Р. Н. Бунеев, Е. В. Бунеева, Л. Ю. Комиссарова и др. – М. : Баллас, 2006. – 320 с.

⁸ Дейкина, А. Д. Русский язык : учебник-практикум для старших классов / А. Д. Дейкина, Т. М. Пахнова. – М. : Вербум, 2003. – 416 с.

ОСНОВНЫЕ СМЫСЛЫ В ЗНАЧЕНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ «ОПЫТА ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ» Н. М. ШАНСКОГО, В. И. ЗИМИНА, А. В. ФИЛИППОВА)

Современные лингвисты считают язык зеркалом национальной культуры и ее хранителем. От поколения к поколению значение слов и фразеологизмов передают особенности общественного устройства страны, ее экономики, природы, фольклора, истории, быта и обычаев народа. В русском языке национально-культурная семантика важна и интересна. Эта семантика наиболее ярко проявляется в тех единицах, которые отражают и называют предметы, явления окружающего мира, – это слова, фразеологизмы, языковые афоризмы (пословицы, поговорки и крылатые выражения). Для изучающих русский язык иностранцев очень важны лингвострановедческое освещение фразеологизмов, фоновые знания о них, исторические сведения – все, что необходимо для одновременного освоения неродного языка и культуры.

Такие сведения мы находим в «Опыте этимологического словаря русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зими́на и А. В. Филиппова (М.: Русский язык, 1987). Это первый опыт представления русской фразеологической этимологии. Это «специфическое справочное пособие для нерусских учащихся» – так рекомендуют его составители. Словарь охватил более 1400 фразеологизмов, отбор которых осуществлялся в соответствии с широким пониманием Н. М. Шанским этих единиц (включены сращения, единства, сочетания и фразеологические выражения). Включены исконно русские, заимствованные фразеологические обороты, кальки и полукальки, которые представляют социально-культурный интерес. Выделены пути образования исконно русских фразеологизмов: 1) переосмысление устойчивых и свободных сочетаний и слов; 2) образование по модели существующих выражений; 3) образование из авторских оборотов и на основе пословиц, поговорок; 4) переосмысление терминологических сочетаний.

Особенно ценным для иностранцев, изучающих русский язык, является прилагающийся для облегчения поисков той или иной фразеологической единицы алфавитный перечень значимых слов, которые входят в заголовочные единицы. Рядом со значимым словом приводятся все заголовочные единицы, в некоторых случаях их более 20. В списке использованной при состав-

лении словаря литературы 145 отечественных и иностранных источников, начиная со времени первых попыток изучения фразеологизмов и до выделения фразеологии в особый раздел языкознания. Но самым интересным, на наш взгляд, являются этимологические части словарных статей и толкование значения или значений устойчивых сочетаний слов. Смысл – внутреннее содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом (Кузнецов, С. А. Современный толковый словарь русского языка. – С. 763).

Цель настоящей работы – рассмотреть основные смыслы, значения фразеологизмов, представленных в словаре Н. М. Шанского, В. И. Зими́на и А. В. Филиппова, который являлся основательной базой для научных исследований этимологии фразеологизмов, так как он был составлен с учетом всей основной литературы по фразеологии. Как сказано в предисловии к словарю, «...в него вошли как общеизвестные, так и сравнительно малодоступные сведения, содержащиеся во многих работах (отобранных, проверенных и уточненных), а также результаты собственных исследований авторов данного словаря». В этом плане хотелось бы отметить, в первую очередь, основополагающую по фразеологии работу Н. М. Шанского «Фразеология современного русского языка», выдержавшую несколько изданий.

Проводя этимологический анализ и анализируя значения фразеологизмов, вошедших в составленный словарь, соавторы указывали профессиональную среду, где появился фразеологизм, выясняли образ, положенный в основу оборота, повадки животных и особенно растений, которые лежат в основе значения фразеологизмов.

Для иностранных студентов, изучающих русский язык, важна привязка значения устойчивого сочетания слов к определенной группе по смыслу и содержанию. Такая привязка облегчает работу преподавателю, подбирающему дидактический материал к занятию. Зону этимологии (происхождения) тоже можно предлагать выборочно для рассмотрения иностранцам, но уже на продвинутом этапе изучения русского языка. Например: с *гульки́н нос*. Буквально «с голубиный клюв». Гуля (ласк.) – голубь (с. 127).

В исследуемом нами «Опыте этимологического словаря в русской фразеологии» представ-

лены следующие группы устойчивых сочетаний слов по смыслу и содержанию, имеющих следующие значения:

1. **Мера и преувеличение** – самое многочисленное объединение фразеологизмов по данному признаку. В словаре представлены 127 устойчивых сочетаний этой группы.

Например:

Благим матом. Громким, неприятным, душе-раздирающим голосом.

Буря в стакане. Большой шум, сильное волнение по незначительному поводу.

Во всю Ивановскую. Очень громко.

Делать/сделать из мухи слона. Преувеличение значения чего-либо незначительного.

Драконовские законы (меры). Суровые законы (меры).

Как на иголках. В состоянии сильного беспокойства, нервного возбуждения.

Мука мученическая. Большое мучение.

На седьмом небе. В состоянии наивысшего счастья, блаженства и радости.

Надорвать/надрывать кишки от смеха. Долго смеяться, хохотать до изнеможения.

2. **Время** – эта группа одна из многочисленных в исследуемом словаре (56 фразеологических оборотов), что позволяет сделать вывод о трепетном отношении и высоком интересе русского народа к быстротекущему времени, смене эпох и поколений.

Например:

Аредовы веки прожить. Прожить на свете очень долго.

Бальзаковский возраст. Возраст женщины от тридцати до сорока лет.

Битый час. Целый час, долгое время.

В долгий ящик. На неопределенный срок, надолго отложить.

Веки вечные. Вечно, всегда.

Во время оно. Когда-то очень давно, в далеком прошлом.

Времен очаковских и покоренья Крыма. О чем-либо очень давнем, устаревшем.

Времена меняются. О непрерывных изменениях в мире.

Время – лучший лекарь. О том, что с течением времени все проходит, все горести забываются.

3. **Власть** – группа насчитывает 26 фразеологических сочетаний. В них отражаются отношения простых людей к тем, кто решает их судьбу, творит будущее. Следует заметить, что почти все приведенные примеры имеют экспрессивно стилистические пометы шутил., ирон., недобр.

Административный восторг. книжн. ирон. Упоение своей властью, в частности, ограниченной.

Власть предержажая. книжн. ирон. Высшая власть; лица, облеченные властью; начальство.

Вот приедет барин – барин нас рассудит. шутил. О возможности решения спора вышестоя-

щим лицом. Собственно русское. Из стихотворений Н. А. Некрасова «Забытая деревня» (1855 г.)

Государство – это я. Выражение презрения по адресу руководителя, решающего единолично и подавляющего волю подчиненных.

Государственная машина. Система управления государством.

Канцелярская крыса. неодобр. Презрительное название чиновника, канцелярского служащего.

Ох, тяжела ты, шапка Мономаха! О тяжелых обязанностях кого-либо (обычно руководителя, начальника и т. п.)

4. **Мечта** – в словаре представлено 15 фразеологических оборотов данной группы. Ограниченное количество и скептический характер данных выражений указывает на несвойственность русскому человеку предаваться мечтам, предпочитая реальное дело.

Например:

Алые паруса. Символ высокой мечты, надежды на счастье.

Башня из слоновой кости. О предмете мечтаний, оторванных от жизни.

Голубая мечта. Идиллическая, часто неосуществимая мечта.

Земля обетованная. Что-либо ценное, желанное.

Строить воздушные замки. Мечтать о несбыточном.

5. **Вера (уверенность)** – группа насчитывает 16 фразеологизмов. Опираясь на выявленные количественные данные, можно предположить, что уверенность не является основной характерной чертой у русского человека.

Например:

А все-таки она вертится! Выражение уверенности в правильности высказываний, несмотря на серьезные возражения собеседника.

Блажен, кто верует. О том, кто легковерно относится к различным теориям, сомнительным слухам.

Горы свернуть. О возможности совершать большие дела.

Давать голову на отсечение. Быть совершенно уверенным в чем-либо.

Да минует меня чаша сия! Пусть не коснется меня эта беда, неприятность.

Ищите и обряцете. Ищите и найдете.

Как за каменной стеной. В полной безопасности.

Как пить дать. Без сомнения, непременно.

6. **Неизвестность** – данную группу можно определить как противоположную предыдущей. Судя по количественному соотношению (группа содержит 37 фразеологизмов), можно сделать вывод о непоследней роли случая в судьбе человека.

Например:

Бабушка надвое сказала. О том, что еще точно неизвестно, не обязательно будет, может быть по-разному.

Белое пятно. О чем-либо неизученном, неизвестном.

Бог весть. Неизвестно.

Вещь в себе. Нечто непостижимое, загадочное.

Вилами на воде писано. О чем-либо маловероятном, сомнительном.

Повиснуть в воздухе. Оказаться в неопределенном, шатком положении.

Какая-то муха укусила. Что-то случилось непонятное с кем-либо.

Купить kota в мешке. Купить неизвестно что, рискуя приобрести плохую вещь.

Левая рука не знает, что делает правая. О том, кто непоследователен в своих поступках, а также о несогласованности действий членов одного коллектива.

На деревню дедушке. Неизвестно куда и кому.

7. Необычность (исключительность) – в данную группу вошли 56 фразеологических оборотов. Все, что выделяется из обыденного и привычного, неизменно обращает на себя внимание.

Например:

Бить в глаза. Быть очень ярким, заметным, броским.

Властителю дум. Выдающийся человек, оказывающий на современников духовное, интеллектуальное влияние.

Гвоздь программы (сезона). О чем-либо самом значительном, интересном.

Дать десять (сто) очков вперед. Быть намного лучше, искуснее кого-либо.

Играть первую скрипку. Быть ведущим, главным в чем-либо.

Коломенская верста. Об очень высоком человеке.

Красный угол. Самое почетное место в избе или комнате, передний угол, где в избе обычно находились иконы.

Мастер на все руки. Искусный в любом деле.

Не лыком шит. Не из простых, не глупый, умеет что-либо делать.

8. Бесполезность (бессмысленность) – большое количество фразеологических оборотов данной группы, вошедших в словарь (64), в сочетании с ироническим смысловым подтекстом дает право сделать вывод о приоритете оптимистического восприятия жизни и негативном отношении к безделью и пустословию в менталитете русского народа.

Например:

В карете прошлого далеко не уедешь. О бесполезности воспоминаний о счастливом прошлом.

Говорить на ветер. Говорить напрасно, впустую.

Ждать у моря погоды. Надеяться на что-либо, оставаясь пассивным.

Идти/пойти насмарку. Оказываться ненужным, бесполезным, оканчиваться впустую.

Икру метать. Злиться, ругаться, возмущаться, обычно по пустякам.

Как (куда) ни кинь, все клин. О безвыходном положении.

Ломиться в открытую дверь. Доказывать то, что и так очевидно, против чего никто не спорит.

Небо коптить. Жить бесцельно, без пользы для других.

9. Решимость (бесстрашие) – данная группа насчитывает 42 устойчивых сочетания, что дает право считать эту черту характерной для русского человека.

Например:

Брать (взять) быка за рога. Начать действовать быстро, решительно и энергично.

Бросать в лицо. Смело высказывать собеседнику что-либо неприятное.

Бросать вызов. Сделать что-либо, что идет вразрез с общепринятым, установленным.

В огонь и воду (идти, пойти). (Идти) на любые испытания, не раздумывая.

Вбить/вбивать осинový кол. Окончательно избавиться от кого-либо, чего-либо.

Вперед без страха и сомнения! За дело!

Жребий брошен! Окончательное решение принято, пути назад нет.

Ничтоже сумняшеся. Ничуть не задумываясь, не колеблясь.

Отрясти прах от ног своих. Навсегда порвать с кем-либо, с чем-либо, уйти с негодованием.

10. Ложь (лицемерие) – достаточно большое число фразеологизмов (в словаре представлено 49 оборотов) не только дает право соотносить название данной группы с чертой характера русского человека – неодобрение лжи и лицемерия, но и указывает на его способность находить выход из затруднительных ситуаций, использовать хитрость и смекалку.

Например:

Водить за нос. Обманывать, вводить в заблуждение.

Двуликий Янус. Лицемер, двуличный человек.

Желтая пресса. Реакционная, лживая, продажная, падкая на дешевые сенсации печать.

Кормить обещаниями. Давая обещания кому-либо, не заботиться об их выполнении.

Король-то голый. О мнимых авторитетах, несостоятельных теориях.

Крокодиловы слезы. Лицемерие, притворная жалость.

Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку. О людях, хвалящих друг друга, льстящих друг другу.

Куриль фимиам. Льстиво, преувеличенно восхвалять кого-либо.

Лить колокола. Распускать сплетни, бесстыдно врать.

Ложь во спасение. Ложь ради спасения кого-либо.

11. Несправедливость (вред) – в исследуемом словаре группа насчитывает 52 фразеологических единицы. Не секрет, что в истории России можно найти множество примеров, когда несправедливость занимала доминирующее место в жизни людей, влияя на дальнейшее развитие общества. Эти факты нашли отражение в сознании и закрепились в речи.

Например:

В чужом пиру похмелье. Неприятности из-за других, из-за чужой вины.

Везет как утопленнику. Очень не везет.

Вешать собак. Несправедливо обвинять кого-либо.

Власть тьмы. Засилье невежества, отсталости, а также о власти реакции.

Жнет, где не сеял. О том, кто любит, привык жить за счет других.

Избиение младенцев. О строгих мерах по отношению к кому-либо.

Козел отпущения. О том, на кого сваливают ответственность за все.

Мавр сделал свое дело, мавр может уходить. О циничном отношении к человеку, в услугах которого больше не нуждаются.

Народ безмолвствует. О бесправном положении народа в период политической реакции.

Пиррова победа. Победа, доставшаяся дорогой ценой, не оправдавшая принесенных жертв, почти равная поражению.

12. Бедность – данная группа сравнительно немногочисленна. Она насчитывает 19 фразеологических единиц. Русскому человеку часто приходилось терпеть нужду, что являлось стимулом для развития таких национальных качеств, как находчивость, смекалка, умение выживать в сложных ситуациях.

Например:

Голод не тетка. О сильном голоде, вынуждающем к каким-либо действиям.

Как на колу. С большими бытовыми неудобствами, неустроенно.

Негде голову приклонить. Негде приютиться, не иметь своего жилья.

Ни кола, ни двора. Кто-либо ничего не имеет, очень беден.

Нужда заставит калачи есть. Бедность, необходимость научит быть изобретательным, неприхотливым.

По одежке протягивай ножки. Живи по средствам, считайся со своими возможностями.

Свистеть в кулак. Быть в нужде, остаться без денег.

Сводить концы с концами. С трудом справляться с нуждами, с трудом находить выход из положения.

Святым духом питаться. Голодать.

13. Богатство – по семантике эта группа антонимична предыдущей, насчитывает меньшее количество фразеологизмов (11 примеров).

Богатых на Руси никогда не жаловали, так как именно богатство и те, кто им владел, являлись символом несправедливости, угнетения для простого народа. Доказательство тому примеры из исследуемого словаря:

Деньги не пахнут. О неразборчивом отношении к тому, каким путем получены деньги.

Кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Выражение зависимости идеологов, пропагандистов и журналистов от своих хозяев.

Куры денег не клюют. В большом количестве денег у кого-либо.

На широкую ногу (жить, устраивать что-либо). Пышно, богато.

Презренный металл. О деньгах.

Птичьего молока только нет. О полном изобилии.

С жиру беситься. Привередничать от пресыщения или безделья.

14. Труд – в исследуемом словаре можно выделить 29 устойчивых сочетаний данной группы. Без сомнения, трудолюбие, уважение к труду – национальная черта русского человека. О труде (тяжелом и изнурительном, веселом и бодрящем) слагались песни, стихи, пословицы и поговорки.

Например:

Быть в мыле. Сильно вспотеть от быстрой ходьбы, беготни или напряженной работы.

В поте лица (трудиться, работать). С большим усердием, напряженно, прилагая все силы.

Египетский труд. Очень тяжелая работа.

Объявить аврал. Призывать всех к спешной работе в случае чрезвычайных обстоятельств.

Работать как вол. Работать много, без усталости.

Работать не покладая рук. Работать усердно, не отдыхая.

Тянуть лямку. Заниматься тяжелым, неприятным делом.

15. Безделье (лень) – данная группа фразеологизмов антонимична предыдущей и представлена меньшим числом устойчивых сочетаний.

Например:

Бить баклуши. Бездельничать.

Валять дурака. 1. Притворяться непонимающим, глупым. 2. Бездельничать.

Гонять лодыря. Бездельничать, празднично проводить время.

Злачное место. Место, где развлекаются, кушают, играют в азартные игры; место, где можно жить без труда и забот.

Играть в бирюльки. Заниматься пустяками.

Сидеть на шее. Паразитировать за счет кого-либо, быть иждивенцем.

Сладкое ничегонеделание. Удовольствие от безделья.

Убивать время. 1. Провести время, занявшись чем-либо от скуки, безделья. 2. Потратить время зря.

16. **Глупость** – в исследуемом словаре данное объединение фразеологизмов насчитывает 23 единицы. Беря во внимание эту цифру, можно предположить, что эта тема достаточно широко представлена в русской фразеологии.

Например:

Без царя в голове. О недалеком, неумном человеке.

Белены объелся. Перестал соображать, одурел.

Бред сивой кобылы. О бредовых, вздорных, глупых мыслях, высказываниях.

Городить чепуху. Говорить глупости.

Медный лоб. Об упрямом, ограниченном человеке.

Наломать дров. Наделать глупостей, ошибок.

Нести ахинею. Говорить вздор, нелепости.

Олух царя небесного. Глупец, тупица, простофиля.

17. **Мудрость (ум)** – противоположная по значению группа. Насчитывает 14 устойчивых сочетаний.

Приведем примеры:

Взвесить все за и против. Объективно разобратся в чем-либо перед принятием решения.

Иметь в виду. Подразумевать, учитывать, предполагать.

Рассуждать о высоких материях. Говорить на философские темы.

Семи пядей во лбу. О ком-то очень умном, способном.

Уча учимся. О творческом преподавании.

Ходячая энциклопедия. О человеке, который обладает обширными знаниями и может дать справку по любому вопросу.

18. **Трусость (страх)** – в исследуемом словаре группа включает 27 фразеологических оборотов. Это качество обычно вызывает негативное к себе отношение, что и подтверждается приведенными ниже примерами:

Как бы чего не вышло. Выражение трусливости, нерешительности кого-либо.

Мое дело сторона. Меня это не касается.

Молчать (помалкивать) в тряпочку. Не выражать своего отношения к чему-либо.

Ни жив, ни мертв. Очень испуган.

Показать кукиш в кармане. Трусливое выражение несогласия, угрозы.

Праздновать труса. Трусить.

Собственной тени бояться. Быть очень трусливым.

Дать стрекача. Припуститься бежать, спасаясь от кого-либо, чего-либо, стремительно убежать.

19. **Удача (успех)** – объединение фразеологизмов по данному признаку насчитывает 25 единиц.

Золотой дождь. Неожиданно пришедшее к человеку богатство.

Пойти в гору. Преуспевать в жизни.

Плыть в руки. О чем-либо ценном, полезном, что достается кому-либо без особых усилий.

По щучьему велению, по моему хотению. Чудесным образом, само собой, как в сказке.

Пожинать лавры. Пользоваться плодами успеха.

Пришел, увидел, победил. О быстрой победе, скором решении какого-либо дела.

Родиться в сорочке. Быть удачливым, везучим.

20. **Неудача** – группа антонимична предыдущей. Насчитывает 27 устойчивых сочетаний. Принято считать, что удача всегда случайна и не связана с приложением определенных усилий для достижения цели. Подтверждение тому приведенные выше примеры. Неудача же, напротив, приходит, несмотря на стремление достигнуть цели, в силу определенных обстоятельств. Конечно, данное утверждение не является однозначно верным.

Например:

Оставляет желать лучшего. О том, что не очень хорошо, не удовлетворяет в каком-либо отношении.

Остаться у разбитого корыта. Остаться ни с чем.

Попасть впросак. По своей оплошности оказаться в невыгодном, неудобном положении.

Попасть в переplet. Попасть в неприятное, затруднительное положение.

Сесть в лужу (в калошу). Оказаться в неловком, смешном положении.

Потерпеть фиаско. Потерпеть неудачу.

21. **Война** – группа в исследуемом словаре насчитывает 15 фразеологических единиц. Война всегда была не только жестоким и кровавым событием, но и возможностью проявить доблесть, отвагу, совершить подвиг ради жизни. Эти факты нашли отражение в приведенных ниже примерах:

Иду на вы. Иду на вас.

Мамаево побоище. Крупная ссора, беспорядок, разгром.

На войне как на войне. Участвуя в борьбе, надо быть готовым ко всему.

Наука побеждать. Искусство добиться победы.

Не на живот, а на смерть. Не щадя жизни (биться, бороться).

Огнем и мечом. Безжалостно, жестоко уничтожать.

Одержатъ верх. Победить.

Пушечное мясо. О солдатах, насильственно или бессмысленно посылаемых на смерть.

Разбить наголову. Разбить окончательно (армию и войска противника).

22. **Начало** – объединение фразеологизмов по данному признаку насчитывает 15 единиц. Задуманное дело может иметь разное разре-

ние, но именно начало является самым важным этапом, ступенью к намеченной цели. Недаром в народе говорят, что главное начать, а все остальное получится. Значимость этого первого шага отражена в приведенных ниже примерах:

Великий почин. О начале какого-либо важного или большого дела, о важной общественной инициативе.

Заварить кашу. Затеять сложное и хлопотное дело.

Красная строка. Первая строка абзаца.

От Ромула до наших дней. О рассказе, началом издаেকে.

Откуда сыр-бор загорелся. Из-за чего все началось, произошло.

Первая ласточка. Первый признак появления чего-либо.

Пробный шар. О действии, являющемся попыткой выяснить что-либо.

Путевка в жизнь. О каком-нибудь важном событии в жизни, которое открывает возможность для самостоятельной и полезной деятельности.

С первого взгляда. По первому впечатлению.

23. **Конец (итог)** – в исследуемом словаре выявлено 16 устойчивых сочетаний. Подведение итогов – это всегда волнение и ответственность, ведь конечный результат может вызвать как радость (если цель достигнута и принесла удовлетворение), так и печаль, вплоть до отчаяния (если мечты не сбылись).

В конце концов. Наконец, после долгого времени.

И вся недолга. Вот и все. Вот и конец.

Испить чашу до дна. Перенести до конца невзгоды, трудности, несчастья, страдания.

К шапочному разбору. Повезло, к самому концу чего-либо.

Кануть в лету. Исчезнуть бесследно, уйти в небытие.

Кончен бал. Вот и все. На этом конец.

Махнуть рукой. Перестать заниматься, интересом кем-либо, чем-либо, убедившись в бесплодности своих усилий.

Под занавес. В самом конце.

Последний из могикан. Последний представитель, носитель чего-либо.

Поставить крест. Отказаться от кого-либо, чего-либо.

24. **Противоположность** – группа насчитывает 27 фразеологических единиц. Борьба противоположностей – это философская категория, нашедшая отражение в объективной действительности. Несомненно, наша жизнь состоит из диаметрально противоположных вещей, находящихся в постоянном противоборстве, что подтверждается приведенными ниже примерами:

Небо и земля. О двух диаметрально противоположных вещах.

Обратная сторона медали. Противоположная, всегда отрицательная, теневая сторона.

От великого до смешного один шаг. Серьезное, важное нередко чередуется со смешным.

Палка о двух концах. О чем-нибудь, что может иметь плохой и хороший конец.

С корабля на бал. О резкой, неожиданной смене жизненных положений, обстоятельств, ситуаций.

Сидеть между двух стульев. Занимать неопределенную позицию, придерживаться одновременно противоположных точек зрения.

Смех сквозь слезы. Невеселый смех, смех вопреки душевному состоянию, вопреки печали.

Со щитом или на щите. Победить или быть поверженным, добиться цели или потерпеть полную неудачу.

25. **Единство (равенство)** – в исследуемом словаре выявлено 23 фразеологизма на указанную тему. Всеобщее объединение ради единой цели на Руси всегда считалось благородным делом. Уравнивание же, подгонка под определенные рамки, стандарты встречало сопротивление, вызывало негативную реакцию. Все это нашло отражение во фразеологии русского языка.

Всем миром. Всем обществом, сообща.

Круглый стол. Совещание, обсуждение чего-либо с равными правами участников.

Круговая порука. Взаимное укрывательство в неблагоприятных делах.

На одну колодку. Уравнивание всего и всех.

На одно лицо. Очень похоже.

Одним миром мазаны. О людях с одинаковыми недостатками.

От мала до велика. Все население, все общество, все.

Подвести под один ранжир. Нивелировать, уравнивать.

26. **Беспорядок** – группа насчитывает 18 фразеологических единиц. Беспорядок – это всегда хаос. В основе данных фразеологизмов лежат именно метафорические образы хаоса, неопределенности.

Приведем примеры:

Авгиевы конюшни. 1. Очень грязное помещение. 2. Сильно запущенные дела, беспорядочное скопление бумаг и т. п.

Без руля и без ветрил. Стихийно, неорганизованно, неуправляемо.

Вавилонские столкновения. Беспорядочная толпа людей, суматоха, неразбериха.

Всякая всячина. Смесь чего-нибудь различного, разнородного.

Дым коромыслом. Шум, гам, беспорядок.

27. **Истина** – в группу входят 48 устойчивых сочетаний. Достаточно большое число фразеологизмов указывает на то, что ценность истины, уважение к правде является характерной чертой менталитета русского народа.

Вот где собака зарыта! Вот в чем суть дела!

Выводить на чистую воду. Разоблачить кого-либо.

Голая правда. Правда без вымысла, без прикрас.

На лбу написано. Ясно, сразу видно по внешнему виду кого-либо, что-либо.

Платон мне друг, но истина дороже. Об объективной оценке чего-либо, несмотря на взаимные отношения между людьми.

Подлинная правда. Настоящая, истинная правда.

Положа руку на сердце. Откровенно, искренне.

Попасть в точку. Сказать или сделать то, что нужно.

Приподнять завесу. Сделать явным, более ясным что-либо скрытое.

27. **Угроза** – в ходе анализа словарных статей выявлены 32 фразеологических единицы.

Бросать камень. Находиться в раздражительном состоянии.

Бросить перчатку. 1. Вызвать кого-либо на дуэль 2. Вызвать кого-либо на борьбу, на состязание.

Быть на взводе. Находиться в раздражительном состоянии.

Гнаться по пятам. Преследовать кого-либо не отставая.

Дамоклов меч. Постоянно грозящая опасность.

Дело пахнет керосином. О близкой опасности, о возможном неудачном исходе дела.

Костей не соберешь. Не уцелеешь.

Между Сциллой и Харибдой. В большой опасности с двух сторон.

На волосок от смерти. Близко от смерти.

29. **Смерть** – группа по семантике созвучна с предыдущей. Насчитывает 15 устойчивых сочетаний. Смерть и все, что с ней связано, всегда носила мистический характер. Во времена языческой Руси многие обряды носили элементы образа смерти. Но когда говорили о смерти, никогда не называли вещи своими именами, боясь накликать ее на себя. Этот факт нашел отражение в приведенных ниже фразеологизмах.

Дать дуба. Умереть.

До последнего издыхания. До самой смерти.

Кондрашка хватил. Умер внезапно.

Мертвые срамы не имеют. Погибшие на поле боя не несут ответственности, не терпят позора за поражение.

На том свете. В загробном мире.

О мертвых либо хорошо, либо ничего. После смерти человека о нем следует говорить только хорошее.

Отдать концы. Умереть.

Погибоша аки обри. Погиб кто-нибудь или погибло что-нибудь, исчезло навсегда.

30. **Семья** – 23 фразеологических оборота. В них отразились все перипетии семейной жизни.

Сделать хорошую партию. Удачно жениться, выйти замуж.

Круглый сирота. Ребенок, оставшийся без отца и матери.

Медовый месяц. Первый месяц после свадьбы.

Наставить рога. Изменить мужу, оскорблять мужчину, имея любовную связь с его женой.

Отец семейства. Мужчина, обремененный семьей, имеющий детей.

Отцы и дети. О разных поколениях – старом и молодом.

Соломенная вдова. Женщина, которая находится во временной разлуке со своим мужем.

31. **Человек (качество, эмоции)** – группа в исследуемом словаре насчитывает 27 устойчивых сочетаний.

Например:

Душа нараспашку (кого-либо). Об откровенном, искреннем человеке.

И бровью не ведет. Равнодушен, спокоен, не реагирует, не обращает внимание на что-либо.

Как стеклышко. Не виновен, чист.

Лиса Патрикеевна. О хитром, изворотливом человеке.

Молодой человек. Юноша.

Человек с большой буквы. Благородный, высоко нравственный, чуткий человек.

Человек – это звучит гордо. О высоком предназначении человека.

Человек большой души. Благородный, высоко нравственный человек.

В ходе анализа значений фразеологизмов на материале исследуемого словаря (путем уточнения образов, положенных в основу фразеологической единиц и современных переосмысленных значений) были сделаны следующие выводы:

На протяжении многовековой истории русского народа под влиянием различных внутренних и внешних факторов формировался неповторимый образ «загадочной» русской души, черты характера, которые можно назвать национальными: особое отношение к быстротекущему времени; несвойственность предаваться мечтам, предпочитая реальное дело; ни с чем не сравнимая любовь к свободе; приоритет оптимистического восприятия жизни и негативное отношение к безделью и пустословию; решимость, бесстрашие; способность находить выход из затруднительных ситуаций, используя хитрость и смекалку.

Во фразеологизмах нашли отражение все перипетии семейной жизни, быт, обычаи русского народа, суеверия и характерные стороны русской национальной культуры.

Изучение внутреннего значения фразеологических единиц русского языка дает возможность иностранцам, изучающим язык, понять особенности менталитета другого народа.

КОНЦЕПТ ДОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАССКАЗА В. Г. КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ»

Концептуально-культурологическое направление, успешно развивающееся в отечественной филологии с конца XX века, позволяет комплексно подойти к слову, которое изучается на стыке лингвистики, литературоведения, философии и культурологии. Художественный текст осмысливается как сложный смысловой знак, который выражает знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира. В связи с данным подходом к анализу художественного текста актуальным стало понятие художественного концепта.

Термин «концепт» заимствован литературоведением из лингвистики, куда в свою очередь пришел из философии. По определению Д. С. Лихачева, концепт – это «совокупность всех знаний и понятий, возникающих при произношении и осмыслении данного слова в сознании индивидуальной личности, а также система представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциирования»¹. Ю. С. Степанов отмечает, что «концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы <...> В научном языке эти два слова также иногда выступают как синонимы, одно вместо другого. Но <...> в настоящее время они довольно четко разграничены. При ближайшем анализе концептов выясняется, что культурно-специфичных концептов в любом языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд»². Он определяет концепт как некий «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в его ментальный мир»³. На уровне ментальности человек способен для реализации определенных коммуникативных целей в конкретной ситуации диалога эксплицировать культурную информацию определенными языковыми средствами.

Таким образом, уже лингвистами была намечена связь концепта с художественным текстом.

Специфика концепта, функционирующего в произведениях литературы, – художественного концепта – связана с тем, что «это – такой образ, символ или мотив, который имеет «выход» на геополитические, исторические, этнопсихологические моменты, лежащие вне художественного произведения, открывающий одновременную возможность множества истолкований с разных точек зрения и выявляющий значимое расхождение между значением и смыслом выражающих его словесно-художественных элементов»⁴. Концепт представляет собой сложную структуру, так как «не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека»⁵.

Таким образом, художественный концепт можно назвать единицей художественной картины мира писателя, связанной с индивидуально-авторским осмыслением и образным истолкованием сущности предметов и явлений. Художественный концепт может организовывать все литературное произведение, цикл произведений или даже все творчество писателя.

Концепт ДОМ обладает как универсальными, так и национально-специфическими чертами, отражающими своеобразие и самобытность жизни народов. У каждого народа своя концептосфера, своя система особо значимых концептов. Дом, выражая древнейшие священные устои национальной жизни, является одним из центральных, ключевых образов-концептов как русской, так и зарубежной литературы. Дом относится к основополагающим архетипическим образам. Уже в мифопоэтических представлениях древних славян дом предстает как «мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим»⁶. «Дом стал точкой кристаллизации в создании

¹ Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Вып. 1. – Т. 52. – С. 3.

² Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М., 2001. – С. 19.

³ Там же. – С. 40.

⁴ Зусман, В. Г. Диалог и концепт в литературе: литература и музыка / В. Г. Зусман. – Н. Новгород, 2001. – С. 14.

⁵ Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – М., 1993. – Вып. 1. – Т. 52. – С. 9.

⁶ Цивьян, Т. В. Дом в фольклорной модели мира / Т. В. Цивьян // Ученые записки Тартуского государственного университета. – Вып. 464 : Труды по знаковым системам. – Т. X : Семиотика культуры. – Тарту. – С. 72.

различных достижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во Вселенной»⁷.

Дом соединяет землю и небо, крепко стоит на земле и является для живущего в нем человека центром горизонтального мира. С другой стороны, дом возвышается над землей, стремится к небу; «он выпускает человека вовне и в этом смысле связан с внешним миром и с верхом»⁸. Поэтому концепт ДОМ в русской классической литературе приобретает сакральное значение, символизируя связь домашней организации и защищенности с божественным миропорядком.

Дом – «символ средоточия существования оседлого человека»⁹ и поэтому отождествляется в первую очередь с жилищем. Представляя собой самостоятельное замкнутое пространство, ограниченное от внешнего мира и контролируемое человеком, дом противостоит открытости, неограниченности, неопределенности чуждого пространства. Жилище как внутреннее пространство оберегало человека от опасностей внешнего мира, создавало атмосферу защищенности, определенности, противостоящей внешнему хаосу. Базовыми когнитивными признаками, составляющими ядро концепта ДОМ являются «строение», «жилье», «семья», «хозяйство», «член семьи». Универсальными для всех культур являются оппозиции *свой – чужой*, *внешний – внутренний*, *открытый – закрытый*.

Прежде всего дом отождествляется с семьей, то есть с близкими, «своими» людьми. В русской картине мира особо значимой оказывается оппозиция *свой – чужой*, когда дом олицетворяет, с одной стороны, «свое» пространство, противопоставленное «чужому» окружающему миру, с другой – дом осуществляет связь с миром, выступая связующим звеном.

Рассказ В. Г. Короленко «Соколинец» (1885) построен по принципу «рассказ в рассказе». В произведениях подобной организации пространство «рассказываемого» формально является косвенным. Основное содержание произведения представляет собой вставная новелла, история, рассказанная кем-то. План рассказчика вводится, как правило, для взгляда со стороны.

В Сибири у Короленко было немало встреч с ямщиками, поселенцами, бродягами, крестьянами – коренными и пришлыми сибиряками, переселившимися в Сибирь по своей воле или пригнанными, сосланными. Их рассказы, услышанные в юртах, избах, на постоялых дворах,

а то и в тюремных камерах, составляют содержание многих произведений писателя. В основу «Соколинца» положены впечатления писателя о жизни в якутской слободе Амга, где он отбывал ссылку. Писателю приходилось жить в юрте, где вместо окна – глыба льда, а спасительное тепло маленькой печки уходило в дыру на потолке. Вокруг – суровый край, огромные холодные просторы, родной дом остался где-то за тысячи километров, и «тоска так властно овладевает сердцем» (172)¹⁰. Негативная коннотация концепта ДОМ в сибирском цикле рассказов Короленко связана не только с географической топикой (отдаленность от европейской части России) и климатическими условиями (в Сибири холодно), но и социально-политическими реалиями (Сибирь – место ссылки, вынужденного пребывания).

Действие рассказа привязано к локальному пространству: все происходит в якутской юрте ссыльного поселенца. Сюда включаются и другие подпространства, связанные с образом жизни в стесненных условиях: низкая покатая крыша, двор, конюшня. Значимый пространственный компонент – небо, открывающееся взгляду рассказчика, когда он поднимается на крышу юрты. Однако крыша, приподнимая его над землей и приближая к звездному небу, оставляет пространство ограниченным: «Крыша юрты, с ее грубо сколоченною из глины трубой, на которой я стоял с прижимавшеюся к моим ногам собакой, казалась островом, закинутым среди бесконечного, необозримого океана... Кругом – ни звука... Холодно и жутко...» (174). Усиливает ощущение замкнутого пространства и стена холодного непроницаемого тумана, из-за которого «всюду взгляд упирался в бесформенную, безжизненную серую массу» (173). Кроме того, рассказчик указывает на обособленность его жилища от других домов: «Наше жилище стояло на краю слободы, в некотором отдалении...» (173). Возникает метафорическая модель, согласно которой дом отождествляется с островом.

Пространство маленького жилища противопоставлено в сознании рассказчика всему остальному огромному миру: «перед встревоженным воображением грозно встают неизмеримую, неодолимою далью все эти горы, леса, бесконечные степи, которые залегли между тобой и всем дорогим, далеким, потерянным, что так неотступно манит к себе и что в этот час как будто совсем исчезает из виду, рея в сумрачной дали слабым угасающим огоньком умирающей на-

⁷ Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М., 1996. – С. 73.

⁸ Цивьян, Т. В. Указ. соч. – С. 74.

⁹ Бидерманн, Г. Указ. соч. – С. 73.

¹⁰ Короленко, В. Г. Соколинец // Короленко, В. Г. Собрание соч. : в 6 т. / В. Г. Короленко. – М., 1971. – Т. 1. Далее цитаты из текста даны по этому изданию с указанием страницы в скобках. Курсив автора статьи, кроме оговариваемых случаев.

дежды» (173). «Чужая сторона» противопоставлена «всему дорогому, далекому, потерянному», она «враждебно веет <...> всем своим мраком и холодом», и даже стены жилища не спасают от чувства незащищенности, тревоги. Наоборот, наклонные стены юрты словно угрожают хозяину, в темноте все плотнее сдвигаясь над головой. Мрак, темнота, царящие в помещении, сужают и без того небольшое пространство.

Окно как источник спасительного света обычно символизирует связь с миром, но оно выполняет здесь прямо противоположную функцию. «Оконные льдины», в которые с трудом пробивается свет, отгораживают юрту от всего остального мира: «Последние слабые лучи понемногу уходили сквозь льдины окон из небольшой юрты; густая тьма выползала из углов, заволакивала наклонные стены, которые, казалось, все плотнее сдвигаются над головой (172). Сочетания «оконные льдины», «льдины окон» настойчиво повторяются рассказчиком, чтобы подчеркнуть изолированность жилища от всего остального мира: «снаружи сквозь оконные льдины тускло заглядывал в юрту мертвящий якутский мороз» (172). Отграничивает жилье от мира и «тяжелая, обитая конской шкурой дверь юрты» (176).

Писатель использует для обозначения понятия ДОМ стилистически нейтральные слова «юрта» и «жилье». Затем оценочно маркирует их соответствующими эпитетами: «молчаливая юрта», «моя одинокая юрта», «наше жилье», «мое жилье». Однако в описании жилища рассказчика почти отсутствуют маркированные слова с положительным оценочным компонентом типа «убежище», «кров», «пристанище», «приют», связанные, как правило, с представлениями об укомном пространстве, выполняющем защитную функцию. Зато в грустных размышлениях рассказчика о жизни на постылой чужбине встречается слово с отрицательной коннотацией – «гроб»: «Навсегда... в этом гробу, навсегда!» (173). Индивидуально-авторский смысл данной коннотации дом превращает в антидом. Как правило, экспликации концепта ДОМ, несущие отрицательные коннотации, связаны с отсутствием уюта, временностью и неблагоустроенностью жилья.

Концепт ДОМ указывает на изначальную традиционную связь человека со своим жилищем, родными, прошлым. Для семейного благополучия важны достаток в доме, спокойствие, любовь и уважение. Значимым оказывается умение разумно вести домашнее хозяйство, что требует от человека рачительного отношения, активности и усилий. Правильное поведение ведет к тому, что дом становится «полной чашей», символизирующей освоенное пространство, где человек чувствует себя в безопасности. Однако все эти признаки применимы к пространству, ощущаемому своим, родным. Рассказчик же чувствует себя чужим, одиноким, оторванным от родного

пространства человеком и к жилищу своему относится как временному и вынужденному месту пребывания.

Самой значимой деталью предметного мира этого временного жилья является печка, ласково с иронией называемая «камелек», «пенат». Не случайно подчеркивается, что юрта мала, а камелек – громадный. Камелек – это очаг, дающий домашнее тепло, уют, защиту, скрашивающий тоскливое одинокое житье на чужбине. «Казалось, *неуклюжий пенат якутского жилья* простирает навстречу тьме широко раздвинутые руки, точно в молчаливой борьбе» (172). Камелек дает спасительное средство от одиночества и тоски – огонь. Огонь как элемент освещающий и греющий наиболее часто символизирует домашний очаг. Магически-символическая роль огня для жилища человека подчеркивается в тексте рассказа определениями «могучий огонь», «бог юрты» и последующим олицетворением «веселый огонь». Огонь преобразует пространство жилья: «...в несколько мгновений мое жилье изменилось до неузнаваемости. Молчаливая юрта наполнилась вдруг говором и треском. Огонь сотней языков перебежал между поленьями, охватывал их, играл с ними, прыгал, рокотал, шипел и трещал. Что-то яркое, живое, торопливое и неугомонно-болтливое ворвалось в юрту, заглядывая во все ее углы и закоулки» (174).

Здесь звучит борьба разных начал: враждебной всему живому страшной стужи – и огня, тепла, жизни, сопротивляющихся тяжелой, сковывающей человека тоске: «Теперь я уже не чувствовал себя в такой степени одиноким, как прежде. Все, казалось, вокруг меня шевелится, говорит, суетится и пляшет. Оконные льдины, в которые за минуту перед тем глядела снаружи морозная ночь, теперь искрились и переливались отблеском пламени, точно самоцветные камни» (174).

Огонь оживляет, одухотворяет одинокое жилище рассказчика, разгоняет тоску и безмолвие. Отсутствие семьи, привычного домашнего уюта восполняется теплом и игрой огня, а камелек становится живым существом, членом воображаемой семьи: «Я знал, что скоро веселый огонь станет смолкать, пламя лениво и томно потянется по раскаленному дереву, потом останется только куча углей, и по ним, нашептывая что-то, побегут огненные змейки все тише, все реже... Тогда в юрте настанет опять безмолвие мрака, а в мое сердце опять вольется тоска. Камелек глянет в темноте слабою искоркой из-под пепла, точно из полузакрытого глаза, – глянет раз и другой, и... заснет. А я опять останусь один... один перед долгою, тоскливою, бесконечною ночью» (176).

Наряду с огнем, являющимся важной составляющей концепта ДОМ, еще одним значимым признаком одомашненности пространства якутской юрты выступает собака – пес Цербер. «Собака – древнейшее домашнее животное; симво-

лизирует прежде всего верность и бдительность, а нередко выступает стражем врат в потусторонний мир (как трехглавый пес Кербер (лат. Цербер) <...> Собаки также считались “духовидцами” и использовались в качестве животных, предупреждающих о незримых для человека опасностях»¹¹. Пес становится единственным, хотя и безмолвным другом рассказчика в уединенном жилище. Он готов защищать дом от любого вторжения извне, без слов понимает хозяина и радуется живому огню. «Цербер уселся против камелька, устался на огонь и сидит неподвижно, точно белое изваяние; по временам только он поворачивает ко мне голову, и в умных глазах собаки я читаю благодарность и ласку» (175).

Если в повествовании о жизни рассказчика в Якутии центральным образом-концептом становится замкнутое пространство юрты, то в рассказе его случайного гостя бродяги Багылая-Василия пространство размыкается. «Это был бродяга-поселенец, уже два года живший в своем домике, среди тайги, над озером, в одном из больших якутских наслегов» (179). Багылай относится к типу «бесприютных», для которых дом – весь мир (Рассея, Сибирь, Сахалин). Он тоскует о родном доме, оставшемся где-то там, в далекой России, но, став вольным человеком, не стремится вернуться туда. Мотив дороги в русской литературе, как правило, выступает оппозиционным дому. Сбежав с каторжного «соколиного острова», бродяга обзаводится домом здесь, в Якутии: «Василий получил от наслегу избу, быка, и на первый год ему засеяли обществом шесть пудов хлеба. Урожай выдался хороший; кроме того, он выгодно нанялся у якутов косить сено, стал слегка торговать табаком, и года в два хозяйство его сложилось. Якуты относились к нему с почтением, поселенцы величали в глаза Василием Ивановичем <...> Казалось бы, всем житье бродяге – оставалось только жениться» (180).

Но сам Василий не испытывает к новому гнезду тепла и привязанности, говорит о своем хозяйстве (корова, бычок по третьему году, лошадь, земля, огород) без особого энтузиазма, с потухшими глазами, ровным «странным тоном», «сквозь который что-то как будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только напряжением воли» (180). Рассказчику кажется, что бродяга «себя убеждал в преимуществах своей настоящей жизни» (180).

Объяснение такому странному отношению Багылая к своему дому двоякое: во-первых, даже настоящий дом в далекой чужой стороне все же не воспринимается до конца как родной дом («здесь вот все не по-нашему, что ни возьми»), а во-вторых, оседлость и одомашненность не вя-

жутся с беспокойной «гордой натурой» Василия. Именно так объясняет для себя поведение случайного гостя рассказчик: «Сначала я не мог отдать себе отчета, что именно это было. Теперь я уже знаю: привычный бродяга обманывал себя, уверяя, что он доволен своим спокойным существованием, *своим домком*, и коровкой, и бычком по третьему году, и оказываемым ему уважением. В глубине души он сознавал, – хотя и подавлял пока это сознание, – что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой и неприветной, не про него. Из глубины души уже подымались в нем призывы тайги, его манила уже от серых будней безвестная, заманчивая и обманчивая даль» (180–181). В производном рассказчиком от «дом» слове «домок» присутствует иронически-пренебрежительная эмоциональная окраска, связанная с равнодушием к дому самого хозяина – бродяги Василия, в котором по-прежнему живет стремление к «вольной волюшке». Такие люди вырваны судьбою из земли, не могут да и не хотят пустить в нее корни.

Созданный своим трудом дом на чужбине не олицетворяет для Василия «свое» пространство, даже со всеми признаками настоящего русского дома – огородом, коровой, бычком – он остается пространством «чужим». Дом Василия на чужбине в точности воспроизводит жилье русского человека в средней полосе России, но от этого не становится по-русски родным и любимым. Поэтому с такой тоской герой вспоминает дом своего детства, родителей («ладненько тогда жил») и признается рассказчику, что заехал на огонек в его юрту только потому, что «у расейского человека этот огонь горит» (181).

Оппозиция «свой – чужой» (Россия/Сибирь) становится центром повествования и в сцене разговора рассказчика и Василия, случившегося во время короткого перерыва в рассказе бродяги о побеге с Сахалина, когда оба они вышли во двор и увидели панораму соседней слободы: «Теперь юрты соседней слободы виднелись ясно, так как туман не мешал. Слобода спала. Белые полосы дыма тихо и сонно клубились в воздухе; по временам только из какой-нибудь трубы вдруг вырывались снопы искр, неистово прыгая на морозе <...> Бродяга постоял некоторое время в молчании, глядя на слободу. Затем он вздохнул» (196).

Сибирский пейзаж и хозяйственный уклад здешней жизни воспринимается бывшим каторжником-бродягой в аспекте непохожести, чужеродности: «Вот и ровно бы село наше, право! Давно уж я села не видал. Якуты по наслегам живут, как звери в лесу, все в одиночку...» (196). На ремарку рассказчика: «Ведь у вас хозяйство. Вот вы говорили, что довольны своим

¹¹ Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М., 1996. – С. 251–252.

положением» – Василий отвечает: «Мочи моей нету, вот что! *Не глядели бы глаза на здешнюю сторону*» (196).

Бродяга оторван от «почвы», от традиционной жизненной основы, тюремная сарайная жизнь наложила неизгладимый отпечаток на его психологию, поведение. Василий, как один из представителей кандалного общества, жил в казарме, камере, терпел тюремную неволю и крепкие запоры. Такая жизнь навсегда отвратила его от любого ограничения свободы, поэтому даже вольная, но упорядоченная крестьянская жизнь на якутской земле кажется ему несвободой. Он и переживает свое «бездомье», и понимает, что оседлая жизнь в чужой стороне не для него. Якутский дом Василия так и не стал ему родным, превратившись в сознании в антидом, поэтому в финале рассказа он вновь выбирает вольную бесприютную жизнь и уходит с товарищем-бродягой Ахметкой в тайгу.

Таким образом, в художественном мире рассказа В. Г. Короленко концепт ДОМ получает расширительное значение за счет дополнительных когнитивных признаков и образных составляющих. Вследствие этого увеличивается периферийная интерпретационная зона концепта. Различные номинации дома и пространства, относящегося к дому (юрта, жилье, крыша, стены, оконные льдины, тяжелая дверь, пес Цербер, камелек, огонь), а также словосочетания атрибутивного характера (молчаливая юрта, моя одинокая юрта, наше жилье) позволяют выявить индивидуально-авторские смыслы.

Универсальный концепт ДОМ является бесценным ключом к пониманию художественного мира как рассказа «Соколинец», так и других произведений В. Г. Короленко, поскольку передает специфику образа жизни и мышления русского народа, отразившегося в творческом сознании писателя.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА

Современные подходы к трактовке компетентности различны: характеристика уровня образованности, качества подготовки специалиста, потенциала эффективности трудовой деятельности (Пугачев В. П. 2000; Гершунский Б. С., Щекатунова А. Д. и др.). В процессе обучения закладываются основы профессиональной компетентности. В модель педагогической компетентности исследователи относят разное количество блоков: так, Е. В. Коточитова анализирует *знаниевую, деятельностьную, коммуникативную, эмоциональную, личностную, творческую* педагогическую компетентность, подчеркивая их взаимосвязь на основе принципа последовательности. С. А. Дружилов, системно описывая соотношение понятий «профессионализм» и «профессиональная компетентность педагога», пишет: «Профессиональная компетентность педагога – это многофакторное явление, включающее в себя систему теоретических знаний учителя и способов их применения в конкретных педагогических ситуациях, ценностные ориентации педагога, а также интегративные показатели его культуры (речь, стиль общения, отношение к себе и своей деятельности, к смежным областям знаний и др.)», и выделяет *мотивационно-волевым, функциональным, коммуникативным, рефлексивным* компоненты (см. схему).

В различных публикациях освещаются возможности включения элементов краеведения в учебный процесс с целью совершенствования речи на лексическом, синтаксическом, текстовом уровнях и овладения обучающимися речевыми умениями (информационно-содержательными, структурно-композиционными умениями, связанными с использованием языковых средств, умением редактировать текст).

Очень ценна постановка проблемы интегрирования: «Интегрирование литературного краеведения в учебный процесс связывает воедино систему

читательских и речевых умений, выступает началом, объединяющим и активизирующим речевую деятельность учеников начальной школы»¹.

Использование краеведческих текстов как инструмента познания, как дидактической единицы, создающей условия для речевой деятельности в разных ситуациях, для развития орфографической и пунктуационной зоркости, было предметом наших публикаций².

Целенаправленное использование краеведческих текстов в образовательном пространстве, как показывает многолетний опыт подготовки учителя начальных классов в Сахалинском государственном университете, служит важным инструментом формирования саморазвивающейся, функционально грамотной личности, реализующей себя в современном динамичном мире.

С изменением характера образования происходит расширение социальных функций образования, ставится вопрос об обеспеченности «более полного интегрированного результата»³.

Исходными положениями является признание: ситуативной характеристики функционально грамотной личности, личностно-ориентированная сфера деятельности обучающихся, актуальность поиска механизмов и способов совершенствования мотивации, формирования разных типов компетенций.

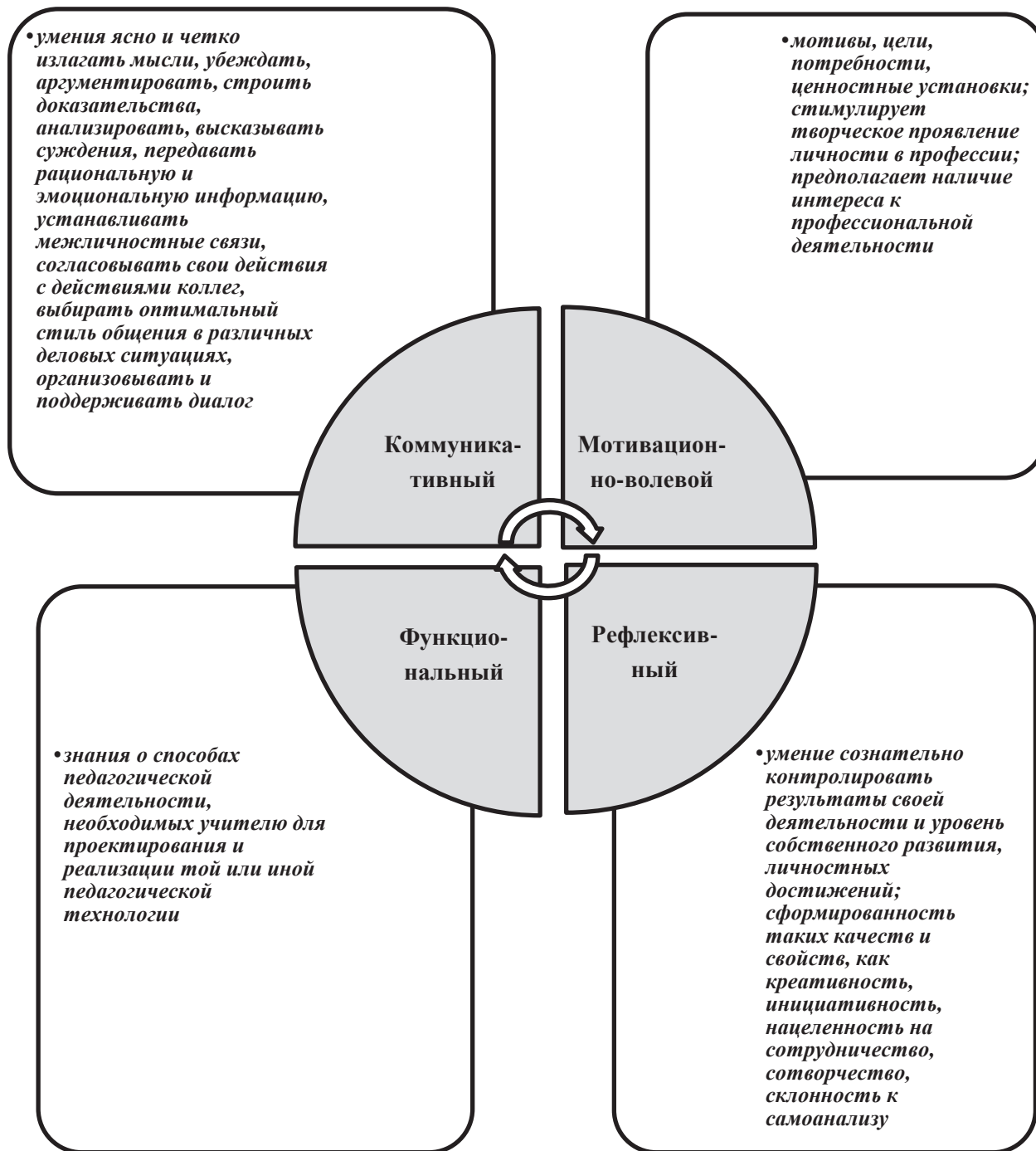
Наблюдая индивидуально-авторские метафоры в контексте и словаре, исследователи отмечают тенденцию «сближения когнитивной и коммуникативной парадигм знания». Обратимся к примерам из нашей практики работы с краеведческой литературой. Генка, один из героев рассказа О. Кузнецова «Три сантиметра», демонстрируя свои богатства, произносит: «Летучка!». Первоначально у читателя возникает эффект непонимания. Последующий контекст вносит уточнение восприятия: *летучка* – летающая рыба (ср.: *белки-летяги*). Для абсолютного

¹ Звягинцева, Г. К. Литературное краеведение в развитии речи младших школьников / Г. К. Звягинцева // Совершенствование учебно-познавательной деятельности младших школьников на уроках русского языка : сборник научных статей / научный редактор Т. Г. Рамзаева. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – С. 91.

² Шатунова, Л. В. Развитие орфографической и пунктуационной зоркости студентов специальностей гуманитарного направления на основе работы с краеведческими текстами : практикум по русскому правописанию / Л. В. Шатунова. – М. : изд-во «Спутник +», 2009. – С. 7.

³ Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования / И. А. Зимняя // Высшее образование сегодня. – 2003. – № 5. – С. 34–42.

Компоненты профессиональной компетентности педагога (С. А. Дружилов)

большинства носителей литературного языка слово *летучка* (разг.) означает 1) «краткое собрание для решения неотложных дел». В словаре С. И. Ожегова находим еще два значения: 1) листок с кратким сообщением о чем-нибудь; 2) подвижный летучий отряд.

При создании сборников краеведческой литературы в подготовке специалистов начальной школы считаем необходимым усилить внутрипредметную интеграцию: в тексты для наблюдений нами включаются: этимологические справки, словарные статьи, справки о творче-

стве автора, тексты из научно-популярных лингвистических источников – материал, дополняющий, расширяющий, уточняющий информацию основного текста. Студенты выполняют поисковую деятельность, готовят презентации о творчестве сахалинских писателей, экологах и т. п. Подбирают из художественных текстов иллюстрирование того, что художественный текст – интегрированная единица – отражает культуру, авторское восприятие мира, воплощенное в художественных образах. Замечено, что гипертекстовые технологии имеют преиму-

щества перед традиционной линейной подачей информации:

- содержат иерархически организованную информацию;
- строятся на обязательном формировании у участников образовательного процесса потребности в поисковой, исследовательской деятельности;
- включают задания, требующие обращения к дополнительным источникам информации;
- нуждаются в диалоге с другими авторами/участниками комментирования анализируемого текста.

Все это позволяет говорить об управлении образовательной деятельностью (в том числе и саморегулировании) создания уникальной учебно-познавательной среды.

Исследователи обращают внимание на то, что интеграция учебно-педагогического дискурса построена на учете вертикальной и горизонтальной взаимосвязи: первый тип (например, взаимодействие художественного и учебного текста) – *онтологический*, второй – *гносеологический*: интеграция нацелена на формирование общих для ряда дисциплин понятий, приемов работы с текстом (учебной информацией)⁴. Основные трудности формирования текстовой компетентности обусловлены интегративностью процесса, включающего *филологическую, психологическую и педагогическую составляющие* (Болотнова Н. С., Салосина И. В.).

При этом использование краеведческой литературы разных стилей, наблюдение над содержанием текстов разных типов речи (вопросы по содержанию, объяснение структурно-семантических особенностей текстов, авторские удаchi в использовании образных средств языка, отзывы о прочитанном и др.) не должно быть оторвано от системного изучения языковых единиц, что создает условия для решения важной методологической задачи начальной школы – *реализовывать при изучении русского языка органическое единство речевого и языкового развития обучающегося*. От степени интегративности краеведческих текстов зависит эффективность реализации кумулятивного принципа.

Профессиональная направленность – одно из важнейших средств современного процесса обучения (Антонова Е. Е., Дубасенюк А. А., Коростелев А. А., Скворцова С. А. и др.) *Межпредметность* познавательной деятельности может служить основой теоретических обобщений (Григорьев С. Г.). При этом «механизмы познания приобретают специфику, характеризуются более важным уровнем системности и динамичности умственной деятельности» (Коростелев А. А.). Краеведческий материал – важное

средство в иерархически организованной познавательной среде вуза – способствует формированию профессионально важного качества – высокого уровня мотивации: так, например, участие в грантовых проектах ректора магистрантов Д. О. Афанасьевой, О. А. Филичкиной «Использование краеведческого материала во внеурочной деятельности младшего школьника» (научный руководитель – канд. филол. наук, профессор Л. В. Шатунова), позволило активизировать студентов 3-го курса специальности «Педагогика и методика начального образования» Института педагогики в Дни фестиваля науки Сахалинского государственного университета 2010 года в проведении комплексного мероприятия проектной деятельности по проблемам краеведения в начальной школе.

Работа с краеведческой литературой, несомненно, способствует формированию и совершенствованию *ценностно-смысловой компетенции* (видеть и понимать окружающий мир, ориентироваться в нем, осознавать свою роль, умение принимать решение), *общекультурной компетенции* (обладать познаниями и опытом деятельности общечеловеческой и национальной культуры, духовно-нравственных основ жизни); *учебно-познавательной компетенции* (знание, умение целеполагания, планирование, анализ, рефлексия самооценки, эвристические методы решения проблем и пр.); *информационно-коммуникативной компетенции* (умение самостоятельно искать, анализировать, отбирать необходимую информацию), то есть **ключевых компетенций**, важных в формировании профессиональной компетентности будущего специалиста.

Все сказанное позволяет говорить о том, что целенаправленная, систематическая работа с краеведческой литературой, раскрывающей окружающий мир, сопровождается личностными новообразованиями обучающихся (развитие произвольного внимания, формирование осознанной мотивации, совершенствование рефлексии как профессионального качества). Привлекательна и перспективна разработка учебных пособий, отражающих использование текстов с учетом критериев функционально грамотной речи, предусматривающих «качество текстов как речевых поступков адресанта, осмысливаемых в аспекте философии, этики, эстетики речевого поведения» (Мурзалинова А. Ж., Сбитнева А. А.).

Литература

1. Дружилов, С. А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход / С. А. Дружилов //

⁴ Габидуллина, А. Р. Педагогическая лингвистика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / А. Р. Габидуллина. – Горловка : ГТПИИЯ, 2011. – 197 с.

Сибирь. Философия. Образование. Научно-публицистический альманах: СО РАО, ИПК. – Новокузнецк, 2005. Вып. 8. – С. 26–44.

2. Салосина, И. В. Текстовая деятельность как основа профессиональной педагогической компетентности будущего учителя / И. В. Салосина // Вестник ТГПУ. – 2007. – Вып. 7 (70). – С. 82–87.

3. Салосина, И. В. Формирование текстовой компетентности будущих учителей как основа профессиональной педагогической подготовки / И. В. Салосина // Текст и языковая личность : материалы V Всероссийской конференции с международным участием / под ред. Н. С. Болотновой. – Томск : ЦНТИ, 2007. – С. 346–354.

4. Шатунова, Л. В. Развитие орфографической

и пунктуационной зоркости студентов специальностей гуманитарного направления на основе работы с краеведческими текстами: Практикум по русскому правописанию / Л. В. Шатунова. – М. : изд-во «Спутник +», 2009. – 76 с.

5. Шатунова, Л. В. В поисках резервов совершенствования языковой и речевой компетентности будущего специалиста / Л. В. Шатунова // Корпоративная культура образовательных учреждений (Формирование общекультурных компетенций будущих специалистов) : материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции (16–17 ноября 2010 г.). – Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2010. – С. 130–134.

РАЗДЕЛ II

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

«НОВАЯ КРИТИКА» И ЕЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

XX век, по сравнению с предыдущим столетием, когда зародилось литературоведение, характеризуется еще большим появлением различных научных методов. Географическая панорама и собственно общенаучная методология обладают максимально широким охватом.

Так, наибольшее количество школ зарождается в Америке и Великобритании. Среди них такие, как: культурная критика (Ф. Джеймсон), мифологическая критика (Дж. Фрезер), новый гуманизм (И. Бэббит и П. Э. Мор), новый историзм (С. Гримблатт), постмодернизм (И. Хассан), субъективная критика (Д. Блейх) и феминистская критика (М. Уоллстоункрафт и К. Уидон). Во Франции так же, как и в англоязычных странах, зародились несколько литературоведческих методов: эстетический догматизм (Н. Буало), биографический (Ш.О. Сент-Бёв), культурно-исторический (И. Тэн), эволюционный (Ф. Брюнетьер), эзопсихологический (Э. Геннекен (Эннекен)), интуитивный (А. Бергсон) и деконструктивизм (Ж. Деррида, М. Фуко). Не менее интересные открытия состоялись в России (психологический метод А. А. Потебни; формальный метод Ю. Н. Тынянова и В. Б. Шкловского; социологический метод П. Н. Сакулина) и в Германии (сравнительно-исторический метод Т. Бенфея, психоаналитический подход З. Фрейда, феноменология Э. Гуссерля). На фоне всех этих школ в XX столетии особое место отводится так называемой «новой критике», представленной критическими работами Т. С. Элиота и А. А. Ричардса в Великобритании и Дж. К. Рэнсома, А. Тейта и ряда других ученых в Америке.

В отечественных справочно-энциклопедических изданиях по теории литературы существует единое название «новая критика» (англ. *New criticism*), которое относится к доминирующему методу англоязычной теории литературы середины XX столетия. Формированию идей «новой критики» способствует «кризис либерального викторианского литературоведения конца XIX – начала XX веков»¹, помогающий вести борьбу «с основными направлениями крити-

ческого исследования литературы: <...> позитивизмом, импрессионистической критикой, культурно-исторической школой»². Основа «новой критики» закладывается в 1920 году, и с этого времени начинается первая стадия развития благодаря таким деятелям неокритической теории, как: Т. С. Элиот (T. S. Eliot, 1888–1965), А. А. Ричардс (I. A. Richards, 1893–1979), У. Эмпсон (W. Empson, 1906–1984), Дж. К. Рэнсом (J. C. Ransom, 1888–1974) и А. Тейт (A. Tate, 1899–1979). С 1930–1940-х годов идеи «новой критики» все больше распространяются в научных кругах, находя свое отражение в учебниках и учебных пособиях для высших учебных заведений, в учебных планах дисциплин по литературоведению. Кроме уже названных представителей «новой критики», появляются и другие их сторонники, как, например: Р. П. Блэкмур (R. P. Blackmur, 1904–1965), К. Брукс (C. Brooks, 1906–1994), Р. Уэллек (R. Wellek, 1903–1995), У. К. Уимсат (W. K. Wimsatt, 1907–1975), К. Бёрк (K. Burke, 1897–1993), Ф. Р. Ливис (F. R. Leavis, 1895–1978) и А. Уинтерс (Y. Winters, 1900–1968).

Необходимо отметить, что передовые идеи «новой критики» также становятся доступными широкой массе читателей, благодаря тому, что печатаются в обширном количестве англо-американских периодических изданий, например: «Fugitive» (1922–1925), главный редактор Дж. К. Рэнсом (1938–1959), «The Criterion» (1922–1939) под редакцией Т. С. Элиота, «Scrutiny» (1932–1953) под руководством Ф. Р. Ливиса, журнал «Kenyon Review», возглавляемый К. Бруксом, Р. П. Уорреном (R. P. Warren, 1935–1942) и Дж. К. Рэнсомом, а также «Sewanee Review» (1944–1945) под редакцией А. Тейта³.

Третий виток развития «новой критики», после потери былого революционного настроения, приходится на 1940–1950 годы. К этому времени «новая критика» занимает свою нишу, последователи сформулировали и доводят до совершенства основные теории. В этот период как раз появляются книги «Теория литературы» («Theory of literature», 1949) Р. Уэллека и

¹ Цурганова, Е. А. «Новая критика» / Е. А. Цурганова // *Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А. Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 651.

² Там же.

³ Leitch Vincent B. *American Literary Criticism from the thirties to the eighties*. – New York: Columbia University Press, 1988. – 458 p.

О. Уоррена, а также «Теория литературы: краткая история» («Literary criticism: a short history», 1957) К. Брукса и У. К. Уимсата.

В становлении и развитии новокритических идей принимает активное участие большое количество литературных деятелей. По словам, Марка Енковича (M. Jancovich, род. 1951), тремя культурными фигурами «новой критики» можно считать Дж. К. Рэнсома, Р. П. Уоррена и А. Тейта⁴.

Теоретические основы «новой критики» формулируются в трудах «Реакционные эссе о поэзии и идеях» («Reactionary essays on poetry and ideas», 1936) и «Разумное в безумном» («Reason in Madness: critical essays», 1941) американца А. Тейта, который позиционирует себя в большей степени как писатель и поэт, чем литературный критик. В своих работах А. Тейт пишет о «социальной и экономической ситуации писателя в современном мире»⁵, изучая социальную организацию литературного и культурного производства. Вместе с тем, А. Тейт выступает против денежных отношений как некоей модели социальной организации, в которой писатели дистанцировались от народа и лишь только продажи книг являются своего рода обменом писателей с читателями. Другими словами, писателю для того чтобы зарабатывать на своем творчестве, необходимо соответствовать вкусам и потребностям народа, а не критически, объективно оценивать происходящее в обществе и культуре. В этой связи писатели вынуждены под натиском народных масс в своих работах отражать политическую ситуацию, а А. Тейт считает, что это может привести к превращению художественной литературы в пропагандистскую. Одновременно с этим А. Тейт говорит о том, что критику необходимо обращать внимание на «использование языка в эстетических текстах, а также на тот способ, которым этот язык соответствует его социально-культурным контекстам»⁶.

Интересно отметить, что основу названия метода составляет книга «Новая критика» («The New Criticism», 1941) американского поэта и писателя Дж. К. Рэнсома. Говоря о поэзии, Дж. К. Рэнсом выражает свое несогласие с А. А. Ричардсом в том, что стихотворение абсолютно не связано с реальностью, а лишь отображает психологический аспект. Для Дж. К. Рэнсома стихотво-

рение является «объектом познания», намного большим, чем язык эмоций⁷. Роль критика Р. П. Уоррен видит в умении оценить обоснованность выбора литературных форм по средствам, которыми писатель исследует их традиции, а не делает специфических выводов, публично не демонстрирует занимаемую им позицию.⁸

А. Тейт и Дж. К. Рэнсом акцентируют свое внимание на взаимодействии собственно литературы и общества. Неоценимый же вклад в художественную литературу и в целом философское изучение литературы в этот период вносит американский писатель и критик Р. П. Уоррен, который занимается прозой, чтобы продемонстрировать огромный интерес публики к проявлениям социальной (реалистичной) жизни. Говоря о литературе, Р. П. Уоррен отмечает, что ее «оценивание должно основываться на изучении лингвистических форм текста»⁹. Также он заявляет, что задача литературы не столько соответствовать социальной ситуации, сколько быть вовлеченным в ее исследование.

Особую литературную тенденцию в метод вносит американец К. Брукс в «Современной поэзии и традиции» («Modern Poetry and the Tradition», 1939). В этой работе акцентируется внимание на характеристиках стихотворения, которые вызывают внутреннее поэтическое слияние. Стихотворение, по словам К. Брукса, создается таким образом, что оно является завершенным и полностью согласованным, а также продолжает свою жизнь после создания¹⁰. К. Брукс считает: то, что автор пишет в стихотворении, совсем не говорит о том, что именно это было у него на уме в момент написания¹¹.

Критически к методу подходит Р. Уэллек в работе «Новая критика: за и против» («The New Criticism: pro and contra», 1978). Во-первых, ученый считает, что «новую критику» обвиняют в призыве возрождения искусства ради искусства, в самом произведении внимание не фокусируется на биографии и социальных аспектах жизни автора. Во-вторых, «новая критика» не может считаться исторической, так как произведения рассматриваются вне контекста и без использования накопленного знания. В-третьих, в «новой критике» существует задача сделать критику научной. И, в-четвертых, Р. Уэллек отмечает, что

⁴ Jancovich M. *The cultural politics of the New Criticism*. – Great Britain : Cambridge University Press, 1993. – 217 p.

⁵ Ibid. P. 45.

⁶ Ibid. P. 54.

⁷ Berman A. *From the New Criticism to the Deconstruction: the reception of structuralism and post-structuralism*. – University of Illinois Press, 1988. – P. 36.

⁸ Jancovich M. *The cultural politics of the New Criticism*. – Great Britain : Cambridge University Press, 1993. – P. 44.

⁹ Ibid. P. 62.

¹⁰ Berman A. *From the New Criticism to the Deconstruction: the reception of structuralism and post-structuralism*. – University of Illinois Press, 1988. – P. 35–36.

¹¹ Brooks C. *The Well-Wrought Urn*. – New York : Reynal and Hitchcock, 1956. – P. 74.

в основе своей «новая критика» необходима как педагогический прием для студентов, чтобы они научились читать и понимать поэзию¹².

В Англии наиболее значительными представителями «новой критики» считаются А. А. Ричардс, Л. У. Эмпсон и Ф. Р. Ливис. Один из ведущих представителей «новой критики» английский литературовед, автор «Основ литературоведения» («The Principles of Literary Criticism», 1924) и «Практической критики» («Practical Criticism», 1929), А. А. Ричардс по аналогии с З. Фрейдом предполагает, что при развитии неврологии станет возможным объяснение многих ранее непонятных и бессознательных человеческих реакций и поступков. В частности, говоря о поэзии и других видах искусств, А. А. Ричардс принимает во внимание личный опыт каждого отдельного человека и его индивидуальность. Также А. А. Ричардс отмечает способность поэзией или любым литературным произведением создать определенное настроение у читателя, но, к сожалению, это проявление не поддается измерению. Примечательно, что А. А. Ричардс отдает должное тому ощущению от воспринятого произведения, как ценному по своей природе. В своей книге «Наука и поэзия» («Science and Poetry», 1926) А. А. Ричардс обращается к «псевдоутверждениям» и «псевдовопросам» в поэзии, так как восприятие у каждого свое и одно и то же произведение или стихотворение трактуется индивидуально. Хотя перед автором не стоит задача заставить человека видеть его глазами, все же так получается, и произведение воспринимается как форма знания или познания. По мнению А. А. Ричардса, удовольствие и эмоции также несут познавательный эффект и дают нам знания, при этом не имея фактической базы¹³. Примечательно, что А. А. Ричардсом и его учеником У. Эмпсоном разрабатывается техника пристального чтения, или тщательного прочтения (англ. close reading), при которой читатель должен фокусироваться исключительно на самом произведении. Позже эту технику прочтения продолжают и другие деятели «новой критики».

В начале работая с А. А. Ричардсом, а уже позднее У. Эмпсон сам пишет труд об основах теории литературы «Семь разновидностей неоднозначного» («Seven types of ambiguity», 1930), в которой излагает основы «новой критики». Под словом неоднозначность (англ. ambiguity)

У. Эмпсон понимает неуверенность в том, что имеется в виду, намерение подразумевать несколько значений одновременно, также существует вероятность того, что одно или другое или оба значения уже ранее упоминались и фактически утверждение имеет несколько значений. Именно на основе этой тонкой грани У. Эмпсон и выделяет семь типов:

1. Когда вербальное значение может быть выражено более чем двумя способами.
2. Когда два или более значений соединяются в одно.
3. Когда два или более значений обозначаются одним словом.
4. Когда два или более значений различны, но объединив их можно прояснить то, что ранее не было очевидным.
5. Когда авторы в процессе написания понимают, что способны одновременно с этим и думать.
6. Когда возникает недопонимание в связи с тем, что читателей побуждают к их собственной трактовке произведения.
7. Когда два значения диаметрально противоположны, что способствует видению автором фундаментальных разделений¹⁴.

Однако типы У. Эмпсона частично совпадают, а некоторые не относятся к неоднозначности употребления значений, но их выделение позволяет У. Эмпсону бесспорно считаться теоретиком «новой критики».

Благодаря провокационным и идеалистическим суждениям о роли литературной критики и в частности, о «новой критике» становится известен британец Ф. Р. Ливис. В «Новых аспектах английской поэзии» («New Bearings in English Poetry», 1932) и «Ревальвации» («Revaluation», 1936) Ф. Р. Ливис подвергает переоценке поэзию периода XVII–XX веков, а также высказывает критические замечания о качестве высшего образования в целом. Так, Р. П. Билан в «Литературной критике Ф. Р. Ливиса» («The Literary Criticism of F. R. Leavis», 1979) отмечает, что приоритетным вопросом критики считается обеспечение тесной связи между английской литературой и обществом¹⁵.

В России «новая критика» не находит своих последователей, хотя некоторые ее черты реализуются в «формальном методе». Основателям и последователям неокритической теории удастся разработать методики, способствующие деталь-

¹² Wellek Rene «The New Criticism: Pro and Contra» // *Critical Inquiry*. The university of Chicago press. – Vol. 4. – No. 4. – 1978. – P. 611.

¹³ Berman A. *From the New Criticism to the Deconstruction: the reception of structuralism and post-structuralism*. – University of Illinois Press, 1988. – P. 34.

¹⁴ Jayne E. *The rise and fall of new criticism its brief dialectic history from I. A. Richards to Northrop Frye* // *American studies*. – V. 22. – № 1. – 1975. – Режим доступа : http://www.edwardjayne.com/critical/new_criticism.pdf (дата обращения : 10.02.2012).

¹⁵ Bilan R.P. *The Literary Criticism of F. R. Leavis*. – United Kingdom : Cambridge University Press, 1979. – P. 61–85.

ному восприятию и осознанию поэтического произведения. С течением времени становится очевидным недостатком «новой критики» абсолютное игнорирование биографических и социальных аспектов жизни автора, что, собственно, и приводит к несостоятельности метода в его чистом виде. Однако техника пристального чтения, разработанная в период развития «новой критики», и в XXI веке является одним из самых успешно употребляемых приемов в теории литературы.

Литература

1. Berman A. From the New Criticism to the Deconstruction: the reception of structuralism and post-structuralism. – America : University of Illinois Press, 1988. – 331 p.
2. Bilan R. P. The Literary Criticism of F. R. Leavis. – United Kingdom : Cambridge University Press, 1979. – 340 p.
3. Brooks C. The Well-Wrought Urn: Studies in the Structure of Poetry. – New York : Reynal and Hitchcock, 1956. – 300 p.
4. Jancovich M. The cultural politics of the New Criticism. – Great Britain : Cambridge University Press, 1993. – 217 p.
5. Jayne E. The rise and fall of new criticism its brief dialectic history from I.A. Richards to Northrop Frye // American studies. – V. 22. – № 1. – 1975. – Режим доступа : http://www.edwardjayne.com/critical/new_criticism.pdf (дата обращения : 10.02.2012).
6. Wellek R. The New Criticism: Pro and Contra // Critical Inquiry. – The university of Chicago press. – Vol. 4. – No. 4. – 1978. – P. 611–624.

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ «ЛИТЕРАТУРА СТРАНЫ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА (КОРЕЯ)» В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ САХАЛИНСКОЙ КОРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сегодня литература занимает особое место в формировании духовного мира современного человека. Ведь именно литература сохраняет и передает из поколения в поколение общечеловеческие духовные ценности, обращаясь напрямую к сознанию человека. Нравственное, интеллектуальное, эстетическое развитие личности напрямую связано с получаемой им духовной пищей, и огромную роль в данном процессе играют художественные произведения, а искусство слова давно уже стало частью той социокультурной среды, в которой развивается каждый человек. В этой связи вполне очевидно, что формирование полноценной личности немыслимо без воздействия художественной литературы.

Это особенно актуально в ситуации, сложившейся в Сахалинской области, где проживает уже несколько поколений корейцев, и возрождение интереса к корейскому языку и культуре, обычаям и традициям является одной из главных задач развития современного общества, особенно среди представителей молодого поколения, которые порой недооценивают уникальность предоставленной им возможности.

Ведь человек, сформировавшийся на стыке русской и корейской культуры, обладает другим мировосприятием, другим мировоззрением, значительно расширяются горизонты социализации, в круг его интересов вовлекаются совершенно новые, зачастую несхожие культурные пласты. В этом процессе особую роль должна сыграть именно литература, способствующая лучшему осознанию родного языка и родной культуры, развивающая чувство толерантности к иной культуре, что, в свою очередь, способствует преодолению предвзятости одного сообщества по отношению к другому. Кроме того, корейская литература по праву может считаться важным источником, который зафиксировал достаточно трудный для исторической реконструкции аспект жизни народа, его надежды и чаяния, образ жизни и мысли людей.

Художественная литература Кореи представляет собой достаточно самобытное явление, что во многом обусловлено отношением корейцев к литературе как к высокому искусству. Подобное отношение к литературе и представления о ней как о чем-то божественном и обладающем огромной силой пришли в корейскую литературу из Китая. Именно китайская традиция ставила литературу едва ли не выше живописи, так как все записанное иероглифами воспринималось как откровение небесной воли и пользовалось большим почетом.¹ Такое понимание роли литературы привело к тому, что в Корее литературе стало придаваться огромное значение как важной составляющей всей самобытной культуры корейского народа и как основе мироощущения и мировоззрения корейцев.

Вообще существовало несколько факторов, повлиявших на развитие корейской литературы. К ним следует отнести географическое положение Кореи, сильное влияние Китая на все стороны жизни корейского общества и, конечно, значение конфуцианских норм, ставших основой жизни корейцев. Существовал, однако, и еще один чрезвычайно важный фактор, сыгравший значительную роль в становлении и развитии национальной корейской литературы. Речь идет о создании корейской письменности, появление которой дало толчок к началу принципиально нового этапа развития корейской литературы.

Говоря о географическом положении, необходимо учесть, что на протяжении всей своей истории Корея исполняла роль своеобразного моста между азиатским континентом и островным миром Тихого океана. Что же касается китайского влияния, то, как отмечает Л. Р. Концевич, географическое положение Кореи послужило причиной того, что политическое и государственное устройство, идеология, законодательство и этические нормы, культура и образование, церемонии, литература и письменный язык, то есть многое из того, что составляло официальную сферу жизни в Корее, напоминало китайское.²

¹ Лисевич, И. С. Литературная мысль Китая на рубеже древности и средних веков / И. С. Лисевич. – М., 1979. – С. 8.

² Концевич, Л. Р. Корееведение: избранные работы / Л. Р. Концевич. – М., 2001. – С. 366.

Таким образом, китайское влияние не могло не сказаться и на развитии литературы, при создании которой на протяжении долгого времени особая роль принадлежала китайскому языку, который профессор Гонконгского университета Джон Дини сравнивал с распространением латинского языка в средневековой Европе³. Между тем, А. Ф. Троцевич, также обращая внимание на особую роль китайского языка, отмечала: «Написанное на китайском языке считалось красивым, потому что было выражено на языке, который считался образцовым, и рассматривалось как «высокое», «истинно ценное», в противоположность корейскому – «повседневному», «обыденному»⁴.

Чрезвычайно важное значение для понимания роли китайского языка для литературы и культуры Кореи имеет и тот факт, что именно китайский язык вплоть до XIX века считался в Корее официальным литературным языком и получил название *ханмун* (한문), что в переводе означает «иероглифическая письменность». Именно на *ханмуне* издавались государственные документы и указы, а также литературные произведения. Корейский же язык в противовес китайскому презрительно называли *онмун* (언문) – «грубые письмена» и считали, что пользоваться им прилично лишь женщинам и простолюдинам. Совершенно очевидно, что противопоставление литературы, созданной на китайском языке, литературе на корейском языке привело к тому, что в словесной традиции корейского народа вплоть до конца XIX века параллельно развивались два пласта литературы: литература на *ханмуне* и литература на корейском языке. Интересно, что оба эти пласта литературы не были обособлены друг от друга, а наоборот, литература на *ханмуне* оказывала влияние на литературу на родном языке и сама испытывала постоянное воздействие со стороны последней.

Немаловажную роль в становлении и развитии литературы Кореи, как уникального и своеобразного явления, сыграло, конечно же, и конфуцианство. Морально-этические нормы этого учения нашли широкое отражение практически во многих произведениях, особенно эпохи Чосон (1392–1910), во время которой конфуцианство стало государственной идеологией. Идеи сыновней почтительности, преданности государю, верности мужу, возвышения образованного человека доминировали в сознании людей и, как следствие, в литературе.

Литература Кореи развивалась на протяжении веков, приобретая новые формы и совершен-

ствуя старые. Как известно, по мнению ряда ученых, корейская литература условно делилась на несколько ярусов. Самый верхний ярус занимали «высокая» проза и поэзия на *ханмуне*, в жанровом отношении целиком совпадавшие с китайскими. Ниже располагалась проза малых форм на *ханмуне*, получившая название *пхэсол* (패설). И, наконец, на нижнем ярусе находилась литература на родном языке, которая в свою очередь делилась на три ряда: верхний – поэзия, средний – своя «высокая проза» (дневники и романы) и нижний – простонародная повествовательная литература (корейские повести и новеллы).⁵ При этом основными считались форма и стиль произведения.

Главным в литературе, согласно конфуцианской традиции, считалось поучение и нравственное наставление. Авторы в своих произведениях уделяли огромное внимание определенным моделям поведения и конфуцианским добродетелям, таким, как преданность королю, почтительность к родителям, уважение старших, верность супругов и честность между друзьями. Особое место в литературных произведениях занимала тема образования, которая имела для корейцев огромное значение. Авторы пытались донести до читателя идею о том, что именно образованность и ученость обеспечивали уважение и достойную жизнь.

Вполне очевидно, что сегодня литературное наследие Кореи представляет интерес как источник новых и важных сведений, касающихся культуры, истории, моральных норм и стиля жизни корейцев. Литература, отражающая, как зеркало, состояние той эпохи, в которую она существует, дает нам возможность более глубоко понять, как и чем жили люди, какие проблемы их окружали, какими моральными и жизненными ценностями руководствовались они в своем существовании.

В процессе изучения литературы Кореи особое значение приобретают прозаические жанры, так как именно они как никакие другие были близки к повседневной жизни корейцев и основывались на эпизодах, более или менее отражающих реальную действительность. В корейской литературе авторы прозаических произведений чувствовали себя очень свободно в выборе темы и героя. Благодаря такому подходу во многих произведениях таких жанров, как рассказ, новелла или повесть не существовало оппозиции «важное/неважное», «серьезное/несерьезное». Люди писали о жизни, пытались показать ее такой, какая она была на самом деле, не преследуя дидактической, нравоучительной цели.⁶

³ Основные исследования по литературе Восточной Азии. – Т. 2. – Сеул, 1995. – С. 13.

⁴ История цветов: корейская классическая проза / пер. с кор. А. Ф. Троцевич. – Л., 1990. – С. 16.

⁵ Концевич, Л. Р. Корееведение: избранные работы / Л. Р. Концевич. – М., 2001. – С. 368.

⁶ История цветов: корейская классическая проза / пер. с кор. А. Ф. Троцевич. – Л., 1990. – С. 14.

Однако несмотря на то, что некоторые произведения не содержали глубоких нравоучений, они оказались чрезвычайно ценным явлением корейской культуры: стремление записывать все, что «видят глаза и слышат уши», позволило сохранить в произведениях не только бытовые зарисовки, но и серьезные сведения по истории, литературе и этнографии Кореи.

Естественно, что авторы биографических повестей ставили перед собой особую историографическую задачу, а именно проинформировать читателя о важном историческом событии прошлого или о жизни и заслугах известного человека. Однако велика была и роль дидактического аспекта. Об этом говорили и сторонники конфуцианства, которые утверждали, что литература призвана показать и объяснить читателю, часто на примере жизни реальных или вымышленных героев, путь его собственного совершенствования, так как литературные произведения должны быть поучительными, и лишь в какой-то степени развлекать читателя.⁷

Другой особенностью корейских произведений было то, что главный герой к концу повествования обязательно вознаграждался за выпавшие на его долю испытания и занимал подобающее ему место в обществе. Авторы произведений, особенно в жанре повести, старались показать, что от поступков человека зависит многое, поскольку он вовлечен в процесс развития природы и общества. Причем утверждалась не уникальная личность, а тип поведения. Речь, как правило, шла о соблюдении конфуцианских этических норм, но не о чувствах – человеческие взаимоотношения почти всегда находились на периферии сюжета.

Особое место в корейской литературе занимает женская тематика. Героини корейских повестей – идеальны. Они наделены целым набором полагающихся добродетелей, в чем даже просматривается некая схематичность образов, своего рода каноническое восприятие героев. И в этом смысле корейская литература полностью вписывается в процесс становления и развития мировой средневековой литературы. Однако корейским литераторам удалось в рамках общепризнанного канона создать глубоко народные, национальные образы корейских женщин – верных, послушных, любящих.

В русло конфуцианских идей женского воспитания вполне вписывалась «Повесть о Чхунхян» (XVIII в.) – жемчужина корейской средневековой прозы. Изначально это сказание возникло как жанр песенного сказа *пхансори* (판소리), который исполнялся актером под звуки барабана. Впоследствии фольклорный текст был записан,

обработан и стал произведением художественной литературы. Корейский ученый Пак Енхэ оценивает его как одно из самых ярких классических произведений того периода. А известный корейский исследователь Соль Сонгён, посвятивший много лет изучению «Повести о Чхунхян» – от истоков до современных версий, в монографии «Исследование характерных особенностей “Повести о Чхунхян”», без преувеличения называет эту повесть образцом корейской прозы, хранящим в себе великое наследие корейских традиций.⁸

«Повесть о Симчхон» также может быть отнесена к категории «женской» корейской литературы, так как она близка по своей тональности «Повести о Чхунхян» и другим повестям, воспевающим женские добродетели. Однако идейная направленность этого произведения несколько иная. Во главе угла – все та же идея преданности и верности, но теперь речь идет о такой важной составляющей конфуцианского воспитания и образования, как «сыновья почтительность». Конечно, в корейской традиции под этим понятием подразумевались прежде всего взаимоотношения родителей и сыновей, однако эти нормы распространялись и на дочерей, то есть можно говорить о нормативном комплексе взаимоотношений между родителями и детьми в корейском средневековом обществе. Сыновняя почтительность была важнейшей добродетелью, ключевой для всей конфуцианской этики. И именно сыновняя почтительность к родителям лежала в основе системы воспитания и формирования личности. Интересно, что в Корее существует большое количество памятников любящим сыновьям и дочерям, а также множество историй о них.

Главная героиня «Повести о Симчхон» – яркий образец дочерней почтительности, а само произведение написано по мотивам народных преданий. Это история о девушке из бедной семьи, которая пожертвовала собой ради исцеления слепого отца. Это произведение, как и другие, было наполнено конфуцианской дидактикой: необходимо было донести до читателя мысль о том, что от поступков человека зависит многое, так как жизнь человека тоже включена в процесс развития природы и общества; жизнь человека – «винтик» в общем процессе мироздания, и от его поступков зависит появление хаоса или установление гармонии.

Важно отметить, что многие произведения корейской литературы могут рассматриваться как своего рода произведения энциклопедического бытового плана, будучи основанными на традиции фольклорного сказа, они вослед фольклорному тексту представляют собой сегодня

⁷ Основные исследования по литературе Восточной Азии. – Т. 2. – Сеул, 1995. – С. 209.

⁸ Соль Сонгён. Структурный анализ произведения о девушке Чхунхян / Соль Сонгён. – Сеул, 1997. – С. 9.

кладезь народной дидактики, сохраняя народные представления о добре и зле, о том, что можно и чего нельзя совершать в жизни, в чем их огромная ценность для формирования национального самосознания личности.

Именно поэтому изучение литературы Кореи и знакомство с корейскими художественными произведениями активно способствует накоплению знаний и осмыслению высоких общечеловеческих начал, нравственных ориентиров в обществе. Не потерять ценностей духовных, восстановить эту цепочку помогают яркие, талантливые произведения корейской литературы, где такие категории, как ответственность нравственного выбора, честь, совесть, благородство, добро представлены как главные человеческие добродетели.

Расширяя сферу духовной жизни корейской молодежи Сахалина, корейская литература раз-

двигает горизонты видения окружающего, создает новые потребности, совершенствует вкус. Изучение литературы – это активный процесс, требующий творческих сил личности, определенных знаний и умений, которые в этой деятельности и приобретаются, и проявляются.

Овладение ценностями духовной культуры своих предков нужны каждому человеку не только сами по себе, но и для практического пользования и для взаимодействия со средой. В дальнейшем самореализация личности напрямую будет зависеть от того, насколько удастся человеку воспользоваться безграничным пространством информации, открываемой для него корейской литературой, будь то на корейском или на русском языке, овладеть этой информацией, использовать ее для извлечения знаний и для собственного саморазвития.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ АРГУМЕНТИРУЮЩЕ-УБЕЖДАЮЩЕЙ РЕЧИ

Как известно, одной из основ процесса риторического воздействия на собеседника или оппонента в споре является процесс убеждения. Убеждение достигается посредством аргументации. В процессе обучения студентов ораторскому искусству мы обращаем особое внимание на теорию аргументации как на основу правильной аргументирующе-убеждающей речи.

В риторике под аргументацией понимается логико-коммуникативный процесс, направленный на обоснование позиции одного человека с целью последующего ее понимания и принятия другим человеком. Этот процесс требует от участника беседы (или дискуссии) полной концентрации внимания и профессиональной компетентности.

Прежде чем рассматривать виды аргументации, мы подробно изучаем со студентами ее основные компоненты: тезис, аргумент и демонстрация. Под тезисом понимается основа позиции оратора, под аргументом – основные доказательства, которые использует оратор, чтобы изложить свою точку зрения, а демонстрация – это объединение тезиса и аргумента, то есть способность оратора сформулировать правильные тезисы и привести достаточную для убеждения систему доказательств.

На начальном этапе обучения студенты должны усвоить критерии отбора аргументов и научиться верно избирать последние. Стратегия «верной» аргументации основывается на следующих постулатах:

- аргументы должны основываться на фактах;
- не допускается использование некорректных приемов доказательства;
- аргументы должны соответствовать теме дискуссии;
- аргументы должны быть актуальны для оппонентов.

К изучению видов аргументации приступаем уже после того, как усвоен навык отбора и уместного применения аргументов исходя из определенных критериев отбора. Вид аргументации избирается в соответствии с коммуникативной ситуацией, которая сформирована в определенный момент спора. На стадии определения вида аргументации у студентов нередко возникают проблемы, вызываемые посредством сращения нескольких видов аргументации, и, соответственно, запутывания линии убеждения.

Мы предлагаем студентам для изучения следующие виды аргументации, не вызывающие проблем при восприятии и использовании:

- нисходящая;
- восходящая;
- односторонняя;
- индуктивная;
- дедуктивная;
- опровергающая;
- поддерживающая.

Нисходящая аргументация: процесс убеждения начинается с выдвижения наиболее сильных аргументов, затем используются менее сильные, и завершается процесс побуждением к действию или выводом. Такая аргументация позволяет привлечь внимание аудитории, во-первых, и, во-вторых, «заставляет» запоминать первый аргумент, который является основным тезисом процесса убеждения.

Восходящая аргументация по смыслу противоположна нисходящей. Используя данный вид аргументации, оратор подготавливает аудиторию к восприятию базового тезиса, в результате чего восходящую аргументацию можно использовать в аудитории, которая способна сделать самостоятельный анализ приведенных доказательств и сформулировать правильный вывод.

Односторонняя аргументация предполагает изложение однокомпонентных аргументов, которые чаще всего выражаются посредством маркеров «за» или «против». Такая аргументация эффективна, если оратор не ищет компромисс, а аудитория способна воспринимать структурированные тезисы.

Двусторонняя аргументация предполагает предоставление слушателю возможности сопоставить противоположные точки зрения и избрать для себя верную линию речевого поведения. Разновидностью двусторонней аргументации является контраргументация, которая заключается в приведении оратором доводов, выступающих в форме опровержения доводов оппонента (реального или гипотетического). Двусторонняя аргументация учит анализировать и делать самостоятельные выводы.

Индуктивная аргументация базируется на индуктивном методе изложения материала и представляет собой изложение, построенное от фактов к выводам. Частной формой индуктивной аргументации выступает аргументация по аналогии, что позволяет сделать идею не только более доступной, но и убедительной.

При дедуктивной аргументации способ изложения обратен индуктивному, то есть изложение построено от общего к частному факту. При де-

дуктивной аргументации оратор сразу обозначает свою позицию, что позволяет определить реакцию аудитории практически мгновенно, а соответственно – выявить реальных оппонентов авторской позиции.

Опровергающая аргументация направлена на разрушение реальных или предполагаемых контраргументов. При этом «позитивные» аргументы не приводятся вовсе или им уделяется минимум внимания, соответственно данный способ аргументации несет заведомо провоцируемую агрессию.

Подтверждающая аргументация по смыслу противоположна опровергающей, то есть используются только положительные аргументы, а контраргументы оратором игнорируются.

Таким образом, изучая виды аргументации, студенты формируют для себя конкретные структуры речевого поведения в коммуникативных ситуациях, которые предполагают использование убеждения. Предлагаемый нами путь

обучения студентов основам аргументирующе-убеждающей речи апробирован в учебном процессе как гуманитарных, так и негуманитарных направлений подготовки студентов. Следует отметить, что те и другие (как гуманитарии, так и негуманитарии) проявляют большую заинтересованность и без труда усваивают предлагаемый учебный материал. Усвоение ими даже минимальных основ ораторского искусства, в том числе основ аргументирующе-убеждающей речи, помогает формировать важные для любой профессии коммуникативные компетенции.

Литература

1. Аннушкин, В. И. История русской риторики / В. И. Аннушкин. – 2-е изд. – М., 2002.
2. Граудина, Л. К. Теория и практика русского красноречия / Л. К. Граудина, Г. И. Миськевич. – М., 1989.
3. Граудина, Л. К. Русская риторика / Л. К. Граудина. – М., 2001.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ПАДШЕЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРОЗЕ А. П. ЧЕХОВА

В русской классической литературе падшая женщина – прежде всего, страдальца; ее путь лежит от греха к возрождению, появление этого образа в фабуле произведения «настраивает» читателя на то, что далее события будут развиваться по схеме: «падение – раскаяние – страдание – искупление – спасение».

Важным этапом в раскрытии темы спасения падшей женщины является конец 1870-х – 80-е годы XIX века, так как именно в этот период сюжет о спасении падшей женщины трансформируется в двух направлениях: с одной стороны, появляются произведения А. П. Чехова и И. И. Ясинского (в них авторы продолжают развивать идеи Достоевского и Крестовского и вместе с тем полемизировать с ними), с другой стороны, в конце 70-х – 80-е годов в литературу приходит В. М. Гаршин, который воспринимает традиции Некрасова, Добролюбова и Чернышевского, но рассматривает возможность возрождения проститутки не как акт доброй воли мужчины, а как чудо настоящей любви.

В предлагаемой работе мы считаем целесообразным проследить эволюцию в изображении падшей женщины на примере произведений А. П. Чехова. Так как, несмотря на достаточное количество исследований, посвященных творчеству писателя, все же в чеховедении на сегодняшний день остается ряд вопросов, требующих более глубокого изучения. Прежде всего это относится к женским образам, а именно к падшей женщине, которая многократно появляется на страницах чеховских произведений.

Писатель обращается к этой теме как в ранних своих рассказах, когда он печатался под псевдонимами «А. Чехонте», «Человек без селезенки», «Антоша Ч.», «Брат моего брата», так и в более поздних, будучи уже зрелым писателем. Образ женщины, брошенной на дно, претерпевает некоторую эволюцию: если в раннем творчестве Чехов пишет о падших женщинах в насмешливом, ироническом тоне, то в поздних произведениях это, как правило, несчастное, безропотное существо, жертва социального зла, и произведения эти носят глубокий, философичный характер.

Для того чтобы проследить развитие данной темы, сначала обратимся к раннему творчеству писателя. В 1880–1887 годы Чеховым были написаны такие произведения, как «Салон де Варьете» (1881), «Живой товар» (1882), «Слова, слова и слова» (1883), «Загадочная натура» (1883), «Хористка» (1886), «Анюта» (1886) и другие.

Один из первых рассказов Чехова, в котором упоминаются падшие женщины, был впервые напечатан в «Зрителе» в 1881 году под заголовком «Салон де Варьете» и подписан «Антоша Ч.».

Чехов в своем рассказе описал популярное в то время в Москве музыкально-увеселительное заведение «Салон де Варьете», которое помещалось на Большой Дмитровке и усиленно рекламировалось московскими газетами (например, «Московским листком»).

Рассказ написан в явно ироническом тоне, Салон де Варьете автор переименовывает в «Соленный вертеп», он открыто смеется и над посетителями Салона де Варьете, и над его постоянными обитателями. Быть немножко «подшофе» – главный принцип клиента Салона. Чехов пишет: *Не ходите в Салон, если вы не того... Быть немножко «подшофе» – более чем обязательно. Это принцип. Если входящий посетитель улыбается и мигает маслянистыми глазками, то это хороший признак: он не умрет от тоски и даже вкусит некоторое блаженство*¹. Наибольшую иронию вызывают у писателя «дамы» этого заведения, напоминающие собой нелепо одетых и ярко накрашенных кукол: *Красные, синие, зеленые, черные, разноцветные, пестрые, точно трехкопеечные лубочные картинки... Декольте ни одной: и платья нет, и... груди нет.*

А какие чудные имена: Блани, Мими, Фанни, Эмма, Изабелла и... ни одной Матрены, Мавры, Палагеи! Пыль ужаснейшая! Частицы румян и пудры, пары алкоголя взвешены в воздухе, и хочется чихнуть... (С. 1; 91).

Описывая одну из «дам» этого заведения, фрейлейн Луизу, Чехов смеется над ней, сравнивает с улиткой и с иронией пишет: *Она высока, толста, потна и неповоротлива, как улитка... Контуры корсета грубо вырисовываются на ее бокальной спине. Как хорошо она делает, что*

¹ Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах / А. П. Чехов. – Т. 1. – М.: Наука, 1976. – С. 90. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в круглых скобках тома и страницы. Буквой «П» помечается собрание писем, «С» – сочинения.

прячет свои ноги и руки! Руки ее велики, красны и мозолисты (С. 1; 92). С иронией говорит он и о причинах, приведших ее в этот Салон: она приехала из Пруссии в Россию, чтобы «заработать приданое» и выйти замуж за своего возлюбленного Фрица, который не может жениться на ней, так как она бедная. И вот Луиза каждый вечер ходит в Салон, а днем, как порядочная женщина, делает коробочки и вяжет скатерть. Действия этой дамы просто абсурдны.

Последнее предложение небольшого по объему рассказа звучит особенно иронично: *Будь я содержателем Salon des varieties, я брал бы не за вход, а за выход...* (С. 1; 94). И, все-таки, несмотря на кажущуюся комичность событий и героев, ранний юмористический рассказ Чехова заставляет читателя задуматься о серьезной проблеме общества, а ирония писателя похожа на горькое лекарство, необходимое для излечения.

Рассказ «Живой товар» впервые был опубликован в 1882 году в журнале «Мирской толк» под псевдонимом «А. Чехонте». Главная героиня рассказа – молодая девушка Лиза двадцати лет. Автор говорит о ней: *Не бог весть какая красавица. Правда, ее маленькое кошачье личико, с карими глазами и с вздернутым носиком, свежо и даже пикантно, ее жидкие волосы черны, как сажка, и кудрявы, маленькое тело грациозно, подвижно и правильно, как тело электрического угря, но в общем... Впрочем, в сторону мой вкус* (С. 1; 358).

Несмотря на то, что в произведении не упоминается ни о публичных домах, ни о публичных женщинах, в рассказе присутствует ситуация продажи женщины, о чем говорит уже его название. В основу сюжета положена комичная ситуация: муж Лизы, Иван Петрович Бугров, грубый и недалекий человек, польстился на богатство и продал свою жену за 150 тысяч Григорию Грохольскому, ее любовнику. Грохольский по внешним данным облика и поведения может сойти за благородного энтузиаста и безупречно честного идеалиста, но на самом деле оказывается жалким, слабовольным и безнадежно скучным существом.

Главная героиня рассказа ветреная и легкомысленная особа. О ее характере мы узнаем со слов Бугрова: *В прошлом году на Петьке Точкове висла, теперь на этого, прости господи, дьявола повисла... Тьфу! Пора понимать, кто ты! Жена! Мать! В прошлом году неудовольствия вышли, теперь выйдут неудовольствия... Тьфу!* (С. 1; 363). Оставив своего трехлетнего сына Бугрову, проданная и купленная Дульцинея (С. 1; 367) отправилась в Крым со своим любовником, где ей было спокойно и славно на душе. Но спокойствие было непродолжительным: по соседству с ними поселился ее «бывший» муж с маленьким Мишуткой. Когда Лиза увидела их, на душе у нее стало ужасно горько, *ее мучила и маленькая*

совесть, и досада, и тоска, и страстное желание поговорить с Мишуткой, поцеловать его... (С. 1; 375). Бугров ежедневно появлялся у Грохольского и Лизы, часами просиживал и нарушал их покой, в то время как Лиза было бесконечно счастлива. Но вскоре, по просьбе Грохольского, Бугров уехал, а внутри Лизы «завелся червь». Этот червь – тоска. Она сильно тосковала, тосковала за сыном, за прошлым житьем-бытьем, за весельем, она стала молчаливой, часто плакала, похудела, побледнела, съезжилась и напоминала собой скорее тень, чем живого человека.

В начале июля Лиза бежала от Грохольского, оставив записку, в которой она написала, что едет к «сыну» на время... На время! Бежала она ночью, когда спал Грохольский... (С. 1; 389). И вот мы видим Лизу в имении Бугрова: она потолстела, полнота ей не к лицу. *Ее личико начинает терять кошачий образ и, увы! приближается к тюленьему. Ее щеки полнеют и вверх, и вперед, и в стороны* (С. 1; 389). Лиза беременна, но ребенок этот от Грохольского. Она скоро осознала свою ошибку и опять отдалась ему.

Таким образом, чеховская героиня глупая, беспринципная женщина, словно сломанная ветка плывет по течению, прибываясь то к одному берегу, то к другому. Чехов смотрит на свою героиню насмешливо, иронически, что подтверждает даже заглавие рассказа «Живой товар», то есть она вещь, игрушка, которую продают и покупают.

Несмотря на то, что Лизу «падшей женщиной» можно назвать лишь с оговоркой, этот рассказ примечателен тем, что в нем появляется мотив покупки-продажи женщины. Мотив «живого товара» будет весьма характерным для позднего творчества Чехова и приобретет новый, более глубокий смысл.

Другому своему рассказу о капризной и недалекой барыне Чехов дал название «Загадочная натура». Рассказ впервые опубликован в «Осколках» в 1883 году с подписью «А. Чехонте». Заглавие носит явно иронический смысл, поскольку загадку составляют не душевные метания дамы, а ее готовность трогательно рассуждать о жертвах, которых, на самом деле, впору было бы стыдиться.

Рассказ построен на беседе «хорошенькой дамочки» с молодым начинающим писателем Вольдемаром в купе поезда. С первых же страниц вырисовывается несколько сниженный образ главной героини, которой автор не дает имени, а называет иронически – «дамочкой». Комизм рассказа заключается в неожиданном разоблачении претензий «дамочки» на роль «страдальницы во вкусе Достоевского». Неестественность поведения становится объектом смеха Чехова. Девушка словно играет роль, а не живет. В разговоре с писателем открывается истинная натура «дамочки». Она рассказывает Вольдемару историю

своей «несчастной жизни»: *Нужда, борьба за кусок хлеба, сознание ничтожества... Ах, не ставляйте меня вспоминать! Мне нужно было самой пробивать себе путь... И вот... подвернулся на моем пути богатый старик-генерал... Поймите меня, Вольдемар! Ведь это было самопожертвование, самоотречение...* (С. 2; 91). Но вот старик умер, «дамочка» богата и свободна, у нее есть любимый человек. Казалось бы, счастье стучится ей в окно, стоит только впустить его, но...нет. «Дамочка» говорит, что она несчастна, на ее пути опять стоит препятствие и она снова испытывает муки. Но вот открывается печальная истина, этим препятствием оказывается «другой богатый старик». Даже недалекий Вольдемар смущен. *Локомотив свищет и шикает, краснеют от заходящего солнца оконные занавесочки...* (С. 2; 92), – это последняя фраза рассказа, она построена так, что в ней отражаются прямые и переносные, метафорические значения глаголов, это одновременно и буквальное, строгое описание, и выражение гнева, стыда, вызванных вагонными откровениями продажной женщины.

Таким образом, девушка из рассказа с интригующим названием «Загадочная натура» оказывается заурядной продажной женщиной, никакой загадки, в сущности, нет, все просто и прозаично. Чехов соединяет грустное и смешное, и в самой возможности соединить несоединимое и проявляется неповторимая особенность его таланта. У Чехова смешное оборачивается печальным, а печальное вызывает если не смех, то улыбку.

Рассказ «Слова, слова и слова» так же, как и предыдущий, опубликован в журнале «Осколки» в 1883 году. Если в предыдущих рассказах Чехов открыто смеялся над своими героинями, показывал их ограниченность и глупость, то в этом рассказе, несмотря на то, что он так же написан в ироническом тоне, совсем иначе: нам впервые становится по-настоящему жаль падшую женщину, мы сочувствуем *маленькой рыжеволосой девушке* (С. 2; 113).

Рассказ построен на разговоре проститутки Кати со своим клиентом, телеграфистом Груздевым. Груздев, *заглядывая Кате сквозь глаза в самую душу* (С. 2; 114), наговорил много хороших слов о ее спасении, о том, что она может исправиться, что не совсем погибла и возврат еще возможен. Она потрясена, готова увидеть в нем благородного героя из прочитанного романа, но это иллюзия – он такой же, как все. Он лишь слегка жалеет Катю, и выражением этой поверхностной, ни к чему не обязывающей жалости вводит ее в заблуждение. Она же, рыдая, рассказывает Груздеву свою историю. Как пишет Чехов: *Повесть самая обыкновенная, подлая: он, обещание, надувательство и проч.* (С. 2; 113). Плачущая Катя говорит, что она пробовала исправиться, однажды даже работала горничной, так как «лучше самый грязный труд, чем наше

дело», затем поступила к купцу, но хозяйка приревновала ее к мужу и прогнала прочь. Так Катя снова вернулась к своему «делу».

Она говорила долго и много, хотела прочесть целую исповедь, но из ее речи не получилось ничего кроме нравственных самопощечин, «всю душу себе исцарапала». На Груздева ее история не произвела никакого впечатления, он лишь вздохнул и поглядел на часы. Плачущая Катя медленно расстегнула три верхние пуговицы шубы, и роман с красноречивым героем стухнул из ее головы.

Рассказ, изумительный по тонкости и лаконизму, занимает две страницы, но в нем заключен важный смысл, который Чехов вложил в предпоследнюю фразу: *В вентиляцию отчаянно взвизгнул ветер, точно он первый раз в жизни видел насилие, которое может совершать иногда насущный кусок хлеба* (С. 2; 115). Таким образом, автор считает, что над его героиней совершено насилие, в этом раннем чеховском рассказе проститутка впервые выступает в роли жертвы.

В роли жертвы выступает и другая чеховская героиня Аня из одноименного рассказа, опубликованного в 1886 году в «Осколках».

Героиня Чехова Аня, маленькая, худенькая брюнетка лет 25-ти, очень бледная, с кроткими серыми глазами, безропотно выполняет роль «наглядного пособия» для Степана Ключкова, студента-медика 3 курса, готовящегося к экзамену. За все шесть-семь лет ее «шатания» по меблированным комнатам, таких, как Ключков, знала она человек пять. Теперь все они уже выучились, вышли в люди и, конечно, как порядочные люди, давно уже забыли ее. Ключков – шестой. Скоро и он окончит курс, выйдет в люди. *Несомненно, будущее прекрасно, и из Ключкова, вероятно, выйдет большой человек, но настоящее совсем плохо: у Ключкова нет табаку, нет чаю, и сахару осталось четыре кусочка. Нужно как можно скорее оканчивать вышиванье, нести к заказчице и потом купить на полученный четвертак и чаю и табаку* (4; 340).

Аня с такой любовью и самоотвержением заботится о Ключкове, настолько преисполнена сознанием важности его дела, что готова бесконечно стоять перед ним с нарисованными угольком на теле ребрами, не жалуясь на стужу дешевого меблированного номера, в котором они живут: *Ключков занялся выстукиванием и так погрузился в это занятие, что не заметил, как губы, нос и пальцы у Ани посинели от холода. Аня дрожала и боялась, что медик, заметив ее дрожь, перестанет чертить углем и стучать и потом, пожалуй, дурно сдаст экзамен* (С. 4; 342). Но вот в номер заходит друг Ключкова, начинающий художник Фетисов:

– *Сделайте одолжение, одолжите мне вашу прекрасную девушку часика на два! Пишу, видите ли, картину, а без натурщицы никак нельзя!*

– *Ах, с удовольствием!* – согласился Ключков. – *Ступай, Анюта.*

– *Чего я там не видела!* – тихо проговорила Анюта.

– *Ну, полно! Человек для искусства просит, а не для пустяков каких-нибудь. Отчего не помочь, если можешь?* (С. 4; 343).

И Анюта покорно отправляется к художнику. Вернувшись «утомленной и изнеможенной», слышит от Ключкова, что им следует расстаться, и что жить с ней он больше не желает. В ответ на слова медика Анюта ничего не сказала, только губы у нее задрожали. Она уже забрала все свои узелки и повернулась к Ключкову, чтобы проститься, и вдруг ему стало жаль ее. *Разве пусть еще одну неделю поживет здесь?* – подумал он. – *В самом деле, пусть еще поживет, а через неделю я велю ей уйти* (С. 4; 344). Анюта вздохнула и бесшумно направилась к своей постоянной позиции – к табурету у окна.

«Незабываемый рассказ, от первого прочтения – и навсегда. Жестокий рассказ – и тем жесточе, чем лаконичнеей»², – так отзываясь о чеховской «Анютке» самый знаменитый писатель современной России Александр Исаевич Солженицын. Трудно с ним не согласиться, рассказ действительно, жестокий. Анюта предстает в образе забитого, безропотного существа, которая покорно выполняет все, что ей велено. Женская тема здесь решается автором таким образом, что героиня по природе добрая и искренняя девушка, теряет чувство собственного достоинства, ее унижают, обращаются как с животным, а она все безропотно терпит. Это также своего рода поворот к теме «падения».

Рассказ «Хористка» впервые был опубликован в «Осколках» в 1886 году с первоначальным заглавием «Певичка». В составленном Л. Н. Толстым списке рассказов Чехова «Хористка» отнесена к числу наилучших. Здесь автор показал грубейший эгоизм «честных» людей в обращении с «продажными тварями», противопоставил благородство девушки, которая находится на самой низшей ступени социальной лестницы, и низость, подлость знатной дамы и ее мужа.

Сюжет рассказа прост. У хористки Паши сидит ее обожатель Николай Петрович Колпаков. Неожиданный звонок в передней заставляет Колпакова взять в охапку свое платье и удалиться в смежную комнату. Паша открывает дверь, на пороге стоит незнакомая женщина, молодая и красивая. Как мы узнаем позже, это жена Колпакова. Она требует мужа, говорит о растрате казенных денег и надлежащем аресте. Дальше начинаются оскорбления и брань:

– *Гадкая вы, подлая, мерзкая...* – пробормотала незнакомка, оглядывая Пашу с ненавистью и отвращением. – *Да, да... вы гадкая. Очень, очень рада, что наконец, могу высказать вам это! Я знаю, кто довел его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная, продажная тварь!* (С. 5; 210).

Устами жены Колпакова автор дает следующую характеристику своей героине:

– *У вас не может быть принципов, вы живете для того только, чтобы приносить зло, это цель ваша... У него есть жена, дети... Поймите вы это! А между тем есть средство спасти его и нас от нищеты и позора. Если я сегодня внесу девятьсот рублей, то его оставят в покое. Только девятьсот рублей* (С. 5; 212).

Цель прихода жены – девятьсот рублей. Бедная Паша вообразила маленьких детей, которые стоят на улице и плачут, и сама зарыдала (С. 5; 212). Она выдвинула верхний ящик комода и достала оттуда брошку с алмазами, коралловую нитку, несколько колец, браслет, которые были подарены ей даже не Колпаковым, а другими «гостями», и подала все это даме. Гостья забрала драгоценности, обернув их в платочек, и ушла, не говоря ни слова, ни кивнув головой. Но, как ни низко поведение знатной дамы (оно все-таки объяснимо), самым чудовищным явилось, конечно же, поведение мужа, Колпакова. После того, как захлопнулась дверь за женой, из смежной комнаты вышел Колпаков. На его глазах блестели слезы, но это не были слезы сострадания к Паше, это не были слезы стыда за поведение жены.

– *Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колени хотела стать перед ... перед этой девкой! И я довел ее до этого! Я допустил!*

Он ухватил себя за голову и простонал:

– *Нет, я никогда не прощу себе этого! Не прощу! Отойди от меня прочь... дрянь!* – крикнул он с отвращением, пятась от Паши и отстраняя ее от себя дрожащими руками (С. 5; 215).

Паша осталась одна. Она плакала лежа на кровати, ей было жалко своих вещей и обидно. И ей почему-то вспомнилось, как три года назад ее ни за что, ни про что побил купец, и она еще громче заплакала.

Таким образом, в этом рассказе у Чехова появляется необычный поворот в изображении падшей женщины: в минуту, когда жалкую Пашу хотят унижить, она распрямляется, совершает благородный поступок, возвышающий униженную над ее унижением. Пусть на одну минуту, но возвышает.

В рецензии А. И. Богдановича отмечалось, что в «Хористке», как и в рассказе «Анюта», вся

² Катаев, В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 322.

низость человеческой души выступает с особой наглядностью и что рассказ вызывает у читателя «чувство стыда и жалости», вырастающее «почти до физической боли» (С. 5; 638).

Таким образом, к женской теме Чехов обращался на протяжении всего творчества. В разные периоды она представляла в разных вариантах. От «Салона де Варьете» к «Припадку» произошла существенная эволюция. В «Припадке» (1888) тема падшей женщины становится ключевой. В произведении нет места юмору и сатире, рассказ поднимает одну из серьезных и актуальных тем. В этом произведении Чехов показал жалкий мир проституток, их безвкусицу, скуку и отчаяние: *На каждом лице он (Васильев. – В. М.) читал только тупое выражение обыденной, пошлой скуки и довольства. Глупые глаза, глупые улыбки, резкие, глупые голоса, наглые движения – и ничего больше... Это были не погибающие, а уже погибшие* (С. 7; 149). После посещения публичного дома с приятелями студент Васильев заболевает от ужаса того, что он увидел; он корчится на кровати и восклицает: *Живые! Живые! Боже мой, они живые!* (С. 7; 178). В его голове возникают мысли о том, как спасти проституток, вырвать их из отвратительной жизни. Мужчин, посещающих публичные дома, он готов считать убийцами.

Порок есть, – думал он, – но нет ни сознания вины, ни надежды на спасение. Их продают, покупают, топят в вине и в мерзостях, а они, как овцы, тупы, равнодушны и не понимают. Боже мой, боже мой! (С. 7; 180). «Тупые», «глупые», «наглые», «пошлые», «равнодушные», – такими эпитетами Чехов характеризует падших женщин. Мы не испытываем к ним ни сострадания, ни жалости, тем более не смеемся над ними. Читатель понимает, что это серьезная социальная болезнь, которую немедленно нужно лечить.

Совершенно очевидно, что образ падшей женщины, созданный Чеховым, претерпевает

существенную эволюцию от раннего творчества писателя к произведениям, написанным в 80-е годы. В рассказах «Салон де Варьете», «Живой товар», «Загадочная натура» доминирует юмористическая и ироническая интонация, автор был неистощим на неожиданные смешные сюжеты, картины, случаи, он открыто высмеивал пороки падших женщин, иронизировал над ними. Ненавидя все пошлое и грязное, он описывал мерзости жизни благородным языком поэта, с мягкой усмешкой юмориста, и за прекрасной внешностью его рассказов мало заметен полный горького упрека их внутренний смысл. Рассказы, написанные после 1885 года, иные по тону: в них преобладают сожаление, грусть, они философичны. В данных произведениях уже нет места юмору и иронии. Мотив «живого товара» приобретает новое, трагическое звучание.

Литература

1. Бердников, Г. П. А. П. Чехов. Идеи и творческие искания / Г. П. Бердников. – М. : Худ. лит., 1984. – 511 с.
2. Бурлак, Д. К. А. П. Чехов: pro et contra / Д. К. Бурлак. – СПб. : РХГИ, 2002. – 1072 с.
3. Голубков, В. В. Мастерство А. П. Чехова / В. В. Голубков. – М. : Учпедгиз, 1958. – 224 с.
4. Гурвич, И. А. Проза Чехова. Человек и действительность / И. А. Гурвич. – М. : Худ. лит., 1970. – 249 с.
5. Катаев, В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / В. Б. Катаев. – М. : МГУ, 1979. – 198 с.
6. Катаев, В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники / В. Б. Катаев. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 392 с.
7. Чеховиана: Чехов и Франция : сб. статей / ред. коллегия: Ж. Бонамур, В. Б. Катаев, Т. Б. Князевская, В. Я. Лакшин. – М. : Наука, 1992. – 280 с.

СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ ИВАНА БЕЛОУСОВА

Творчество сахалинского поэта Ивана Белоусова привлекает внимание читателей и исследователей качествами, о которых порой в современном обществе забывают, – идейной убежденностью и высокой гражданственностью, значительностью проблематики и оригинальностью поэтики. Поэт Сергей Островой в предисловии к сборнику стихов «Острова на горизонте» писал: «Поэт Иван Белоусов... интересен одержимостью, поэтической привязанностью к этому суровому и самобытному краю. Тема прошлого и настоящего Сахалина как бы стала стеной опорой его творчества, а значит, – и его жизни. Любовь к этой земле научила его читать людей, читать природу, добрую, исполински-могучую, неповторимую»¹.

Однажды на просьбу назвать своего любимого поэта Иван Емельянович ответил: «Многие... Но прежде всего Алексей Кольцов и Иван Никитин, Сергей Есенин и Михаил Исаковский».

В разных произведениях Белоусова чувствуется влияние многих русских и советских поэтов. Но это были годы становления, время поиска своего пути в литературе. А главным учителем была жизнь.

Зрелое творчество Белоусова не повторяет ни одного поэта. Здесь его голос, его стиль, его тональность и эмоциональная гамма красок. Любимые приемы и поэтические средства. Без вычурности и претенциозности Белоусов настойчиво утверждает и развивает русский классический стих.

От каждого человека, а от поэта особенно, требуется ясность позиций, четкость линий. Белоусов, обращаясь к собратьям по перу, с предельной ясностью выразил свое поэтическое кредо:

*... каждый в службе – часовой...
И ты, поэт, будь строг и точен
И не петляй, где путь – прямой,
Коль ты творить уполномочен
Ревнивой Музою самой,
Проверь:
Твой стих под штык отточен?
Не то – напрасно рваться в бой.
Ах, как заметно это очень,
Особенно с передовой!*

Творчество Белоусова представлено лирическими стихами и поэмами. В лирике его мож-

но выделить три основные темы: гражданско-патриотическая, пейзажная и любовная. Белоусов, восстанавливая связь прошлого с настоящим, дает возможность своим читателям взглянуть на далекое и близкое прошлое глазами участника событий, ощутить «пульс горячих лет», представить зримо людей того поколения.

Стихи о войне в эмоциональном плане немногочисленны. Они намеренно скупы. Доминируют два противоположных, но нераздельных чувства: любовь и ненависть, что особенно ярко представлено в «Саласпилском мемориале» и в цикле стихов «Из японского дневника». Первое стихотворение посвящено памяти безымянных жертв фашистского террора, замученных в концлагере в Саласпилском лесу, неподалеку от Риги. Стихотворение написано в публицистическо-плакатном стиле, широкими яркими мазками живописца. Гневно и грозно звучит голос автора, осуждающего «крестовые походы» и зовущего живых к борьбе против войны.

Важное место в творчестве И. Белоусова занимает тема созидательного труда современников. Главное внимание поэт уделяет труду рыбаков Сахалина и Курил. Он воспекает силу, мужество и ловкость моряков, которым по силам мериться с самим Великим Тихим:

*Он горбился,
Он возмущенно ахал
И, в поединке выйдя грудь на грудь,
Своим широким, волновым размахом
Пытался сейнер навзничь обернуть.
Но у матросов дьявольская хватка!
Уж как там океан не угрожал,
В конце концов под ними на лопатках
Распластанно поверженный лежал.
(«Поединок»)*

В лучших стихах, посвященных той же теме, – «Баллада о соли», «Бухта Крабовая», «Моряцкий сказ» – поэт подчеркивает, что рыбаки не только умеют трудиться так, «что море под сопкою ахало да закатывало глаза», но и преображают свой суровый край, крепят настоящее, зажигают огни будущего, зорко охраняют, преданно берегут свою Родину и ее форпост Сахалин:

¹ Островой, С. Предисловие / С. Островой // Белоусов, И. Острова на горизонте / И. Белоусов. – М., 1973. – С. 3.

*Пусть ветер клонит мачты косо
И содрогается земля,
Но там, на палубе, – матросы,
Они не бросят корабля.*
(«Сахалин»)

В своих признаниях в любви к родине поэт искренен, по существу он выражает общее для его современников чувство:

*Я эту страну,
Окаймленную пенным прибоем,
Как первую песню,
Вовек не отдам никому.*
(«Земля в океане»)

С наибольшей полнотой главное в характере, духе, настрое сахалинцев и курильчан раскрыто в стихотворении «Таежная сторона». Это – сила воли и духа, созидательный труд преобразователей природы. Основной смысл выражен в словах: «Климат тоже люди создают!» Климат душевного тепла и дружбы, взаимной помощи людей.

Важное место в поэзии Белоусова занимает тема природы. Большая часть его стихотворений посвящена Сахалину. Поэт воссоздает картину суровой «земли в океане» с ее буйной природой, с яркостью красок осенью, со штормами и буранами зимой. Но главное – то общее, что объединяет островной край со всей страной:

*Искрятся сопки белизною –
Весь остров снегом разодет.
И что-то русское,
Родное
В его суровой красоте:
Смолою пахнущие елки,
Развилки тропок, дым берез,
В сугробах доверху поселки,
Лихой забористый мороз,
И это небо в снежных искрах,
И этот дом, и этот клен,
Курган с гранитным обелиском,
Где русский воин погребен...*

Глубокий лиризм и насыщенность емкой образностью – характерная черта пейзажной поэзии Белоусова. Только в одном стихотворении «Шаги зимы» столько угаданного, открытого, точно названного в определении сахалинской зимы:

*...Утрами стынет хрусткая заря,
С крутых откосов вьюги-завирюхи
Бросаются в объятья декабря.
Мороз плетет манерные этюды,
(Ах, модернисты, сбили старика!),
А сопки, сопки – белые верблюды! –
Навьючили горбато облака...*

Неожиданность сравнений, точность эпитетов, новизна метафор, использование местной лексики – все это способствует созданию неповторимой картины сахалинской природы:

*Залегли по отрогам, по распадкам косым
Голубые сугробы – голубые песцы.
На примятой постели порыжелого мха
Развернули метели дорогие меха.
Соболиною строчкой порасшиты леса,
Что стоят в оторочках из того же песка...*

Необыкновенно образны сравнения, которыми пользуется поэт для описания своего любимого края – «соболиною строчкой расшиты леса», «голубые сугробы – голубые песцы», «постель порыжелого мха» и т. п. Поэт весьма точно подмечает то, что свойственно только Сахалину, и передает это своеобразно:

*Горланят орланы,
Резвятся у берега нерпы,
И пляшут каланы,
Как будто хлебнули вина.*
(«Земля в океане»)

Или:

*На земле моей святой и грешной,
Даже в цветъ буйнит снегобой...*

Именно не метель, не буран, а *снегобой* – вот точное и образное название того явления природы, которое свойственно Сахалину.

Лучшими лирическими произведениями поэта являются: «Чувство земли», «О голубом», «Кедр», «Кони», «На охоте» и др. Каждое из них несет глубокое содержание и неповторимую поэзию. Именно в них с наибольшей ясностью проявляется своеобразие лирики Белоусова. Эти стихи просты и общедоступны. Все в них ясно, и кажется, что читаешь свои собственные мысли, как будто мы все это чувствовали и знали, но не умели выразить.

Характерной чертой лирики Белоусова является динамизм, нарастание действия и пафоса. Нередко стихотворение строится на основе диалога, в котором автор ведет спор с воображаемым оппонентом:

*Вы говорите: море голубое.
Нет, вы не знали, как над голубым
Затишьем безмятежно-гробовое
Взрывается раскатом громовым.
Нет, вы не знали шквального порыва,
Что к горлу поднимает горький ком,
Когда, стоглава и зеленогрива,
Волна о небо бьется,
Как дракон...*

Лучшие лирические стихи Белоусова отличаются сюжетностью, композиционной строй-

ностью и, конечно же, яркостью оригинальной образности. Стихотворение «Чувство земли» состоит из пяти строф. Первая строфа – своеобразное вступление, мотивировка темы, поэтический зачин лирического сказа:

*Я говорил друзьям азартно:
– Иду на Очиху, в поход!
Да все откладывал на завтра,
Но выходило, что на год.*

Три последующие строфы – развитие действия. Здесь три действия, как три дороги перед былинно-сказочным героем, и каждое из них – этюд большой картины, сделанный рукой истинного мастера. Это в одно и то же время пейзажная зарисовка, и действие, и законченная аллегорическая картина красоты. Аллегоричность каждой из трех центральных строф усиливается отвлеченно – обобщающим «а где-то», которым начинается каждая картина.

*А где-то, полыхнув боками,
Таймень, заключенный в узду,
Бил жарко в небо плавниками
И в небе высекал звезду.
А где-то, приземлив колени,
Кедрач, упершись в берега,
Подобно дикому оленю
О солнце золотил рога.
А где-то, за хребтом неблизким,
Где в бездну падает заря,
Дарило море людям брызги
Из жемчуга и янтаря.*

И в то же время это целостная картина, которую мог написать только поэт, который кровно, всей жизнью и помыслами связан с нашим островным краем, с нашей прекрасной «землей в океане». Заканчивается стихотворение своеобразным выводом, который дает итог реализации задач, поставленных в «зачине».

*И кто-то тихо, без азарта,
Туда ходил лесной тропой
И отрывался от асфальта,
И землю чуял под собой.*

Концовка стиха повторяет и противостоит его зачину, и обобщает все три действия именно тем, что «кто-то... туда ходил». Стихотворение с ярко выраженной кольцевой композицией, повторами, зачином и концовкой. Все это элементы поэтики устного народного творчества, но так своеобразно использованы поэтом, что перед нами одно из лучших оригинальных лирических произведений поэта.

Особый поэтический колорит лирике Белоусова придает смелый ввод автором в поэзию лексики различных пластов: просторечной, раз-

говорной, литературной, профессиональной и т. д. Лексическое богатство, умение открывать вторые и третьи значения слов служат залогом создания неожиданных поэтических образов, полноты и точности выражения мыслей и чувств лирического героя, характерными чертами которого является душевная и духовная щедрость:

*Не в этом суть моей охоты,
Чтобы в живое смерть всадить.
Приятно просто по болоту
С ружьишком зорькой побродить.
И не стрелять,
А слышать выстрелы –
Нет, не охочих до курка,
А ив да верб, что, зиму выстояв,
Рвут почки прямо у виска.
Не то ль от усталости,
Не то ли
От слабости к такой стрельбе
Присев на бревнышко в истоме
С приятной легкостью в себе.
И черный ствол у ног поставив,
Забывать, зачем пришел сюда,
Где жизнь в стволах зеленых правит,
Прессуя кольцами года.*

Под пером поэта открываются глубинные переживания человека, тончайшие движения его души, тона и оттенки многообразных красок сахалинской природы.

Особое место в творчестве Белоусова занимают поэмы. Среди них – «Лютотога-река» – о сахалинских детях, «Утро моего города» и др. Наиболее крупной по объему и по мысли, совершенной по мастерству является поэма «Сахалинские свадьбы». Еще А. П. Чехов говорил: «Искусство писать – это искусство сокращать. Краткость – сестра таланта». В поэме «Сахалинские свадьбы» автор выступил как поэт мысли, патриот своей страны, знаток истории своего края. Поэту равно удаются и групповые характеристики, и массовые сцены, и отдельные образы. Белоусов – мастер лаконичных характеристик, он умеет отыскать точную деталь психологического портрета, через которую и раскрывает суть образа. В поэме перед читателями предстают «канцелярский чин, тщедушный, с носом вызревшим сивушиным» и купец с «алчным глазом», и палач со зловеще скрещенными руками.

В поэме три главных действующих лица: начальник края барон Корф, палач Сыч и Петька. Генерал и палач как бы знаменуют собой крайние ступени огромной лестницы – системы угнетения народа, типичным представителем которого и является крестьянский паренек Петька Рваных из Курской губернии, отбывший двадцатилетний срок каторги на Сахалине за то, что «вынул барину нутро» за загубленную любви-

мую. При этом поэт с любовью рисует портрет крестьянина-умельца:

*Сани справит так умело – сами едут по земле.
А повозку-то двухоску, хоть без лоска со-
берет,*

*Но на выдержку-износку даст сто шансов
наперед.*

*Спицы в ступицы впрессует, ободком возь-
мет в кольцо,*

Будто солнце нарисует, а не сладит колесо.

Всю душу свою Петр изливает в трех песнях, написанных в традициях устного народного творчества. И именно в песнях с наибольшей силой звучит лирическое начало. Эта песня любви крестьянского парня:

*А навстречу, будто солнышко, –
весенний горицвет.*

Как прекрасна ты, Аленушка!

Таких на свете нет.

Луг завьюжил белым клевером.

И ты стоишь бела,

До чего ж под русским севером

Ты буйно расцвела!

В строках поэмы слышится Песня заклина-ния счастья, надежды:

Чувство наше не остудится,

Лишь силу наберет.

Все загаданное сбудется,

В желанный час придет.

И песня-прощание с умершей через двадцать лет, за тысячи верст от ее могилы:

Все, что было предназначено

Тебе со встречи той,

Кем-то выкрано, растрчено,

А я живу, пустой.

Не суди, прости Аленушка.

Прошло не мало лет...

Где ты, курская сторонушка?

К тебе дороги нет.

Поэт исторически верно воссоздал жизнь крестьянина и царской России: каторжная жизнь в помещичьей кабале, каторжная жизнь поселенца. Бесконечная цепь зависимости, угнетения и издевательств над мужиком, где бы он ни был, вызывает закономерный протест его, бунт против произвола. Крестьянский парень Петька Рваных убил барина за надругательство над Аленушкой, убивает ростовщика-палача Петруха-поселенец за боль людскую, за стон народа. Поэма заканчивается символической картиной:

А вдали, за перевалом в небе зреют облака,

*И по лицам ходят хмары, к вилам тянется
рука.*

В поэме нет строф в общепринятом понимании. Но четко выделяются организующие единицы стиха, заключающие в себе отдельную законченную картину в миниатюре, своеобразную инструментовку стиха. Тональность этюда создает сложное сочетание тройных конечных и парных внутренних рифм. Поэма «Сахалинские свадьбы» замечательна высокой гражданственностью и подлинной народностью.

Творчество замечательного сахалинского поэта Ивана Белоусова никогда не перестанет быть актуальным и современным, потому что его стихи – для нас, сахалинцев: о нас, о нашей земле.

ЯЗЫКОВЫЕ РЕАЛИИ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА В РАННЕЙ ПРОЗЕ АНАТОЛИЯ КИМА

Дальний Восток России долгое время был малонаселен. Здесь жили немногочисленные народы, имевшие собственный язык и культуру: айны, нивхи, уйльта, эвенки и др. Целенаправленное освоение дальневосточных земель началось только в XX веке. На Дальний Восток начали приезжать переселенцы из разных областей и республик Советского Союза. Это способствовало формированию полиэтнической культуры региона. Возникла необходимость в использовании языка, понятного и русским, и представителям других национальностей. С этой задачей успешно справился русский литературный язык.

Со временем речь дальневосточников приобрела отличительные черты. В нее стали входить лексемы, которые отражали уникальность природы восточных границ России, а также их социальную сторону. Эволюцию подобных языковых изменений можно проследить на примере художественной литературы, вбирающей в себя слова из разных стилей и отражающей языковую ситуацию того или иного региона.

Основным критерием, способствующим специфичности языка дальневосточников, является его лексическая наполняемость исходя из особенностей региона. Климатические условия, ландшафт, близость океана способствовали вовлечению в язык и максимально высокому использованию таких слов, как, например, «пурга», «туман», «море», «сопка», «вулкан» и др. Эти языковые особенности были отмечены еще в начале XIX века русским путешественником В. М. Головниным (1776–1831) в его труде «Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807–1811-х годах» (1819). Так, для В. М. Головнина стало новым услышанное на Камчатке слово «пурга»: «метель и вьюга называются у них пурга»¹. Это объясняется тем, что

в Центральной России (а путешественник был уроженцем Рязани) это обозначение природного явления не используется.

Не менее интересным представляется употребление слова «сопка» для определения холмистой местности. Согласно словарям М. Фасмера, С. Ю. Ожегова, Н. М. Шанского и др., «сопка» происходит от существительного «насыпь» и глагола «сыпать» и обозначает *холм, гору, курган* на территории Дальнего Востока; а также от слова «сопеть» в значении «вулкан»². Географическая помета свидетельствует о специфичности этой лексемы.

В словарных статьях, посвященных слову «сопка», лексическое значение дается через слова «гора, холм». Это разные лексемы. Но часто приезжие люди увидевшие сопки называют горами. Подобное употребление (слова «гора») характерно для Японии и Кореи, несмотря на схожесть рельефа между дальневосточной частью России, Хоккайдо и Северной Кореей.

Панорамные изображения Дальнего Востока (его природы, людей и др.) характерны для ранних рассказов Анатолия Кима (род. 1939) из дебютного сборника «Голубой остров» (1976). Для жителей Дальнего Востока и «пурга», и «сопка», и другие «дальневосточные» слова и выражения – признаки повседневной речи. Но в художественном обрамлении Анатолия Кима они приобретают несколько иной смысл, который достигается благодаря ярким изобразительно-выразительным средствам. Отроческие годы писателя проходили именно на Дальнем Востоке: на Камчатке, в Хабаровске, Уссурийске, на Сахалине. Богатство, красота дальневосточных пейзажей не оставили равнодушным будущего писателя и спустя годы отразились в его творчестве.

В ранних рассказах Анатолия Кима описание природы посвящены многие страницы.

¹ Головнин, В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе / В. М. Головнин. – Хабаровск, 1972. – С. 268.

² См. словари: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – Т. 3. – М., 1971. – С. 719; Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Шанский Н. М. и др. – М.: Просвещение, 1971. – С. 42; Ожегов, С. Ю. Толковый словарь русского языка / С. Ю. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1999. – С. 748; Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М., 2005. – С. 991; Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб., 2002. – С. 774; Лопатин, В. В. Русский толковый словарь / В. В. Лопатин, Л. Е. Лопатина. – 4-е изд., стер. – М., 1997. – С. 656; и др.

Герои «Голубого острова» преимущественно живут на морском побережье Сахалина. Их жизнь, так или иначе, связана с морем. Они не только пользуются дарами океана (рассказ «Невеста моря», повесть «Собиратели трав»), но и относятся к нему как к некоему божеству, испытывая страх («Детские игры» и др.); а также поверяют ему невысказанные мысли в безмолвной беседе («Невеста моря», «Высокая трава»). Для персонажей сборника Анатолия Кима важна и эстетическая составляющая. Герои наблюдают море в разные временные периоды, видят всю цветовую гамму морской воды: «синюю даль»³, «мутно-зеленую пучину» (97), «белый океан» (106), «свинцово-синее, отсвечивающее у горизонта зеленою» (236), «пепельное море» (294).

В описании моря часто фигурируют слова «морская пена», «волны». Они помогают морю оживать благодаря эпитетам, метафорам, олицетворениям, глаголам действия. Интересны, например, такие зарисовки: во время шторма по небу «летает пена, огромные *иматки* пены <...> Эта пена разносится по ветру *кусками величиной с детскую коляску*, заклепывает стены и окна домов, обращенные к морю, а натакнувшись при полете на телеграфные столбы, взрывается, как *бесшумная бомба*» (39) (здесь и далее курсив наш. – Т. П.) Морскую пену Анатолий Ким сравнивает с «мягкими шарами», «белыми сугробами» (106). А волны в его представлении – и «медлительные рабочие волны» (104), и «водяная стена» с «пенистым гребнем» (105), и «немыслимо разросшаяся приплясывающая *гора*» (105).

Еще одно явление, связанное с водой, – это туман. Туманная завеса нередко опускается на остров и его жителей. Туман бывает «сиреневым» (98), «глухим» (207); автор сравнивает его с «тихим нашествием» (102). Это неотъемлемая примета Сахалина, которая отмечалась многими писателями и путешественниками.

Несомненное богатство региона представляет его растительность. Анатолий Ким не жалел красок для передачи ее оттенков и тропов для изображения ее уникальности. Перед читателями раскинулся шатер разнотравья. Здесь произрастают «гигантские лопухи» (11), «инопланетные деревья, исполинские березы и тополя, до вершин которых не долетит, казалось, и птица» (47). А «роскошная» (45) сахалинская трава – «самая высокая на свете <...> Широкие, плавные волны пробегают по этой траве, переносясь по воздуху с океанских просторов на зеленые речные поймы...» (102). На страницах «Голубого острова»

встречаются и названия дальневосточных ягод: голубика, шикша, брусника. Все это дает представление о природных особенностях Дальнего Востока.

Немаловажным фактором языковой картины Дальнего Востока является социальная среда, а именно этносоциум. Дальневосточные земли еще до прихода русских населяли айны, нивхи, ороки, эвенки. Вторая половина XIX – первая половина XX веков отмечены появлением на острове корейцев и японцев. Это оказало влияние на русскую культуру в целом. Постепенно происходила языковая (и не только) ассимиляция. Стали привычными корейские фамилии (Ким, Пак, Тен, Ли и др.). Повседневная речь также пополнилась «восточными» лексемами: наименования блюд (кимчхи, мигук, бульгоги), палочек для еды (в данном случае корейским населением используется японское слово «хаси»).

Интересно употребление слова «кимчхи». В русском языке оно произносится и пишется по-разному: кимчй, ким-чй, чимчхй, чимчха, чим-ча. Это связано с тем, что на всем Корейском полуострове существует несколько диалектов. Их представители, попавшие на Дальний Восток, по-разному называли это блюдо. Слово «хаси» – это слово японского происхождения, оно для сахалинских корейцев выглядит привычнее, чем национальное корейское «чоткарак».

Примечательно, что Анатолий Ким крайне редко использует в рассказах «Голубого острова» собственно корейские слова, заменяя их близкими, эквивалентными русскими словами и выражениями. Так, например, соленая редька по-корейски произносится как «кактуги», но это слово в пространстве книги Кима не обнаруживается. Как, впрочем, не используются и другие национальные лексемы. Все этнические приметы названы по-русски. Возможно, для того, чтобы язык произведений был понятен читателям за пределами Дальнего Востока. В рассказе «Месть» героиня Эльза просит юношу Сунгу сделать ей дранок (кровельный материал в виде пластин из древесины) и добавляет «карамчи» – как синоним к слову «дранки». «Карамчи» – корейское слово, но его этимологию, как и само значение, в корейском языке установить не удастся. Скорее всего, это производное от какого-то диалекта, не фиксируемого в общеизвестных словарях.

Таким образом, постепенному формированию дальневосточной лексики и выделению ее на фоне языковой картины России способство-

³ Ким, А. А. Голубой остров / А. А. Ким. – М., 1976. – С. 84. Далее страницы указаны в скобках.

вало частое употребление наименований природных реалий и их проникновение из других языков. Особенности климата, рельефа, растительности, природные явления, а также быт и

культура иных народов в одних случаях пополняли язык новыми лексическими единицами, в других – активизировали уже функционирующие слова.

ОРГАНИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ «ЖУРНАЛИСТИКА» В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ФГОС ВПО

Среди основных направлений модернизации образовательного процесса особое место отводится руководству самостоятельной работой студентов с учетом новой информационной ситуации, которая проявляется в стремительном «старении», удвоении информации каждые три года. Студент, получивший информацию на первом курсе, ко времени защиты выпускной квалификационной работы должен получить ее в обновленном виде.

Принято считать, что «полураспад» знаний примерно каждые пять лет неизбежно должен приводить к обновлению квалификации. Получается, что начало профессиональной деятельности выпускника совпадает с необходимостью повышения квалификации, поэтому уменьшение срока обучения в вузе выгодно государству. Введение четырехлетнего срока обучения сократит время пребывания в вузе и обеспечит более гибкую связь с требованиями рынка труда, что соответствует положениям Болонской декларации. Еще одним свидетельством естественного процесса профессионализации является повсеместное стремление студентов во время учебы, особенно на старших курсах, подрабатывать либо параллельно учиться по дополнительным программам высшего образования. Выпускники-бакалавры, не слишком желанные на производстве, поступают учиться сразу после получения диплома.

Постоянное совершенствование технологии приводит к изменению содержания многих профессий. Уже недостаточно иметь набор знаний, обладать информацией, важно быть мобильным, ориентироваться в информационных потоках, самообучаться, искать недостающие знания. В этой ситуации студент не может быть пассивным объектом обучения.

Изменяется образовательная парадигма: студент одновременно субъект и инициатор обучения, что возможно только при усилении его самостоятельности, образовательный процесс должен быть направлен на повышение свободы выбора индивидуальной образовательной траектории, которая определена индивидуальным учебным планом. При выборе методов обучения и контроля преимущество отдается активным формам, позволяющим студенту «добывать» информацию, проектировать собственный результат. Увеличение доли самостоятельности обучающихся возможно лишь в том случае, если

учебный процесс хорошо оснащен методически: размещенные на сервере вуза учебные и методические пособия, таблицы, иллюстративные материалы, аудиовизуальные средства ко всем дисциплинам, созданные преподавателями или находящиеся в библиотечной сети, должны быть доступны любому.

При модернизации образования, ориентированного на компетентностный подход, понятия «процесс обучения» и «результат обучения» являются равнозначными. Особое внимание уделяется сегодня результатам обучения, то есть компетенциям.

О компетентностном подходе к образованию речь зашла сравнительно недавно. Многочисленные встречи министров, отвечающих за высшее образование, неизменно заканчиваются призывом выработать структуру сравнимых и совместимых квалификаций, что позволило бы описать их с точки зрения рабочей нагрузки, уровня, результатов обучения, компетенций и профиля.

Компетенция – характеристика работника, представленная комплексом знаний, опыта, навыков, мотивации, демонстрируемая в поведении и позволяющая успешно решать профессиональные задачи. Таким образом, цель компетентностного подхода – подготовка конкурентоспособного специалиста-профессионала.

Модель компетенций – описание в установленной форме индикаторов, характеризующих необходимый уровень развития компетенций у идеального работника компании. Стремительное развитие производственных технологий ведет к изменению квалификационных требований к специалисту. Использование сегодня форм и методов опережающего образования позволит формировать готовность к освоению новых знаний, приобретению многофункциональных умений. А это, в свою очередь, обеспечит профессиональную мобильность и конкурентоспособность выпускника, который удовлетворяет запросам современного рынка труда. Таким образом, не человек под модель компетенций и для нее, а модель компетенций для человека – некий ориентир, инструмент, а не императив для жизни и деятельности.

Компетентностный подход – это совокупность общих принципов, определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса, оценки образовательных результатов. Приоритетная ориентация на

цели – векторы образования: обучаемость, самоопределение (самодетерминация), самоактуализация, социализация и развитие индивидуальности.

С точки зрения образования компетентность – качество человека, завершившего образование определенной ступени, выражающееся в готовности (способности) на его основе к успешной (продуктивной, эффективной) деятельности с учетом ее социальной значимости и социальных рисков, которые могут быть с ней связаны.

Профессиональная компетентность, в том числе и журналистская, включает шесть составляющих:

1. Концептуальную – понимание теоретических основ профессиональной деятельности.
2. Инструментальную – владение базовыми профессиональными умениями.
3. Интегративную – способность сочетать теорию и практику при решении профессиональных проблем.
4. Контекстуальную – понимание социальной и культурной среды, в которой осуществляется профессиональная деятельность.
5. Адаптивную – умение предвидеть изменения и заранее быть к ним готовым.
6. Коммуникативную – умение эффективно использовать письменные и устные средства в межличностной коммуникации.

Процесс формирования компетенций довольно сложен. Для того чтобы грамотно выстроить систему развития и поддержки компетенций, необходимо для начала оценить профессиональный и образовательный потенциал обучаемых, внутреннюю мотивацию: в какой степени у первокурсника развита нацеленность на самосознание, совместную деятельность, познание нового? Большую помощь здесь может оказать входное тестирование «Я и профессия», проведение курса по выбору «Введение в специальность». Можно предложить недавним абитуриентам создать модель будущей профессии. Полученные результаты помогут выстроить линию движения в образовании, ввести индивидуально-личностные коррективы, может быть, даже перемотивировать обучающегося. Результаты входного мониторинга должны быть использованы для итогового тестирования «Я в профессии».

Профессиональная подготовка журналистов осуществляется в рамках Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 031300.62 «Журналистика», утвержденного приказом Минобрнауки от 21.12.2010 г. № 775.

В рамках этого стандарта освоение дисциплины «История отечественной журналистики» должно способствовать:

– пониманию и анализу мировоззренческих, социально и личностно значимых философских проблем (ОК- 3),

– умению студентов анализировать и воспринимать информацию, логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-4),

– умению видеть и реализовывать перспективу своего культурно-нравственного и профессионального развития, расширять кругозор, обновлять знания (ОК-8) и др.

Но самое главное – это то, что невозможно быть настоящим профессионалом без знания основных этапов и процессов развития отечественной литературы и журналистики, понимания значения их исторического и современного опыта для практики российских СМИ (ПК-6). Только изучение содержания пути, пройденного журналистикой, позволит понять сущность журналистской профессии.

Большое значение в образовании журналистов имеет использование активных методов обучения, например, опорных конспектов, наполненных датами, именами журналистов и газетчиков, названиями периодических изданий, необходимыми теоретическими понятиями. Положительный результат достигается благодаря использованию системы вариативности заданий и видов занятий. При формировании банка заданий важно помнить о перспективе роста студента: от выступления на практическом занятии с сообщением на заданную тему до создания курсовой и выпускной квалификационной работы. На каждом этапе необходима проверка знаний, мониторинг изменений качества этих знаний.

«История отечественной журналистики» является учебной дисциплиной, которая входит в профессиональный блок, то есть является неотъемлемой частью журналистского профессионального образования. В процессе изучения особенностей отечественной журналистики указанного периода необходимо обозначить основные этапы и тенденции ее развития, исследовать систему средств массовой информации в контексте типологических преобразований газетно-журнальной периодики. Четкое представление о месте и роли журналистики в обществе в разные исторические периоды дает изучение общественно-политических направлений газетно-журнальной периодики, ее общекультурных функций.

Важное место в процессе обучения занимает анализ публицистического наследия, профессионального мастерства выдающихся журналистов, редакторов, издателей. Студенты знакомятся со спецификой журналистики этого периода, получают импульс к изучению теории и творческой лаборатории публицистов, литераторов, критиков, дизайнеров-графиков прошлого. Для любого периода истории журналистики актуально исследование характера взаимодействия власти и прессы на протяжении XVIII–XIX веков, формирование у будущих журналистов «историческо-

го» видения сегодняшних проблем и осознание политической традиции в журналистике.

Изучение истории отечественной журналистики предполагает знакомство с некоторыми аспектами истории цензуры, издательского дела, рекламы, информационных агентств. Журналистика XVIII–XIX веков рассматривается как целостное явление русской культуры. Обучение ведется в системе лекционной и практической работы, выполнения научно-исследовательских и творческих заданий.

Особое место в практике преподавания дисциплины «История отечественной журналистики XVIII–XIX веков» занимает руководство самостоятельной работой студентов, которая должна включать различные виды деятельности: чтение и конспектирование научно-критической литературы, создание творческих проектов различных типов журналов, чтение и анализ публицистических произведений, газетной и журнальной периодики и др.

Собственный методический опыт позволяет говорить нам об эффективности той системы, которая была апробирована нами на протяжении долгого времени. Мы предлагаем описание некоторых видов руководства самостоятельной работой студентов в виде контрольной работы, выполнения индивидуальной групповой работы, составления презентаций и решения проблемных задач.

Контрольная работа

Контрольная работа выполняется студентами самостоятельно и является «допуском» к зачету или итоговому экзамену. Подготовка данной работы предполагает знакомство с первоисточниками (публицистическими произведениями названных в задании авторов) и их осмысление в соответствии с темой. В контрольной работе не допускается простой пересказ содержания текстов и реферирование работ других исследователей. Предлагаемые вопросы носят проблемный характер и требуют аналитического подхода к творчеству того или иного автора. Контрольная работа, таким образом, является формой проверки навыков студентов в работе с публицистическим текстом, умения анализировать проблемы и тенденции журналистики изучаемого периода. Контрольная работа выполняется либо в виде анализа статьи (рецензия), либо как аналитический реферат.

Студенты могут выбрать по желанию анализ статьи любого изучаемого автора по конкретному разделу изучаемого курса в рамках указанных тем: «Власть и общество в публицистике А. С. Сумарокова, Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова», «Особенности жанра «письма» в публицистике А. С. Сумарокова, Н. И. Новикова», «Жанры декабристской публицистики: обозрение, статья, очерк, памфлет и др. (на примере

одного из произведений)», «Критика “торгового направления” в журналистике 1830-х годов (на примере одного из произведений)».

При этом необходимо учесть условия выбора материала: статья не должна быть напечатана в хрестоматии, ее анализ должен отсутствовать в учебниках. К анализу статьи должна быть приложена ксерокопия или компьютерный набор анализируемого произведения. Особое внимание уделяется оформлению ссылок и списка использованной литературы. Преподавателем обязательно указывается срок сдачи работы для студентов очной и заочной формы обучения.

Студентам также может быть предложено написание реферата. Преподаватель в качестве условия определяет использование не менее пяти источников по выбранной теме. Может быть предложена примерная тематика рефератов: «Литературное и политическое редактирование в «Ведомостях», «Роль М. В. Ломоносова в развитии русской журналистики», «Зарождение новых жанров в русской журналистике XVIII века», «Особенности языка и стиля произведений Екатерины II», «Масонские издания конца XVIII века, их основные идеи», «Характеристика отраслевых изданий конца XVIII века», «Полемика А. С. Пушкина с изданиями Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча», «Образ журналиста в публицистике А. С. Пушкина», «Московский телеграф» и «Телескоп» как типы издания: сравнительная характеристика». Условия оформления и объем указаны нами при описании работы над статьей.

Индивидуальное групповое занятие

Термин «индивидуальное групповое задание» не содержит в себе никакого противоречия. Такая форма самостоятельной работы появилась в связи с активизацией метода проектов в образовательном процессе. Предлагаем описание выполнения индивидуального группового задания по теме «Сатирическая журналистика 1769–1774 годов». Важным условием качественного выполнения индивидуального группового задания студентами является предварительное распределение группы студентов на подгруппы по 4–5 человек для разработки типологической концепции одного из сатирических журналов 1769–1774 годов. Обязательным условием является знакомство с первоисточниками: журналами «Всякая всячина», «Трутень», «Живописец», «Кошелек» и другими. Цель подобного знакомства – ощутить атмосферу времени, выявить типологическую формулу издания. Студенты получают перечень текстов, в которых нашла отражение полемика «Всякой всячины» с «Трутнем» о сатире и пороках. Кроме того, им необходимо прочитать наиболее интересные публикации новиковских журналов: «Ведомости», «Рецепт для г. Безрассуда», «Копия с отписки»,

«Копия с другой отписки», «Копия с помещичьего указа», «Отрывок из путешествия в *** И*** Т***», «Письмо уездного дворянина».

Положительный результат работы студентов под руководством преподавателя зависит от четкого формулирования задания. Студенты должны в малой группе создать проект одного из предложенных журналов в соответствии со следующими типологическими признаками: владелец издания, издатель, редактор, читательская аудитория, тираж, периодичность, объем, цена номера или подписки. Кроме того, необходимо представить структурно-содержательную модель журнала: разделы, название, жанр, примерное содержание материалов и их авторство, показать схематично оформление номера, характер и место рекламы. Составление статьи «От редакции» поможет сформулировать цели и задачи журнала.

Студентам для выполнения задания предлагается список учебных изданий: История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. Л. П. Громовой. – СПб., 2003; История русской журналистики XVIII–XIX веков / под ред. А. В. Западова. – М., 1966; Татаринова Л. Е. История русской литературы и журналистики XVIII века. – М., 1982; Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века: учебник. – М., 2000; Есин Б. И. История русской журналистики (1703–1917): учебно-методический комплект. – М., 2000; История русской журналистики: хрестоматия. – М., 1991; История российской журналистики. XVIII век: хрестоматия: в 2 ч. / авт.-сост. А. Г. Алтунян. – Ч. 1. – М., 2002 и др.

Презентация материала

Также в качестве одного из эффективных видов самостоятельной работы мы практикуем подготовку презентации по любой из изучаемых тем. Для этого нужно выбрать и проанализировать один из журналов, Необходимо сфотографировать или сделать ксерокопии титульного листа издания, содержания, нескольких внутренних страниц (начало статьи, рисунки, реклама, объявления и т. д.), другими словами, всего того, что поможет остальным студентам составить впечатление о данном журнале. Сведения о времени выхода издания, редакторах и авторах, структуре и содержании, программе журнала и т. д. могут оформляться как в виде слайдов, так и в виде устного комментария к презентации.

Презентация обычно выполняется в программе «Microsoft Office Power Point» или аналогичной ей. Минимальное количество слайдов – пять. Презентация сдается на электронном носителе. Комментарий к презентации (и ссылки на использованные источники) набирается в Word и записывается на тот же электронный носитель, что и сама презентация. Время выступления – 10–15 минут.

Практика работы над составлением презентаций показывает, что этот вид самостоятельной работы способствует раскрытию творческих возможностей студентов. Как правило, не бывает одинаковых материалов.

Проблемные задачи

Выполнение индивидуальных заданий в виде решения проблемных задач призвано сосредоточить внимание студентов на литературно-критическом тексте, его особенностях, что нередко выражается в подборе авторских определений, имен и прозвищ, ставших «общими местами» в журналистике, критике, литературоведении. Кроме того, решение разнообразных проблемных задач может выполнять функцию самопроверки, способствовать развитию научно-творческой инициативы студентов.

В центре внимания студента должны быть вопросы единства формы и содержания, жанровых, композиционных и стилевых особенностей материалов периодических изданий. Студентам могут быть предложены литературно-критические высказывания литераторов, публицистов, критиков различных эпох.

Приведем пример решения одной из проблемных задач. Так, например, мы предложили студентам проанализировать высказывание известного филолога XX века Александра Ивановича Белецкого: «Писатель – повар, критик – дегустатор. Литературовед – исследователь химического состава пищи, ее реакции на организм и т. д.» и попросили сформулировать задачи как литературной критики, так и литературоведения, объяснить применение метафорических определений.

Как известно, история критики тесно связана с историей и теорией журналистики: литературная критика – почти обязательная составная часть литературно-общественного журнала, а нередко и газеты. Литературная критика с разной степенью активности всегда влияла на умонастроение общества, работу регулярных периодических изданий, структуру периодики.

Не менее интересно решение проблемной задачи, помогающей понять и объяснить значимость статьи «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов» А. А. Бестужева. Студенты получают возможность выявить критерии, положенные в основу оценки современной литературы, и найти в тексте индивидуальные приметы стиля Александра Бестужева:

«<...> Пушкин подарил нас поэмою «Бахчисарайский фонтан»; похвалы ей и критики на нее уже так истерлись от беспрестанного обращения, что мне остается только сказать: она пленительна и своенравна, как красавица Юга. Первая глава стихотворного его романа «Онегин», недавно появившаяся, есть заманчивая, одушевленная картина неодушевленного нашего света. Везде, где горит чувство, везде,

где мечта уносит поэта из прозы описываемого общества, – стихи загораются поэтическим жаром и звучней текут в душу. Особенно разговор с книгопродавцем вместо предисловия (это счастливое подражание Гете) кипит благородными порывами человека, чувствующего себя человеком. Блажен, говорит там в негодовании поэт: «Блажен, кто про себя таил / Души высокие создания / И от людей, как от могил, / Не ждал за чувства воздаянья!»

И плод сих чувств есть рукописная его поэма «Цыгане». Если можно говорить о том, что не принадлежит еще печати, хотя принадлежит словесности, то это произведение далеко оставило за собой все, что он писал прежде. В нем-то гений его, откинув всякое подражание, восстал в первородной красоте и простоте величественной. В нем-то сверкают молнийные очерки вольной жизни, и глубоких страстей, и усталого ума в борьбе с дикою природою. И все это – выраженное на деле, а не на словах, видимое не из витиеватых рассуждений, а из речей безыскусственных. Куда не достигнет отныне Пушкин с этой высокой точки опоры?»

Работа с материалом статьи А. А. Бестужева позволяет студентам охарактеризовать время ожесточенных споров о «классицизме» и «романтизме». Все молодые и свежие литературные силы вслед за А. С. Пушкиным стали под знамя нового направления, которое окрестили названием «романтизма» и которое, в сущности, было практической проповедью свободы художественного вдохновения, независимости от признанных литературных авторитетов как в выборе содержания для поэтических произведений, так и в приемах его обработки. Студенты убеждаются в том, что горячим и ревностным защитником этого направления явился и А. А. Бестужев.

Студенты отмечают, что А. А. Бестужев резко и вместе с тем остроумно нападал на защитников старого псевдоклассицизма, доказывая, что век этого направления, как и создавшая его эпоха пудренных париков, миновали безвозвратно. Отрицание классических правил и приёмов, как ненужного старого хлама, и требование для поэтического творчества полной, ничем не стесняемой свободы – таковы были основные положения статьи А. А. Бестужева. Студенты сами могут оценить тот факт, что его критическая статья должна была производить сильное впечатление на современников своей пылкостью, живостью и оригинальностью.

Изучение восприятия других работ А. А. Бестужева убеждает в том, что они всегда вызывали более или менее оживленный обмен мнениями, всеми читались и обсуждались и, таким образом, будили в литературе критическую мысль в то время, когда литературная критика была еще, можно сказать, в зародыше. Некоторые студенты ссылаются на мнение Белинского, утверждавшего,

что этими статьями Бестужев оказал важную услугу русской литературе и литературному образованию русского общества.

Разработанные нами проблемные задачи способствуют формированию таких профессиональных умений будущих журналистов, как выявление позиции автора по определенному вопросу и сравнение его с собственной позицией, умение критически относиться к анализируемым материалам и аргументировать свои критические замечания, определение роли периодического издания в общественном процессе своего времени.

Приведем пример алгоритма решения еще одной проблемной задачи при изучении темы «Журналистика 70–80хх годов XIX века».

Студентам предлагается следующий материал из статьи Н. К. Михайловского «Н. В. Шелгунов», написанной в 1891 году:

«Приснопамятные шестидесятые годы будут еще, вероятно, долго служить предметом самых разнообразных суждений, в числе которых немало будет и решительных суждений. Такова всегдашняя участь всего яркого и крупного – людей, событий, эпох. Мелкие люди, заурядные события, тусклые эпохи не вызывают пререканий и противоречивых суждений, а около всего цветного и крупного стоит гул и шум споров. С течением времени этот шум, разумеется, затихает и, наконец, совсем прекращается». (Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. – М., 1995. – С. 297).

Дается задание проиллюстрировать данное высказывание известными примерами из истории русской литературной критики рубежа XIX–XX веков. Приведем в качестве примера одну из работ студентов, в которой представлен результат аналитической сопоставительной работы по решению данной проблемной задачи.

В 70–80-е годы критиков журнала «Дело», Н. В. Шелгунова, П. Н. Ткачева и многих других литературные произведения интересовали фактически только с конкретно-прагматической, социально-результативной точки зрения. Так, П. Н. Ткачев, явно под влиянием Д. И. Писарева, применял при анализе литературных явлений рационалистический метод естественных наук. Основанием для этого служило убеждение в том, что писатель, как и ученый, исследуя наиболее характерные явления времени, должен выявлять и выражать определенную тенденцию, совпадающую с прогрессивными устремлениями «прогрессивной» части общества. Соответственно, понятие «художественная правда» имело социально-злободневное содержание и было синонимично понятию «художественность».

При таком подходе П. Н. Ткачев негативно оценивал творчество Л. Н. Толстого. Например, в статьях «Салонное художество» (1878), посвященной роману «Анна Каренина», и «Больные люди» (1873), посвященной роману Ф. М. Досто-

евского «Бесы», писатели обвинялись в одностороннем интересе к психически неустойчивым, патологическим личностям. Это не значит, что П. Н. Ткачев не мог по достоинству оценить художественный талант Ф. М. Достоевского. В статьях, посвященных проблеме социального и психологического угнетения, – «Литературное попури» (1876 – о романе «Подросток») и «Новые типы «забитых людей» (1876 – о романе «Братья Карамазовы») критик указывал на важность самого обращения романиста к столь сложной проблеме.

Анализ художественного достоинства произведений уходил на второй план. Любопытно, что в статье «Беллетристы-эмпирики и беллетристы-метафизики» (1875) Л. Толстой, И. Тургенев и Ф. Достоевский в качестве «метафизиков» были обвинены в том, что воспроизводят нравственно-психологические «абстракты», не подвергнутые аналитическому рассмотрению. Возникает вопрос: кого же тогда П. Н. Ткачев называет «эмпириками»? По его убеждению, хотя Глеб Успенский, В. А. Слепцов и другие писатели изображают реальную жизнь «низших, некультурных слоев общества», однако они не могут отличить закономерное от случайного, не могут подняться до обобщения. П. Н. Ткачев как идеолог народничества с грустью констатирует, что писателей, в основе творчества которых лежит научный метод, нет в современной литературе.

Н. В. Шелгунов был убежден, что «люди литературного труда – лучшая интеллигенция страны. Они всегда стоят во главе умственного движения, они его светочи и руководители», утверждал особую значимость литературной критики, высоко ценил В. Г. Белинского, полемизируя с представи-

телями «эстетической» критики («Двоедушие эстетического консерватизма», 1870).

Н. В. Шелгунов отвергал литературное учение А. А. Григорьева за увлечение абстрактными «вечными» истинами («Пророк славянофильского идеализма», 1876). Он пошел дальше Н. А. Добролюбова в оценке литературно-общественной роли А. С. Пушкина и др. «людей сороковых» («Люди сороковых и шестидесятых годов», 1869; «Народный реализм в литературе», 1871), сдержанно оценивал творчество И. С. Тургенева, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и других авторов 60–80-х годов, противопоставляя им писателей-народников.

Таким образом, очевидно, что использование в образовательных целях различных приемов организации самостоятельной работы способствует эффективной подготовке студентов к будущей профессиональной деятельности, развивает их способности и формирует необходимые компетенции.

Литература

1. История русской литературной критики: учебник для вузов / В. В. Прозоров, О. О. Милованова, Е. Г. Елина и др. ; под ред. В. В. Прозорова. – М. : Высшая школа, 2002. – 463 с.
2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. – М., 2002.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учебное пособие / под ред. Е. С. Полат. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 272 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 031300.62 «Журналистика», утвержденный приказом Минобрнауки от 21.12.2010 г. № 775.

ВОСПРИЯТИЕ ВРЕМЕНИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ В. Г. БЕЛИНСКОГО И И. А. ИЛЬИНА

Время – одна из самых важных и сложных в плане теоретического осмысления категорий литературной критики. За последние годы, пожалуй, только в монографии А. М. Штейнгольд «Анатомия критики (природа, структура, поэтика)» категории времени уделена специальная глава (СПб., 2003)¹. Размышления о времени применительно к творчеству В. Г. Белинского содержатся в книге Г. Ю. Карпенко «Возвращение Белинского» (Самара, 2001)², применительно к литературной критике И. А. Ильина – в работе М. Р. Тарасовой «Художественные особенности литературной критики И. А. Ильина» (Южно-Сахалинск, 2009)³. В целом же проблема находится в стадии разработки, в стадии сбора, анализа и обобщения материала. Особенно это касается литературной критики XX века (многие ее представители еще только ждут своих исследователей, в том числе по данному вопросу). В предложенной статье делается попытка сопоставить авторов разной степени изученности (эталонного мастера, классика Белинского и почти неизвестного широкому читателю Ильина), авторов с разной мировоззренческой доминантой (исторической у Белинского и метафизической у Ильина) с тем, чтобы присмотреться внимательнее к тому, как они реализуют свое представление о времени в литературно-критическом тексте.

В творчестве В. Г. Белинского категория времени достаточно полно, на наш взгляд, представлена в пушкинском цикле, который включает в себя одиннадцать статей, создававшихся в период с 1843-го по 1845-й годы. В основу цикла положен принцип хронологической последовательности, соответствующий линейной направляющей литературного процесса. Указанный принцип организует и контекст, в который вписывается творчество Пушкина, и само творчество Пушкина. (Напомним: статья первая называется «Обозрение русской литерату-

ры от Державина до Пушкина», статьи вторая-четвертая посвящены современникам Пушкина, статьи пятая-одиннадцатая – непосредственно творчеству самого поэта. А в пределах творчества Пушкина анализ начинается с лирических произведений, взятых в их хронологической последовательности, затем – по очередности – переходит к поэмам, «Евгению Онегину», «Борису Годунову» и, наконец, последним произведениям поэта). В статье четвертой (1843) Белинский прямо пишет: «Приступая к критическому обозрению творений Пушкина, мы будем строго держаться хронологического порядка, в каком являлись они»⁴.

Само время представлено в цикле в двух аспектах – как собственно хронология (прошлое, настоящее, будущее – физическое время) и как процесс обновления поколений (время историческое). Реальное (физическое) время течет у Белинского как река – из будущего в прошлое: «Година безвременной смерти Пушкина, с течением дней (выделено мной. – М. Т.), отодвигается от настоящего все далее и далее...» [75]. Историческое время, напротив, движется из прошлого в будущее («общество движется, идет вперед через свой вечный процесс обновления поколений»). Скорость их движения не совпадает. Общество, преодолевая сопротивление течения (времени) силой своих стремлений, движется медленнее, хотя в целом «на Руси все растет не по годам, а по часам, и пять лет для нее – почти век» [75]. (В пределах общества Белинский различает также передовую, более образованную и подвижную его часть и «почву», народ – силу «охранительную, консервативную»⁵.)

Любопытно, что общество у Белинского движется не только вперед (научно-технический прогресс, цивилизация), но и вверх («На Руси все *растет* не по годам...»), то есть, применительно к обществу можно говорить о *внешнем*

¹ Штейнгольд, А. М. *Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика)* / А. М. Штейнгольд. – СПб., 2003. – С. 168–197.

² Карпенко, Г. Ю. *Возвращение Белинского: Литературно-художественное сознание русской критики в контексте историософских представлений* / Г. Ю. Карпенко. – Самара, 2001.

³ Тарасова, М. Р. *Художественные особенности литературной критики И. А. Ильина* / М. Р. Тарасова. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 132–138.

⁴ Белинский, В. Г. *Сочинения Александра Пушкина: статья четвертая* / В. Г. Белинский // *Собр. соч. : в 9 т.* – М., 1981. – Т. 6. – С. 224. Далее цитирую Белинского по этому источнику с указанием страниц в тексте.

⁵ См.: Белинский, В. Г. *Сельское чтение* / В. Г. Белинский // *Современные заметки.* – М., 1983. – С. 371.

и *внутреннем* измерении исторического времени. Внутреннее время, по Белинскому, должно стремиться к согласованному единству чувства и разума, к балансу интересов – общественного и частного: «...Но горе тому, – пишет он, – кто, в наше время, здание счастья своего вздумает построить на одной только любви и в жизни сердца вознадеется найти полное удовлетворение всем своим стремлениям! В наше время это значило бы отказаться от своего человеческого достоинства, из мужчины сделаться – самцом! Мир действительный имеет равные, если еще не большие права на человека, и в этом мире человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающим к сердцу его интересы и ревностно борющимся, по мере сил своих, его преуспеянию на пути нравственного развития» [127].

Современность, по справедливому замечанию А. М. Штейнгольд, – это та точка отсчета, которая выявляет специфику критики. Белинский всячески подчеркивает сиюминутность общения с читателем, «здесь и сейчас» их горячего диалога о судьбах русской словесности, Отечества в целом (важнейшими стилевыми приемами-показателями в данном случае являются общая установка на разговорную речь, настойчивые повторы «в наше время», «в наше время» и т. д.). Белинский заражает своим энтузиазмом, но, с головой погруженный в атмосферу сороковых годов (новое время – новое поколение – новые духовные запросы – новая литература), он порой полемически утрирует некоторые оценки (как в приведенной цитате, представляя Пушкина романтиком по преимуществу).

С точки зрения намеченного идеала – гармония мысли и чувства, сердца и разума – поколение 40-х годов, по мнению Белинского, «гораздо ближе к жизни древних, чем к жизни средних веков, и гораздо *выше* тех и других» [128]. (Выделено мною. – М. Т.) То есть на уровне внутреннего исторического времени далекое прошлое может ощущаться близким, гораздо более близким, чем времена не столь отдаленные. С другой стороны, то же внутреннее историческое время с его «античными» потенциями способно будет в мировоззрении позднего Белинского в какой-то мере заменить характерную для его раннего творчества вертикаль Духа, следы которой, впрочем, очевидны и в пушкинском цикле. Вот один из примеров:

«В какой бы сфере человеческой деятельности ни проявился гений, – он всегда есть олицетворение творческой силы духа, вестник обновления жизни. Его назначение – ввести в жизнь

новые элементы и, через это, двинуть ее *вперед, на высшую ступень*. (Выделено мною. – М. Т.) Явление гения – эпоха в жизни народа. Гения уже нет, а народ долго еще живет в формах жизни, им созданной, долго – до нового гения» [437].

Или еще более конкретные размышления о бесконечном и бесконечности:

«Есть в человеке чувство бесконечного; оно составляет основу его духа, и стремление к нему есть пружина всякой духовной деятельности. Без стремления к бесконечному нет жизни, нет развития, нет прогресса. Сущность развития состоит в *стремлении* и *достижении*. Но когда человек чего-нибудь достигает, он не останавливается на этом, не удовлетворяется этим вполне; напротив, торжество достижения бывает в его душе непродолжительно и скоро побеждается новым стремлением» [147].

Для Белинского очень характерен этот образ лестницы – поступательного движения вперед и вверх, в целом ориентированного на историческую горизонталь: «Таково свойство бесконечного: дух человека в состоянии охватить его только в моментальном, конечном его проявлении, в условиях временной последовательности; и потому, достигая *чего-нибудь*, он тотчас же видит, что не достигнул *всего*. Тогда он отрицает достигнутое им *нечто*, как не выражающее бесконечного, и думает достигнуть его в другом. В этом состоит сущность жизни как непрерывного развития, непрерывного движения вперед» [147].

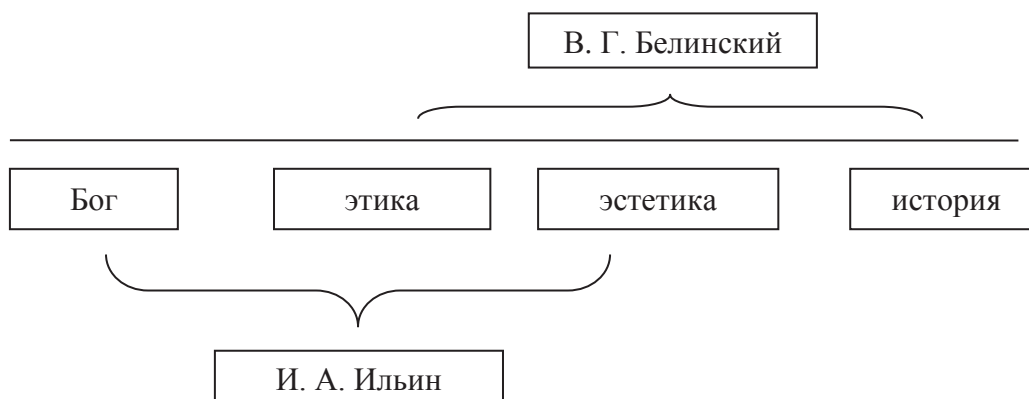
Говоря о бесконечности, В. Г. Белинский имеет в виду, прежде всего, «недостижимость цели», «беспрерывное движение вперед» в «условиях временной последовательности», «в сфере практического мира», сопряженное с «вечным *деланием*», «стремлением», «прогрессом». Его взгляд направлен вдаль – параллельно земле, и в этом смысле его бесконечность ближе по своему содержанию к будущему, чем к вечности. Белинский – предельно историчен. Однако новое стремление у него всегда «*выше* предшествовавшего, новая цель *выше* достигнутой» [148] – таким образом, бесконечность времени насыщается полнотой духа: «Сознание Белинского все заключается в понимании жизни и цивилизации как сил, предназначенных на доставление человеку *полноты духовного* и *материального* существования. По количеству идей и представлений, способствующих осуществлению той полноты разумного бытия, какая носилась перед его глазами в форме идеала, он судил об относительном достоинстве и значении эпох, людей и произведений их»⁶.

В свое время И. А. Ильин определил духовность как волю к совершенству, как силу само-

⁶ Анненков, П. В. Замечательное десятилетие. 1838–1848 / П. В. Анненков // Литературные воспоминания. – М., 1989. – С. 336.

определения к лучшему. Эта формула верна и для Белинского. С тем уточнением, что совершенство у Ильина – Бог и стремление к Нему («жажда Бога»), совершенство у Белинского –

высокие идеалы, нравственность вообще (не исключаяющие, впрочем, религии и религиозности как своих частных проявлений). Схематически это можно представить так:

Каждое время имеет у В. Г. Белинского своих поэтов, которые относительно собственных предшественников неуклонно поднимаются вверх по исторической лестнице. Например, «Лермонтов призван был выразить собою и удовлетворить своею поэзией несравненно *высшее*, по своим требованиям и своему характеру, время, чем то, которого выражением была поэзия Пушкина» [79–80]. (Выделено мною. – М. Т.)

Интересно в этом смысле сравнить ретроспективное ощущение Пушкина у В. Г. Белинского и И. А. Ильина. И. А. Ильин, в частности, пишет: «И чем дальше мы отходим от него (от Пушкина – М. Т.), тем величавее, тем таинственнее, тем чудеснее рисуется перед нами его образ, его творческое обличие, подобно великой горе, не умаляющейся, но возносящейся к небу по мере удаления от нее...»⁷.

Пушкин у Ильина символизирует ту божественную, пророческую вертикаль, на которую ориентируется (или должна ориентироваться) русская культура. При этом И. А. Ильину важна не столько дальность расстояния, отделяющего нас от Пушкина, сколько глубина и четкость духовного видения, которая в религиозной системе координат прямо от времени не зависит и всегда только приближает нас к Пушкину, а не удаляет от него. В этом смысле Пушкин был и остается абсолютной величиной русской литературы.

У Белинского Пушкина уносит река времени, для Пушкина у Белинского «настает уже потомство» [75]... Настоящее время Пушкина (1799–1837 годы) для Белинского – прошлое; настоящее время Белинского (1843–1845 годы) для Пушкина – будущее, другая эпоха. В линейно-исторической перспективе такие несовпадения,

«противотоки» естественны, как естественны и обусловленные аберрацией дальности/близости погрешности восприятия даже очень крупных явлений культуры. Вот и Белинский пишет:

«Как бы то ни было, но по своему воззрению Пушкин принадлежит к той школе искусства, которой пора уже миновала совершенно в Европе и которая даже у нас не может произвести ни одного великого поэта. *Дух анализа, неукротимое стремление исследования, страстное, полное вражды и любви мышление сделались теперь жизнью всякой истинной поэзии. Вот в чем время опередило поэзию Пушкина и большую часть его произведений лишило того животрепещущего интереса, который возможен только как удовлетворительный ответ на тревожные, болезненные вопросы настоящего*» [286–287]. (Выделено мною. – М. Т.)

Пушкин для Белинского вне «злобы дня» и потому отчасти «устарел». Для Ильина с его установкой на вечные ценности Пушкин будет актуален всегда, насыщая каждый момент времени истинами высшего порядка. По Ильину, ценность тех или произведений, творений человека определяет не «злоба дня», но то, что лежит вне времени – их духовная, предметная сущность. Он, в частности, пишет: «Всякий прекрасный образ искусства, всякая математическая проблема – вне времени и вырывают тебя из наполненного страхами и заботами будущего, дают тебе покой и отдых. Устремись в глубины человеческого духа с книгой Лейбница, Шеллинга или Гегеля в руках; или еще лучше – обрати свой взор ввысь, к Богу, – и ты обретешь вечность»⁸.

В. Г. Белинский – подчеркнуто историчен. В соответствии с логикой своих размышлений он

⁷ Ильин, И. А. Пророческое призвание Пушкина (1937) / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 2. – С. 38.

⁸ Ильин, И. А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И. А. Ильин // Книга раздумий. – М., 2007. – С. 14.

ставит перед критикой задачу выявлять в том или ином художнике достоинства безусловные (имеющие значение и для настоящего и для будущего) и достоинства временные (имеющие значение только для настоящего), в связи с чем непосредственно о Пушкине пишет: «...Пушкин, не утрачивая в настоящем и будущем своего значения как поэт великий, тем не менее был и поэтом своего времени, своей эпохи, и что это время уже прошло, эта эпоха сменилась другою, у которой уже другие стремления, думы и потребности. Вследствие этого Пушкин является перед глазами наступающего для него потомства уже в двойственном виде: это уже не поэт безусловно великий и для настоящего и для будущего, каким он был для прошедшего, но поэт, в котором есть достоинства безусловные и достоинства временные, который имеет значение артистическое и значение историческое, словом, поэт, только одною стороною принадлежащий настоящему и будущему, которые более или менее удовлетворяются и будут удовлетворяться им, а другою, большею и значительнейшею стороною вполне удовлетворявший своему настоящему, которое он вполне выразил и которое для нас – уже прошедшее» [76]. Такая вот непростая диалектика прошлого, настоящего и будущего, «артистического» (художественного) и «исторического». Пушкин – поэт великий, принадлежащий настоящему (времени Белинского) и будущему, но он же и поэт своей эпохи, частью наследия принадлежащий прошлому и только прошлому; историческое значение «Руслана и Людмилы», например, «гораздо важнее значения художественного» [306] и так далее. Время у Белинского – лучший судья и самый надежный критик: «Так всегда время побеждает предрассудки людей и на их развалинах восстанавливает победоносное знамя истины; но тем не менее для будущего времени всегда остается та же работа» [300].

Опираясь на категорию времени, Белинский предлагает определенную классификацию пишущих: «Есть два рода деятелей на всяком поприще: одни своими делами творят новую эпоху, действуют на будущее; другие действуют в настоящем и для настоящего. <...> Первые, если они действуют на литературном поприще, завещают потомству творения вечные, неумирающие; вторые – пишут для своих современников, и их произведения для будущих поколений получают уже не безусловное, но только историческое значение, как памятники известной эпохи» [106]. (И. А. Ильин сказал бы, что *вечные* творения потому и не умирают, что ориентированы не на будущее, а на вечное – на последнюю, религиозную, глубину мира и человека.)

Историзм лежит в основе всех размышлений Белинского. Так, Пушкин у него – не только дар русской культуре «сверху», «олицетворение творческой силы духа», но и явление, подготовленное всем ходом развития русской литературы «и, конечно, Батюшков много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно» [187]. «Муза Пушкина была вскормлена и воспитана творениями предшествовавших поэтов. Скажем более: она приняла их в себя, как свое законное достояние, и возвратила их миру в новом, преображенном виде» [219]. Или: «“Лицейские” стихотворения Пушкина, кроме того, что показывают, при сравнении с последующими его стихотворениями, как скоро вырос и возмужал его поэтический гений, – особенно важны еще и в том отношении, что в них видна историческая связь Пушкина с предшествовавшими ему поэтами; из них видно, что он был сперва счастливым учеником Жуковского и Батюшкова, прежде чем явился самостоятельным мастером» [225].

Белинский постоянно противопоставляет *то* и *это* время, *тогда* и *теперь*, выявляя на этом контрасте частоту интеллектуального пульса эпохи, уровень его наполнения, интеллектуальное *качество* тех или иных моментов исторического бытия. У каждого времени, согласно Белинскому, свой колорит, «своя задушевная дума, то радостная, то тяжелая; есть свои потребности и свои интересы, а потому и своя поэзия» [176]. Что касается самой поэзии, то и для нее есть времена более или менее благоприятные, публика бывает готова и не готова оценить художественное совершенство того или иного произведения...

Время в пушкинском цикле Белинского, помимо основной своей функции отражать и упорядочивать исторический процесс в личностном восприятии автора, выполняет еще и «автобиографическую» функцию, отражая эволюцию взглядов критика как таковую. Б. Ф. Егоров пишет: «Прочитывая цикл, читатель движется не только по этапам истории русской литературы и по этапам пушкинского творчества; но и по тем сдвигам в сознании Белинского, по тем изменениям, которые произошли в отношении критика к этим этапам. Сочетание “кругового” лейтмотива (“пафос художественности”) с этими “векторными” принципами создает сложный и интересный идеологический комплекс»⁹.

В целом, историзм является огромным преимуществом литературно-критического метода, позволяющим создавать более полную, емкую и объективную картину происходящего. И. А. Ильин, конечно, предлагает самый короткий – прямой – путь к истине. Истинно все,

⁹ Егоров, Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского / Б. Ф. Егоров. – М., 1982. – С. 110–111.

что ведет к Богу, считает он. Но, во-первых, как утверждал Белинский, «всякая *живая* истина всегда носит на себе отпечаток временно-го, условного»¹⁰, хотя и служит духу: «истина идет всеми путями, часто не разбирая их»¹¹. А, во-вторых, вопрос «что есть истина?» может оставаться для человека открытым или не до конца проясненным. Тогда, по мнению Белинского, возможны отступления: «...чтобы дойти до места, часто надо дать большой крюк, совершить длинный обход, ворочаться с дороги назад. Царство истины есть обетованная земля, и путь к ней – аравийская пустыня»¹². Главное, чтобы в этих отступлениях, «в этих страстях и противоречиях была *разумность* и *человечность* (Выделено мною. – М. Т.), и их результаты вели бы человека к его цели, – а суд принадлежит не нам: для каждого человека суд в его делах и их следствиях! Мы должны требовать от искусства, чтобы оно показывало нам действительность, как она есть, ибо, какова бы она ни была, эта действительность, она больше скажет нам, больше научит нас, чем все выдумки и поучения моралистов...»¹³.

Данная позиция представляется весьма продуктивной в координатах реального, исторического времени. Она позволяет не выплеснуть с водой ребенка, позволяет учесть промежуточные результаты, нюансы, оттенки того или иного процесса, явления. Она обеспечивает определенный уровень толерантности, необходимый для эффективного диалога («Можно чье-нибудь убеждение считать ошибочным и ложным, но нельзя ругаться за него»¹⁴). Она оставляет за художником (и критиком) право на ошибку («Мы не завидуем *готовым натурам*, которые все узнают за один присест и, узнавши раз, одинаково думают о предмете всю жизнь свою, хвалясь неизменчивостию своих мнений и неспособностью ошибаться»¹⁵), право на выбор предмета изображения: «Творчество, по своей сущности, – писал Белинский, – требует безусловной свободы в выборе предметов не только от критиков, но и от самого художника. Ни ему никто не вправе задавать сюжетов, ни он сам не вправе направлять себя в этом отношении. Он может иметь определенное направление, но оно у него только тогда может быть истинно, когда, без усилия,

свободно, сходится с его талантом, его натурой, инстинктами и стремлением. Он изобразил вам порок, разврат, пошлость; судите, верно ли, хорошо ли он *это* сделал; а не толкуйте, зачем он сделал *это*, а не *другое*, или, вместе с *этим*, не сделал и *другого*»¹⁶ (И. А. Ильина как раз волнуют вопросы, *зачем* художник взялся за ту или иную тему, и надо ли *хорошо* показывать порок, разврат, пошлость).

Талант может быть односторонним и при этом великим в своей односторонности¹⁷, считает В. Г. Белинский. Мысль может быть истинной, даже если противоречит личным убеждениям критика.¹⁸ Суждения современников, какими бы предвзятыми они ни были, являются частью истины: «...свидетельство современников, как всегда пристрастное, не может служить доказательством истины и последним ответом на вопрос; но оно всегда должно приниматься в соображение при суждении о писателях, ибо в нем всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства»¹⁹... Таковы позитивные следствия историко-диалектического подхода к литературе и искусству. Ослабление историзма, при всех других достоинствах критики И. А. Ильина, сужает, на наш взгляд, ограничивает коммуникативные, филологические возможности его метода.

Что касается В. Г. Белинского, то, усиливая за счет историзма свою литературоведческую дальновидность, он теряет порой в духовной предметности и глубине исследования, поскольку недооценивает нечувствительный, или сверхчувственный, религиозный опыт. Подчеркнем: в подтексте у Белинского есть понимание особой, таинственной призванности художника, но он не всегда акцентирует эту мысль. В его статьях она звучит вскользь, приглушенно, например: «Но одна только смена поколения поколением еще недостаточна для движения человечества по пути развития и совершенствования: в отношении к движению юные поколения играют роль только плодородной почвы, на которой скоро принимаются семена преуспеяния. Семена же эти бросаются на плодородную почву гениями – этими избранниками и помазанниками свыше, творящими волю посылающего их...»²⁰ Белинский

¹⁰ Белинский, В. Г. *Современные заметки* (1847) / В. Г. Белинский // *Современные заметки*. – М., 1983. – С. 260.

¹¹ Белинский, В. Г. *Горе от ума* (1840) / В. Г. Белинский // *Взгляд на русскую литературу*. – М., 1982. – С. 202.

¹² Белинский, В. Г. *Герой нашего времени* (1840) / В. Г. Белинский // *Взгляд...* – С. 328.

¹³ Там же.

¹⁴ Белинский, В. Г. *Современные заметки* (1847) / В. Г. Белинский // *Современные заметки*. – М., 1983. – С. 283.

¹⁵ Белинский, В. Г. *Сочинения Александра Пушкина: статья первая* (1843) / В. Г. Белинский // *Взгляд...* – С. 397.

¹⁶ Белинский, В. Г. *Ответ «Москвитянину»* (1847) / В. Г. Белинский // *Современные заметки*. – М., 1983. – С. 342.

¹⁷ Там же. – С. 344.

¹⁸ Белинский, В. Г. *Менцель, критик Гете* (1840) / В. Г. Белинский // *Современные заметки*. – М., 1983. – С. 76.

¹⁹ Белинский, В. Г. *Сочинения Александра Пушкина: Статья первая* (1843) / В. Г. Белинский // *Собр. соч. : в 9 т.* – М., 1981. – Т. 6. – С. 85.

²⁰ Белинский, В. Г. *Руководство к всеобщей истории* (1842) / В. Г. Белинский // *Современные заметки*. – М., 1983. – С. 212.

видит, что мир – не хаотическое сцепление случайностей, что это тонко налаженный организм («организация»), но, если можно так выразиться, остается в сфере земного притяжения, тогда как методологический и художественный идеал, вероятно, лежит на пересечении историзма и духовного возрастания, просветления, прозрения.²¹ И когда И. А. Ильин пишет, что «рука художника, протянутая к миру, ищет существенно-го, не “типичного”, то есть часто встречаю-

щегося или общераспространенного и потому наглядно-доступного, как думают иные критики и читатели, а именно *существенного, глубинно-коренного, судьбоносного, субстанциального* и потому *властно-определяющего*»²², он хочет именно отодвинуть русскую культуру от края, вернуть ее с периферии к центру, к точке Бога, ибо «Господь есть как бы художник мира, а творящий художник (и критик. – М. Т.) – Его духовный “зритель”, “слушатель” и “читатель”»²³.

²¹ В любом случае, В. Г. Белинского вряд ли уместно квалифицировать как лидера-антигероя, предопределившего тот путь исторического развития, который прошла Россия в XIX и XX веках. Данную точку зрения разделяют, в частности, Д. С. Мережковский, А. Л. Волынский, К. В. Мочульский, М. М. Дунаев.

²² Ильин, И. А. Основы художества. О совершенном в искусстве / И. А. Ильин // Собр. соч. : в 10 т. – М., 1996. – Т. 6. – Кн. 1. – С. 150.

²³ Там же. – С. 154.

КОММУНИКАТИВНОЕ НАМЕРЕНИЕ КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Данная статья посвящена проблемам коммуникативного взаимодействия, лежащим в основе любой социальной интеракции, которые интересуют исследователей (теоретиков и практиков) с целью оптимизации любых коммуникативных актов (в письменном общении, устном общении, опосредованном общении); ориентирования на развитие коммуникативной компетентности в современных условиях речевой практики, в частности, на осознание носителем языка необходимости точной реализации коммуникативного намерения (далее – КН) как залога коммуникативной удачи при создании речевого продукта.

Коммуникативное намерение – конкретная цель высказывания говорящего в любом речевом действии. Это сложная и неоднозначная категория, которая может быть исследована в межпредметной парадигме, при использовании таких областей научного знания, как лингводидактика, теория речевой деятельности, психолингвистика, социоллингвистика, экстралингвистика.

Рассмотрим определения данного понятия, которые представлены в современных исследованиях.

По определению Л. Е. Туминой, «коммуникативное намерение (интенция) обозначает конкретную цель высказывания говорящего, то есть спрашивает ли он, или утверждает, или призывает, осуждает или одобряет, советует или требует и т. д. Коммуникативное намерение является регулятором речевого поведения партнеров. Наряду с понятием КН существует понятие “интенция” (от лат. Intentio – “стремление”) – намерение, цель, направление или направленность сознания, воли, чувства на какой-нибудь предмет. Эти понятия синонимичны. Любое отдельно взятое речевое действие в диалоге, монологе используется для выполнения конкретного коммуникативного намерения. Интенция всегда присутствует в сознании говорящего, но не всегда эксплицитно выражена языковыми средствами»¹.

Несколько шире определение М. Р. Львова: «Коммуникативное намерение – мотивационная и подготовительная части речевого акта: осозна-

ние ситуации, побуждающей к высказыванию; целеполагание; определение основного содержания речи; принятие ряда решений о форме высказывания; осмысление ожидаемого результата (прогнозирование) и пр.»².

Естественно, все эти компоненты коммуникативного намерения в процессе общения осуществляются как действия (определить мотив, оценить речевую ситуацию, выбрать форму высказывания, спрогнозировать ситуацию). Причем эти действия (мыслительные операции) выполняются одновременно, частично (иногда и полностью) на уровне подсознания. Одновременность достигается за счет речевого и коммуникативного опыта носителя языка.

В процессе рассуждений о природе коммуникативных намерений мы сделали некоторые выводы, которые приводим ниже.

1. По главному мотиву включения в речевой акт КН делятся на информационные, мобилизующие и эмоциональные.

Говоря об **информационных** коммуникативных намерениях, мы имеем в виду интенции, осуществляя которые коммуникант стремится дать информацию или квазиинформацию.

Это не открытки, а фотографии. Их сделала американская фотохудожница Мэри Купер. Каждая фотография эксклюзивна.

Если говорящий пытается заставить собеседника выполнить какое-либо действие (речевое, мыслительное, физическое), то намерение его высказывания будет относиться к **мобилизующим**.

Постарайся побыстрее оформить заключение о проделанной работе.

В случае если в процессе высказывания говорящий старается воздействовать на психологию, эмоциональную сферу адресата (улучшить / ухудшить его настроение; вселить веру / разубедить; ободрить / лишить надежды и под.), то его коммуникативное намерение будет относиться к разряду **эмоциональных**.

Из всех моих друзей ты единственный, кто одобряет мой поступок.

В процессе общения коммуниканты, как правило, реализуют одновременно несколько интен-

¹ Тумина, Л. Е. Коммуникативное намерение (интенция) / Л. Е. Тумина // Педагогическое речеведение : словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской ; сост. А. А. Князьков. – М. : Флинта : Наука, 1998. – С. 82.

² Львов, М. Р. Риторика : учебное пособие для учащихся старших классов средних учебных заведений / М. Р. Львов. – М. : издательский центр «Academia», 1996. – С. 217.

чейства, о решениях парламента, о неурожае, поразившем провинции, о положении в гарнизонах, о Фландрии, о требованиях и прошениях баронских лиг Бургундии и Шампани?

Подспудный смысл этих слов был вполне ясен: «Государь, вот какими вопросами ведаю я, да и многими другими, о которых я могу еще долго вам говорить. Неужели вы полагаете, что сможете обойтись без меня?»³

Выражаясь языком математики, при «явно выраженном» коммуникативном намерении значение суммы лексических значений слов совпадает с их отдельными значениями.

Захвати с балкона бутылку минералки.

В этих фразах коммуникант сказал то, что хотел сказать на самом деле.

Скрытое намерение читается слушающим в «подтексте», во всех остальных, кроме вербального, компонентах выражения содержания высказывания.

Ты купил к ужину хлеб?

Говорящий недоволен, что слушающий опять забыл купить к ужину хлеба, недовольство проявляется в невербальных средствах выражения коммуникативного намерения (в интонации, жестах).

3. И «явно выраженные», и «неявно выраженные» коммуникативные намерения могут быть осознанными и неосознанными коммуникантом во время высказывания.

Осознанное (осознается говорящим, но реализуется не в словах, а с помощью невербальных компонентов при учете экстралингвистических факторов).

Ты не можешь принести мне установочный диск «InDesign CS2»?

Говорящий недоволен, что сотрудник (подчиненный) долго не может принести нужный диск (забывает или по другой причине), недовольство проявляется в интонации, жестах.

Неосознанное (не осознается говорящим, однако выражается против его воли в подтексте или в невербальных способах выражения КН).

Например, собеседник неприятен в общении для говорящего, но последний не хочет портить отношения, не хочет показать неприязнь. Однако эта неприязнь может быть прочитана реципиентом в невербальных средствах выражения и поведенческих особенностях говорящего.

4. Вербальный компонент выражения интенции чаще всего не является единственным способом выражения, он дополняется (или – в отдельных случаях – дополняет) невербаль-

ным компонентом. Кроме того, говорящий рассматривает на фоновые знания и речевой опыт реципиента(ов) и учитывает экстралингвистические факторы.

В логике есть близкий к слову «интенция» термин «интенциональность» – «зависимость истинностного значения высказывания не только от истинностного значения его более простых составляющих, но и от смысла психологических, прагматических, модальных нюансов этого высказывания»⁴.

Мы дали характеристику коммуникативным намерениям с точки зрения реализации. Далее приводим некоторые рассуждения о восприятии КН.

1. На «расшифровку» коммуникативного намерения адресантом влияют осознанные и неосознанные фоновые знания о предмете (или теме) высказывания, опыт речевого восприятия реципиента (в том числе его умение слушать).

2. Восприятие (понимание) коммуникативного намерения говорящего слушающим может быть **адекватным**, т. е. «прочитанным» слушающим в полном соответствии с тем, что действительно хотел сказать говорящий; и **неадекватным**. Представим себе описанную выше ситуацию беседы женщины и мужчины в здании аэровокзала несколько иначе. Мужчина не хочет продолжать случайное знакомство и может мысленно прореагировать на высказывание примерно так: «Какое мне дело до ее проблем? Небось, муж какой-нибудь крутой бизнесмен, купил ей такую тачку... Много их таких сейчас...» Коммуникативное намерение женщины полностью не понято мужчиной.

Неадекватное восприятие может быть искажено (не понято) полностью или частично. Продолжим «расшифровку» высказывания женщины ее собеседником: «Однако она водит машину, сама занимается техническими проблемами, выходит, женщина самостоятельна...». Коммуникативное намерение женщины частично не понято мужчиной.

Проведем аналогию между нашими размышлениями и словами известного телеведущего Сергея Доренко, сказанными в одном из интервью: «Каждый зритель получает от любой передачи то, что он ищет. Одни – информацию, другие – идеи, созвучные их идеям, третьи – эмоции, созвучные их эмоциям. Четвертые – еще Бог знает что».

3. Экстралингвистическая обстановка во время коммуникативного акта также имеет значение для восприятия КН.

³ Дрюон, М. Железный король. Узница Шато-Гайара. Яд и корона : романы : пер. с франц / М. Дрюон. – Иркутск : РППО «Росбланкоиздат», 1993. – 656 с.

⁴ Социологический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М. : изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – С. 107.

Для наглядности изобразим наши мысли с помощью математических выражений.

$$а) B1 = BK + HK + \text{ЭК},$$

где B1 – выражение КН;

BK – вербальный компонент;

HK – невербальный компонент;

ЭК – экстралингвистический компонент.

$$б) B2 = \PhiЗ + РО,$$

где B2 – восприятие КН;

ΦЗ – фоновые знания;

РО – речевой опыт восприятия.

Таким образом, реализация (Р) КН будет выглядеть следующим образом:

$$P = B1 + B2 = BK + HK + \text{ЭК} + \PhiЗ + РО.$$

Любой из компонентов может быть положительным (выраженным в той или иной степени) или отрицательным (не выраженным в данном речевом шаге).

Таким образом, коммуникативное намерение является одной из основных категорий современной лингвистики, так как, во-первых, концентрирует на себе внимание говорящего и слушателей, во-вторых, от его реализации зависит успешность речи.

ВОЗНЕСЕНСКИЙ О ХРУЩЕВЕ: САКРАМЕНТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ПОЭТА НА ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Свое воспоминание об официальной встрече 7 марта 1963 года руководства партии с творческой интеллигенцией в Кремле Андрей Вознесенский (один из участников этого события) отразил в эссе «Голубой зал Кремля», изданном в самом начале 2000-х годов. Озвучить столь сильные переживания и обнажить не только конфликтность, но и абсурдность знаменитого в 1960-е годы собрания, поэт решился только спустя много лет. На встрече генеральный секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев высказал суровое замечание в адрес некоторых деятелей отечественного кинематографа (режиссеров Григория Чухрая и Михаила Ромма) и провозгласил, пусть и несколько размытую, но при этом довольно жесткую «анафему» в адрес известных деятелей искусства (художников Иллариона Голицына и Бориса Жутовского, скульптора Эрнста Неизвестного, писателя Василия Аксенова и самого поэта Андрея Вознесенского). На заседании также находились такие известные представители отечественного искусства, как поэт Арсентий Тарковский, писатели Илья Эренбург и Вениамин Каверин, актер и режиссер Олег Ефремов. Позже Андрей Вознесенский в своем знаменитом эссе «Голубой зал Кремля» вспоминал обескураженные лица некоторых из присутствующих на заседании 1963 года.

Президиум на встрече представляли Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, Ф. Р. Козлов, Д. С. Полянский, Л. Ф. Ильичев, десятиметровые портреты которых, по словам Андрея Вознесенского, «украшали улицы по праздникам»¹. Кроме того, в президиуме в этот день заседали лауреаты Сталинских премий: писательница и сценарист Ванда Василевская, поэт Андрей Малышко, а также председатель КГБ Александр Шелепин. Похожая встреча состоялась и годом раньше (17 декабря 1962 года), и она представляла собой неофициальную беседу руководства партии с творческой интеллигенцией в Доме приемов ЦК партии. Замечания, озвученные Н. С. Хрущевым еще тогда, не были учтены деятелями искусства в полной мере. В связи с этим и состоялось громкое засе-

дание 1963 года, получившее полную огласку.

Андрей Вознесенский в своем эссе «Голубой зал Кремля» особенно четко воспроизвел сакраментальную картину отношений власти и советских граждан, «системы» и ее «механизмов». Поэт неслучайно вспоминает о том, как по праздникам несли портреты лидеров Страны Советов (подобно иконам во время крестного хода), как фигуры членов президиума «возвышались» над выступающим во время официальной встречи, какой честью для гражданина было приглашение в Кремль. «Как родители радовались – меня в Кремль позвали!» – констатировал Андрей Вознесенский в своем эссе.² И если общая атмосфера «сакрализации» власти имела навязанный и даже «диктаторский» оттенок, то отношение именно к политической фигуре Н. С. Хрущева, особенно со стороны интеллигенции, было если не мнимосакральным («вознесением» генерального секретаря до уровня обожествляемых персон), то – сакраментальным. Общество собственноручно наделило Н. С. Хрущева полубожественными чертами «освободителя» и «спасителя», обычных людей привлекали непосредственность и простота в общении Н. С. Хрущева с народом. «Не ведая сам, – писал об Н. С. Хрущеве поэт, – он был учеником сюрреалистов, их хэппенингов».³ При этом и заранее избранная интеллигенцией идеализация генерального секретаря психологически усилила тяжесть «удара» – грубого предупреждения, недовольства Н. С. Хрущевым современной культурой.

Основной претензией со стороны президиума и его сторонников являлось обвинение творческой интеллигенции в антисоветских настроениях в искусстве, в излишней вальяжности и свободомыслии, в пустом кокетстве, пижонстве, важничании и зауми, за которыми, по мнению партии, не стоит никакого глубокого, идеологического смысла. Главным обвинением в адрес творческой элиты было их обличение в поклонении перед Западом, во вмешивании в процесс построения социализма в других странах.⁴ Конкретно Андрея Вознесенского обвинили в беспартийности, в безыдейности, в клевете на

¹ Вознесенский, А. Собрание сочинений / Вознесенский Андрей. – Том 5. Пятый туз. – М.: Вагриус, 2002. – С. 169.

² Там же.

³ Там же. – С. 170.

партию, в либерализме и в преклонении перед «изменником Родины» и диссидентом Борисом Пастернаком. Тридцатилетнему поэту в грубой форме было предложено покинуть страну (уехать за границу), на что он отказался: «Поезжайте, поезжайте туда!!! (Аплодисменты.) Хотите получить сегодня паспорт? Мы вам дадим сейчас же! Я скажу. Я это имею право сделать! И уезжайте!»⁵. Василию Аксенову, как он сам вспоминал много лет спустя, в лице генерального секретаря ЦК КПСС было высказано обвинение в неблагодарности к Родине: «Так что ж Вы плюете в котел, из которого пьете?!»⁶

Как писал позже сам Андрей Вознесенский, весь последующий год (после заседания 1963 года) он скитался по стране и «где только ни скрывался»⁷. Он не звонил домой (боялся того, что его дом прослушивается), опасался читать стихи на публике, пребывал в состоянии депрессии и «отупевшего сознания»⁸. В обществе даже возникала ложная информация о том, что Андрей Вознесенский ...покончил с собой.

Следует заметить, что состояние, в котором пребывал поэт, приходилось на время, именуемое «хрущевской оттепелью». Андрей Вознесенский образно высказался на эту тему в эссе-воспоминании, говоря о том, что «ростки гласности бесили аппарат»⁹. Именно поэтому Н. С. Хрущев жестко пригрозил всем беспартийным и излишне либерально настроенным деятелям искусства: «Можете сказать, что теперь уже не оттепель и не заморозки – а морозы. Да, для таких будут самые жестокие морозы. (Продолжительные аплодисменты)»¹⁰.

Интересно вспомнить и слова известного художника Владимира Солоухина, сказанные Андрею Вознесенскому после пресловутого заседания: «Ведь это вся мощь страны стояла за ним – все ракеты, космос, армия. Все это на тебя обрушилось. А ты, былиночка, выстоял. Ну, ничего...»¹¹. Слова Владимира Солоухина как будто дополняют, разъясняют картину нежиз-

данного заморозка посреди оттепели, первых «ростков» и «былиночек».

Люди искусства всегда отличались прозорливостью. Размышление Андрея Вознесенского о том, что встреча президиума ЦК КПСС с творческой интеллигенцией 1963 года стала переломной и, может быть, сугубо конфликтной в отношениях правительства и части культурной элиты, не могло быть новым ни в 1960-х, ни тем более в 2000-х годах, (когда было впервые издано эссе-воспоминание Андрея Вознесенского). По-настоящему тонким и пророческим является наблюдение тридцатилетнего поэта, которым он поделится с читателями почти сорок лет спустя: «И тут в перекошенном лице Главы я увидел некую пробивающуюся мысль, догадку, будто его задело что-то, пробудило сознание, что-то стало раздражать – или это мне померещилось? – будто бы он увидел в ревущей торжествующей толпе свою будущую гибель, почуял стихийную силу взбесившейся неподконтрольной номенклатуры. Через год она свернет ему шею»¹². Этот небольшой отрывок из прозаического наследия Андрея Вознесенского детально отражает происходящие в далеком 1963 году события.

«Голубой зал Кремля» представляет собой не только своеобразный «дневник переживаний» одного из поэтов, критикуемого советской системой 1960-х годов, но и воплощает в себе образ типичного человека своего времени. Эссе Андрея Вознесенского является важным документом, иллюстрирующим всю сложность взаимоотношений между людьми власти и людьми искусства. В 2000 году в архиве города Пенза нашлась плёнка с записью эпизода, художественно-эссеистическое воплощение которого произошло в 2000 году. Кроме того, Андрей Вознесенский включил реплики Н. С. Хрущева на встрече в Кремле в стихотворение «Чат исторический» (2000), которое снабдил рисунками.

Сам Андрей Вознесенский никогда не скрывал доли уважения к генеральному секретарю СССР,

⁴ Член президиума Ванда Василевская в своем выступлении на указанном заседании заявила, что в Польше не могут построить социализм из-за того, что Вознесенский с Аксёновым мешают в этом. Причиной такого обвинения стало интервью, которое Вознесенский давал накануне в Польше. На вопрос, как относится он к старшему поколению творческой интеллигенции, поэт ответил, что делит литературу не по горизонтали, а по вертикали, то есть Пушкин, Лермонтов и Маяковский, в представлении Вознесенского, относятся к числу молодых авторов. Скандальности этой теории добавило присовокупление к вышеуказанным именам фамилий Пастернака и Ахмадулиной. (См. описание этого факта в эссе-воспоминании Вознесенского «Голубой зал Кремля» // Вознесенский Андрей. Собрание сочинений. – Том 5. Пятый туз. – М. : Вагриус, 2002. – С. 171).

⁵ Выдержка из стенограммы протокола заседания президиума от 7 марта 1963 года // <http://warsh.livejournal.com>

⁶ Аксенов Василий. Фильм-посвящение от 2 апреля 2011 года, ГТК «Культура».

⁷ Вознесенский, А. Собрание сочинений / Вознесенский Андрей. – Том 5. Пятый туз. – М. : Вагриус, 2002. – С. 178.

⁸ Там же. – С. 178.

⁹ Там же. – С. 169.

¹⁰ Выдержка из стенограммы протокола заседания президиума от 7 марта 1963 г. – Режим доступа : <http://warsh.livejournal.com>

¹¹ Вознесенский, А. Собрание сочинений / Вознесенский Андрей. – Том 5. Пятый туз. – М. : Вагриус, 2002. – С. 177–178.

¹² Там же. – С. 174.

даже после инцидента 1963 года и последовавшей после него травли. Действительно, Н.С. Хрущев долгое время оставался «надеждой»¹³ для интеллигенции, освободителем, человеком, которого обманывают, но которому все можно объяснить. И даже после того, как рухнула общественная иллюзия и сакрализация личности исчезла сама собой, Андрей Вознесенский несколько не умалял некоторых достоинств Н. С. Хрущева: «Чем Хрущев отличался от Сталина? Не политически, а эстетически. <...> Сталин был сакральным шоуменом эры печати и радио. Он не являлся публике. Хрущев же был шоуменом эпохи ТВ, визуальной эры. Один башмак в ООН чего стоит! <...> Хрущев восхищает меня как стилист»¹⁴.

В своем эссе-воспоминании Андрей Вознесенский поделился очень важным анализом переживаний, который четко воссоздает портрет Н. С. Хрущева в глазах интеллигенции до и после «падения» его власти. «Он ли виноват? Виновата Система, воспитавшая его»¹⁵ – гуманно писал Андрей Вознесенский, находя идеологические оправдания Н. С. Хрущеву. Система «Поэт и Царь» (об этой формуле автор также упоминает в эссе «Голубой зал Кремля»), по словам Андрея Вознесенского, всегда существовала в мире. «Как будто кого-то сейчас интересует, что думает власть о поэзии»¹⁶, – грустно шутил поэт.

Фигура Н. С. Хрущева стала уникальной для исторического времени в силу своей неоднозначности, эксцентричности и живости. Для интеллигенции он одновременно явился и надеждой, и абсолютным разочарованием, и... «блудным сыном», как бы странно это ни звучало на первый взгляд. Фактически Н. С. Хрущев был «отцом», не распознавшим собственных детей, отрекшимся от них. Не разглядев вокруг себя «изменников», позже его же свергнувших, политический лидер сам испытал на себе предательство и обман «товарищей», познал одиночество и, вероятно, многое переосмыслил.

Если говорить о настоящей культурной интеллигенции, то она всегда отличалась великодушием. А вот покаяние едва ли было свойственно кому-либо из достигших политических высот людей. Можно полагать, что Н. С. Хрущев и не

кался, – просто приспосабливался под сложившуюся ситуацию. Но ведь известно, что то или иное положение, в котором оказывается человек (например, крайность), способно повлиять на его представления о мире и на внутренние убеждения. Н. С. Хрущев по-своему был наказан за свою наивную, иногда грубую и не всегда разборчивую самоуверенность. В результате генеральный секретарь СССР сам оказался на месте людей, некогда «подавленных» им. Он стал, скорее, «подавленным», почти изменнически «придушенным» членами президиума, но уже не по причине идейных заблуждений и деспотии, а вследствие предательства и холодного расчета своих «коллег».

И в результате эти люди (выражаясь словами самого Н. С. Хрущева – «господа», «прынцы», «очкастые» и другими словами с безусловным бранным оттенком) с милосердием, со смирением и даже с едва заметной нежностью позже принимали незамысловатые оправдания генерального секретаря СССР. Это и были своего рода извинения, исходящие от «отца» (по факту) и от «ребенка» (по смыслу). И отношение творческой интеллигенции к этому политическому лидеру видоизменилось: от сакраментального (абсолютного доверия, образно говоря – вверения Н. С. Хрущеву своего будущего и «рукотворного», близкого к обожествлению генерального секретаря СССР) – к христианскому (понимание, прощение заблуждавшегося в чем-то человека, его приятие).

Поэты, художники, кинематографисты 1960-х годов в одночасье перестали видеть в Н. С. Хрущеве незыблемую надежду и свет. Они стали уповать лишь на себя, после чего «луч надежды» сам явился к ним ...в виде обычного человека (со своими ошибками и с поражениями). Таким образом, в 1960-е годы произошла существенная трансформация взгляда на Н. С. Хрущева: исчезла иллюзия и реальность политического обожествления имиджа, наметилась тенденция к перцепции собственно человеческого, адекватного земному. Именно Андрей Вознесенский запечатлел это изменение в мировоззрении интеллигенции в эссе «Голубой зал Кремля».

¹³ Вознесенский, А. Собрание сочинений / Вознесенский Андрей. – Том 5. Пятый туз. – М. : Вагриус, 2002. – С. 170.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. – С. 179.

¹⁶ Там же. – С. 175.

РУССКИЙ РОМАН В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1920-х ГОДОВ

Роман в русской литературе возник в середине XVIII века и с этого времени занимает одну из ведущих позиций среди литературных жанров, так как является самым крупным, сложным и универсальным. Роман выступает в иерархии жанров «как финальный жанр»¹, что не мешает ему быть подвергнутым противоречивым оценкам. А. В. Михайлов по этому поводу отмечает: «Он, этот роман, выглядит... и высоким, и низким жанром, и безыскусным, и искусственным, и эстетическим полноценным, и внеэстетическим, и художественным творением, и ремесленным изделием, и морально-назидательным риторическим опусом, и неморальным, чисто развлекательным сочинением»². Но в этих оценках и заключается многогранность, многозначность и совершенство романа.

За свою историю роман переживает и периоды особого спроса, и времена, когда интерес к нему заметно ослабевает. В самом начале XX века, например, серьезно говорят о кризисе романа и даже о его «конце». Исторические катаклизмы, которые переживала Россия в начале XX столетия, переносят акцент с отдельно взятой личности на массы, на социальные группы, на коллективы. Роман же с самого начала определяется «особым типом проблематики, а именно стремлением к изображению человека как личности»³. В связи с этим противоречием в начале 1920-х годов возникает стойкое ощущение заката жанра, его истощенности.

О. Э. Мандельштам в 1922 году пишет: «Ясно, что, когда мы вступили в полосу могучих социальных движений, массовых организованных действий, акции личности в истории падают и вместе с ними падают влияние и сила романа, для которого общепризнанная роль личности в истории служит как бы манометром, показывающим давление социальной атмосферы»⁴. «Мера романа, — отмечает он, — человеческая биография или система биографий», «роман немислим

без интереса к отдельной человеческой судьбе, фабуле и всему, что ей сопутствует»⁵.

О. Э. Мандельштам не видит будущего у традиционного романа: «Дальнейшая судьба романа будет ничем иным, как историей распыления биографии, как формы личного существования, даже больше чем распыления — катастрофической гибели биографии», «современный роман сразу лишился и ...личности, и психологии»⁶. В определенной мере великий поэт прав. Роман как «финальный жанр реалистической литературы»⁷ в 1920-е годы подвергается серьезному испытанию. Сам реализм претерпевает сильнейшее влияние модернизма в начале века, и говорить о чистоте жанра в условиях художественного синтеза не приходится.

Орнаментальная проза прочно занимает ведущие позиции в литературе первой четверти XX века, орнаментализм вносит свои коррективы в жанровую природу прозаических произведений. Романы Ф. Сологуба, А. Белого, М. Пришвина, К. Паустовского, Б. Пильняка — это уже другие романы, в которых не остается места «биографии», «судьбе», «фабуле». Ассоциативность, лейтмотивность, метафоричность, эмоциональность, всякого рода условность «правят бал» в романной прозе начала века. И все же роман, воюя в себя все новое, актуальное, что родилось в процессе модернизации литературного процесса, преодолев тенденцию распада, сохраняет как жанр свои позиции.

Размышляя о судьбе романа в 1920-е годы, Е. Скорospelова отмечает, что самоутверждение романа в эти годы является, прежде всего, «ответом на необходимость эстетически осмыслить эпоху бурного разлома традиционного и становление нового общественного сознания, “драму идей”, сопутствующую ломке традиционных форм и норм жизни. Романисты попытались воссоздать многообразное преломление этого процесса в сознании и судьбах людей разного

¹ Теория литературы. Роды и жанры. — М., 2003. — С. 286.

² Там же.

³ Эсалнек, А. Я. Основы литературоведения. Анализ художественного произведения / А. Я. Эсалнек. — М., 2001. — С. 78.

⁴ Мандельштам, О. Э. Конец романа / О. Э. Мандельштам // Мандельштам О. Э. Собр. соч. в 4 т. — Т. 2. — С. 268.

⁵ Там же. — С. 268–269.

⁶ Там же.

⁷ Теория литературы. Роды и жанры. — М., 2003. — С. 287.

происхождения, уровня развития, социальной и профессиональной принадлежности»⁸.

Вопреки прогнозам роман в 1920-е годы представлен достаточно широко. К жанру романа в эти годы обращаются М. Горький, М. Шагинян, Ю. Тынянов, О. Форш, Л. Леонов, В. Каверин, К. Федин, Вс. Иванов, А. Грин, М. Булгаков, Ю. Олеша, И. Эренбург, Е. Замятин, В. Шишков и др. И хотя время требует динамичных жанров: рассказа, очерка, повести, публицистической статьи, – роману отдана дань в полной мере. При этом роман развивается как в новаторском русле (М. Пришвин, М. Шагинян, Ю. Тынянов, А. Грин, М. Булгаков, Б. Пильняк), так и в русле традиционного, так называемого «старого романа»⁹ (М. Горький, Л. Леонов, В. Шишков). «Переход к роману в наших условиях, – отмечает известный в 1920-е годы критик и издатель Иван Лежнев, – знаменует вот что: человек, его судьба, его внутренняя жизнь, его коллизии и драмы опять узакониваются в своих правах»¹⁰.

Среди жанрового многообразия романов 1920-х годов обращают на себя внимание философский, исторический и авантюрный жанры.

Философский роман органичен времени стремительных перемен, переосмысления духовных и жизненных ценностей. Русская философская мысль на рубеже веков представлена очень ярко (И. Ильин, В. Розанов, Вл. Соловьев, Н. Бердяев), и она оказывает сильнейшее влияние на умы творческого склада, формируя мировосприятие в том числе и писателей. В 1920-е годы интерес к философским проблемам не иссякает. Мало того, новое время только обостряет необходимость решения основных философских проблем: место человека в обществе, взаимосвязь добра и зла, любви и ненависти, свободы и необходимости в жизни человека. Освещение этических норм человеческого бытия становится столь же актуально, как и в предшествующие времена. К жанру философского романа обращаются М. Пришвин, Л. Леонов, М. Булгаков, Ю. Олеша, Е. Замятин. Философские мотивы мы находим у Ю. Тынянова, О. Форш, И. Эренбурга, А. Платонова и других. Философский роман 1920-х годов представляет собой сложный синтез философской мысли и художественной образности.

Ярчайшим представителем философской прозы в русской литературе XX века является М. Пришвин. Писатель создает свою художественно-философскую систему, подарив читателям цикл

романов «Кашеева цепь» (1923), «Женьшень» (1933), «Кладовая солнца» (1945), «Корабельная роща» (1953). Мир, представленный писателем, полон радости, мира, света, тепла, добра. Писатель выражает в своем творчестве потребность преобразовать мир в прекрасную сказку, в которой добро всегда побеждает зло. Роман «Кашеева цепь» становится образцом лирико-философского романа в прозе XX века.

Юрий Олеша в романе «Зависть» (1926) остро ставит вопрос о влиянии научно-технического прогресса на внутренний духовный мир человека, о детерминированном сознании, о преступном пренебрежении общечеловеческими нравственными ценностями. Ю. Олеша хочет внести в «мир машин», который неизбежно настигает человека, эстетическое и художественное начало. Он, как и М. Пришвин, верит в силу красоты, радости, духовности.

Л. Леонов в романе «Вор» (1926) философские задачи решает в контексте социальных проблем. В постановке одной из проблем, которая волновала писателя, Л. Леонов созвучен Ю. Олеше. Он так же, как Ю. Олеша, размышляет о «клетке цивилизации», которую строит для себя человек. «...Позволяет нам наука в бездну заглянуть, – говорит герой романа, философствующий мастер Пчхов, – да она же и скинуть нас может... да еще в какую бездну!»¹¹. Для Л. Леонова важно, чтобы человек в вихре социальных бурь мог «посмотреть через лупу» на мир вокруг себя и увидеть: «Какая неукротимая жажда бытия в этом пониклом блеске, в бессвязном бормотании мокрой листвы спросонья»¹². Поэзия жизни, красота, вера в чудо, радость бытия – неоспоримые ценности человеческого устройства, и они должны быть сохранены в новом, рождающемся в крови и страданиях, мире. Эта идея становится ключевой в философской романистике 1920-х годов.

В 1920-е годы в обществе обострился интерес к **историческому прошлому** России. Литература не остается в стороне от этого процесса. Писатели в России и за рубежом ищут в исторических событиях ответы на многие вопросы современности, пытаются понять истоки и перспективы русской революции, особенности национального характера. Ю. Тынянов, О. Форш, В. Шишков, А. Чапыгин, А. Платонов, А. Веселый, М. Алданов в далеком прошлом России, как в зазеркалье, угадывают черты современного им времени, находят истоки потрясений начала XX века.

⁸ Скороспелова, Е. Б. *Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»)* / Е. Б. Скороспелова. – М., 2003. – С. 26–27.

⁹ Мандельштам, О. *Литературная Москва. Рождение фабулы* / О. Мандельштам // Мандельштам О. Слово и культура. – М., 1987. – С. 200.

¹⁰ Лежнев, И. *О романе и о Всеобуче* / И. Лежнев // Россия. – 1922. – № 7. – С. 10.

¹¹ Леонов, Л. *Вор* / Л. Леонов // Собр. соч. в 3 т. – Т. 3. – М., 1982. – С. 151.

¹² Там же. – С. 269.

Развитие исторического романа в русской литературе 1920-х годов идет по двум путям: изображение народа как коллективного героя истории (В. Шишков «Угрюм-река», А. Чапыгин «Разин Степан», А. Веселый «Россия, кровью умытая») и обращение к индивидуальному сознанию, отражение истории через восприятие отдельно взятой личности (Ю. Тынянов «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара», О. Форш «Современники», «Одетые камнем», А. Платонов «Епифановские шлюзы», М. Алданов, книга «Мыслитель»). Художественные поиски Ю. Тынянова, О. Форш, А. Платонова, М. Алданова особенно продуктивны. На страницах их произведений история рассматривается через призму философско-нравственных проблем, общечеловеческих идеалов, что придает произведениям гуманистический пафос. Синтез документа, факта, строгой объективности и художественного вымысла, сложного сюжетосложения, занимательности стали характерной чертой исторических полотен этих авторов. Кроме своеобразия раскрытия исторической темы, романы Ю. Тынянова, О. Форш, А. Платонова, М. Алданова стали интересны в аспекте поэтики. Лейтмотив, метафора, психологическая деталь, ирония – это и многое другое составили художественную палитру писателей.

Авантюрный роман в 20-е годы XX века в русской литературе переживает свое второе рождение. Зародившись еще в XVII веке, он был востребован в первой половине XIX века, а затем для него начинаются времена забвения. Авантюрный роман к середине XIX века практически вытеснен психологическим романом. Но 1920-е годы дают почву для возрождения интереса к этому жанру. Само время, события в стране послереволюционного периода рожают материал для произведений, в которых живет дух авантюры, похождения. Ряд писателей обращаются к острому занимательному сюжету, живой приключенческой форме, изображают героя, готового по разным соображениям пережить самые невероятные испытания. Прежде всего русский авантюрный роман в 1920-е годы обращается к лучшим традициям жанра, которые складываются в период его становления: это герой, представляющий собой крепкий независимый характер, сцепление исключительных событий, психологизм, сдобренный хорошей долей иронии, и авторское стремление к эксперименту, игре, раскованности в повествовании.

«В литературе – разброд, сумятица, неразбериха, – пишет в 1923 году В. Каверин другу и соратнику Л. Лунцу в Германию, – и поверх всего всплывает – что, как ты думаешь? Авантюрный роман, рассказ, повесть – черт его знает что, но и тяга к движению, к смене эпизодов, к интересу сюжетному по преимуществу... И что ценнее всего – это то, что авантюра идет снизу, бьет прямо с улицы... Госиздат заказывает авантюрные романы»¹³. В то же время писатели XX века естественно внесли свое видение в развитие этого жанра, порой жанр авантюрного романа используется лишь как форма, наполняемая новым содержанием, – это романы М. Шагинян, И. Эренбурга, В. Каверина, Ильфа и Петрова, М. Булгакова, А. Толстого, К. Федина. Виктор Шкловский, размышляя о романе Чернышевского «Что делать?», обращает внимание на то, что «проблемный роман здесь иронически цитирует условности авантюрного романа»¹⁴. Это замечание литературоведа вполне применимо, на наш взгляд, к ряду романов 1920-х годов.

М. Шагинян в романе «Месс-Менд, или Янки в Петрограде», Ильф и Петров в «Двенадцати стульях», Илья Эренбург в «Хулио Хуренито» тоже «иронически цитируют» форму романа приключений. М. Шагинян в «Литературном дневнике» отмечает, что «условности авантюрного романа» позволяют авторам говорить «всеми косвенными способами о современном, о выношенном и рожденном своей эпохой, об очередном»¹⁵. И эта условность «воспринимается современниками только как оболочка, сквозь которую обжигает и ранит жгучая тема дня»¹⁶.

Литературный процесс 1920-х годов – это время экспериментальное и яркое, время, вошедшее в историю русской литературы XX века под условным названием «попутнического Ренессанса», и жанр авантюрного романа дает возможность «выразить стремительность и некую пунктирность»¹⁷ этого бурного времени, – отмечает М. А. Черняк.

Одними из первых, обратившихся к форме авантюрного романа, становятся представители литературной группы «Серapiоновы братья». «Серapiоны» настойчиво акцентируют внимание на мастерстве писателя в создании художественного произведения, которое увлекает читателя острым приключенческим сюжетом.

Для тех «Серapiонов», которые видят себя последователями лишь западного авантюрного романа XIX века, произведения Ф. Купера, Жюль

¹³ Каверин, В. Вечерний день / В. Каверин. – М., 1982. – С. 52.

¹⁴ Шкловский, В. Собрание сочинений / В. Шкловский. – Т. 3. – М., 1974. – С. 429.

¹⁵ Шагинян, М. Собр. соч. в 9 т. / М. Шагинян. – Т. 1. – М., 1886. – С. 720.

¹⁶ Там же. – С. 720.

¹⁷ Черняк, М. А. Массовая литература XX века : учеб. пособие / М. А. Черняк. – М. : Флинта : Наука, 2007. – С. 86–88.

Верна, Диккенса, Стивенсона, Конан Дойля являются образцами занимательного сюжетного повествования.

Лев Лунц в 1921-м году заявляет: «Традиция сюжета находится на Западе, мы должны привести эту традицию и оплодотворить ею нашу лежащую прозу, поборов в себе пошлую, внутреннюю литературными дядями боязнь перед романом приключений, учась у того писателя, который владеет секретом действия, будь то Стерн или Дюма, Стивенсон или Конан Дойль, и нечего брать русскую литературу под защиту, она настолько велика, что в защите не нуждается, ограждать ее от западного соседа – значит обречь на повторение пройденного, а великое, будучи повторно, перестает быть великим. Поэтому наш девиз – на Запад!»¹⁸. Л. Лунц улавливает одну из основных тенденций в развитии литературы наступившего десятилетия. И критика

1920-х годов отмечает, что «молодая русская литература в настоящее время явно идет в сторону разработки фабулы»¹⁹.

Справедливым будет уточнение, что черты авантюрного сюжета: запутанность сюжетных линий, смена кульминаций, ложные развязки – в 20-е годы мы находим и в философских (Л. Леонов. «Вор») и в исторических (О. Форш. «Современники») романах.

Русский советский роман в 1920-е годы не только сохраняет свои позиции, но и получает новые возможности для дальнейшего развития. К сожалению, в 1934 году после Первого съезда советских писателей ситуация в литературе резко меняется: на смену полифонии 1920-х годов приходит единообразие литературы социалистического реализма, что создает кризисную ситуацию в сфере литературных форм, в том числе и жанровой природы романа.

¹⁸ Каверин, В. В старом доме / В. Каверин // Вечерний день. – М., 1982. – С. 363–364.

¹⁹ Шкловский, В. Гамбургский счет (1914–1933) / В. Шкловский. – М., 1990. – С. 145.

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ РЕЧЕВОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ МЛАДШИХ КУРСОВ НЕЛИНГВИСТИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ

В настоящее время по-прежнему актуальна проблема обучения диалогической речи студентов нелингвистических специальностей.

Согласно программе студенты должны приобрести навык общения в диалоге, дискуссии или споре, но отсутствие четких рекомендаций в методической литературе о том, как в условиях минимального количества учебных часов организовать учебный процесс обучения диалогу на иностранном языке, заставляет преподавателя искать эффективный путь решения проблемы.

Мы предприняли попытку систематизировать такие педагогические приемы, которые помогут студентам – биологам, географам и экологам – приобрести навык диалогического общения на английском языке с учетом специфики их профессиональной подготовки.

Диалог – естественное и спонтанное выражение субъективных чувств и ощущений общающихся, которые могут выражаться средствами языка. В методике преподавания иностранных языков сложилась определенная система приемов, которые позволяют студентам приобрести навыки речевого взаимодействия в спонтанной и беглой речи, опираясь на знание определенных закономерностей английского языка.

Такие навыки пригодятся студентам в профессиональном и в повседневном общении с носителями языка. В связи с этим на занятиях по иностранному языку преподаватель должен организовать коммуникативное взаимодействие обучающихся таким образом, чтобы студенты успешно реализовали на практике языковую и коммуникативную задачи.

Мы разделяем точку зрения Е. А. Исакович в том, что «...диалог следует рассматривать с различных параметров. Один из них – психологический аспект речи. Высказывание, созданное в ходе совместной деятельности, помогает каждому наиболее полно раскрыть свои индивидуальные и личностные способности. В ходе диалога студенты приобретают навык речевого партнерства, учатся взаимоуважению и пониманию друг друга, толерантному и грамотному общению, одновре-

менно обогащая свой лингвистический опыт»¹.

Диалогическое общение тесно связано с формированием социокультурной компетенции. Знакомство с традициями и укладом жизни стран изучаемого языка значительно обогащает опыт и создает мотивацию к общению.

Этот опыт может быть связан с образовательным аспектом коммуникации. В вузах, отвечающих за качественную подготовку профессиональных кадров, важнейшим условием реализации данной задачи следует считать формирование таких языковых знаний у студентов, которые обеспечили бы им право равноправного речевого партнера. В качестве решения проблемы нам представляется возможным определить следующие направления работы преподавателя иностранного языка на младших курсах.

Диалогическое общение на занятиях должно быть связано с решением речевой проблемы. Кроме этого, общение на иностранном языке должно быть мотивированным и ситуативным. Использование речевых и неречевых средств в диалоге способствует тому, что студенты могут варьировать речевое поведение в условиях изменяющегося иноязычного межличностного общения. Кроме того, они должны уметь анализировать свое высказывание на иностранном языке и находить языковые средства для решения обсуждаемой проблемы. Участие небольшого количества обучающихся иностранному языку в группе, непосредственный контакт участников диалога, мгновенная интерпретация речевого высказывания и ситуативный характер речи позволяет уточнять, переспрашивать, поддерживать разговор или опровергать мнение собеседника. Для этого, студенты должны уметь использовать функциональные типы высказываний. Мы исходим из того, что «...рамки спонтанной, самостоятельной, творческой речи максимально ограничены лексическим запасом студентов. В связи с этим, необходимо научить их семантизации английских слов, что значительно облегчит общение и поможет студенту преодолеть языковой барьер. Как правило, студенты младших курсов

¹ Исакович, Е. А. Психология обучения иностранному языку / Е. А. Исакович // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 9. – С. 25–27.

испытывают страх, эмоциональное напряжение и часто скованы в общении со сверстниками и преподавателями. Слова, которые находятся в пассивном словарном запасе, с помощью этого приема могут быть переданы другими словами, что облегчает понимание речевого потока другими студентами»².

Не менее важную роль играет знание синтаксиса английского предложения в зависимости от его структуры. В этом случае возможно использовать речевые опоры, которые могут содержать ключевые слова. В свою очередь, они могут играть роль сюжетных фраз, соотносить языковую канву диалога с функциональным значением фразы. Зная строгие механизмы синтаксиса, студенты могут принимать участие в управляемом диалоге как в микрогруппах, так и в группах с максимальным количеством собеседников. Однако не следует забывать о том, что, во избежание соперничества между общающимися, состав таких групп должен быть однородным, поскольку общение будет затруднительно только между слабыми или только между сильными студентами.

На начальном этапе изучения иностранного языка в вузе обучающиеся приобретают умение вариативного использования лексем и лексических единиц в диалоге на основе прочитанного текста.

Как правило, такие тексты должны содержать лексические единицы по определенной теме. Следовательно, подбирая тексты, преподаватель должен максимально дополнить их необходимым словарным составом. Это поможет общающимся оперативно применять те или иные слова, не отвлекаясь от содержания обсуждаемого. В том случае, если преподаватель стремится к закреплению правил в области словообразования, фонетики и грамматической стороны разговорной речи, текст должен быть дополнен однокоренными английскими словами, что обеспечит запоминание правил словообразования. Переход от простых грамматических и лингвистических форм в речи к более сложным невозможен без устойчивого навыка.

Такие навыки могут быть сформированы в том случае, если студентов подготовить к общению заранее. Следует объяснить, какие типы диалога студенты должны применить в общении. Это может быть объяснение, обмен мнениями, убеждение, выражение чувств или планирование дальнейшей дискуссии. Такие диалоги называются взаимно-информирующими. «Речевые упражнения способствуют формированию автоматизма в грамматическом и лексическом преоб-

разовании реплик. Для студентов младших курсов тренировка в диалогическом общении может проходить на основе прочитанного текста, поскольку такое речевое взаимодействие ограничено сюжетом. В данном случае, студенты не выходят за рамки прочитанного, но приобретают навык дискуссии, поскольку структура вопросительных, отрицательных и повествовательных английских предложений типична».³ Краткие и полные ответы на вопросы к тексту помогают правильно отреагировать на реплики собеседника. Постановка узловых вопросов к тексту обеспечивает запрос информации и систематизирует знания языка и языкового опыта.

Составление собственного монолога с элементами диалога, драматизация монологического текста, видоизменение диалога из базисного текста, составление собственного диалога, объединение разрозненных диалогических единств в целое, завершение диалога с ориентацией на подсказку о том, кто с кем и о чем говорит, позволяет расширить коммуникативное пространство.

Неподготовленное диалогическое общение включает проведение диалогов с репликами и комментариями всех участников дискуссии.

Викторины, ролевые игры, диспуты, беседы или круглые столы – прекрасная возможность применить разговорные знания, умения и навыки на практике.

Эффективная система упражнений, разработанная нами для обучения диалогическому общению, позволит активизировать лексический запас и приобрести навык в построении английских предложений. Приведем примеры следующих упражнений на предтекстовом этапе работы:

- попросите студентов обратить внимание на опорные слова из текста, вызывающие затруднение в их произношении и переводе;
- дайте список дефиниций с тем, чтобы обучающиеся смогли семантизировать значение английского слова;
- попросите студентов выбрать из общего списка фразы, которые помогут напомнить собеседнику о развитии событий по ходу текста, запросить дополнительную информацию о содержании, подтвердить или опровергнуть мысль собеседника, детализировать сообщение, уточнить обстоятельства произошедшего или указать на причинно-следственные связи событий и фактов;
- далее студенты должны просмотреть текст и найти зачин и концовку;
- сформулируйте ситуацию или речевую задачу для студентов (попросите их расспросить,

² Исакович, Е. А. Психология обучения иностранному языку / Е. А. Исакович // Иностранные языки в школе. – 2003. – № 9. – С. 25.

³ Сысоев, П. В. Спорные вопросы коммуникативного контроля умений учащихся воспринимать речь на слух / П. В. Сысоев // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 2. – С. 16.

аргументировать свою точку зрения, привести доказательства, выразить сомнение и так далее);

- затем студенты должны составить диалог с опорой на прочитанный текст;

- возможно также попросить студентов самостоятельно составить к тексту полилог (придумать возможные варианты развития событий или их окончание) и после этого провести их обсуждение.

На этапе послетекстовом можно предложить ряд следующих заданий:

- задайте вопросы собеседнику по проблеме текста;

- расширьте заданный вопрос с помощью данного вам списка английских слов из текста;

- найдите ситуации в тексте, в которых данные вам слова использовались;

- представьте, что вы оказались на месте героев текста или рассказчика, и попросите других студентов расспросить вас о дальнейших действиях или поступках.

Для студентов, обучающихся по направлению подготовки «Экология, биология и аквакультура» следует предлагать профессиональные и научные тексты. Обсуждение этих текстов имеет коммуникативно-познавательную значимость. Приведем примеры подобных текстов:

A: Environmental pollution

Environmental pollution is a term, defining the ways of human activity, damaging the natural environment. Some kinds of pollution do not dirty the land, air, water. But reduce the quality of people life and other living things and creatures. Some air pollutants have reduced the capacity of the atmosphere to filter out the sun's harmful ultraviolet radiation. Many scientists believe that these and other air pollutants have begun to change climates around the world. Water and soil pollution threaten the ability of farmers to grow enough food. Ocean pollution endangers many marine organisms.

Over time, however, pollution can be reduced in many ways without seriously disrupting people's lives. For example, governments can pass laws that encourage businesses to adopt less polluting meth-

ods of operation. Scientists and engineers can develop products and processes that are cleaner and safer for the environment. And individuals around the world can find their own ways to reduce environmental pollution.

B: Charles Darwin was sent to a Medical school by his father who wanted his son to be a doctor. But he was not interested in medicine and his father decided to make him a clergyman out of his son. The first voyage made by the future scientist influenced his theory of evolution. Everywhere he sailed he found some interesting facts about plants and animals. He filled notebook after species which traveled with him from mainland to island.

After arrival to England he published his book "The Origin of Species by Means of Natural Selection".

Речевые упражнения, связанные с активизацией воображения, интерпретацией информации, развитием внимания, могут содержать задания на обсуждение информации с речевым ядром, которое в свою очередь является речевой задачей:

- pollution as a term

- kinds of pollution

- influence of pollution

- scientists' relation to the problem being discussed in the text

Согласно теории Р. Сперри и Р. Орнштейна, «такая речевая задача служит хорошим мотивом и стимулом к диалогическому общению, поскольку ассоциация задачи с выбором соответствующих речевых средств помогает наметить речевой поток».⁴

Итак, в ситуации поиска решения обозначенной нами педагогической проблемы необходимо использовать наиболее приемлемые обучающие приемы которые создают условия к мотивированному общению на иностранном языке и способствуют качественной организации учебного процесса в подготовке будущих специалистов. Обозначенные нами приемы должны способствовать формированию навыков диалогического общения с тем, чтобы речевое взаимодействие на английском языке стало мотивированным и свободным.

⁴ Шведова, Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове / Н. Ю. Шведова // Иностранные языки в школе. – 2009. – № 4. – С. 38.

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА

Одна из наиболее острых проблем в обучении иностранным языкам первокурсников нелингвистических направлений подготовки – слабое владение навыком построения собственного высказывания. С этой проблемой сталкиваются не только преподаватели английского языка в высших учебных заведениях, но и сами будущие специалисты.

Как результат – короткие, незаконченные фразы или неполные высказывания. Зачастую студенты не могут преодолеть языковой барьер, что, в свою очередь, затрудняет процесс обучения инициативной речи. Неуверенность в собственных силах значительно снижает самооценку студента и создает дополнительные трудности в приобретении необходимых знаний.

В методике преподавания иностранных языков до сих пор не разработаны четкие рекомендации по формированию навыков монологической речи у студентов нелингвистических специальностей. Однако одним из требований учебных программ по английскому языку в вузе является требование к овладению навыком общения с носителями языка. В связи с этим преподаватели продолжают поиски таких приемов обучения, которые помогли бы решить эти задачи в полном объеме.

Первые навыки формирования высказывания на неродном языке студенты приобретают на занятиях по практике речи на примере тем, связанных с их будущей профессиональной деятельностью. Мы разделяем точку зрения В. Л. Скалкина о том, что «...овладение навыком построения сверхфразового единства – неотъемлемая часть речевого умения, которое складывается из таких факторов, как непрерывный характер высказывания, его последовательность и логичность, смысловая законченность каждого предложения и коммуникативная значимость реплик говорящего»¹.

В неязыковых вузах обучение монологической речи осуществляется в ходе работы с печатными текстами, с использованием аутентичных образцов монологического сообщения и с помо-

щью речевых ситуаций. Такой принцип работы необходим в связи с тем, что студенты не обладают достаточным запасом языковых реалий, а задача педагога – обучить их построению сверхфразового единства на английском языке. Янушкевич Ф. М. в своей монографии «Технология обучения в системе высшего образования» отмечает, что «...если студент будет четко выполнять инструкции преподавателя о пошаговом составлении монолога, он преодолеет языковой барьер и будет чувствовать себя гораздо увереннее. Задача педагога – разработать такой алгоритм работы, который конкретизирует речевую деятельность и позволит студентам проверить свои знания и возможности на практике»².

Принимая во внимание все эти факторы, мы предлагаем следующий алгоритм работы для студентов по созданию собственного монологического высказывания на базе текста:

1. Определение обучающимися собственной речевой задачи.
2. Выбор словесной опоры.
3. Выбор типов высказывания.
4. Трансформация исходного образца в собственное высказывание с учетом его цели.

Рассмотрим последовательность работы с этим алгоритмом подробнее на примере темы “Global ecological problems”.

Text

The last three decades in the world have been characterized by the increasingly pressing nature of global problems that are of concern to the whole of mankind. The accelerated growth of the productive forces, the increasing physical and economic internationalization of the modern world combined with the global scale of world political processes provoked polluting and destroying the environment. Global industrialization of economic activity destroys non-renewable resources of nature. Ultra-violet light and holes in the ozone layer make an adverse effect on the planet. Climatic stability changes and coniferous forests disappear. Another problem of the world is connected with the tectonic move-

¹ Скалкин, В. Л. Обучение монологическому высказыванию : пособие для учителей / В. Л. Скалкин. – Киев, 1983. – 119 с.

² Янушкевич, Ф. М. Технология обучения в системе высшего образования / Ф. М. Янушкевич. – М., 2006. – 135 с.

ment. It can be explained by the growth of experimental explosions.

Определение речевой задачи, исходя из содержания текста, связано с умением понять общий смысл и навыком переработки информации.

Возможно предложить студентам ряд незавершенных предложений:

1. The writer has said in the text about ... problems.
2. The most important of them are ...
3. The global ones concern ...
4. They influence on ...

Однако не следует забывать, что речь всегда должна быть инициативной и максимально приближенной к реальным условиям общения. Добиться этого возможно, если говорящий сообщает информацию, представляющую особую значимость для слушающего. В связи с этим преподавателю следует принимать во внимание личностные особенности студентов, их интересы и мировоззрение при подборе текстов или звуковых образцов. На этапе выбора речевой задачи студенты могут:

1. Сформулировать главную мысль своего высказывания самостоятельно; дополнить перечень тезисов от преподавателя или выбрать соответствующие смыслу из общего списка.
2. Разбить свое высказывание на смысловые части и кратко сформулировать основные мысли, исходя из логики и связности сообщения.
3. Выделить ряд ключевых и второстепенных проблем, обозначенных в тексте.
4. Дополнить перечень проблем, определенных тематикой текста.
5. Найти в тексте информацию, с помощью которой возможно решить обозначенные проблемы.
6. Подобрать аргументы в тексте с целью подтверждения или опровержения упомянутых проблем.
7. Подобрать в тексте или справочно-информационной литературе речевой материал для собственного высказывания.

Второй этап работы связан с выбором словесных опор. К ним относятся вербальные и содержательные опоры. Их основная ценность – информативность. Вербальные могут быть представлены не только текстами для чтения и аудирования, это могут быть краткие или развернутые планы текста, а также логико-синтаксические схемы. Изобразительные содержательные опоры представляют особую значимость в обучении английскому языку. Они наиболее приближены к условиям реального общения и содержат ценный языковой материал, который заставляет студентов мыслить, фантазировать, чувствовать и говорить. Кинофильмы, слайды, серии рисунков, фотографии и картины нацеливают на личностное восприятие проблемы и создают коммуникативную установку, в основе которой лежит коммуникативный

мотив. Не менее ценным речевым материалом следует считать смысловые опоры, информация в которых представлена в сжатом виде, но дает толчок к рассуждению, вызывая определенные ассоциации, которые могут управлять логикой высказывания. Перечень таких опор может быть связан с отдельными словами, лозунгами, афоризмами и поговорками, рекламными объявлениями. Это примеры аутентичных текстов, отражающих языковые реалии изучаемого языка и способствующих обогащению лексического запаса.

В диаграммах, схемах, таблицах, символических странах, карикатурах и плакатах содержится информация познавательного характера, что не только обогащает лингвистический опыт, но и наполняет собственное высказывание содержательным смыслом.

Расширение высказывания может также происходить за счет элементов аргументации или рассуждения.

Таким образом, выбор словесной опоры зависит от умения студента воспринимать информацию, а затем перерабатывать ее и включать в собственный тип высказывания.

На занятиях по английскому языку первокурсники приобретают навык монологической речи в основном в таких типах речевого высказывания, как описание, повествование, рассуждение или монтаж разных структурных типов текста.

Навык самостоятельного сообщения формируется, если преподаватель заранее продумал и сформулировал основные вопросы к словесным и содержательным опорам, которые помогают студенту передать содержание текста, фильма, диаграммы и так далее. Возможно также заранее подготовить ряд коротких английских предложений, а затем попросить студентов дополнить их, выстраивая сообщение от имени своего друга, известного ученого, эксперта в области экологии и так далее. Проводя аналогию своих собственных суждений с точкой зрения воображаемых третьих лиц, студент будет вынужден подбирать соответствующие речевые средства, с помощью которых мысль приобретает законченный характер и становится эмоциональной.

Трансформация студентами исходного образца (звукового или письменного) в собственное высказывание связана также с рядом определенных упражнений, в основе которых – тренировка памяти и мышления. Эта работа может проводиться с помощью целой серии речевых упражнений:

1. Установите авторскую цель монологического высказывания.
2. Определите, какими речевыми средствами автор пользуется для развертывания своих мыслей.
3. Назовите основную мысль данного образца.
4. Воспроизведите основные мысли автора на английском языке.

5. Скажите, что следует добавить или изменить в этом тексте, согласно ситуации, которая связана с настоящим моментом времени.

6. Воспользуйтесь ключевыми фразами из звукового или письменного образца и добавьте собственные ключевые фразы, которые, на ваш взгляд, мог пропустить автор.

7. Проанализируйте схему пошагового составления вашего монологического высказывания, а затем с учетом речевой ситуации постарайтесь записать предложения по-английски. На базе подобной схемы, разработанной преподавателем, студенты могут предложить выбранный ими тип высказывания. Мы предлагаем схемы следующего вида:

- Поиск коммуникативной задачи в образце – выбор проблемы в авторском произведении – ключевые фразы – пути решения проблемы с точки зрения действующих лиц в образце – собственное видение проблемы – возможные пути их решения с учетом вашей собственной позиции.

- Краткий или подробный план будущего собственного высказывания на письме – выбор ключевых речевых средств – устное воспроизведение высказывания на основе составленного плана и тезисов.

- Выбор цели высказывания на основе содержания в образце – трансформация образца монологического высказывания в развернутый или сжатый монолог с точки зрения прогнозируемых вами событий.

- Главная мысль образца – объяснение мотивов поведения действующих лиц – объяснение студентов, почему они пришли к такому мнению или выводу – обоснование собственной точки зрения – запрос мнения у однокурсников – реакция говорящего на ответ реципиента.

Составление монолога может быть связано с речевой ситуацией. Для этого мы предлагаем следующий ряд заданий:

1. Составьте собственный тезис (утверждение); выпишите ключевые слова; по ключевым словам расскажите о развитии ситуации.

2. Перефразируйте или прокомментируйте речевую ситуацию.

3 Составьте монологическое высказывание по цепочке, комментируя ситуацию путем добавления каждым студентом двух-трех предложений.

4. Подберите к ситуации соответствующие английские поговорки, пословицы, фразеологизмы и прокомментируйте свое утверждение.

Ситуативное обучение говорению связано с индивидуальной и коллективной деятельностью, а эти умения, в свою очередь, определяют уровень личностного роста и усвоение учебного материала. Чтобы рассуждать, комментировать, сообщать информацию на английском языке, необходимо знать языковые реалии и владеть навыком употребления различных понятий в соответствии со смыслом высказывания.

Эффективность учебного процесса, несомненно, зависит от содержания заданий, предлагаемых преподавателем в ходе аудиторных занятий. Рассмотренные нами приемы работы призваны сыграть существенную роль в управлении процессом по формированию навыков монологической речи у студентов первого курса естественнонаучного факультета. Методические приемы, предложенные нами, направлены на формирование умения контролировать свои мысли и поэтапно развертывать собственные суждения в законченное высказывание. Этот путь оказывается эффективным и приводит обучающихся к продуктивной речи на английском языке, а преподавателю позволяет в полном объеме реализовать практические цели и задачи учебного процесса.

Литература

1. Алхазисвили, А. А. Основы овладения устной иностранной речью / А. А. Алхазисвили. – М., 2006. – 128 с.

2. Widdowson, H. G. Teaching Language as Communication / H. G. Widdowson. – Oxford, 2004. – 273 p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА

Объектом рассмотрения данной статьи является прагматический потенциал английских фразеологических единиц и особенности их перевода. Как отмечает Ч. Моррис, фразеологическая единица является маркированной прагматической единицей, а фразеология в целом – одним из прагматических средств языка, так как в коннотации экспрессивно-окрашенного фразеологизма уже в узусе запрограммировано эмотивно-прагматическое воздействие.¹ Анализ примеров дает возможность проследить особенности фразеологизмов, благодаря которым речь становится более экспрессивной и эмоциональной.

Знаки языка, включая фразеологические единицы, могут производить определенное впечатление на людей, вызывая различные эмоциональные реакции и формируя личное отношение к сообщаемому. Текст оказывает прагматическое воздействие, что, согласно В. Н. Комиссарову, определяется тремя основными факторами:

- 1) содержанием высказывания;
- 2) характером составляющих высказывание знаков;
- 3) восприятием реципиента.

Последний фактор наиболее важен, так как, в зависимости от того, что представляет собой данный реципиент, «прагматическое воздействие, определяемое содержанием и формой высказывания, может реализоваться не полностью или вообще не реализоваться...»². По мнению другого известного переводоведа Л. С. Бархударова, «...люди, использующие в процессе лингвистической коммуникации языковые знаки, не относятся к ним безразлично – они по-разному реагируют на те или иные языковые единицы, а через них – и на сами обозначаемые ими референты и денотаты»³.

Данный раздел семиотики имеет дело не только с типом реципиента, но и с авторским замыслом, поэтому в каждом фрагменте заложен принцип оптимального декодирования информации и ее перевода. При употреблении и переводе

фразеологических единиц следует принимать во внимание тот факт, что прагматический аспект тесно связан с коммуникативной функцией языка и что выбор языковых единиц и способ передачи информации зависит от коммуникативного намерения ее отправителя.

Дадим анализ прагматической природы фразеологических единиц на примере публицистических текстов, так как в них используется большое количество фразеологизмов.

К примеру, заголовок “Gray Kunz: Out of the fire, into the frying pan” из “The New York Times”. В данной статье речь идет о некоем кулинаре, Грее Кунце, который скоро продемонстрирует свои таланты в собственном кафе в Тайм Уорнер Центре. Значение фразеологизма «из огня да в полымя» в данном примере не подходит по контексту, так как имеет негативный оттенок – попасть из одной неприятности в другую, более худшую. Таким образом, данный заголовок можно перевести – «Грей Кунц: С пылу с жару».

Можно сказать, что прямой кулинарный контекст десемантизирует фразеологическую единицу и возвращает ей первоначальное значение, в связи с чем заголовок становится экспрессивным и наиболее полно отвечает замыслу автора – привлечь внимание будущих посетителей, соблазняя их свежей продукцией. Заголовок органично сочетается с контекстом и реализует коммуникативные намерения отправителя информации.

Другой пример: заголовок “In Asia, low fuel prices and subsidies lose ground” из “The New York Times”. Возможный вариант перевода данного заголовка – «Субсидии и низкие цены на горючее не прижились в Азии». Фразеологическая единица “lose ground” имеет значения «уступать, отступать, потерять прежнее положение, утратить влияние, потерять популярность, престиж». Однако в переводе глагол «приживаться» в отрицательной форме по сравнению с приведенными значениями данной фразеологической единицы передает внутреннюю семантику слова *ground* –

¹ Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. – М., 1983. – С. 34.

² Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – С. 139.

³ Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Междунар. отнош., 1975. – С. 106.

земля, произрастание, укоренение – и тем самым позволяет усилить выразительность, заставляя адресата принять информацию к сведению. Также в данном примере актуализация события, а, следовательно, более эффективное прагматическое воздействие происходит благодаря использованию глагола *lose* в настоящем времени несмотря на то, что событие уже свершилось. Подобные ситуации не характерны для русского языка и то, что уже имело место, обычно передается прошедшим временем. С точки зрения оценочности, на наш взгляд, временной параметр имеет значение, так как в какой-то степени он несет прагматическую нагрузку. Заголовок с использованием настоящего времени выглядит более актуальным и значимым.

Или, например, заголовок “Passing the Buck” с фразеологической единицей “pass the back” – «сваливать ответственность на другого», который можно перевести как «В поисках спонсирования». Вариант «Бегство от ответственности» также допустим, но с потерей образности. Как правило, контекст определяет наиболее удачный заголовок. Обратимся к предложению из анализируемой статьи: “An important part of the answer is that much of our health care spending is devoted to passing the back: trying to get someone else to pay the bill” из “The New York Times”. Предложение переводится следующим образом: «Важным в этом ответе является то, что, когда речь идет о расходах на наше здравоохранение, мы бежим от ответственности, пытаясь заставить кого-то другого оплачивать счета».

Фразеологические единицы, являющиеся ярко коннотированными средствами номинации, в процессе использования в речи могут варьировать свои значения, тем самым оказывая влияние на прагматическую установку текста. Например, заголовок “Coming clean” из “The Financial Times” можно перевести как «На пути к исцелению». Фразеологическая единица “come clean”, которая составляет его основу, имеет значение «признаться, высказаться начистоту, все выложить». В статье под данным названием “Coming clean” речь идет о людях, принимающих наркотики, а также о тех, кто решил встать на путь исцеления. Так как намерение автора статьи – помочь людям справиться с их пагубной привычкой, то перевод заголовка должен прежде всего выражать искренность его (автора) замыслов и не звучать пафосно, а так, чтобы читатели, имеющие подобные проблемы, смогли довериться человеку, который описывает реальные судьбы и рассуждает о причинах возникновения наркомании. «На пути к исцелению» – довольно понятный, но интригующий заголовок, располагающий к прочтению материала и способный обеспечить контакт между отправителем информации и адресатом.

Использование фразеологических единиц в публицистических текстах, как правило, направ-

лено на повышение экспрессии и образности высказывания. Например, статья с заголовком “The Dollar is falling!” содержит предложение с фразеологической единицей “sword of Damocles”, которая переводится как «Дамоклов меч»: “Given the number of people who have refinanced their homes with floating-rate mortgages, the falling dollar is a kind of sword of Damocles, getting closer and closer to their heads” из “The New York Times”. – «Падающий доллар является чем-то вроде Дамоклова меча, все ниже и ниже нависающего над их головами». Дамоклов меч – фразеологическая единица мифологического происхождения, которая означает реальную опасность, нависшую над кем-то угрозой. Когда подобные фразеологические единицы встречаются в текстах, они, как правило, не вызывают трудностей, связанных с переводом, так как подвергаются калькированию. И в русском, и в английском языках информация передается с одинаково эмоционально-экспрессивной окраской, иначе говоря, фразеологические единицы оказывают одинаковое прагматическое воздействие на реципиента. Достаточно лишь хорошо знать мифологию, которая, являясь частью культурного наследия, помогает понять, что послужило источником для возникновения того или иного фразеологизма.

В качестве примера, иллюстрирующего высокую степень адекватности значения и экспрессивной окраски, может служить фразеологическая единица “build bridges” – «наводить мосты, устанавливать контакты». Следующее предложение из “The Financial Times” “Mr. Mandelson’s officials say the proposal reflects his best effort to build a bridge between the two camps” переводится следующим образом – «Представители господина Мендельсона заявляют, что подобное предложение говорит о его попытке установить контакты между двумя сторонами». И в английском, и в русском языках данные фразеологические единицы обладают одинаковым объемом информации и с легкостью обеспечивают понимание общения. Однако для русскоязычного реципиента вариант перевода «устанавливать контакты» более приемлем, так как для русских публицистических текстов не характерны выражения, присущие разговорной речи. Поэтому перевод «наводить мосты» будет привлекать неоправданно много внимания в ущерб общему смыслу фразы.

Сравнивая текст оригинала и текст перевода, отметим, что, к сожалению, при переводе не всегда возможно подобрать удачный эквивалент фразеологизму ввиду отсутствия аналога. В таких случаях возможно найти фразеологическую единицу, в основе которой лежит другой образ, что может привести к значительному снижению прагматического воздействия, адекватности перевода и частичной утрате образности. Сле-

дующее предложение с фразеологизмом “mixed blessing” из “The Financial Times”: “But, for west Europeans the migrants are a mixed blessing – they are both a source of low-cost labour and a threat to their own jobs”. Фразеологическая единица “mixed blessing” переводится следующим образом: «то, что обладает как положительными, так и отрицательными свойствами, вызывает смешанное чувство радости и огорчения», и поэтому предложение следует перевести так: «Но для западных европейцев проблема мигрантов – палка о двух концах: они одновременно являются и источником дешевой рабочей силы, и потенциальной угрозой, так как могут претендовать на их рабочие места».

В русском языке фразеологическая единица «палка о двух концах» употребляется, когда говорят о чем-нибудь, что может иметь и хороший, и плохой исход, поэтому ее можно использовать в качестве замены несмотря на то, что данная фразеологическая единица не совсем подходит по своим стилистическим характеристикам и имеет другую, более сильную, эмоционально-экспрессивную окраску (в оригинале *blessing* – «благословение, благо, благодеяние»).

Иногда приходится заменять образную фразеологическую единицу оборотом с более нейтральным значением, что препятствует реализации предполагаемого коммуникативного эффекта, но является необходимостью. Как известно, не всегда возможен перевод фразеологизма фразеологизмом, так как в языке перевода может не оказаться понятийно равного фразеологизма или он есть, но не подходит по своим стилистическим характеристикам.⁴ К примеру, предложение из “The Financial Times” “Mediterranean countries offer the biggest draw for Romanians. Whatever the reasons, Mediterranean countries that currently attract so many Romanians are likely to continue to draw the lion’s share after Romania joins the EU” переводится следующим образом: «Какими бы ни были причины, страны Средиземноморья, притягивающие теперь так много румын, по всей вероятности, будут и дальше привлекать все большее количество

желающих после того, как Румыния вступит в Евросоюз». В данном случае в переводе фразеологической единицы “the lion’s share” – «львиная доля» – лучше прибегнуть к использованию свободного словосочетания «все большее количество желающих», так как выражение из басни Эзопа в русском языке может создать ироническое описание и вызвать неправильное восприятие информации.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

На протяжении нескольких десятилетий фразеологические единицы остаются в центре внимания ученых. Ввиду экспрессивности и образности фразеологизмов интерес к ним остается неизменным, а исследования в области фразеологии которые проводятся в различных направлениях, выявляют их дополнительные особенности и позволяют сделать вывод о том, что, обладая специфическими свойствами и признаками, фразеологические единицы имеют особый статус в языке. Они активно используются в устной и письменной речи, обогащая ее и принося лаконичность и выразительность. Их основное назначение – не просто назвать элемент действительности, а прежде всего – оказать воздействие на получателя информации, вызвать у него конкретную реакцию.

Кроме номинативной и сигнификативной функций, фразеологические единицы успешно выполняют еще и прагматическую функцию – обладают способностью произвести желаемый коммуникативный эффект.

Фразеологизмы наиболее полно отражают смысловые оттенки и придают тексту большую эмоционально-экспрессивную окраску, благодаря чему их воздействие на реципиента усиливается.

Формирование прагматического отношения к тексту также связано с личностью самого реципиента и такими факторами, как психологический, социальный и культурный.

Следует отметить, что, благодаря использованию фразеологических единиц, мысль излагается лаконично, информативно насыщенно, убедительно.

⁴ Виноградов, В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М. : ИОСО РАО, 2001. – С. 185.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ЛИНГВИСТА-ПЕРЕВОДЧИКА НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

В государственных документах Российской Федерации компетентностный подход определен стратегическим вектором развития отечественного высшего профессионального образования. Он основан на обозначении компетентности как цели профессиональной подготовки специалиста в вузе. По мнению ученых, компетентностный подход (КП) дает ответы на запросы производственной сферы; проявляется как обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность; КП – обобщенное условие способности человека эффективно действовать за пределами учебных ситуаций.

Необходимость подготовки лингвистов-переводчиков, решающих профессиональные задачи в свете компетентностного подхода, в определенных ситуациях, в определенной сфере профессионального общения, обуславливает актуальность изучения профессиональных переводческих задач с момента получения заказа на перевод до сдачи переведенного текста заказчику, а также комплексного описания последовательности действий переводчика. При изучении теоретического материала перед переводчиком возникает вопрос – каким способом решить проблему перевода реалий.

Известно, что как лингвистическое явление реалии относятся к категории безэквивалентной лексики. Они являются частью фоновых знаний и представляют собой значительный интерес при исследовании взаимодействия языка и культуры.

В тех случаях, когда соответствие той или иной лексической единице одного языка в словарном составе другого языка полностью отсутствует, принято говорить о безэквивалентной лексике. Этот термин ввели Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров. Под безэквивалентной лексикой они понимают слова, служащие для выражения понятий, отсутствующие в иной культуре и в ином языке. При этом отмечается, что

характерной чертой безэквивалентных слов является их непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия, их несоотнесенность со словами другого языка. Однако это не значит, что они совсем непереводаемы.¹ Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает знание действительности, изображенной в переводимом произведении. За этими знаниями, как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось определение «фоновых». Известно, что фоновые слова – это лексические единицы, на первый взгляд, самые обычные, свободно переводящиеся на иностранные языки, которые содержат, однако, ценную информацию о специфически национальной внеязыковой деятельности.²

Для теории и практики перевода большое значение играет одна из групп фоновых знаний – та, которая относится к явлениям специфическим для иной культуры, иной страны и необходима читателям переводимого произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание. Такой частью фоновых знаний являются слова-реалии.

Термину «реалия» многие исследователи давали множество дефиниций, например: им обозначают «бытовые и специфически национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, а, следовательно, и в языках других стран, и слова из национального быта, которых нет в других языках, потому что этих предметов и явлений нет в других странах»³.

Другие ученые дают более широкое определение словам-реалиям. Они выделяют «во-первых, слова-реалии, связанные с новыми условиями окружающей среды, а во-вторых, со сложными взаимоотношениями между предста-

¹ Верещагин, Е. М. *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного* / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – С. 53.

² Чернов, Г. В. *К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык* / Г. В. Чернов // Уч. записки МГПИИЯ. – Т. XVI. – М.: МГПИИЯ, 1958. – С. 124.

³ Соболев, Л. Н. *Пособие по переводу с русского языка на французский* / Л. Н. Соболев. – М., 1952. – С. 281.

вителями различных этнических общностей в быту и трудовой деятельности»⁴.

Несмотря на определенные различия в трактовке понятия «реалия» разными учеными, в их подходах можно проследить общее направление. Все они рассматривали реалии как историко-культурные составляющие языка.

Таким образом, реалии – это «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода»⁵. Грамматическая форма реалии зависит от ее принадлежности к определенной части речи и от особенностей грамматического строя языка.

Иногда переводчику приходится решать задачу разбора не вполне понятного подлинника. Здесь филологическая образованность и фоновые знания, анализ возможных значений реалии в контексте могут принести практическую пользу, хотя, конечно, не могут заменить реального знания тех вещей и явлений, о которых говорится в подлиннике.

При изучении теоретического материала по переводу реалий перед переводчиком возникает вопрос – каким способом решить проблему перевода безэквивалентной лексики. Трудность представляет отсутствие единого определения в переводческой терминологии. Содержание реалии как переводоведческого термина требует особенно тщательного изучения, так как границы между реалиями и другими классами лексики весьма условны. Чтобы отсечь реалии от других классов лексики, необходимо сопоставить реалии с другими схожими лексическими единицами.

Наибольшее количество общих черт реалии имеют с терминами. Как реалии, так и термины представляют собой однозначные, лишённые синонимов слова и словосочетания, называющие точно определенные предметы, понятия, явления. Среди обоих классов есть единицы иноязычного происхождения, а также единицы с исторически ограниченным значением. Из-за подобности двух лексических категорий некоторые единицы можно отнести как к реалиям, так и к терминам. А. Д. Швейцер назвал такие единицы «термин-реалиями».

Однако различия между терминами и реалиями также весьма ощутимы. «Реалии – самый

очевидный слой безэквивалентной лексики и составляют большинство лексических единиц, относимых к ней»⁶. Термины же практически в любом контексте переводятся эквивалентами.

Сфера применения терминов – это научная литература. Они лишены национальной или исторической окраски, им, как правило, не свойственны ни образность, ни эмоциональность. Реалии, напротив, чаще используются в художественной литературе, где они служат не только стилистическими целями, но и воссозданию национального, местного и исторического колорита. Несмотря на это, реалии стали все чаще встречаться в научно-популярных и научно-технических текстах. Например, при переводе текстов по нефтедобывающей отрасли встречаем такие предложения:

Occasionally, as at Oil Creek, nothing prevents the crude hydrocarbons from oozing to the surface in the form of a seep. (Топоним)

Иногда, как это было при обнаружении месторождения Ойл Крик, углеводороды беспрепятственно просачиваются на поверхность земли.

If the rig has a standard derrick, crew members bolt it together, one piece at a time, on the substructure. (Антропоним)

Если буровая установка представляет собой стандартный деррик (кран), то бригада строителей устанавливает ее единым блоком на основание.

Бывает трудно справиться с переводом, но путем умозаключений, на основе фоновых знаний и культуры страны изучаемого языка, в связи со всем контекстом можно прийти к верному решению, найти нужные слова. Правильное понимание означает и возможность правильного выбора слова для его перевода.

Рассматриваемые лексические категории отличаются и по способу проникновения в другие языки: термин получает распространение вместе с распространением предмета, названием которого он является, реалия же проникает в другие языки вне зависимости от степени распространенности объекта, обозначаемого ею.

Термины создаются большей частью искусственно для наименования тех или иных понятий и предметов, для чего иногда используются греческие и латинские морфемы. Реалии возникают естественным путем, в результате народного словотворчества.

Несмотря на все эти различия, порой бывает крайне сложно отличить термины от реалий и наоборот.

⁴ Филатов, В. Д. Локальная маркированность фразеологических единиц / В. Д. Филатов // МГПИИЯ : сборник научных трудов. – Вып. 171. – М., 1981. – С. 25.

⁵ Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 8.

⁶ Там же. – С. 156.

В этой связи исследователи приходят к выводу, что «наиболее убедительными средствами отличия реалий от термина следует все же считать местную или временную окраску (национальный, исторический колорит), характер литературы (художественная, научная), где преимущественно встречается данная единица и, разумеется, контекст»⁷.

Рассматривая соотношение реалий и имен собственных, необходимо заметить, что мнения исследователей по поводу принадлежности имени собственного к реалиям во многом расходятся. По словам Томахина Г. Д., «собственное имя всегда является носителем страноведческой, культурной информации»⁸. Из общей массы ономастической лексики выделяют ономастические реалии, которые, в отличие от обычных имен собственных, являются всегда национально окрашенными. К числу ономастических реалий относят:

1) географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации;

2) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и фольклора;

3) названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многое другое.⁹

Таким образом, считается, что имя собственное – всегда реалия. В речи оно называет действительно существующий или выдуманный объект мысли, лицо или место, единственное в своем роде и неповторимое. В каждом таком имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта.

Имена собственные рассматриваются как самостоятельный класс безэквивалентной лексики, «которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, разумеется, нередко совпадающие с приемами «перевода» реалий»¹⁰. С реалиями их роднит большей частью и яркое коннотативное значение, обуславливающее способность передавать национальный и/или исторический колорит, которое и заставляет ряд авторов причислять их к реалиям¹¹.

Таким образом, реалии представляют собой очень интересный и необычный слой лексики языка. В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению соответствующих слов в языке. Отличительной чертой реалии является характер ее предметного содержания. Реалии – это крайне специфические понятия, свойственные исключительно одному, отдельно рассматриваемому народу, языковой группе, этническому меньшинству. Реалии одного народа обычно не встречаются в языке другого и в своем роде неповторимы в иной языковой форме.

Как уже было отмечено выше, трудности для переводчика возникают в случае, если для найденного термина-реалии в иностранном языке нет синонимического обозначения, аналога, или же переводчик его просто не знает. Наиболее универсальный прием, способный помочь переводчику в сложной ситуации – транскрипция, калькирование, приблизительный или контекстуальный перевод. Однако последний имеет существенный недостаток, некоторые описания получаются громоздкими и выглядят инородным телом в тексте перевода.

Основными приемами передачи реалий в языке перевода являются:

- транскрипция/транслитерация;
- неологизм (калька, полукалька, освоение, семантический неологизм);
- приблизительный перевод (родовидовая замена, функциональный аналог, описание, объяснение);
- контекстуальный перевод.

Описание, объяснение, толкование как прием приблизительного перевода обычно используют в тех случаях, когда нет иного пути: понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится передавать описательно, то есть прибегать к лексико-графическим толкованиям. Например:

*“That tent was joyful with placards on it calculated to redeem the world-worn pilgrim from the sinfulness of boarding houses and pick-me-up hotels”*¹².

*«Палатка эта была разукрашена плакатами, рассчитанными на то, чтобы вырвать усталого пилигрима из греховных объятий пансионатов и гостиниц для приезжающих»*¹³.

⁷ Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 125.

⁸ Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – № 3. – 1997. – С. 156.

⁹ Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 10.

¹⁰ Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 21.

¹¹ Там же. – С. 22.

¹² Capote T. *The Grass Harp. Breakfast at Tiffany's* / T. Capote. – М. : Иностр. лит., 2003. – С. 32.

¹³ Влахов, С. И. Непереваемое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 51.

Контекстуальный перевод от других способов передачи реалий отличается отсутствием в тексте перевода каких бы то ни было соответствий самого переводимого слова (нулевой перевод) – его содержание передается при помощи трансформированного соответствующим образом контекста. Как в случае приблизительного, так и в случае контекстуального перевода реалия как носитель определенной коннотации исчезает. Например:

*"For years the hospitable Blackwell's had been his winter quarters"*¹⁴.

«Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему зимней квартирой».¹⁵

Можно утверждать, что наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Дело в том, что реалия каждый раз ставит переводчика перед проблемой выбора того или иного способа их передачи. Выбор пути зависит от нескольких предпосылок: 1) от характера текста; 2) от значимости реалии в контексте; 3) от характера самой реалии, ее места в лексических системах переводящего и исходного языков; 4) от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции; 5) от читателей перевода (по сравнению с читателем подлинника).¹⁶ Поэтому перевод реалий требует творческого подхода и глубоких лингвострановедческих знаний переводчика. Таким образом, сложности, возникающие перед переводчиком в работе с научно-техническими текстами и переводом реалий, решаются за счет осмысления и понимания значения слова и контекста.

Целесообразным для преодоления вышеназванных проблем и их предотвращения

представляется соблюдение следующих рекомендаций.

1. В процессе обучения иностранному языку в свете компетентностного подхода в подготовке лингвистов-переводчиков следует уделять внимание объяснению национальных особенностей стран изучаемого языка, комментировать происхождение и значение терминов и безэквивалентной лексики, имеющих лингвострановедческий характер.

2. Необходимо согласовывать тематику, по которой идет обучение, с планами обучения специальными дисциплинами, поскольку такая взаимосвязь снимает часть трудностей, вызванных незнанием специальных понятий, явлений, о которых идет речь в учебных текстах, таким образом расширяя фоновые знания.

3. Важно исключить механический перевод, когда, не прибегая к анализу лексики, обучаемый пытается найти переводной эквивалент в словаре.

4. В начале обучения необходимо объяснить, как строятся словари, какие условные обозначения применяются при их создании, объяснить правила эффективной работы со словарем.

5. Не менее важно обучить анализу лексических сочетаний, поскольку от правильного определения ядра словосочетания, знания последовательности перевода компонентов зависит успешность перевода подобных терминов-реалий, почти половина которых не зафиксирована в специальных источниках информации.

Практика показывает, что осознанный подход к переводу реалий и терминов снимает большую часть затруднений, способствует лучшему усвоению материала, более быстрому темпу работы по переводу специальных текстов, повышает мотивацию и заинтересованность обучаемых в выполнении работы.

¹⁴ Capote T. In Cold Blood / T. Capote. – М. : Иностр. лит., 2003. – С. 98.

¹⁵ Капоте, Т. Завтрак у Тиффани / Т. Капоте. – М. : Русская книга, 1995. – С. 66.

¹⁶ Влахов, С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – С. 94.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ДИСЦИПЛИН В РАМКАХ НОВОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Процессы, связанные с ориентацией на более полную интеграцию российской системы образования в общемировое пространство, предполагают модернизацию общего образования, что находит свое отражение в федеральных государственных общеобразовательных стандартах высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) последнего поколения. Одним из основных принципов формирования новых ФГОС ВПО является установление требований к результатам освоения общеобразовательной программы (ООП) подготовки бакалавров в форме компетенций. Развитию компетенций придается первостепенное практическое значение.

В тексте «Стратегии модернизации содержания общего образования»¹ (2001 г.) было подчеркнуто, что понятие «компетенция» шире понятия знания, или умения, или навыка. И. А. Зимняя определяет «компетенцию» как интегральный социально-личностный поведенческий феномен в совокупности мотивационно-ценностных, когнитивных составляющих.²

Концепция высшего профессионального образования выделяет в качестве конечной цели подготовку специалиста, владеющего опытом творческой деятельности, способного самостоятельно обновлять свои знания, расширять теоретический кругозор и совершенствовать профессиональное мастерство.

В качестве нового содержания образования в ФГОС, к примеру направления подготовки «Педагогическое образование», включаются знания, умения и навыки важнейших типов деятельности. Так, работа с информацией – важнейший компонент этого стандарта – предполагает добывание информации, структурирование ее, выделение главных мыслей в ней, передачу ее другим людям кратко и сжато, что отражено в формулировке целого ряда ключевых общекультурных компетенций (ОК):

– владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию **информации**,

постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1). Применительно к иноязычному направлению можно говорить о формировании научно-лингвистического мышления у студентов через организацию их самостоятельной деятельности в том числе, что выражается в умении анализировать изучаемый иностранный язык в его современном состоянии, пользуясь системой основных понятий и терминов теоретических дисциплин;

– готов использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки **информации**, готов работать с компьютером как средством управления **информацией** (ОК-8);

– способен работать с **информацией** в глобальных компьютерных сетях (ОК-9). Интернет – не только источник готовых ответов на любые вопросы, но и хранилище ценнейшей информации культурного наследия.

Тот факт, что в Стандарте наряду с общекультурными и общепрофессиональными (в области педагогической деятельности в том числе) компетенциями не обозначены предметные компетенции, может свидетельствовать о смещении акцентов обучения с предметных компетенций на универсальные учебные действия. Описание содержания образования на языке предметных знаний – прерогатива вуза.

Р. Мильруд считает необходимым говорить о методической культуре преподавания иностранных языков, под которой понимается комплекс норм, компетенций и отношений, устойчиво существующих в учительском сообществе. По его мнению, отличительной чертой российской методической культуры по традиции является исправление всех ошибок в речи учащихся, что считается признаком профессионализма учителя. В настоящее время частью методической культуры становится подготовка учащихся к глобальному международному общению на английском языке, обучение культуре разных стран, ознакомление их с «живым английским».³

¹ Стратегия модернизации содержания общего образования. Материалы разработки документов по обновлению общего образования. – М., 2001.

² Зимняя, И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования / И. А. Зимняя // Эйдос : интернет-журнал. – 2006. – 5 мая. – Режим доступа : <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>

³ Мильруд, Р. Методическая культура: переключение кодов / Р. Мильруд // Иностранные языки. – Вып. 3. – 2012. – С. 12–13.

Достижение данной цели не представляется возможным при условии ознакомления учащихся только с лексикой, грамматикой иностранного языка. По справедливому замечанию Л. Виссон, знание слов, грамматических конструкций недостаточно для адекватного выражения своих мыслей и чувств. Важно знание того контекста, который стоит за грамматическими конструкциями, словами, за фразами, отражающими нормы этикета и поведения. «Пробелы в знании чужой страны и ее культуры всегда проступают в языке».⁴

В последнее время появляются учебные пособия, нацеленные на обучение языку как реальному и полноценному средству общения. К примеру, учебное пособие по американскому варианту английского языка Серковой Н. И. *Social English in the USA = Английский язык повседневного общения в США*.⁵ В нем наряду с грамматическими моделями, бытовой лексикой даются социокультурные знания в комплексе с развивающими межкультурную эрудицию и речедетельностные компетенции текстами и заданиями.

Одним из главных профессиональных качеств должна быть высокая культура общения, терпимость к вариативности культурных норм и ценностей. Формирование таких общекультурных компетенций, как «способность понимать значение культуры как формы человеческого существования и способность руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества (ОК-3)», «готовность к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям (ОК-14)» также невозможно без лингвокультурологических знаний.

Более того, просто понять (осознать) значение культуры недостаточно, как недостаточно и знания только слов, грамматических конструкций для того, чтобы руководствоваться в своей деятельности (педагогической) принципами диалога и сотрудничества. Фразы “It is not allowed to drink soda with ice” (нельзя пить газировку со льдом) вместо “I don’t think you should drink soda with ice” и “Don’t open the window” (не надо открывать окно) вместо “It is not necessary to open the window” звучат категорично, грубо, что вряд ли будет способствовать сотрудничеству (примеры заимствованы у Л. Виссон, с. 8).

Можно полагать, что реализация лингвокультурологического подхода к обучению наряду с совершенствованием уже существующих и признанных традиционными подходами в целом приводит к оптимизации учебного процесса.

Лингвокультурология – одно из основных научных направлений отечественной когнитивной лингвистики, конечной задачей которой является «получение данных о деятельности разума»⁶. Данное направление предполагает исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры: направление «от языка к культуре»⁷. Концепт выступает в качестве базовой единицы культуры.

Использование лингвокультурологического подхода в обучении иностранным языкам трансформирует представления методистов относительно определения содержания обучения. Одним из принципов, положенных в основу отбора лексических единиц, тем, подлежащих усвоению, может стать частотность употребления номинаций того или иного концепта, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа.

К примеру, как полагает Е. Н. Беляева, при обучении иноязычной речи тратятся огромные усилия на овладение навыками употребления прямого инвертированного вопроса, что формирует определенный навык ведения беседы, напоминающий полицейское расследование. В то время как в разговорной речи широко распространены присоединительные вопросы: You’re a pretty bright boy, aren’t you? (Е. Hemingway) и так называемые декларативные вопросы (общий вопрос с неинвертированным порядком слов): You got fourteen days as well? (А. Sillitoe).⁸ И если структуре присоединительных вопросов уделяется достаточное внимание, хотя и без акцентирования того факта, что они употребляются в основном при равных отношениях между коммуникантами и при любой социально-психологической дистанции, как показало исследование Е. Н. Беляевой, то декларативным вопросам уделяется неоправданно мало внимания, если вообще уделяется какое-либо. И это при том, что в современном английском языке они получили широкое распространение в речи различных социальных групп, включая самые престижные.

С учетом положений когнитивной лингвистики (принципов организации когнитивных

⁴ Виссон, Л. *Русские проблемы в английской речи* / Л. Виссон. – М., 2011. – С. 7.

⁵ Серкова, Н. И. *Social English in the USA = Английский язык повседневного общения в США* / Н. И. Серкова. – Хабаровск : изд-во Дальневосточ. гос. гуманитар. ун-та, 2007. – 110 с.

⁶ Күбрякова, Е. С. *Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики* / Е. С. Күбрякова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2000. – № 1. – С. 6–17.

⁷ Попова, З. Д. *Когнитивная лингвистика* / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – С. 16.

⁸ Беляева, Е. Н. *Принцип вежливости в вопросительно-речевых актах* / Е. Н. Беляева. – <http://www.english4real.com>

способностей человека в единый ментальный механизм) следует организовывать и систему представления знаний, и обработку и переработку информации; не только использовать сложившийся механизм, но и совершенствовать его.

Так, традиционное ознакомление со значением слова “marriage” (брак, замужество, женитьба) может быть дополнено информацией об этом слове, приведенной в исследовании А. В. Еременко, выполненном в рамках когнитивной парадигмы.⁹ Оно посвящено лингвокультурологическому изучению языковой репрезентации ценностного отношения представителей американской и британской лингвокультур к брачному союзу. На материале афористических высказываний американских и британских авторов делается вывод о превалировании негативной оценки реального брачного союза в сознании определенной части американского и британского обществ. Также выявлены ценностные установки, характеризующие успешный брак.

Поскольку приемы работы также должно выбирать с учетом необходимости усвоения учащимися структурных элементов концепта – его образности, информационного содержания – то для начала учащихся можно ознакомить с готовой интерпретацией ряда афористических высказываний. К примеру: “Marriage is an alliance entered into by a man who cannot sleep with a window shut, and a woman who cannot sleep with a window open” (Ogden Nash).

В данном высказывании с помощью используемой автором антитезы акцентируется принципиальная невозможность мирного сосуществования партнеров. Или: “Marriage is an adventure, like going to war.” (Chesterton, Gilbert K.) Метафорическое сравнение **war** ассоциируется с конфликтом, высокой степенью опасности, риска, трудными испытаниями.

Далее, задание, связанное с систематизацией и семантическим описанием прочих афористических высказываний с данным словом, позволит выделить прочие когнитивные признаки данного концепта:

“Marriage is popular because it combines the maximum of temptation with the maximum of opportunity.” (B. Shaw).¹⁰

“Marriage is the result of the longing for the deep, deep peace of the double bed after the hurly-burly of the chaise-long.” (Oral tradition).¹¹

“Marriage is a waste-paper basket of the emotions.” (Attr. By Beatrice Webb).¹²

“It is a woman’s business to get married as soon as possible, and a man’s to keep unmarried as long as he can.” (B. Shaw).¹³

В качестве примера сферы когнитивной деятельности человека можно также привести выявление значения слова на основе компонентного анализа.

Главное положение методологии когнитивной лингвистики, по мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, заключается в следующем: через изучение семантики языковых знаков можно выяснить, что было важно для того или иного народа в разные периоды его истории, а что оставалось вне поля его зрения, в то время как для другого народа это оказывалось существенным.¹⁴

Так, выписывая из др.-английских текстов слова, репрезентирующие концепт «социальное положение»: *cyning, ealdorman, hlaford, ceorl, thegn, theow*, студенты познают этносоциальную систему англосаксов. Углубляясь в исследование, выявляя семантические отношения, то есть отношения сочетаемости этих слов, к примеру, с прилагательными, учащиеся приходят к выводу, что данные слова приобретают свойства и качества, характерные для личности. На основании данных определений можно полагать, какое место в коллективном сознании занимал тот или иной индивид: *unrihtwisan cyning* – несправедливый король; *frioh theow* – свободный раб; *arwierthe ealdorman* – почитаемый господин. Сочетания слов с глаголами позволяют судить о том, чем занимались, какие функции выполняли представители разных слоев населения: *Se cyn-ing gegette biscop*. – Король назначил епископа.

Актуальность подобных исследований определяется повышенным интересом к проблемам языковой материализации национально-специфических образов сознания.

Формирование такой компетенции, как способность применять методы теоретического и экспериментального исследования (ОК-4), требует углубленного внимания к задачам исследовательского характера. Нацеленность на теоретический анализ в единстве с практическим использованием материала придает управляемый характер познавательной деятельности. В учебных пособиях, появляющихся в последнее время, авторы, как правило, после изложения

⁹ Еременко, А. В. Языковая объективация ценностного компонента концепта *marriage* в афоризмах американских и британских авторов (сравнительно-сопоставительный аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Еременко. – Владивосток, 2012.

¹⁰ *The Concise Oxford Dictionary of Quotations*. – Oxford University Press, 1981. – С. 238.

¹¹ Там же. – С. 60.

¹² Там же. – С. 267.

¹³ Там же. – С. 238.

¹⁴ Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток–Запад, 2007. – С. 18.

теории предлагают контрольные задания, имеющие целью наряду с проверкой фундаментальных знаний по предмету формирование исследовательских и творческих умений и навыков студентов. Иллюстрацией вышесказанного может быть задание из учебного пособия по лексикологии современного английского языка Е. В. Ивановой.¹⁵

После изложения темы «Способы образования неологизмов» студентам предлагается проанализировать способы, с помощью которых образованы приведенные ниже неологизмы, а также с их значением:

Techie (an expert in or an enthusiast for technology)

Download (to move data to a smaller computer system from a larger one)

Smoke and mirrors (an explanation or demonstration which is essentially deceptive; something fraudulent or insubstantial)

Walker (a male escort paid to accompany a woman in public or at a social engagement)

Vegetate (chocolate that contains a certain proportion of vegetable fat other than cocoa butter)

Trophy wife (a wife regarded as a status symbol for her husband)

Headcase (someone whose behavior is violent and unpredictable) (с. 333)

А далее студенты проводят небольшое исследование, связанное с тематикой обсуждаемой проблемы. Им предлагается догадаться о значении новых слов: Blairism, downshifter, doctor-assisted suicide, water birth, physically challenged, mentally challenged, edutainment, Euro-skeptic.

Анализ предлагаемых вариантов призван стимулировать использование интерактивных технологий обучения, на которые делается акцент в новых стандартах. Интерактивные формы работы наряду с прочими способствуют формированию такой общекультурной компетенции, как «готов к взаимодействию с коллегами, к работе в коллективе (ОК-7)».

Внедрение новых технологий обучения, построенных на деятельностном, компетентностном, коммуникативно-когнитивном подходах, несомненно будет способствовать развитию профессиональной компетентности и созданию инновационной среды в процессе обучения.

¹⁵ Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка = *Lexicology and Fraseology of Modern English* : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Е. В. Иванова. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ ; М. : Издательский центр «Академия», 2011. – 352 с.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Интерес к проблеме отрицания объясняется многими причинами. Одна из причин – это универсальность категории отрицания. Категория отрицания свойственна большинству языков мира и представлена разнообразными средствами выражения. Среди причин, способствующих привлечению внимания лингвистов к проблеме, можно отметить, с одной стороны, сложность выработки дефиниции самой категории отрицания, ее многоаспектность, трудность отграничения категории отрицания от других категорий, например, субъективной модальности и категории отрицательной оценки, с другой стороны, потенциальные возможности категории отрицания, актуализируемые в акте коммуникации при реализации этой категории в тексте. Проблему отрицания в немецком языке рассматривали в своих трудах известные российские и зарубежные лингвисты, такие, как Л. В. Шишкова, В. В. Бурлаков, Г. Г. Почепцов, Б. А. Ильиш, Л. Л. Иофик, Л. П. Чахоян, В. Л. Каушанская, А. И. Смирницкий, В. Г. Костомаров, А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг и др. Исследования этих авторов способствуют пониманию целостности и комплексности проблем, связанных с категорией отрицания в структуре современного немецкого языка.

К словам-отрицаниям относятся:

kein (keiner), keinesfalls, keineswegs, keinerlei, nichts, niemand, nie, niemals, nimmer, nirgends, nirgendswow (nirgendwo), nirgendsher (nirgendher), weder ... noch, nicht, nein.

Слова-отрицания по их принадлежности к частям речи классифицируются следующим образом:

- наречия: *nie, niemals, nimmer, nirgends, nirgendswow, nirgendsher, keinesfalls, keineswegs, keinerlei*

- местоимения: *kein(er), niemand, nichts* союз: *weder ... noch*

- частицы: *nicht, nein*

В предложении *kein(er), niemand, nichts* выполняют функцию подлежащего, дополнения или определения.

Наречия *nie, niemals, nimmer, nirgends, nirgendswow, nirgendsher, keinesfalls, keineswegs* выполняют функцию обстоятельств.

При помощи *nein, keinesfalls, keineswegs* можно отрицательно ответить на альтернативный вопрос, они могут выступать как самостоятельные предложения.

Gehst du heute ins Kino? – Nein.

Muss man sich jenen Film unbedingt ansehen? – Keinesfalls.

Из всех названных слов-отрицаний только *kein* и *niemand* склоняются.

Слова-отрицания *nie* и *niemals* являются синонимичными наречиями. Они выполняют функцию обстоятельства времени и занимают в предложении то же место, что и другие обстоятельства времени. Однако в отличие от других обстоятельств времени на первом месте они стоят только в эмоциональной речи.

Noch nie, noch niemals подчеркивают, что действие до упомянутого момента еще не наступило.

Nie mehr, niemals mehr подчеркивают, что действие после упомянутого момента не наступит.

Er hatte sich nie fr jenes Problem interessiert. – Он не интересовался той проблемой

Es ist niemals zu spat, seine Fehler einzusehen. – Никогда не поздно признать свои ошибки.

Sie sind sich nach dem Studium nie mehr begegnet. – Они больше никогда не встречались после учебы.

Nie werde ich diese schone Reise vergessen. – Я никогда не забуду эту прекрасную поездку.

Слова-отрицания *nirgends, nirgendswow* являются синонимичными наречиями. Наречие *nirgendsher* употребляется относительно редко. Названные отрицания выполняют функцию обстоятельства места и занимают в предложении то же место, что и другие обстоятельства места.

Noch nirgends, noch nirgendswow, noch nirgendsher подчеркивают, что действие до упомянутого момента еще нигде не произошло.

Nirgends mehr, nirgendswow mehr, nirgendsher mehr подчеркивают, что действие после упомянутого момента больше нигде не может произойти.

Ich kann mein Opernglas nirgends finden. – Я нигде не могу найти свой театральный бинокль.

Das kann er nirgendsher gehört haben. – Он откуда не мог этого услышать.

Haben Sie noch nirgends eine Kritik uber das gestrige Konzert gelesen?

Ich habe schon tiberall gefragt, aber nirgendswow mehr ist die letzte Nummer jener Zeitung zu haben.

Слово-отрицание **nein** употребляется обычно в диалогической речи, в акте речевого общения. С помощью **nein** дается отрицательный ответ на альтернативный вопрос. Если же говорящий хочет подтвердить или расширить свой отрицательный ответ, то он должен и в этом высказывании употребить отрицание:

Kommst du mit uns ins Kino? – Nein.

Wissen Sie, wann die Ausstellung eröffnet wird? – Nein, das weiss ich leider nicht. – Вы не знаете, когда будет открыта выставка? – Нет, к сожалению, я этого не знаю.

Отрицательный по своей семантике двойной союз **weder ... noch** употребляется для отрицания двух однородных членов предложения.

Im Urlaub fuhr er weder ins Gebirge noch an die See. – Будучи в отпуске, он не поехал ни в горы, ни на море.

Если отрицаются более двух однородных членов предложения, то перед каждым последующим однородным членом употребляется еще раз **noch**:

Weder im Vorverkauf noch an der Theaterkasse, noch direkt vor der Vorstellung war eine Karte für das neue Stück zu bekommen. – Ни в предварительной продаже, ни в театральной кассе, ни перед представлением невозможно было купить билеты на спектакль.

Соответствующей утвердительной параллелью к этому союзу, его антонимом, является **so wohl ... als auch**.

Особый стилистический прием представляет собой сочетание с союзом **weder ... noch** противоположных понятий (слов-антонимов) типа: *weder Fisch noch Fleisch, weder Liebe noch Haft*.

Слово-отрицание **niemand** (синоним *keiner*) употребляется вместо существительных, обозначающих лицо.

Niemand (keiner) war zu sehen. – Никого не было видно.

Er horte auf niemand(e)s Rat. (... keines Menschen ...). – Он не слушал ничьих советов.

Er wandte sich mit dieser Frage an niemand (keinen). – Он ни к кому не обращался с этим вопросом.

Слово-отрицание **nichts** выступает в предложении как субстантивное местоимение вместо неодушевленных существительных или перед субстантивированными прилагательными среднего рода.

Er hatte uns nichts mehr zu sagen. – Ему было ничего больше нам сказать.

Den Kranken interessiert heute nichts. – Больного сегодня ничего не интересует.

In den letzten Tagen hat sich nichts Neues ereignet. – В последние дни ничего нового не произошло.

Литература

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 3-е изд., стер. – М. : Комкнига, 2005. – 303 с.
2. Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. – М., 1983. – 167 с.
3. Гетманова, А. Д. Отрицание в системах формальной логики / А. Д. Гетманова. – М. : Высш. шк., 1972. – 139 с.
4. Пономарева, Х. Отрицание в немецком языке / Х. Пономарева. – М. : Просвещение, 1983. – 65 с.
5. Синев, Р. Г. Грамматика немецкой научной речи / Р. Г. Синев. – М. : Готика, 2001. – 56 с.
6. Тагиль, И. П. Deutsche Grammatik / И. П. Тагиль. – СПб. : КАРО, 2003. – 60 с.
7. Филичева, И. И. История немецкого языка / И. И. Филичев. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 130 с.
8. Шишкова, Л. В. Синтаксис современного немецкого языка / Л. В. Шишкова. – М. : Изд. центр «Академия», 2003. – 72 с.

ЭМОТИВНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОТЕНЦИАЛА МИФИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА НЕМЕЦКОЙ БАЛЛАДЫ

В «Универсальном словаре иностранных слов русского языка» эмоция определяется как «душевное переживание, волнение, чувство»¹. Эмоции выражают состояние человека, его реакцию на объект, его чувства к данному предмету (явлению, лицу, событию). В последнее время в работах, рассматривающих лингвистические проблемы, наряду с традиционным термином «эмоция» и производными от него «эмоциональность», «эмоциональный» встречаются слова «эмотив», «эмотивность», «эмотивный».

Исследователь эмотивной семантики языка В. И. Шаховский в работе «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» поясняет: «Эмотивный – то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...»². Характеризуя эмотивность как языковую категорию, А. В. Кунин отмечает, что «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, выражение языковыми средствами чувств, настроений, переживаний человека»³. К эмоциям относится переживание чувства одобрения, осуждения, удовлетворения, радости, симпатии, неудовлетворенности, антипатии, недовольства, стыда, гнева, отвращения, негодования, сочувствия, смирения⁴. «Эмотивность... соотносится по содержанию с определенными типами осознанных эмоций-чувств-отношений, к которым мы относим чувства, определяемые в диапазоне одобрительной или неодобрительной реакции на обозначаемое»⁵. Положительный эмоциональный тон передают радость, удовольствие, восторг, благосклонность, удовлетворенность, воодушевленность, горделивость. Отрицательные эмоции выражают отчаяние, подавленность, озлобленность, неудовлетворенность, антипатию, раздраженность.

Эмотивная представленность в данной статье проходит по двум факторам: семантическому, в котором эмотивность является компонентом

коннотативной семантики слова, высказывания (сюда следует отнести, по мнению ряда ученых, также языковые средства номинации эмоций), и оценочному фактору, связанному с субъективным отношением адресата к объекту оценки, которая всегда экспрессивна и составляет прагматический аспект категории эмотивности. Причем выделенные факторы различаются онтологически: если семантический компонент имеет узуальный характер и может актуализироваться или нейтрализоваться в речевом контексте, то оценочный фактор регулярно пересекается с функционально-семантической категорией оценочности и субъективной модальности, выполняющая воздействующую функцию. Сами эмоции, испытываемые говорящим, лишь сигнализируют о его внутреннем психологическом состоянии, его реакции на ситуацию.

В. И. Шаховский отмечает, что средства выражения категории эмотивности представляют собой определенную систему, поле, в центре которого располагаются разноуровневые элементы, в семантике которых преобладает эмотивно-оценочный компонент⁶. Можно предположить, что на периферии могут находиться единицы, обладающие потенциальной эмотивностью, то есть те, которые актуализируют категорию эмотивности в окказиональном окружении (в тексте, речи), а также узуальные языковые средства, коннотативные семы которых могут нейтрализоваться в речевом контексте. Отсюда следует, что эмотивность можно дифференцировать по степени выраженности: нейтральная степень выраженности (НСВ) и высокая степень выраженности (ВСВ).

*Семантика образности мифического
компонента немецкой баллады в русле
нейтральной степени выраженности эмоции*

Отнесение к разряду эмотивов основывается на внешнем признаке – функциональном. Иными словами, если языковое средство выражает

¹ Универсальный словарь иностранных слов русского языка. – М.: Вече, 2001. – 688 с.

² Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

³ Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1986. – 236 с.

⁴ Словарь по этике. – М.: Изд-во политич. лит., 1983. – 455 с.

⁵ Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986. – 237 с.

⁶ Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 192 с.

или может выражать эмоции, тогда оно эмотивно. В. Н. Телия отмечает, что коннотативно представленным в широком смысле может быть любой элемент, который дополняет предметно-понятийное, а также грамматическое содержание языковой единицы и придает ей эмотивную функцию⁷. При широкой трактовке эмотивность рассматривается как категория, которая охватывает все средства отображения эмоций.

Анализ фактического материала позволяет выявить наличие разноуровневых эмотивных средств образности мифического компонента немецкой баллады, эксплицирующих нейтральную степень выраженности с положительным эмоциональным тоном (НСВ+) и отрицательным (НСВ-). Сюда относятся специальные синтаксические модели (парцелляция, парантеза, проlepsis), бессоюзие и многосоюзие, а также изменения обычного порядка слов, эллиптические конструкции, повторы, риторические вопросы с отрицанием, поскольку все они являются контекстуально обусловленными способами выражения эмотивности, то есть вне контекста они не выражают эмоциональную функцию.

1. Ach, Wilhelm, du? ...

Geweinet hab ich und gewacht...

(Bürger, 30)

Вопрос (1: 1) представляют интонационную активность с функцией субъективно-модального значения подавленности (НСВ-). В предложении (1: 2) начальное положение глагольной формы партицип II эксплицирует эмоциональную речь для выделения самого действия, а не темпоральности⁸. Глагольная лексема *weinen* номинирует чувство горя (НСВ-).

2. «Lass sausen durch den Hagedorn,
lass sausen, Kind, lass sausen! ...»
«Sieh hin, sieh her! Der Mond scheint hell;
Hurra! Die Toten reiten schnell! ...»
«...Komm, Küster, hier! Komm mit dem Chor
und gurgle mir das Brautlied vor! ...»
Sieh da! sieh da! ...
ein luftiges Gesindel.

(Bürger, 30–31)

Динамическое описание развернувшегося действия проходит через включение языковых средств, представленных всевозможными повторами с восклицательным тоном и маркирует эмотивно-побудительное высказывание со значением уверенности (2: 1–3, 5, 7) (НСВ+), лексических единиц *gurgle vor*, *ein luftiges Gesindel*, активность которых сочетается с экспрессивностью субъективной трактовки негативного тона и выражает насмешку (НСВ-).

3. «Weit, weit von hier! – Still, kühl und klein!
Sechs Bretter und zwei Brettchen!»

(Bürger, 30)

Расчленение предложения (3: 1, 2) на несколько интонационно цельнооформленных фраз (парцелляция) является средством активизации речевой экспрессии⁹ и эмотивно представляет в контексте чувство раздраженности (НСВ-).

«... Graut Liebchen auch vor Toten?»

«O weh! lass ruhn die Toten!»

4. «Rapp! Rapp!...

Rapp! Rapp! ich wittre Morgenluft...

Vollbracht, vollbracht ist unser Lauf!

Das Hochzeitbette tut sich auf!

Die Toten reiten schnelle!

Wir sind, wir sind zu Stelle!»

(Bürger, 31)

Многократный повтор лексемы-обращения *Rapp!*, усиленный восклицательным знаком, а также повторы (4: 3, 6), сигнализирующие об окончании действия, актуализируют образность эмоциональной представленности событийного фактора, эксплицируя чувство удовлетворенности виртуального субъекта (НСВ+).

5. Sieh da! sieh da! Am Hochgericht

tanz, um des Rades Spindel,

halb sichtbarlich, bei Mondenlicht,

ein luftiges Gesindel. ...

Ha sieh! Ha sieh! im Augenblick,

huhu! ein grässlich Wunder! ...

(Bürger, 31)

Актуализация мифического компонента в данном тексте проходит с помощью эмотивно отмеченных разноуровневых образных средств, таких, как контактные повторы (5: 1, 5), парантеза (5: 2), парцелляция (5: 5, 6), эмоционально представляющих восторг ирреальной сущности (НСВ+).

6. ... Des Reiters Koller, Stück für Stück,

fiel ab, wie mürber Zunder.

Zum Schädel ohne **Zopf** und **Schopf**,

zum nackten Schädel ward sein **Kopf**,

sein Körper zum Gerippe

mit Stundenglas und Hippe.

(Bürger, 31)

Вставная конструкция (6: 1) создает эмоциональный фон с интонацией насмешки, усиленный аллитерацией (НСВ-). Вынесение в начальную позицию ремы (6: 3, 4), образно представленной лексемой *Schädel*, фонетический параллелизм, а также семантический повтор (6: 3, 4) формируют образную картину эмотивно маркированной ситуации со значением удивления (НСВ-).

7. Hoch bäumte sich, wild schnob der Rapp
und sprühte Feuerfunken;

⁷ Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М., 1986. – 237 с.

⁸ Riesel, E., *Deutsche Stilistik* / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau : Verlag Hochschule, 1975. – 316 с.

⁹ Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – 271 с.

Geheul! Geheul aus hoher Luft,
Gewinsel kam aus tiefer Gruft.
Lenorens Herz mit Beben
rang zwischen Tod und Leben.

(Bürger, 31)

Препозитивное расположение атрибутов действия (7: 1), перечисление глаголов (7: 1, 2) создают экспрессию возбуждения (HCB+). Производные слова *Gesindel* (5: 4), *Geheul* (7: 3), *Gewinsel* (7: 4), образуемые с помощью приставки **ge-** из глагольной основы, отмечены характерным негативно-оценочным значением и используются автором в целях оптимального воздействия на реципиента, вызывая чувство антипатии (HCB-).

8. «Geduld! Geduld! wenns Herz auch bricht!
Mit Gott im Himmel hadre nicht!»

(Bürger, 31)

Повтор лексемы *Geduld* в восклицательной тональности и в окружении эмотивных парцеллятов (8: 1, 2) эксплицирует прагматическое воздействие на адресата, выражая мотив смирения (HCB+).

9. Siehst, Vater, du den Erbkönig nicht?
Den Erlenkönig mit Kron' und Schweif?

(Goethe, 41)

В речевом высказывании (9: 1, 2) присутствует парцелляция как средство выражения эмоционального состояния реального субъекта с семой «страх» (HCB-).

10. ... erreicht den Hof mit Müh und Not...

(Goethe, 41)

Фразеологизм *mit Müh und Not* отмечен эмоционально-экспрессивной окраской удовлетворенности в достижении цели за счет повтора слов в сочетании частичных синонимов (HCB+).

11. Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll
ein Fischer saß daran...

...

Das Wasser rauscht', das Wasser schwoll,
netzt' ihm den nackten Fuss ...

(Goethe, 47)

Предложения (11: 1, 3) представляют рамный повтор, основное назначение которого здесь сводится к смысловому и эмоциональному усилению событийного фактора, что создает прецедент образности, переданной звукописью и глагольными метафорами, и выражает настроение удовлетворенности (HCB+).

12. Willkommen, Herr Oluf!

Hör an, Herr Oluf, tritt tanzen mit mir,
zwei güldne Sporen schenk ich dir!

(Volksballade, 28)

Переход к мифическому компоненту проходит через эмотивно-побудительное высказывание, общим функционально-коммуникативным свойством которого является воздействие мнимого субъекта в образе дочери лесного царя на реального персонажа. Интенции ирреальной

сущности, образно представленные в ее речи (12: 3; 12: 1, 2), имплицитуют фактор опасности (HCB-).

13. Ein Hemd von Seide, das schenk ich dir...

...ein Haupt von Golde, das schenk ich dir...

(Volksballade, 28)

Предложения (13: 1, 2) отмечены нарушением грамматической структуры (пролепсис) и представляют эмоциональный синтаксис, создавая настроение благостности (HCB+). Словосочетания *ein Hemd von Seide*, *ein Haupt von Golde* образно передают желание виртуального субъекта завлечь реального персонажа в свой ирреальный мир.

Анализ фактического материала продемонстрировал при разноуровневости образных языковых средств экспликацию разных значений нейтральных эмоций с превалированием чувства удовлетворенности с положительной оценкой и чувства насмешки с отрицательной оценкой.

*Семантика образности мифического
компонента немецкой баллады в русле
высокой степени выраженности*

К языковым средствам, придающим эмоциональную насыщенность высказывания, актуализирующим семантику образности мифического компонента немецкой баллады, относятся разноуровневые элементы с преобладанием эмотивно-оценочного потенциала, например, слова, эмотивная сема которых является составляющей коннотации и сопутствует основному денотативному значению, а также лексика отображения эмоций, междометия, словосложение, деминутивные суффиксы **-chen**, **-lein**, слова-интенсификаторы **so**, **wie**, **solch**, **zu**, **sehr**, **doch**, **ja**, **jawohl**, а также восклицательные предложения. Примером могут служить следующие высказывания.

14. Und außen, horch! gings trapp, trapp, trapp,
Und horch! und horch! den Pfortenring
ganz lose, leise klinglingling...

(Bürger, 30)

Для активизации эмоционального воздействия на адресата трижды включается междометие **horch**, усиленное образно-экспрессивными звуковыми эффектами **trapp**, **trapp**, **trapp**; **klinglingling** и (BCB+), вызывая у адресата чувство возбуждения (BCB+).

15. Holla! holla! Tu auf, mein Kind!

...Liebchen... wachst du?

ach, großes Leid erlitten! ...»

«Ach, Wilhelm, erst herein geschwind! ...»

(Bürger, 30)

Межсубъектный диалог эксплицирует ряд восклицательных предложений (15: 1, 3, 4), выражая удивление и радость, эмоционально усиленных междометием *ach* (BCB+). Деминутивный суффикс **-chen** в лексеме **Liebchen** выражает насмешку виртуального субъекта (BCB-).

16. «Sag an, wo ist dein Kämmerlein?
Wo? Wie dein Hochzeitbettchen?»
(Bürger, 30)

Деминутивные образования (Kämmerlein, Hochzeitbettchen – BCB+) и (**Brettchen** – BCB-) окрашены полярными оценками: первые являются средством выражения нежности, второе – насмешливой иронией.

Сложные слова выполняют в тексте баллады разнообразные выразительные функции. Одной из них является эмоционально-оценочная функция, в которой композиты характеризуют различные факты, лица, явления.¹⁰ Например, индивидуальные композиты с одним из повторяющихся компонентов с лейтмотивом свадебного обряда: **Hochzeitreigen, Brautgelage, Brautlied** с выражением чувства радости предстоящего события (BCB+); словосложения с мифической направленностью: **Leichenzug, Leichensteine, Totensang, Kettentanz** представляют потусторонний мир с переживанием чувства страха (BCB-); с лейтмотивом природы: **Mondenglanz, Morgenluft, Morgenrot, Mondenlicht, Mondenschein** (BCB+), которые передают красоту природы. Большей частью данные композиты отмечены метафорической образностью.

17. «... Komm, schürze, spring und schwinde dich
auf meinen Rappen hinter mich!
Muss heut noch hundert Meilen
mit dir ins Brautbett eilen».
«Ach! wolltest hundert Meilen noch
mich heut ins Brautbett tragen? ...»
(Bürger, 30)

Ряд глаголов движения (17: 1) передает экспрессивность, которая маркируется восклицательным знаком в конце предложения и подчеркивает динамику развернувшегося действия в эмотивном пространстве возбужденности (BCB+). Предложение (17: 5, 6) представляет собой эмотивно-вопросительное косвенное высказывание, построенное на повторе элементов из предыдущей реплики виртуального субъекта и выражает тревогу, усиленную междометием (BCB-).

18. Wie flogen rechts, wie flogen links
Gebirge, Bäum und Hecken!
Wie flogen links und rechts und links
die Dörfer, Städt und Flecken! ...
Wie flog, was rund der Mond beschien,
wie flog es in die Ferne!
Wie flogen oben überhin
der Himmel und die Sterne!
(Bürger, 31)

Ряд восклицательных предложений передает яркую образную картину пространства (18: 1, 3)

(BCB+) и ночного пейзажа (18: 5–8) (BCB+) с трехкратным лексическим повтором союза **wie**, который, действуя как интенсификатор, усиливает денотативное значение глагола, к тому же выдвижение данного компонента в препозицию способствует его логическому выделению. Эмфатическая интонация, свойственная высказываниям, маркируется восклицательным знаком в конце предложений. Авторская представленность пространства и времени выражает чувство восторга и оптимально воздействует на адресата.

19. Und hui! warn unter ihr hinab
verschwunden und versunken.
(Bürger, 31)

Междометие **hui** с парантетической функцией эмотивирует сему «неожиданность» (BCB-).

20. Armut ist die größte Plage,
Reichtum ist das höchste Gut!
(Goethe, 46)

Коммуникативной интенцией данного высказывания является эмотивный призыв с целью обосновать предстоящие действия реального субъекта. Высокая степень образности представлена прилагательными в абсолютной превосходной степени, выражая вне сравнения сему «максимальность» (BCB+).

21. «Meine Seele sollst du haben!»
(Goethe, 46)

В данном предложении представлен футуральный презенс, в котором глагол **sollen** выражает уверенность в осуществлении действия, предсказание.¹¹ Эмотивный эффект выражен восклицательной интонацией и эксплицирует состояние реального субъекта.

22. ...und ich dacht': Es kann der Knabe
mit der schönen, lichten Gabe
wahrlich nicht der böse sein!
(Goethe, 46)

В высказывании (22) лексема **wahrlich** представляет значение уверенности, усиленное восклицанием (BCB+).

23. Trinke Mut des reinen Lebens,
dann verstehst du die Belehrung,
kommst mit änglichster Beschwörung
nicht zurück an diesen Ort!
(Goethe, 46)

Коммуникативной интенцией данного высказывания является эмотивный призыв общего свойства, актуализирующий событийный момент в прагматических целях (BCB+).

24. Siehst, Vater, du den Erlkönig nicht?
.....
Mein Vater, mein Vater, und hörest du nicht?
.....

¹⁰ Брандес, М. П. *Стилистика немецкого языка* / М. П. Брандес. – М. : Высш. шк., 1983. – 271 с.

¹¹ Гулыга, Е. В. *Грамматико-лексические поля в современном немецком языке* / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.

Mein Vater, mein Vater, und siehst du nicht dort?

Mein Vater, mein Vater, jetzt fasst er mich an!

(Goethe, 41)

В основе представленных здесь и ниже фигур речи лежит эмоциональное насыщение высказывания по нарастающей. Ребенок четырежды задает вопросы, что актуализирует напряжение в ситуации, требующей разрядки через межсубъектное взаимодействие противочленов оппозиций: 1) «пассивность – активность»; 2) «реальность – ирреальность». В первой оппозиции активность виртуального субъекта превалирует («больной ребенок – лесной царь»), создавая иллюзию силового превосходства (смерть ребенка). Слабость субъекта реальности (Kind) актуализируется образно через вопросительное предложение с отрицанием, что включает сему неуверенности (BCB-) в наличии события. Во второй оппозиции («лесной царь – отец») побеждает реальность, когда актуальный субъект преодолевает силу мнимого субъекта: через все трудности и страхи отец приходит к людям (erreicht den Hof), стремясь спасти сына.

25. Du liebes Kind, komm, geh mit mir!

Meine Töchter sollen dich warten schön...

Und bist du nicht willig, so brauch' ich Gewalt

(Goethe, 41)

Речь мнимого субъекта выражает эмоциональную насыщенность высказывания также по нарастающей, но иного характера: от ласковых обращений через обещания до гневных угроз, вызывающих чувство страха (BCB-).

26. Sei ruhig, bleibe ruhig, mein Kind!

In dürrn Blättern säuselt der Wind.

(Goethe, 41)

Восклицательное предложение (26: 1) свидетельствует о неадекватном восприятии реальным субъектом опасности (BCB-) и выражает чувство уверенности (BCB-).

27. ... Mein Vater, mein Vater, jetzt fasst er mich an!

Erlkönig hat mir ein Leid's getan! ...

(Goethe, 41)

В высказываниях (27: 1, 2) присутствует высокая степень эмоциональной насыщенности, которая передает ужас и боль ребенка (BCB-).

28. ... sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll ...

... so wohligh auf dem Grund ...

Сложное прилагательное **sehnsuchtsvoll** и лексема **wohligh** с интенсификатором **so** выполняют эмоционально-экспрессивную функцию, выражая чувство тоски и благополучия (BCB-, BCB+).

29. ... Kehrt wellenatmend ihr Gesicht

nicht doppelt schöner her? ...

(Goethe, 47)

Сочетание наречия **doppelt** с прилагательным в сравнительной степени **schöner** (29: 2) усили-

вает экспрессию высказывания виртуального субъекта с целью оптимального воздействия на реальный субъект (BCB-).

30. ... wie ist dein Farbe blass und bleich?

Hör an, mein Sohn, so lieb und traute ...

(Volksballade, 28)

Словосочетания **blass und bleich** (30: 1), **lieb und traute** (30: 2), представляющие синонимический повтор, образны и эмоциональны. Слово-интенсификатор **so** служит для усиления денотативного признака, выраженного в словосочетании **lieb und traute** и выражает чувство любви (BCB+). В словосочетании **blass und bleich** выражена тревога (BCB-).

31. Sie soll mir auch herbringen

ein weißes, trocknes Hemde;

das erste, das ist gar zu naß,

was weinet sie, was tut die das?

(Volksballade, 41)

Вынесение за рамку прямого дополнения (31: 2) мотивировано выразительной значимостью событийного фактора. Усилительная частица **zu** в сочетании с прилагательным **naß** (31: 3) усиливают экспрессивность высказывания. Присутствие лексемы **weinet** свидетельствует о чувстве горя (BCB-).

32. ... Ach Herr, du liebster Herre mein,

warum kömmt heut so traurig heim?

(Volksballade, 41)

Междометие **ach**, прилагательное в превосходной степени **liebster**, интенсификатор **so** перед эмотивом **traurig** представляют высшую степень эмоциональности реального субъекта и выражают чувство огорчения (BCB-).

33. Da schreit ja stets die himmlische Taub':

«Ihr Gräber, schließt euch alle auf!»

(Volksballade, 41)

Усилительная частица **ja** (33: 1) в сочетании с наречием **stets**, а также восклицание (33: 2) способствуют повышению выраженности чувства отчаяния (BCB-).

34. Wie «edel» da scheint der Mond,

wie leise da reiten die Toten!

Sie reiten dahin zum Kirchlein,

jawohl dahin auf den grünen Friedhof.

(Volksballade, 39)

Союз **wie** действует как интенсификатор в восклицательном предложении, представляя образную (edel) картину природы в ирреальном пространстве межсубъектного взаимодействия в текстовой оппозиции «победа жизни – победа над жизнью». Лексема **jawohl** усиливает чувство уверенности мнимого субъекта (BCB-).

35. Ach Herzens-, Herzensmutter mein!

werft mir den Apfel ins Feuer 'nein,

mir armen Hannele!

(Volksballade, 29)

Междометие **ach** в сочетании с метафорически отмеченной композитой (35: 1) в восклицательной тональности передает чувство тревоги.

36. Die schönste Jungfrau sitzt
dort oben wunderbar,
ihr goldnes Geschmeide blitzet,
sie kämmt ihr goldenes Haar.

(Heine, 128)

Лексемы **schönste, wunderbar** (36: 1, 2) эмоциональны в своем денотативном значении, перечислительная бессоюзная связь создает фотографическую точность описания с использованием эпитета в словосочетании **ihr goldenes Haar**.

37. ... Ich glaube, die Wellen verschlingen
am Ende Schiffer und Kahn;
und das hat mit ihrem Singen
die Lorelei getan.

(Heine, 128)

В предложении (37: 1, 2) словосочетание **am Ende** создает футуральную ориентацию с семой «предположение». Инвертированное положение прямого дополнения (37: 3), а также подлежащего (37: 4) является признаком экспрессивного синтаксиса.

Приведенные примеры высказываний актуализируют высокую степень выраженности эмоциональности в разноуровневых образных средствах языка в мифическом компоненте немецкой баллады и позволяют выделить значения радости, уверенности с положительной оценкой и значения страха, тревоги и насмешки с отрицательной оценкой.

Анализ фактического материала позволяет увидеть системный характер эмотивной составляющей средств образности, актуализирующих мифический компонент и определяющих эмотивную представленность по семантическому фактору и оценочному.

Наиболее широко представлены в мифическом компоненте немецких баллад **эмотивно-оценочные высказывания**. Сюда можно отнести конструкции со словами-интенсификаторами **wie, so, solch**, которые служат для усиления денотативного признака, выраженного в существительном, прилагательном, наречии, глаголе (So spät bei Nacht?; Wie flogen Anger, Heid und Land! Wie donnerten die Brücken!; Wie flogen rechts, wie flogen links Gebirge, Bäum und Hecken! Wie flogen links und rechts und links die Dörfer, Städt und Flecken!; ... wie Wirbelwind am Haselbusch durch dürre Blätter raselt; Wie flog, was rund der Mond beschien, wie flog es in die Ferne! Wie flogen oben überhin der Himmel und die Sterne!; Des Reiters Koller, Stück für Stück, fiel ab, wie mürber Zunder; //...und so zog ich Kreis' um Kreise... – Der Schatzgräber // ...wie's Fischlein ist so wohligh auf dem Grund...; sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll wie bei der Liebsten Gruß – Der Fischer // Aber der Tanz geht so leicht durch den Hain; ...ein Hemd von Seide so weiß und fein...; ...noch nimmer fühlt' er solchen Schmerz; Hör an, mein Sohn, so lieb und traut... – Erbkönigs Tochter // Wer reitet so spät durch Nacht und Wind?; Mein Sohn, was birgst du so bang

dein Gesicht?; es scheinen die alten Weiden so grau – Erbkönig // Wie edel da scheint der Mond, wie leise da reiten die Toten!; So verschlinge, du Erde, die Toten, so laß die Lebenden bleiben! – Der tote Bräutigam // ...dass ich so traurig bin – Lorelei).

В мифическом компоненте балладного текста превалируют восклицательные предложения, в которых присутствует оценочная сема – восхищение/неодобрение, радость/гнев, ирония. Выразительные возможности восклицательного предложения заключаются в передаче восторга, радости, раздражения, удивления, горя, ужаса, иронии, насмешки, гнева, угрозы, волнения, страстности. Релевантным является тот факт, что восклицательные предложения выражают положение вещей всегда с внутренним участием, поэтому преимущественно состоят из междометия или междометного слова. Hurra! Die Toten reiten schnell! Ha sieh! Ha sieh! Ach Wassermann, ach Wassermann!... Ach Herr, du liebster Herre mein...! Ach, wüsstest du, wie's Fischlein ist...! Ach, großes Leid erlitten!.. Holla! holla! Tu auf, mein Kind! Ach, Wilhelm, erst herein geschwind! Und horch! Ach nein! – doch lass die Toten! Ach! lass sie ruhn, die Toten! O weh! lass ruhn die Toten! Ach Herzens-, Herzensmutter mein! Horch Glockenklang! Horch Totensang!

Средства речевого воздействия в межкатегориальном взаимодействии реальность/ирреальность приобретают функцию прагматического акцентирования с эмотивной представленностью событийного момента и представлены в эмотивно-побудительных высказываниях, общим функционально-коммуникативным свойством которых является воздействие на адресата с той целью, чтобы он совершил/не совершил определенное действие. (Komm, schürze, spring und schwinde dich auf meinen Rappen hinter mich!; Lasst uns den Leib begraben!; Komm, Küster, hier! komm mit dem Chor und gurgle mir das Brautlied vor!; Komm, Pfaff, und sprich den Segen, eh wir zu Bett uns legen!; Gesindel, komm und folge mir! Tanz uns den Hochzeitreigen, wann wir zu Bette steigen!; Rapp! tummle dich von hinnen!; Geduld! Geduld! wenns Herz auch bricht! Mit Gott im Himmel hadre nicht! – Lenore // Trinke Mut des reinen Lebens... Grabe hier nicht mehr vergebens! – Der Schatzgräber // Du liebes Kind, komm, geh mit mir!; Sei ruhig, bleibe ruhig, mein Kind!; – Erbkönig // Tritt her in den Reihen und tanz mit mir! – Erbkönigs Tochter // Ach Herzens-, Herzensmutter mein! werft mir den Apfel ins Feuer 'nein, mir armen Hannele! – Wassermanns Frau // Tu dich auf, tu dich auf, du Erdenkloß, nimm mich zu dir in deinen Schloß!; Ihr Gräber, schließt euch alle auf! – Der Vorwirt // Komm heraus, Liebe mein!; So verschlinge, du Erde, die Toten, so laß die Lebenden bleiben! – Der tote Bräutigam).

Семантика образных средств в мифической балладе структурируется по степени выраженности, в зависимости от их эмоциональной на-

сыщенности. Наибольшую эмотивную представленность эксплицируют эмотивные слова с коннотативной отмеченностью, а также лексика отображения собственно эмоций. Это можно объяснить тем, что в создании эмоционально экспрессивной окраски ведущую роль играет заложенный в системе эмотивный потенциал языковой единицы. Однако релевантна также коммуникативная ситуация, прежде всего контекст.

Анализ фактического материала показал, что мифический компонент является релевантным фактором в реализации образности динамического описания событийного действия, в котором взаимодействие реального с ирреальным

наиболее ярко эксплицирует эмоциональное воздействие виртуального объекта на реального, поскольку именно в эмотиве заключена сила воздействия. Эмоциональность мифической составляющей имеет больше потенциала действия и использует разноплановые средства, включающие экспрессивные конструкции, по-особому организующие лексику в тексте и содержащие эмоциональную нагрузку в самой структуре. Эмотивная разноплановость с превалированием эмоциональной насыщенности через включение образных языковых средств свидетельствует о высоком потенциале образности в мифическом компоненте баллады.

ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО “THING”

Лексема **thing** относится к группе слов с широкой семантикой. Наличие в лексической системе английского языка единиц широкого значения является общепризнанным фактом, свидетельствующим о важности процесса выделения человеком общих сторон явлений окружающего нас мира.¹

М. Я. Блох указывает, что широкозначные слова образуют градационные переходы от знаменательных частей речи к служебным. А. А. Уфимцева описывает широкозначные лексемы как промежуточные, полудейктические знаки, объединяющие в своем значении назывные и указательные семы.²

Большинство лингвистов отмечают, что ядерную часть поля широкозначных лексем составляют существительные с широким значением, такие, как **thing, matter, fact** и др.³

Следует отметить, что характеристика существительного **thing** не исчерпывается его принадлежностью к данному лексико-семантическому разряду слов. Анализ особенностей его функционирования на современном этапе его существования в английском языке выявляет ряд интересных особенностей, выделяющих его из той лексико-семантической группы (ЛСГ), членом которой он является. Отмечаемое своеобразие заключается в том, что в ряде контекстов наблюдается не просто утрата данным существительным своего вещественного лексического значения, но замена его вещественного лексического значения релятивным значением в гораздо большей степени, чем это происходит в семантической структуре других членов данной ЛСГ. Увеличение релятивного характера лексемы **thing** свидетельствует об изменении грамматической роли данного слова в предложении. Анализ имеющихся контекстов его употребления позволяет отметить, что процесс грамматизации существительного **thing** уже привел к тому, что в ряде случаев оно функционирует в роли отыменного союза, а в других

случаях выполняет функцию структурного элемента, оформляющего главную односоставную часть сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным или предикативным, что несвойственно существительному как части речи. Приведем примеры первого типа текстов:

– As soon as they start to talk about things I don't know or I can't understand I get mad.

– Everything she says comes out a little different from the things most people say.

В приведенных примерах имеет место практически полная утрата существительным **thing** его лексического значения и способности выражать самостоятельное понятие.⁴ Находясь на границе двух частей сложного предложения, оно служит для завершения содержания как первой, так и второй его части, то есть является средством синтаксической связи между отдельными частями сложноподчиненного предложения, приближаясь по своей функции к роли относительного союза. Основное номинативное значение существительного **thing** – «вещь, материальный предмет» – подвергается в подобных случаях сложному качественному преобразованию, утрачивая значение предметности и приобретая релятивное значение. Правомочность вывода о сближении существительного **thing** с отыменным союзом подтверждается возможностью его замены в подобных контекстах лексемой **what** без какого-либо заметного изменения смысла предложения.⁵

Однако вряд ли можно говорить о полном переходе существительного **thing** в разряд союзов, поскольку, хотя оно и выполняет связующую функцию в рассматриваемых предложениях и выступает в роли союза, оно все-таки несет в себе большую информативность, чем союз, так как выполняет определенную субстантивную функцию в главном предложении. Во-вторых, существительное **thing**, выступая в роли союза, сохраняет морфологические свойства существи-

¹ Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М.: Высш. шк., 2000. – 159 с.

² Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – 2-е изд. – М.: Ozon.ru. – 218 с. – (Серия «Лингвистическое наследие XX века»).

³ Давыдова, Г. Б. Функциональный анализ конструкций с широкозначными словами в современном английском языке / Г. Б. Давыдова // Вопросы системной организации речи. – М., 1987. – С. 154–171.

⁴ Блох, М. Я. Теоретические основы грамматики / М. Я. Блох. – М.: Высш. шк., 2000. – 159 с.

⁵ Гарьковская, Т. М. О когнитивном потенциале существительных с широким значением и их функционировании в дискурсе (на материале английского языка) / Т. М. Гарьковская. – Новосибирск: Бытие и язык, 2004. – С. 324–330.

тельного, поскольку употребляется как в единственном, так и во множественном числе. Кроме этого, сама грамматическая форма рассматриваемых предложений не является достаточно устойчивой, о чем свидетельствует возможность употребления существительного **thing** с артиклем и определением, например:

– *He didn't hesitate to simplify or distort if he could get nearer to that unknown thing he sought.*

– *He was interested in all the things I never even thought about.*

В приведенных контекстах существительное **thing** утрачивает связующую функцию и является дополнением в главном предложении.

Рассмотренные выше примеры иллюстрируют утрату существительным **thing** его значения «вещь, материальный предмет». В анализируемом материале имеются также примеры, в которых наблюдается утрата существительным **thing** знаменательности по линии его другого основного значения «дело». Это имеет место в сложно-подчиненных предложениях с придаточным предикативным, где в главном предложении существительное **thing** является десемантизированным служебным подлежащим. Например:

– *The thing is that they know I won't try to get away from them.*

– *The most important thing is – the moment you get out of here people will start telling who are you.*

Лексическое значение у существительного **thing** в предложениях такого рода практически отсутствует, и его употребление обусловлено чисто конструктивными целями⁶. Оно является здесь необходимым структурным элементом, оформляющим предложение по нормам аналитического синтаксиса и создающим структурную полноту односоставных предложений с придаточным предикативным.

В заключение следует отметить, что семантико-синтаксическая эволюция существительного **thing** является свидетельством тесного взаимодействия лексического и грамматического как в слове, так и в языке. Максимальная обобщенность лексического значения полнозначного слова может предшествовать его грамматизации и превращению в служебную часть речи.

Существительное **thing** можно отнести к словам, которые находятся на начальной стадии перехода из разряда полнозначных в разряд служебных слов.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

⁶ Сердюкова, Т. М. Синтаксические структуры с существительным “thing” в современном английском языке / Т. М. Сердюкова // Вопросы синтаксиса английского языка. – Пятигорск, 1974. – С. 88–95.

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕДАЧИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ В ПЕРЕВОДЕ

В XXI веке все заметнее проявляет себя тенденция к глобализации современного мира с неизбежным непосредственным контактом и диалогом культур. В последние годы понятие культуры приобрело новое звучание. Если раньше преобладало понятие о так называемых культурных ценностях, произведениях искусства, литературы и т. д., то в современном мире возрастает важность понятия культуры, в котором значительное место уделяется описанию и интерпретации национальных традиций людей, их образа жизни, специфики поведения, мышления и восприятия окружающего мира.

В связи с этим поменялись и приоритеты лингвистики: на современном этапе ее развития все больше внимания уделяется вопросам, связанным с национально-культурной спецификой языков, с национальным своеобразием образа мира, сложившегося у лингвокультурной общности.

Язык служит коммуникации, это главный, самый эксплицитный, самый официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения. «Язык является коммуникативным процессом в чистом виде в каждом известном нам обществе»¹.

Глубокое знание иностранного языка требует глубокого изучения мира носителей языка, их культуры – образа жизни, национального характера, менталитета и т. д., потому что реальное употребление слов в речи в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива.

Если рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им (как родным, так и иностранным), то «социокультурный слой, или компонент культуры, оказывается частью языка или фоном его реального бытия. В то же время компонент куль-

туры – не просто некая культурная информация, сообщаемая языком. Это неотъемлемое свойство языка, присущее всем его уровням и всем отраслям»².

Понятие «культура»³ является одним из наиболее дискуссионных вопросов в культурологии и других науках и рассматривается исследователями с разных точек зрения, например:

- с социологической (как часть общественной жизни, выполняющей определенные функции);
- с антропологической (как вид человеческой деятельности);
- с философской (в плане отношения культуры к бытию человека – как явление, возникающее и существующее на пересечении личности и общества).⁴

Соотношение языка и культуры – вопрос сложный и многоаспектный. «Язык в первую очередь способствует тому, что культура может быть как средством общения, так и средством разобщения людей.

На язык как основной специфический признак этноса можно смотреть с двух сторон: по направлению «внутрь», и тогда он выступает как главный фактор этнической интеграции; по направлению «наружу», и в этом случае он – основной этнодифференцирующий признак этноса. Диалектически объединяя в себе эти две противоположные функции, язык оказывается инструментом и самосохранения этноса, и обогащения «своих» и «чужих»»⁵.

Анализ показывает, что слово *культура* многозначно во всех европейских языках. Если обратимся к английским лингвоэнциклопедическим словарям⁶, то убедимся, что во всех определениях слова *culture* повторяется слово *customs* 'обычай, традиции'; неоднократно употребляется слово *beliefs* 'верования', а также словосочетание *the way of life* 'образ жизни'.

¹ Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир; под ред. и с предисловием д. ф. н. проф. А. Е. Кибрика. – М.: Прогресс, 1993. – С. 211.

² Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е изд., доработанное / С. Г. Тер-Минасова. – М.: изд-во МГУ, 2004. – С. 15.

³ Здесь и далее в тексте курсив мой. – Т. III.

⁴ Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода / В. И. Хайруллин. – М., 1995. – С. 12–13.

⁵ Антипов, Г. А. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина. – Новосибирск, 1989. – С. 185.

⁶ Cambridge International Dictionary of English. – Cambr. University Press, 1995. Collins COBUILD English Dictionary. – Harper Collins Publishers, 1995. Longman Dictionary of the English Language and Culture / Addison Wesley. – England, 1998.

Понятие **культура** широко используется и в переводе, однако это понимание требует уточнения, поскольку в теории перевода и вообще в лингвистике **культура** обычно употребляется как интуитивно понятный термин без определения его толкования. Под термином **культура в переводе** мы, прежде всего, понимаем общие фоновые знания о мире участников коммуникации.

Переводчик должен сопоставить фоновые знания и перевести так, чтобы их расхождения не помешали эффективной двуязычной коммуникации. Учет в переводе культурных особенностей, нейтрализация культурных барьеров позволяют подходить к переводу как к межкультурной коммуникации.

Термином **межкультурная коммуникация** вслед за Е. М. Верещагиным и В. Г. Костомаровым мы называем «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам»⁷. Каждый из участников коммуникативного акта несет свою, чужую культуру, элементы которой могут быть неизвестны другому участнику.

Чтение иностранной литературы неизбежно сопровождается и знакомством с чужой, *иной* страны культурой, и конфликтом с ней.⁸

Национально-культурное содержание проникает в текст различными путями:

- вместе с языковыми единицами и стереотипными речевыми произведениями, имеющими в своем значении национально-культурный компонент;
- в виде авторского описания объектов национальной материальной и духовной культуры, на фоне которых разворачивается сюжет;
- вместе с речевым этикетом;
- через речевые характеристики героев, в результате чего читатель получает информацию о субкультурах, представителями которых они являются.

Яркий пример конфликта культур при восприятии иностранной литературы приводит американский антрополог Лора Бохэннен, пересказавшая «Гамлета» Шекспира туземцам Западной Африки.⁹

Туземцы восприняли сюжет через призму своей культуры: Клавдий – молодец, что женился на вдове брата, так и должен поступить хороший человек. Призрак отца Гамлета вообще не

уложился в сознании: если он мертв, то как он может ходить и говорить?

Полоний вызвал неодобрение: зачем он мешал дочери стать любовницей сына вождя – это и честь, и, главное, много дорогих подарков. Гамлет убил его совершенно правильно, в полном соответствии с охотничьей культурой туземцев: услышав шорох, крикнул «что, крыса?», а Полоний не ответил, за что и был убит. Именно так и поступает каждый охотник в африканском лесу: услышав шорох, окликает и, если нет человеческого отклика, убивает источник опасности.

Конфликт культур проявляется на разных уровнях. Наиболее явственно он проявляется в лексике, так как именно эта часть языка имеет через лексическое значение прямой и непосредственный выход в реальный мир, во внеязыковую реальность.

Узнав новое иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности мира, а это мир иной страны, иностранный, чужой, чуждый.

Обратим внимание на слово **употребление**: именно в процессе производства речи, то есть при реализации активных навыков пользования языком (говорение, письмо), особенно остро встает проблема культурного барьера, культурного компонента, наличия культурных фоновых знаний о мире изучаемого языка.

Действительно, для того чтобы не просто узнать, распознать значение слова в тексте, произведенном кем-то, а самому **произвести** этот текст, нужно знать не только собственно значение слова, важно располагать информацией о предмете-понятии (*thing meant*), о его месте и функциях в том мире, где данный язык используется в качестве реального средства общения.¹⁰

Преодоление только языкового барьера в переводе явно недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Поэтому с тем, чтобы подчеркнуть, что в процессе перевода наряду с дифференциалом языков преодолевается этнический дифференциал, Л. К. Латышев заменил термин **языковой барьер** на **лингвоэтнический барьер**.

Лингвоэтнический барьер – это «все то, что не позволяет носителю переводного языка (ПЯ) непосредственно воспринять текст на исходном языке (ИЯ) и отреагировать на него так же, как

⁷ Верещагин, Е. М. *Язык и культура* / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. 4. – М. : Русский язык, 1990. – С. 26.

⁸ Тер-Минасова, С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. – 2-е изд., доработанное / С. Г. Тер-Минасова. – М. : изд-во МГУ, 2004. – С. 24.

⁹ Приводится по: Тер-Минасова, С. Г. *Указ. соч.* – С. 24.

¹⁰ Тер-Минасова, С. Г. *Язык и межкультурная коммуникация*. – 2-е изд., доработанное / С. Г. Тер-Минасова. – М. : изд-во МГУ, 2004. – С. 35.

если бы он был носителем ИЯ»¹¹.

Помимо собственно культурного компонента, лингвоэтнический барьер складывается из таких лингвокультурных факторов, как расхождение системы исходного языка (ИЯ) и системы переводного языка (ПЯ), расхождение языковых норм ИЯ и ПЯ, расхождение узусов.

К собственно культурному фактору относится расхождение запаса предварительных нелингвистических знаний, которые необходимы для адекватного восприятия и интерпретации текста. Сюда относятся как фундаментальные культурно-исторические знания, так и «переменные», актуальные знания о текущей жизни страны, общества.

Изучение лексических единиц с точки зрения отражения в них национально-культурных особенностей дает возможность исследователям выделить в их семантике особую социально-культурную сему, или **культурный компонент**¹².

К компонентам культуры, несущим национально-специфическую окраску, относятся: традиции, обычаи и обряды; традиционно-бытовая культура; повседневное поведение; «национальные картины мира»; художественная культура.

Различные культуры производят деление реального мира по-разному. Это касается, например, ситуации, когда одно и то же понятие по-разному – избыточно или недостаточно – словесно выражается в разных языках, например, способы выражения того факта внеязыковой реальности, который по-русски называется *палец*. Чтобы назвать этот предмет по-английски, необходимо уточнить, что имеется в виду, так как у англичан пальцы руки, кроме большого, называются *fingers*, большой палец *thumb*, а пальцы ноги – *toes*. Русскому словосочетанию *десять пальцев* эквивалентно английское – *eight fingers and two thumbs* (восемь пальцев и два больших пальца), а *двадцать пальцев* – это *eight fingers, two thumbs, and ten toes* (восемь пальцев, два больших пальца на руках и десять пальцев на ногах).

Данные примеры свидетельствуют о разных потенциях языков в области номинации. Культурные понятия должны получить в языке достаточно компактные, удобные наименования. Если такие наименования в языке отсутствуют, то не возникает и самого понятия.

Помимо разницы в выражении одних и тех же понятий, наблюдается и разница в лексико-фразеологической сочетаемости слов.

Так, русские сочетания «высокая трава», «крепкий чай», «сильный дождь» по-английски звучат как «длинная трава» (*long grass*), «сильный чай» (*strong tea*), «тяжелый дождь» (*heavy rain*).

По-русски рискуют не шеей (*to risk one's neck*), а головой, муха не стоит (*a fly stands on the ceiling*), а сидит на потолке, хлопают не в руки (*to clap hands*), а в ладоши.¹³

В. И. Хайруллин посвятил свои исследования особенностям представления в русском и английском языках различных категорий действительности, таких, как материальный объект, пространство, время, действие.

В английских высказываниях каждое лицо описывается индивидуализировано (*I think I will go after everybody has left*), а в русском языке – собирательно, коллективно (Поеду, пожалуй, когда все уйдут).

В английском языке выражается культурное стремление к единичности описания (*Where should I meet you tonight?*), а в русском – стремление к коллективности, коллегиальности описания: *мы, все, оба* (Где мы сегодня встретимся?).¹⁴ Сравните русское: *Мы с другом* и английское: *My friend and I*.

Что касается разницы при представлении времени, английский язык и культура проявляют тенденцию оперировать меньшими величинами измерения времени по сравнению с русским языком и культурой: *half past six* – половина *сегодняшнего*, *more than forty years* – почти *полвека*.¹⁵

Существенные различия наблюдаются при представлении времени принятия пищи. Русский *обед* не совпадает с английскими *lunch* и *dinner* ни гастрономически, по набору блюд, ни по времени (*lunch* в 12.00 – слишком рано, *dinner* в 20–21.00 – слишком поздно для обеда). *Ужин* – это и *dinner*, и *supper*.

Во всех языках существуют слова, денотаты которых являются чисто национальными и не имеют эквивалента в лексической системе ПЯ. Речь идет о словах, называющих *реалии*, уникальные понятия, присущие только данному миру и, соответственно, языку.

Реалии относят к безэквивалентной лексике, которая, несомненно, наиболее ярко и наглядно иллюстрирует идею отражения языком действительности, однако ее удельный вес в лексическом составе языка невелик: в русском языке, по данным Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, это 6–7 %.¹⁶

¹¹ Латышев, Л. К. Перевод: Теория, практика и методика преподавания : учебник для студ. перевод. фак. высш. учеб. заведений / Л. К. Латышев, А. Л. Семенов. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – С. 104.

¹² Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода / В. И. Хайруллин. – М., 1995. – С. 79.

¹³ Там же. – С. 81.

¹⁴ Там же. – С. 206–207.

¹⁵ Там же. – С. 79–80.

¹⁶ Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – С. 51.

Культурный компонент (он же денотат) в безэквивалентной лексике связан со спецификой культурно-исторической жизни этноса.

Например, такие русские слова как *тайга*, *лапти*, *буденовка*, *бобыль*, *кафтан*, *квас*, *колодок* вообще не имеют «равнокультурного» эквивалента в английском языке, а английские *elevated railroad*, *boy scout*, *bush telegraph* (заум.), *boomerang* (заум.) *Humpty-Dumpty*, *bread-and-butter letter* – соответственно, в русском языке.

При переводе таких слов приходится прибегать к описаниям или сочинениям неологизмов типа *elevated railroad* – надземка (по аналогии с *подземкой*), *bush telegraph* – передача сообщений при помощи дымовых сигналов или барабанного боя у некоторых первобытных народов.

Л. К. Латышев, помимо слов-реалий, относит к безэквивалентной лексике также временно безэквивалентные термины (новшество, присутствующее в практическом опыте носителей ИЯ, но временно отсутствующее в практическом опыте носителей ПЯ): *компьютер* (от англ. computer), *дисплей* (от англ. display), а также случайные безэквиваленты, или лакуны.¹⁷

Лакуны в ПЯ, как следствие отсутствия лексических эквивалентов для безэквивалентной лексики ИЯ, заполняются посредством калькирования или лексических заимствований из последнего.

Заимствования отражают неведомые до поры явления и объекты, существующие в стране носителей ИЯ. При этом, благодаря расширению культурного обмена, многие реалии перестают быть национальной особенностью, и происходит проникновение одной культуры в другую.

В русском языке выделяются два типа заимствований: 1) из славянских языков; 2) из неславянских. Например, из польского языка заимствована лексема *козлы*, которая сначала означала «сиденье для кучера в передке экипажа», а позже «подставку в виде бруса на ножках, сбитых крестовиной».

Наряду со славянскими в русскую лексику на разных этапах ее развития входили и неславянские заимствования, например:

Стриптиз (англ.) – 1) эстрадное представление, участницы которого постепенно раздеваются; 2) исполнители такого представления (в собирательном значении); 3) театр, дающий такие представления.

Следует упомянуть и о новейших заимствованиях из английского языка: *спикер* (speaker), *чартер* (charter), *ноу-хау* (know-how) и др.

Заимствования инокультурной лексики в английском языке чрезвычайно разнообразны по географии языков-«доноров»: Япония, Африка, Индонезия, Австралия, Германия и Россия. Вот некоторые примеры:

Kamikaze (японский язык) – 1) свойственный, характерный для камикадзе; *pilot* (японский) – летчик-смертник; 2) самоубийственный: *taxi drivers* – таксисты, не дорожащие своей жизнью.

Boomerang (язык аборигенов юго-восточной Австралии) – 1) бумеранг, 2) замысел, обратившийся против замышлявшего. *Boomerang effect* – обратный эффект, эффект бумеранга, 3) грубая ошибка.¹⁸

Денотативное значение многих лексических единиц «сопровождается» сигнификативными коннотациями, которые присутствуют в структуре значения слова еще до того, как оно употреблено в речи, то есть сигнификативные коннотации принадлежат лексической системе языка, в отличие от коннотаций, появляющихся только в определенном контексте.¹⁹

Сигнификативные коннотации являются национально-специфическим элементом значения лексемы, так как очень часто у разных народов с одним и тем же денотатом связаны разные ассоциации. Именно это говорит об их национально-культурной природе.

Классифицируя сигнификативные коннотации, Л. К. Латышев выделяет следующие типы.²⁰

1. Некоторые устойчивые для определенной этнической общности ассоциации, вызываемые лексической единицей. Здесь целесообразным представляется деление на несколько групп:

– совпадение национально-культурных ассоциаций при одних и тех же денотатах. Так, рус. *сердце* и англ. *heart* являются в русской и английской культурах символом чувств, переживаний, настроений;

– чаще всего имеет место несовпадение национально-культурных ассоциаций при одних и тех же денотатах.

К примеру, в странах Латинской Америки так же, как и в Древнем Египте, *кошка* является сакральным животным. Арабы любят кошек и не любят собак, считая их грязными животными.

¹⁷ Латышев, Л. К. *Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.* / Л. К. Латышев. – 4-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – С. 180.

¹⁸ Тимко, Н. В. *Культурный компонент лингвоэтнического барьера* / Н. В. Тимко // *Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод // Ученые записки.* – Вып. 2. – Курск, 1999. – С. 37–48.

¹⁹ Латышев, Л. К. *Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.* / Л. К. Латышев. – 4-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2008. – С. 210.

²⁰ Классификация приводится по: Латышев, Л. К. *Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания* / Л. К. Латышев. – М., 1988. – С. 59–62.

В китайской и германской культурах кошка имеет отрицательный оттенок значения (*old cat, a whipping cat, to whip the cats* и т. д.). В русской культуре слово «кошка» нейтрально.

При сравнении русского словосочетания *черная кошка* и английского *black cat* оказывается, что в русской культуре, согласно традиции, поверью, черная кошка приносит несчастье, неудачу, а поэтому словосочетание имеет отрицательные коннотации.

В английской же культуре черные кошки – признак удачи, неожиданного счастья, и на открытках с надписью “Good Luck” сидят, к удивлению русских, именно черные кошки.

В разных культурах различается также и символика одних и тех же цветов.²¹ *Зеленые глаза* по-русски звучит поэтично, романтично, наводит на мысль о колдовских, русалочьих глазах. Английское же словосочетание *green eyes* является метафорическим обозначением зависти и содержит явные негативные коннотации. Отрицательные ассоциации, вызываемые *green eyes*, связаны с трагедией «Отелло», где Шекспир назвал зависть, ревность зеленоглазым чудовищем – *a green-eyed monster*.

К следующей группе сигнификативных коннотаций Л. К. Латышев относит слова с одинаковыми ассоциативными коннотациями и несопадающими денотатами. Сравним:

англ. *thin as a rake* (худой, как кочерга) – рус. худой, как щепка;

англ. *stupid as a goose* (глуп, как гусь) – рус. глуп, как пробка;

англ. *strong as a horse* (сильный, как лошадь) – рус. сильный, как бык;

англ. *as bald as an egg* (голый, как яйцо) – рус. голый, как колено.

Пьянство у разных народов принимает самые разнообразные образы:

– у французов – пьян как певчий дрозд, а также как осел или ослица;

– у немцев – пьян как волынка, а также как фиалка;

– у русских – пьян как сапожник (в стельку);

– у англичан – пьян как рыба.

2. Следующим видом сигнификативных коннотаций является соотносительность денотата с определенной лингвокультурной средой: *канцлер* – Германия, *виски* – Англия, Шотландия, *балалайка* – Россия, *гейша* – Япония, *коррида* – Испания, Мексика.

3. Соотносительность денотата с определенной исторической эпохой: *стахановец* – СССР в период первых пятилеток, *Prince Albert coat* (дву-

бортный длинный сюртук) – эпоха правления принца Альберта.

4. Соотносительность денотата с определенным мировоззрением: *трудолюбивые* – из бывшего партсоветского вокабуляра.

5. Соотносительность денотата с определенной социальной средой: *хата, изба* – крестьянский дом, *армяк* – одежда простолюдина; англ. *wages* – зарплата рабочих; *salary* – зарплата чиновников и служащих; *the Season* (т. н. лондонский сезон). В этот период с мая по июль светская жизнь в Лондоне становится особенно оживленной; примемы в королевском дворце и частных домах).

Еще одной очень важной составляющей лексикона с культурным компонентом значения, представляющей трудности для перевода, являются фразеологизмы с ярко выраженной национально-культурной спецификой.

Как на один из признаков специфически национальных фразеологизмов нередко указывают на их «непереводимость». Указание это, однако, «бьет мимо цели», поскольку «буквальный» смысл, в котором как раз и заключена национально-культурная специфика, как правило, уже не воспринимается самими носителями языка. Чаще всего это происходит вследствие исчезновения реалии, лежащей в основе идиомы, например:

take the King's (или the Queen's) shilling – поступить на военную службу (букв. «взять королевский шиллинг»). – Раньше вербовщики платили рекрутам один шиллинг).

the bloody shirt – амер. что-либо используемое для разжигания вражды (букв. «окровавленная рубашка»). – Окровавленная рубашка была символом вражды между северными и южными штатами во время и после гражданской войны 1861–1865 годов).

good wine needs no bush – хорошее вино не нуждается в ярлыке – хороший товар сам себя хвалит (букв. «хорошему вину плющ не нужен»). – По старому обычаю трактирщики вывешивали ветки плюща в знак того, что в продаже имеется вино).

one's uncle's – лавка ростовщика (выражение, основанное на сближении с латинским словом «*uncus*» – крюк). Раньше ростовщики пользовались крюками для поднятия заложенных вещей).

Don't know – колеблющийся избиратель. (Во время опросов общественного мнения перед выборами рассылаются анкеты, где предлагаются три возможных варианта ответа: *Yes/No/Don't know*. Примером употребления этого словосочетания может служить следующее предложение:

²¹ Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – 2-е изд., дораб. – М. : изд-во МГУ, 2004. – С. 53–54.

"I'm a don't know, and everyone knows, it's the don't knows who decide the outcome of the elections").²²

Во фразеологизмах с выраженным культурным компонентом значения отражаются специфические черты народа, его пристрастия и национальные привычки.

Некоторые специфически национальные фразеологизмы ИЯ по смыслу и стилистической окраске полностью соответствуют фразеологизмам ПЯ. Так, например, соответствуют английский фразеологизм *to carry coals to Newcastle* (возить уголь в Ньюкасл) и русский *ездить в Тулу со своим самоваром*.

Фразеологизмы с яркой национальной окраской следует передавать фразеологическими единицами в ПЯ, в которых национальная окраска отсутствует, например:

He will not set the Thames on fire – он пороха не выдумает

Queen Ann is dead! – Открыл Америку!

Когда же переводческая стратегия направлена на передачу экзотики оригинала, возможно использование дословного перевода (калькирования). Такой способ может быть применен только в том случае, если в результате калькирования получается выражение, образность которого легко воспринимается читателем перевода и не создает впечатление неестественности и несвойственности общепринятым нормам ПЯ. Например:

– *to keep a dog and bark oneself* – держать собаку, а лаять самому;

– *love me, love my dog* – любишь меня, люби и мою собаку.

Тесная связь языка и культуры отражается не только в слове, но и в ситуативных правилах употребления языка, то есть в узусе.

По определению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, узус – это такие реализации языковой системы, которые пригодны для данных условий общения.²³

Английскую фразу: *Many happy returns of the day!* независимо от контекста переводят русским: *Поздравляю с днем рождения*. В XIX веке известный «вольный» переводчик романов Ч. Диккенса Иринарх Введенский перевел данную фразу буквально: «Желаю вам как можно чаще возвращаться с того света!»²⁴, что совершенно неприемлемо для русского языка.

Некоторые стереотипные слова и фразы не имеют установившегося эквивалента в ПЯ. Они

не переводятся на ПЯ, а заимствуются им путем транслитерации. Так, в русский язык вошло слово «истэблишмент» от английского "Establishment". Это слово употребляется в значении «прочное положение в обществе», «устроенность», «достаточные средства», «постоянный доход», «столпы общества».

Экстралингвистические знания также влияют на интерпретацию текста при переводе. Важнейшими составными частями экстралингвистического контекста являются знание особенностей материальной культуры того общества, которому посвящено описание.

Существенный элемент предметной обстановки – страна, к которой относится высказывание. В книге Ф. Л. Аллена «Только вчера» говорится о вытеснении автомобилем других транспортных средств:

The interurban trolley perished, or survived only as apathetic anachronism. (F. L. Allen. *Only Yesterday*)

В Англии *trolley* означало бы «троллейбус», но в США троллейбусов не было и нет, и *trolley* значит «трамвай».²⁵

Компоненты культуры, интегрированные в языке и в стереотипах речевого поведения, имеют смешанную лингвокультурную природу и проникают в текст вместе с языком и его стереотипными реализациями. Переводчик должен знать описанные или упомянутые автором текста элементы духовной культуры носителей ИЯ: нравы, обычаи, моральные установки, оценочные стереотипы.

Существенным элементом экстралингвистического контекста является культурно-исторический фон произведения, значительную часть которого составляют собственные имена исторических деятелей, деятелей культуры, литературных героев и героев фольклора.

Достаточно часто культура в тексте отражена в аллюзиях, намеках на известные носителям ИЯ события, литературные произведения и их героев, но не обязательно знакомые носителям ПЯ. В переводе прямая передача аллюзий (иносказаний), как правило, не эффективна, поскольку не дает адресату перевода возможности адекватно интерпретировать высказывание. Переводчикам в этих случаях приходится либо компенсировать «недостающее» содержание с помощью примечания переводчика, либо эксплицировать подразумеваемую информацию непосредственно в текст перевода.

²² Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – С. 9.

²³ Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1990. – С. 137.

²⁴ Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – СПб. : ИД «Авадонъ» : Издательский Дом «Азбука-классика». – 2008. – С. 349.

²⁵ Приводится по: Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер ; доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. – М. : Р. Валент, 2004. – С. 37.

Делая выбор между использованием примечания и экспликацией подразумеваемого содержания, переводчик должен знать о достоинствах и недостатках каждого из этих двух способов разрешения проблемы. В связи с этим необходимо сказать о двух полярных подходах к решению данного вопроса. Речь идет о буквальном и вольном переводе.

Вольный перевод представляет собой излишнюю лингвокультурную адаптацию, так как лингвокультурная трансляция производится с чрезмерными поправками на адресата перевода. У адресатов перевода создается ложное впечатление, что культура носителей языка оригинала не отличается от его собственной.

Буквальный перевод представляет собой недостаточную лингвокультурную адаптацию, так как лингвокультурная трансляция производится без поправок на адресата перевода. Намерения переводчика максимально близко к оригиналу перевести текст ведут к тому, что читатель «сталкивается» с чужой культурой и теряет возможность вообще адекватно воспринимать текст как художественное произведение.²⁶

Существует два источника и два типа буквализма. Первый заключается во внешнем сходстве иностранных и русских слов, сходстве графическом или фонетическом. Такие слова называют «ложными друзьями переводчика».

Второй тип буквализма состоит в использовании переводчиком наиболее распространенного значения слова вместо контекстуального или перевод фразеологизма на основе отдельных значений его компонентов.

Осуществление адекватного прагматического воздействия перевода в значительной степени зависит от выбора переводчиком языковых средств при создании текста перевода.²⁷

Лингвокультурная трансляция в процессе перевода осуществляется различными степенями адаптации. Она может быть слабой, сильной или вообще отсутствовать (чистая лингвистическая трансляция).

Адаптируется в первую очередь то, что мешает пониманию оригинала и что в адаптированном виде не искажает образную систему произведения.

Сильная адаптация – это приближение иноязычной культуры к национальной культуре читателя ПЯ. Ей отдается предпочтение в тех случаях, когда в тексте художественного произведения общечеловеческое превалирует над ценностями местной культуры, когда этническая экзотика как таковая

практически отсутствует или ее роль невелика. Переводчик стремится максимально адаптировать культуру носителей ИЯ к культуре носителей ПЯ.

Отличительная особенность сильной адаптации состоит в том, что она, в основном, осуществляется в границах переводного текста без выходящих за его пределы примечаний и комментариев. Это дает возможность читателю переводного текста воспринимать текст без перерывов на чтение примечаний и комментариев – так же, как любой художественный текст на родном языке.

Слабая адаптация – наиболее прямая трансляция содержания культурного характера с сохранением элементов иноязычной культуры. В этом случае переводческая установка – познакомить читателя с другой необычной культурой, которая, по мнению переводчика, представляет для читателя перевода существенную познавательную ценность.

В процессе адаптации переводчик не скрывает различия между культурами, а порой и подчеркивает их, используя приемы транслитерации, калькирования, сноски, примечания, разъяснения, тем самым дополняя картину мира читателя ПЯ сведениями из культуры носителя исходного текста (ИЯ).

И сильная, и слабая адаптация требуют от переводчика такта и мастерства. Сильная адаптация при недостаточном мастерстве переводчика или в случае непонимания им сути перевода, его общественного предназначения может превратиться в «сверхадаптацию» или русификацию.

Таким образом, национально-культурная информация, в силу своей национальной специфичности, создает дополнительные трудности переводчику, который должен своим переводом нейтрализовать не просто языковой барьер, но и барьер, создаваемый различиями национальных культур.

Выбор стратегии определяется в каждом конкретном случае функциональной ролью культурной информации (реалии, аллюзии и т. п.) в общем контексте произведения, в контексте главы и т. д. и набором переводческих приемов при этом.

Маловажная информация может подвергнуться адекватной замене, генерализации, быть имплицитована и, в крайнем случае, опущена. Более важная в функциональном плане деталь обязательно должна быть передана. В крайнем случае, может быть использовано примечание переводчика – прием, который, по возможности, принято избегать при переводе художественной литературы.

²⁶ Латышев, Л. К. *Технология перевода: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак.* / Л. К. Латышев. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 45.

²⁷ Комиссаров, В. Н. *Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз.* / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 209.

РАЗДЕЛ IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЖУРНАЛИСТИКИ

НОВОСТИ НА РАДИО: СТРУКТУРА, ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Средства массовой информации получили свое название потому, что первым и главным их качеством всегда считалась способность удовлетворить информационные потребности личности, общества и государства. Радио зачастую распространяет информацию полнее, быстрее, достовернее и эмоциональнее других СМИ. Из общетеоретических курсов по журналистике¹ известно разнообразие толкований понятия «информация». Здесь мы употребляем этот термин в самом узком и конкретном смысле: осведомление людей о событиях в стране и мире, рассказ о новостях. Лишь в этом значении можно выделить собственно информационную функцию радио, поскольку информацией в широком плане является и трансляция театрального спектакля. Попадая в контекст радиопрограммы, любая передача обретает дополнительную информационную окраску благодаря взаимосвязи с другими элементами программы и событиями дня.

Особенность радионовостей состоит в том, что информацию аудитория может воспринять только на слух. С одной стороны, в этом есть масса плюсов: радио можно слушать, не отвлекаясь от привычных дел (работая по дому или находясь за рулем автомобиля), то есть радио, как СМИ – самый «неприхотливый» источник информации; отсутствие картинки, сопровождающей новости, «возбуждает фантазию, стимулирует чувства и тем самым дает работу и мышлению, и неосознанным эмоциям, радио высвобождает воображение и определенным образом компенсирует тот эмоциональный и мыслительный застой, те навыки автоматизма в поведении и реакциях, которые выработаны привычным жизненным опытом»²; к тому же радио до сих пор остается одним из самых оперативных источников информации, оно «позволяет без предварительной подготовки выходить в эфир из любой точки земного шара с рассказом о событии и явлении любого

характера уже в момент начала этого события»³.

Исходя из этих особенностей, можно сделать вывод, что новости на радио должны восприниматься на слух с максимальной легкостью. Текст новости должен быть написан доступным для широкой аудитории языком, содержать как можно меньше цифр, сложных географических ориентиров, длинных должностей. Новость должна содержать в себе только самую необходимую информацию. Современные исследователи говорят о том, что новость на радио должна состоять из 3–5 предложений, в каждом из которых не больше 12 слов.⁴

Принцип создания радионовости⁵:

1. Первая строка (Top-Line). Первая строка вашего материала должна «ПРОДАВАТЬ» данную новость слушателю. Она должна быть короткой и «ударной» («попадать в десятку»). Ваш слушатель должен быть способен понять то, о чем вы рассказали в новости. Она должна заставить ее/его дослушать новость до конца, чтобы узнать о ней больше. В случае с местными новостями, а также в случае с российскими или международными новостями, поданными в «местном» ракурсе, Top-Line должна содержать название данного населенного пункта, города, области.

2. Остальная новость. Новость должна быть выстроена с точки зрения логики. У нее должно быть начало, середина и конец. Вы рассказываете сказку. В то время, как Top-Line должна сразу «захватить» внимание аудитории, вторая строка должна содержать в себе дополнительные детали, поясняющие данную новость.

3. Последняя строка завершает новость, часто делая какого-то рода заключение и/или говоря о последствиях данного события.

Таким образом, радиожурналист должен суммировать имеющуюся информацию, изложив факты в порядке убывания их важности и в рамках того времени, которым он располагает, а все, что не войдет, «оставить за скобками».

¹ *Время работать на радио. Современная радиожурналистика в разных жанрах / под ред. Е. Н. Филимоновых.* – М. : Фонд независимого вещания, 2002. – С. 75.

² *Шерель, А. А. Радиожурналистика / А. А. Шерель.* – М. : МГУ, 2000. – Режим доступа : <http://evartist.narod.ru/text5/44.htm> Загл. с экрана.

³ Там же.

⁴ *Семинар «Речь в эфире: как правильно говорить и писать» (на базе Высшей школы журналистики при ВШЭ), 2008 г. Материалы семинара.*

⁵ *Семинар «Организация работы отдела новостей» (на базе некоммерческой организации «Интерньюс»), 2006 г. Материалы семинара.*

В ходе проведенного исследования мы выяснили, что радионовость – это особый вид текста, у которого есть свои специфические особенности.

Можно выявить пять основных правил написания радионовости:

1. Язык новости должен быть максимально упрощен.

2. Одно предложение должно содержать одну мысль.

3. Начинать нужно с главного, а не с деталей.

4. Активный залог предпочтительнее пассивного.

5. Необходимо использовать больше глаголов действия.

Элементы новости должны соединяться друг с другом так, чтобы слушатель мог усвоить максимум информации, разобраться в ней, чтобы ему было легко следить за мыслью ведущего.

Радио сегодня является одним из самых оперативных и демократичных средств массовой информации. Радиостанции информационно-музыкального формата совмещают в себе потребность аудитории в развлечениях и в получении информации. За счет этого «радиостанция превращается в персональное средство получения нужных сведений, напоминая свет в квартире – мы никогда не задумываемся о том, что он есть, но всегда включаем, когда испытываем в этом необходимость»⁶.

Функции новостей на радио перекликаются с функциями радиовещания в целом. Многочисленные функции радиовещания правомерно сгруппировать следующим образом:

I. Информационные: собственно информационная функция, рекламная.

II. Обеспечивающие социальное управление обществом: интегративная функция, функция выражения и формирования общественного мнения, общения, воспитательная, агитационно-пропагандистская, организаторская.

III. Культурно-просветительские: эстетическая, просветительская, функция развлечения – рекреативная.⁷

Новости на радиостанциях в первую очередь реализуют **информационную функцию**. Реклама в новостях чаще скрытая, обычно эта функция проявляется в том, что журналисты записывают комментарии определенных лиц.

Наибольшее проявление **рекламная функция** получает во время любой предвыборной кампа-

нии. Обычный слушатель не всегда заметит, что в новостях стали чаще упоминать того или иного человека либо товар, но в память этот факт врежется.

Для региональных радиостанций полноценный отдел новостей – это еще и имиджевая составляющая. Новости могут использовать, как элемент **пропаганды** идей владельцев компании, выгодной им позиции. За счет этого радио способно **формировать общественное мнение** с правильным «зарядом». Кроме этого, при написании новости журналист решает, какой факт достоин упоминания в эфире, а какой в новость не попадет. Таким образом, сообщению можно придать как негативную, так и позитивную окраску.⁸ Новости также реализуют все остальные функции, обеспечивающие социальное управление обществом.

Интегративная (консолидирующая, объединяющая) функция. Уже сам факт регулярного и одновременного прослушивания выпуска новостей разными людьми свидетельствует об их определенной общности, но вещатель должен сознательно работать на ее укрепление.

Функция выражения общественного мнения. Чаще всего в новостях общественное мнение выражается при помощи пресс-опросов аудитории. При подготовке материала журналист выезжает «в поле» и опрашивает людей определенного возраста, социального положения, профессии. После этого, скомпоновав их мнения, готовит для эфира опрос.

Функция общения. Возможность радиовещания осуществлять социальное речевое опосредованное общение всегда высоко оценивалась слушателями.⁹ Вне новостей эта функция реализуется через «концерты по заявкам», которые есть на любой радиостанции. А в новостях она проявляется как элемент общения журналистов с комментаторами и коллегами в прямом эфире (схемы «журналист – комментатор» и «журналист – журналист»). Наиболее ярко это выражается, когда диктор в прямом эфире общается со своим коллегой, который находится на месте происшествия или на важном мероприятии. Сделав «прямой выход», журналист может оперативно информировать слушателя о происходящем. В этом главная особенность радио. Передавать информацию можно в тот же момент, когда значимое событие происходит, без задержек.

Новости на радио хорошо «справляются» и с **культурно-просветительскими функциями**. Часто журналисты в свои новостные выпуски

⁶ Арсланова, О. Р. Тенденции развития информационного радиовещания в современной России. Стилиевые характеристики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ольга Рафаелевна Арсланова. – М., 2009. – С. 3–15.

⁷ Хорвиц, Р. Руководство для начинающих радиовещателей : пер. с англ. / Р. Хорвиц. – М. : ИЧП «Магистр», 1998. – 136 с.

⁸ Шостак, М. И. Факт и новость (Что интересно в новости) / М. И. Шостак // Профессия – журналист. – 2002. – № 2. – С. 34–41.

⁹ Муравьева, Н. В. Коммуникативные стратегии журналиста: что такое «непонятный» текст и как сделать его «понятным» / Н. В. Муравьева. – М. : Институт гуманитарных коммуникаций, 1998. – 54 с.

могут включать информацию, которая не несет особой значимости для аудитории, но будет интересна слушателю.

Характерным для радио является *вневизуальность*. На первый взгляд, это недостаток радио, на самом же деле она позволяет реализовать возможности звука в такой мере, в какой не позволяет сделать это телевидение. Радио как бы отфильтровывает звук от всех других элементов ситуации, несущих при зрительном восприятии информацию, часто ненужную и даже нежелательную, и тем самым сосредоточивает восприятие слушателя на «самом по себе». Но «монополия» звука, в то же время, ограничивает возможности для аудитории «увидеть», как и кем создается «звуковая картина».¹⁰

Из-за отсутствия визуализации журналисты должны как можно ярче и понятнее «рисовать картинку» словом. Слушатель гораздо быстрее воспримет информацию, когда новость написана простым языком, когда суть события передана теми же словами, которыми простой человек объясняется в своей обычной жизни. За счет этого литературный язык в его классическом виде постепенно теряет свои позиции в радиоэфире.¹¹ «Его разговорная вариация значительно лучше воспринимается аудиторией, эффективней воздействует на сознание, а, кроме того, в широком смысле слова, обновляет современный русский язык. Однако, делая его более гибким и жизненным, освобождая от штампов и стереотипов прошлого, разговорная речь, одновременно, «засоряет» его иностранными словами и сленгом. В последние годы, с развитием коммерческих станций, конкурирующих между собой, растут и требования к качеству составляемых текстов, грамотности изложения и точности формулировок. Конечный результат – новости в эфире – это итог кропотливой работы служб информации, в том числе и работы со стилем, языком новостных сообщений»¹².

В радионовостях наблюдается постепенная утрата позиций литературного языка в его классическом виде. В наши дни в эфире господствует разговорная вариация, которая значительно лучше воспринимается аудиторией, эффективней воздействует на сознание, а, кроме того, в

широком смысле слова, обновляет современный русский язык.¹³ Язык новостей все больше становится похож на обычную разговорную речь, отсюда высокий уровень употребления различных жаргонизмов, оценочных прилагательных, использование церковной лексики (в случаях, когда речь идет о религиозных событиях).

Все чаще тексты новостей отражают последние тенденции развития лексического состава русского языка. Исследователи отмечают, что политические, экономические, социальные изменения в стране оказали большое влияние на лексику. К примеру, массовый характер приобрели иностранные заимствования, преимущественно американизмы¹⁴, некоторые слова, которые принято было относить к криминальному жаргону, стали общеупотребительными. Демократизация русского общества с течением времени повлекла за собой и другие изменения. В последние годы специалисты вводят такой термин для русского языка, как «гламуризация»¹⁵. В таких текстах особую роль играют оценочные слова, прежде всего прилагательные и наречия. Слова *элитный*, *эсклюзивный* и др. в последнее время стали характеризовать не только особенность, исключительность товаров и услуг класса люкс, они употребляются даже там, где не совсем уместны. Все эти изменения отражаются не только в разговорной речи, но и в языке новостей, которые являются неотъемлемой частью социальной действительности. И если раньше, во времена СССР, новости создавали не только профессионалы-журналисты, но и профессионалы-лингвисты, за счет чего читателю, слушателю, зрителю приходилось «тянуться» до этого уровня, то в последние 20 лет новостная журналистика «опустилась» до уровня своей аудитории.

Еще одним фактором, влияющим на языковой облик новости, является наличие или отсутствие времени, что в настоящее время очень актуально.¹⁶ Новости на большинстве радиостанций выходят ежечасно и такая скорость дает о себе знать. Ради оперативности приходится поступиться оригинальностью – в текстах новостей появляется множество штампов, избитых фраз и разного рода ошибок и оговорок. Неряшливость стиля чаще всего является платой за скорость.

¹⁰ Муравьева, Н. В. Коммуникативные стратегии журналиста: что такое «непонятный» текст и как сделать его «понятным» / Н. В. Муравьева. – М. : Институт гуманитарных коммуникаций, 1998. – С. 21.

¹¹ Шостак, М. И. Журналист и его произведение / М. И. Шостак. – М., 1998. – 285 с.

¹² Дзялошинский, И. М. Социальное насилие и толерантность: реальность и медиа-образы / И. М. Дзялошинский. – М. : Независимый Институт Коммуникативистики, 2004. – С. 12.

¹³ Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Стилиевые характеристики : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. С. Иссерс. – Екатеринбург, 1999. – 24 с.

¹⁴ Крысин, Л. П. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века / Л. П. Крысин // Исследования по славянским языкам. – 2000. – Вып. № 5. – С. 63–91.

¹⁵ Кронгауз, М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – М. : Знак, 2009. – С. 30.

¹⁶ Зверева, Н. В. Школа регионального тележурналиста : учебное пособие / Н. В. Зверева. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 320 с.

К ВОПРОСУ О СТЕННОЙ ПЕЧАТИ ДОЛИНСКОГО РАЙОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ДОЛИНСКАЯ ПРАВДА» КОНЦА 1950-х ГОДОВ)

Стенная печать — одна из важных составляющих советской системы СМИ. Стенные газеты появились в первые годы советской власти одновременно с массовым рабселькоровским движением как его опорные пункты.

В период с 1920-х до 1980-х годов КПСС рассматривает стенную печать как важный участок своей идеологической и организаторской работы. Партийные комитеты, бюро непосредственно направляют деятельность редколлегий стенной печати. В резолюции 13-го съезда РКП(б) «О печати» (1924), а также постановлениях Оргбюро ЦК РКП(б) «О стенных газетах» (1924), «Очередные задачи партии в области рабселькоровского движения» (1926), «О перестройке рабселькоровского движения» (1931) и «Об улучшении руководства массовым движением рабочих и сельских корреспондентов советской печати» (1958) отмечалось большое значение стенной печати в социалистическом строительстве и указывалось на необходимость ее всемерного развертывания.¹

В 50–60-е годы XX века стенная печать на Сахалине активно развивалась. К сожалению, на сегодняшний момент нами не было обнаружено ни одного экземпляра стенной газеты указанного периода. Это связано, прежде всего, с тем, что стенная печать рассматривалась как максимально оперативный способ оповещения об успехах или недостатках рабочего коллектива; согласно упомянутым выше постановлениям, стенгазета должна была сменяться на стенде практически ежедневно, при этом старые, «отжившие свое» выпуски стенных газет практически нигде не хранились и не хранятся.

Однако мы можем судить о состоянии стенной печати Сахалинской области на основании публикаций в районной прессе. Нужно отметить, что районные газеты рассматривались в указанный период в качестве своего рода «старших наставников» стенных газет, заводских многотиражек и так далее. Редакционные коллективы районной газеты обязаны были отслеживать состояние стенной печати района, периодически

публиковать в своей газете ее обзоры, указывать на недостатки стенных газет. Часто редакция районной газеты проводила специальные курсы повышения квалификации для работников стенгазет и многотиражек, организовывала смотры и конкурсы низовой печати района, как это происходило, например, в газете Макаровского района Сахалинской области «Новая жизнь».

Для анализа состояния стенной печати Долинского района Сахалинской области на основании публикаций в газете «Долинская правда» нами выбран период с 1954-го (к сожалению, более ранних экземпляров газеты не сохранилось) по 1960-й год.

Газета «Долинская правда» выходит с августа 1947 года по настоящее время. «Долинская правда» являлась органом Долинского городского комитета КПСС и городского совета депутатов трудящихся. Она стоила 15 копеек, тираж чаще всего составлял около 3000. Объем газеты — 4 печатных листа; формат — А3. В рассматриваемый период «Долинская правда» выходила пять раз в неделю, по вторникам, средам, пятницам, субботам, воскресеньям. Главный редактор в 1954–1960 годы — А. Овсянкина; заместителями редактора в разное время являлись Г. Чернобай, Г. Черных, Л. Комиссаренко, В. Белоусов.

Из представленных в газете материалов видно, что в рассматриваемый период в Долинском районе выходило большое количество стенных газет: «Металлист» (Долинский механический завод), «За план!» (выпускалась сменой инженера ТЭЦ бумкомбината товарища Лукашевича), еще одна газета «Металлист» (механическая мастерская шахты «Долинская»), «Связист» (Долинская контора связи), «За советскую торговлю» (Долинскторг), «Голос школы» (выпускалась учащимися вечерней школы в комитете комсомола Долинского бумажного комбината), «Бумажник» (Долинский целлюлозно-бумажный комбинат), «Энергетик» (теплоэлектроцентраль Долинского целлюлозно-бумажного комбината) и другие. Свои стенные газеты были у различных лесозаготовок, например, на Айском лесоза-

¹ Более подробно о задачах советской стенной печати см.: Чернузченко, П. А. Стенная газета в СССР / П. А. Чернузченко // Большая советская энциклопедия. — Т. 24. — Книга I. — М.: Сов. энциклопедия, 1976. — С. 576.

частке выходила стенная газета «Лесоруб». Практически на каждом участке шахты «Долинская» также выходили отдельные стенные газеты – так, второй участок выпускал газету «За уголь», восьмой – сатирический листок «Костыль» и так далее. При шахте также выходила многотиражная газета «Долинский горняк».

Нужно отметить, что, помимо постоянно выходящих стенных газет и многотиражки, в описываемый период активно выходили и так называемые «боевые листки» или «молнии» – листки, в которых оперативно повествовалось об одном важном событии на производстве, часто выпускаемые в нескольких экземплярах. «Молнии» могли быть сатирической направленности (подобные выпускала вторая комсомольская ударная кормозаготовительная бригада, помогающая совхозу «Долинский» в 1960-м году²), рассказывать об успехах на производстве либо выполнять агитационную функцию. Приведем пример информации о подобных «молниях»:

Гласность – одна из действенных форм в развертывании соревнования, в распространении опыта. Поэтому шахтный комитет уделяет этому вопросу большое внимание. На улицах поселка, в раскомандировочной, в шахтоуправлении можно видеть «молнии», выпускаемые шахтным комитетом. Приведем содержание одной из них:

«Встав на вахту в честь 90-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина, 28 марта коллектив участка номер три завершил выполнение месячного задания. До конца месяца участок добудет не менее 1.000 тонн угля сверх плана.

Горняки! Равняйтесь на передовые коллективы нашей шахты!»

Обычно мы выпускаем «молнию» в нескольких экземплярах и вывешиваем в разных местах. Один рабочий сказал как-то, что «молнии» заставляют подтянуться, более серьезно относиться к своим обязанностям, контролировать на производстве каждый свой шаг.

«Молнии» мы выпускаем часто. Перевыполнила третья смена первого участка план – в этот же день о трудовой победе смены узнают шахтеры из «молний». Отличились строители – и о них рассказывает в очередном номере «молния».

Г. Фионов, заместитель председателя шахтного комитета.³

Общее количество стенных газет и «молний» Долинского района в этот период доходило до ста двадцати.⁴

Если говорить о материалах «Долинской правды», посвященных стенной печати района, то их можно разделить на три основные группы:

- 1) обзоры стенной печати;
- 2) упоминания о стенной печати в передовицах;
- 3) письма читателей и рабселькоров, посвященные стенной печати на производстве.

Если говорить о каждой группе более подробно, то наиболее часто встречающейся на страницах «Долинской правды» окажется рубрика «Обзор стенной печати» (либо «По страницам стенных газет»). Это постоянная рубрика, появляющаяся в газете примерно раз в месяц. Аналогичные рубрики существовали в указанный период и в других районных газетах Сахалинской области. Чаще всего перед нами не обзор в полном смысле этого жанра, а анализ какой-либо одной стенной газеты, либо сравнение между собой нескольких газет одного предприятия. Иногда стенная печать подвергается критике:

Плохо обстоит еще дело с реализацией критических выступлений рабкоров. На страницах «Металлиста» нет постоянной рубрики «По следам наших выступлений». А ведь редакция обязана вести отчет перед читателями о деятельности критических выступлений».⁵

Очень мало газета пишет о борьбе за повышение производительности труда, за укрепление трудовой дисциплины...⁶

Но чаще авторы «обзоров» отмечают положительные моменты в районных стенгазетах:

Стенгазета регулярно помещает материалы, развивающие инициативу и творчество бумажников, широко популяризируя опыт передовиков, борется за повышение качества продукции, за высокую трудовую дисциплину. В газете участвует широкий круг рабкоров... И редактор «Бумажника» Софья Николаевна Месяц, и члены редколлегии электрослесарь Александр Петрович Хайлов, комсомолки лаборантка Валя Черная и прессовщица Нина Савельева, сеточник Павел Полтораки, комсомолец Вениамин Предеин – все работают активно, с душой относятся к выполнению большого поручения, держат тесную связь с массами.⁷

² См.: Карпчук, В. Работает вторая ударная / Карпчук Валентина // Долинская правда. – 1960. – № 195 (28 сентября). – С. 2.

³ Фионов, Г. «Молнии» / Г. Фионов // Долинская правда. – 1960. – № 66 (2 апреля). – С. 3.

⁴ См.: День советской печати // Долинская правда. – 1954. – № 89 (5 марта). – С. 1.

⁵ Обзор стенной печати // Долинская правда. – 1954. – № 3 (9 января). – С. 2.

⁶ Обзор печати // Долинская правда. – 1959. – № 5 (10 марта). – С. 2.

⁷ Обзор стенной печати: по правильному пути // Долинская правда. – 1960. – № 76 (15 апреля). – С. 3.

В таком же ключе создаются и передовые статьи, посвященные советской прессе в целом и стенной печати в частности. Они обозначают общие задачи стенной печати, вопросы, которые непременно должны быть освещены в ней, темы, которые она должна поднимать и так далее, рассматривая все это на конкретных примерах:

Задача стенных газет состоит в том, чтобы как можно шире показывать трудовую жизнь коллективов. Надо чаще писать о том, как коллективы цехов, бригад, отдельные рабочие выполняют предвыборные социалистические обязательства, каким путем добиваются высокой производительности труда, экономии средств и отличного качества продукции. Вместе с тем надо смело критиковать отдельных рабочих и руководителей за их недостатки в работе, вовремя указывать пути и решительно добиваться их устранения...

*На шахте, например, как и раньше не выходят стенные газеты на большинстве подземных участков и во многих цехах, роль стенной печати по существу сведена на нет. И в этом со всей очевидностью проявляется ошибка партийного бюро шахты и шахткома профсоюза, которые недооценивают значение стенной печати в деле мобилизации коллективов на решение стоящих перед ними задач...*⁸

Непрерывный рост духовных запросов читателей, расширение их политического и культурного кругозора требуют дальнейшего повышения уровня как городской, так и стенной печати. Как ни в какое другое время теперь особенно заметны и нетерпимы серость некоторых корреспонденций и заметок, бедность языка, низкая

*литературная грамотность, поверхностный подход к освещению богатой, полнокровной жизни рабочих, колхозников, интеллигенции, неумение газет связывать местные факты с общими задачами борьбы за дальнейший подъем экономики и культуры. Сделать городскую газету, а также все стенные газеты и «боевые листки» интересными, яркими, глубокими по своему содержанию, повысить их мобилизующую и организующую роль – таково требование сегодняшнего дня.*⁹

В качестве последней группы публикаций, посвященных стенной печати Долинского района, мы выделяем письма читателей и рабселькоров. Выше, при упоминании о «молниях», нами уже был приведен пример такого материала. Чаще всего авторами писем являются люди, имеющие непосредственное отношение к созданию стенных газет и «боевых листков».

Итак, мы можем видеть, что в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века газета «Долинская правда» активно размещает на своих страницах материалы, посвященные стенной печати Долинского района Сахалинской области – как материалы сотрудников редакции, так и письма читателей. Рассмотренные нами публикации в «Долинской правде» остаются важнейшими источниками сведений о сахалинских стенных газетах и «молниях» того времени; из них мы узнаем содержание материалов стенных газет, имена их редакторов и сотрудников, периодичность выхода и так далее. Без этих данных, необходимых для подробного анализа стенной печати, невозможно научное рассмотрение прессы Сахалинской области в ее историческом развитии.

⁸ Избирательная кампания и стенная печать // Долинская правда. – 1954. – № 33 (14 февраля). – С. 1.

⁹ День советской печати // Долинская правда. – 1954. – № 89 (5 марта). – С. 1.

МЕТОДИКА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В РАССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ

В настоящее время расследовательская журналистика, в силу, прежде всего, специфики ее целей (результатов), предмета отображения, средств, методов, условий осуществления, все больше заявляет о себе как о самостоятельном явлении. Она имеет свой «набор» целей, средств, методов деятельности; существуют и «субъекты», специализирующиеся на ее осуществлении, что и позволяет рассматривать это направление как самостоятельный вид журналистской деятельности.¹

Журналисты, посвятившие себя расследовательской журналистике, отдают себе отчет в том, что овладение методикой анализа информации и формирование на его основе интегрированного банка данных является основой резонансного журналистского расследования и надежной защитой против судебного преследования.

У каждого автора своя лаборатория, своя исследовательская технология. Тем не менее, опираясь на систему методологических принципов анализа фактического материала, автор получит лучший результат при меньших ресурсных затратах.

Во-первых, журналисту необходимо определить объект и предмет своего внимания, не забывая при этом тех, «чья жизнь и судьба будут зависеть от вашей способности сначала понять, а уж осудить или превознести – только потом»². Во-вторых – сформулировать для себя последовательность действий и, в-третьих, выбрать методы, позволяющие достичь запланированного результата.

Выделяются два базовых уровня любого исследования – эмпирический, на котором происходит первичная обработка исходного фактического материала, и теоретический, позволяющий создать модель ситуации на основе анализа фактов.³

Эмпирический уровень характеризуется проверкой и критической оценкой добытых фактов,

выявлением их генезиса, связей и закономерностей.

На теоретическом уровне исследования журналисту-расследователю необходимо проникнуть в сущность исследуемых событий, спрогнозировать возможную динамику социального процесса и выработать принципы воздействия на него, используя арсенал публицистики.

Выявление проблемы расследования связывает эти уровни, позволяет журналисту дифференцировать факты известные и еще не известные, уже объясненные и нуждающиеся в комментарии, сформулировать стержень проблемы и обосновать актуальность журналистского расследования, определив ее важность для социума.

Следующим этапом является сбор доказательственной информации. Принципиально не имеет значения характер источника информации – специализированный банк данных, поисковые системы либо доверенное лицо.

Общим является алгоритм получения доказательственной информации, включающий в себя:

- многоэтапный процесс формулирования поискового запроса в тех или иных информационных банках данных;
- оценку полученной информации с точки зрения оперативности, достоверности и надежности;
- интерпретацию полученных результатов и создание аналитического документа.⁴

Ошибки в системе построения запросов, заключающиеся в их произвольной последовательности, приводят к неоправданным затратам как времени, так и средств.

Подготовка начинается с лексического анализа имеющейся «стартовой» информации. Содержание данного этапа заключается в получении из специальных справочников, публикаций СМИ, буклетов выставок, рекомендаций экспертов и,

¹ Тертычный, А. А. *Расследовательская журналистика : учеб. пособие для вузов* / А. А. Тертычный. – М. : Аспект Пресс, 2002. – Режим доступа : <http://evartist.narod.ru>

² Константинов, А. *Журналистское расследование* / Андрей Константинов. – М. : АСТ ; СПб. : Астрель-СПб, 2010. – С. 6.

³ См.: Митрохин, В. К. *Комплексная программа подготовки и обучения страховых (судебных) экспертов (менеджеров по техническому управлению риском) для страховых компаний, банков и инвестиционных структур* / В. К. Митрохин. – Свидетельство Российского авторского общества № 632 от 1 августа 1994 г.

⁴ Митрохин, В. К. *Конспекты лекций, прочитанных в Высшей школе международного бизнеса, Учебном центре Российского союза страховщиков, Школе коммерческой безопасности «Центурион», Учебном центре «Сов.Ит.Асс.»* / В. К. Митрохин. – М., 1990–1994.

наконец, собственного опыта как можно более подробного и грамотного описания исследуемого вопроса.

После этого формируется платформа (набор) ключевых слов – отдельных терминов, словосочетаний профессиональной лексики, клише. Рекомендуются создать список ключевых слов с учетом семантических отношений между ними – тезаурус, обращая внимание на синонимы, омонимы и морфологические вариации ключевых слов. В процессе поиска новые термины добавляются в тезаурус.

Основным критерием качества информационных банков данных является уровень сложности выбора воспринимаемых запросов, а также полнота (ничего не потеряно), точность (отсутствие лишнего) и релевантность (соответствие ответа вопросу).

По мнению автора, работа с базами данных начинается с получения ответов на предварительные запросы, состоящих из одного-двух ключевых слов или простых фраз, что позволит скорректировать дальнейшие запросы по релевантности. В результате у журналиста появится перечень наиболее представительных источников информации. Предпочтение следует отдавать нескольким узким тематическим запросам по сравнению с одним расширенным.

Необходимо поэтапно отсеять в архив очевидно нерелевантные источники, попавшие в выборку, и провести смысловой анализ оставшихся для уточнения тезауруса и модификации дальнейших запросов. Затем, на основе исследования аннотаций каждого найденного документа, производится анализ содержащейся в нем информации и, при необходимости, изучаются и их полные тексты.

Как правило, текстовый фрагмент в отдельности не имеет большого значения, но сопоставленный с данными прошлых лет или с данными других источников дает ясную картину происходящего.

Сама информация сортируется по достоверности факта (подтверждаемая, сомнительная, неправдоподобная и т. п.), по степени оперативности (история факта, состояние на сегодня, прогноз развития) и по надежности источника (абсолютно надежный, обычно надежный, довольно надежный и т. п.). Информация стратегического уровня необходима для принятия решений и для ориентирования в социальной проблеме журналистского расследования. Тактическая информация отражает текущие проблемы.⁵

При анализе информации необходимо учитывать «независимость» источников, принадлежность их к конкретной финансово-промышленной группе (административно-политическому клану). Если информация подтверждается источниками из различных конкурирующих группировок, то, скорее всего, она достоверна. Много информации либо вообще не попадает, либо попадает в открытую прессу в весьма искаженном виде и существует вероятность сознательной дезинформации в ходе так называемых «оперативных игр». «Лихие 90-е» внесли коррективы в востребованность специалистов по контрпропаганде, которые нашли свою нишу «в мирной жизни».

При возникновении подозрения на наличие профессионально подготовленной «дезы» необходимо выявить возможные мотивы, которыми могли руководствоваться ее авторы. Обработывая информацию, нужно проанализировать не только излагаемые в ней факты, но и прочувствовать личное отношение журналиста к излагаемой проблеме.

Как правило, заинтересованные лица делятся с журналистами как реальными фактами, так и хорошо сфабрикованной дезинформацией. Такие мероприятия тщательно планируются и называются «контролируемой утечкой информации». Их цель – оказать влияние на политику органов исполнительной и законодательной власти, сформировать нужное общественное мнение, укрепить авторитет и доверие среди партнеров и клиентов, стратегически и тактически дезинформировать конкурентов и политических оппонентов, подорвать и ослабить позиции конкурентов на рынке и в органах государственной власти.⁶ А для журналиста-расследователя именно эти сферы являются предметом пристального внимания.

Необходимо проанализировать соотношение позитивных и негативных публикаций об объекте журналистского расследования и наличие в материалах сбалансированной оценки происходящего. Рекомендуются выявить круг авторов и возможных заказчиков. Интересный фактический материал можно обнаружить, выясняя степень монополизации освещения темы, наличие логических связей между рекламными материалами и заказными статьями. Не стоит забывать о коллегах-журналистах, их связях, контактах, репутации в деловых и политических кругах. Наиболее часто применяется легализация источника и информации через «независимую» информационную структуру, откуда ее используют для

⁵ См.: *Материалы встреч по линии «Пипл ту пипл» с представителями американских страховщиков и специалистов по борьбе со страховым мошенничеством (Москва, 1993–1994 г.)* в монографии: Митрохин, В. К. *Внимание! Страховое мошенничество* / В. К. Митрохин. – М.: ТОО «Люкс-Арт», 1995. – 92 с.

⁶ См.: Дудихин, В. В. *Конкурентная разведка в Internet. Советы аналитика* / В. В. Дудихин, О. В. Дудихина. – М.: ДМК Пресс, 2002. – С. 101.

подготовки «заказных» статей, ссылаясь на издание, опубликовавшее материал.

Собранная информация должна соответствовать критерию необходимого и достаточного – ее должно быть достаточно для качественного анализа, а источники – отражать все существенные стороны проблемы и значимые для журналистского расследования факты.

Основным методом аналитической обработки фактического материала является сопоставление фактов, намеков, мнений, версий, фамилий и т. п. Даже смысловое совпадение данных из объективно независимых источников является основанием для пристального внимания журналиста-расследователя.

Взаимное дополнение разнородных сведений по одним и тем же объектам (фигурантам, фирмам, адресам, телефонам и т. д.) позволяет создать интегрированный банк данных. Он дает возможность вычленять информацию, в явном виде отсутствующую в источниках. В результате работы журналист становится обладателем:

- подборки аналитических материалов – фрагментов «сырых» цитат, систематизированных по времени их появления, по отношению к той или иной точке зрения, высказывания того или иного фигуранта и т. п.;

- аналитического обзора (реферата) – структурированного текста с комментариями, в котором в сжатой форме пересказывается и обобщается содержание подборки аналитических материалов;

- прогноза – аналитического документа, в котором предсказывается возможное (пессимистическое, реалистическое или оптимистическое) развитие события в результате журналистского расследования.

Наполнение интегрированного банка данных обычно идет по следующим основным направлениям:

1. Поиск данных о личности. Как правило, известны фамилия, имя и отчество лица, иногда год рождения и паспортные данные – требуется найти все остальные данные. В результате многократного обращения к адресным, телефонным, регистрационным, пенсионным базам, а также к периодической печати и сайтам интернета появляется биография и хронологическая подборка публикаций СМИ, раскрывающая характер и сферы деятельности фигуранта. Изучая интервью, пресс-конференции, выступления на научных конференциях и совещаниях органов власти и управления, мы получаем непосредственно «прямую речь» фигуранта.

2. Поиск информации о бизнесе фигуранта. Обычно сначала известно только название фирмы из базы данных регистрационных палат, рекламные публикации, информации СМИ. Затем всплывают поставщики, партнеры и конкуренты, заключенные и сорванные контракты, территории бизнес-интереса и любые иные сведения, которые могут оказаться полезными.

3. Поиск информации о политической или общественной организации, к которой тяготеет фигурант. Эта информация, полученная из баз данных Минюста, регистрационных палат и публикаций СМИ (особенно региональных и местных), важна для установления каналов «спонсорской помощи» и условий формирования «электората».

Реализуя некоторые методические рекомендации по информационно-аналитической работе, журналист-расследователь должен каждый результат своего анализа проверять лично, в рамках имеющихся у него возможностей, не подменяя собой органы правосудия.

МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ АУДИТОРИИ ГАЗЕТЫ

Если исходить из понимания информационного пространства как некоего поля, где происходит потребление целенаправленной информации, то проблема изучения потребления, то есть аудитории средств массовой информации, выходит на первый план. И, как показывает практика, даже в ситуации повсеместного развития Интернета все же более ясную и четкую системную характеристику потребителей информации дают исследования аудитории традиционных СМИ. Но, в то же время, к примеру, рынок печатных изданий такой многогранный в географическом и экономическом плане страны как Россия, сложно оценивать однозначно либо подводить под какую-то единую модель или тенденцию развития. Неравномерная плотность и покупательская способность населения, различная экономическая развитость регионов, качественный и количественный уровни развития СМИ и огромное количество прочих составляющих рынков предопределяют ту самую специфику каждого субъекта, которую нельзя не учитывать при оценке аудитории отдельно взятого информационного рынка.

Еще более сложной становится эта проблема в российской провинции. Столичные социологические фирмы сюда добираются с трудом, им не просто работать в малознакомых специфических условиях. Региональные же, тем более местные (на уровне городов, отдельных районов) профессиональные маркетинговые или социологические службы, к сожалению, можно пересчитать «по пальцам».

Используя собственные социологические исследования читательской аудитории и руководителей ряда городских и районных газет Уральского федерального округа, проводившиеся совместно со студентами путем анкетирования в 2010–2012 годах, можно попытаться наметить пути решения типичных практически для всех городских и районных газет проблем. Ведь изучение и анализ аудитории является необходимым элементом жизнедеятельности любого печатного издания и позволяет редакторской группе корректировать тематику публикаций, их содержание, язык и стиль. Несмотря на это, значительная доля газет, как показывает наш опрос, за последние два-три года ни в какой форме не проводила изучения своей аудитории.

Дело даже не столько в сложной экономической ситуации, сколько в низком уровне социологических знаний и консервативности редакто-

ров газет в отношении вопроса о необходимости изучения собственной аудитории. Видимо, им непросто осознать, что все это в конечном итоге соответствует цели обеспечения доходности издания и обеспечения финансовой независимости, и, соответственно, независимости редакционной. Часть руководителей редакций местных газет убеждены, что только изменения в информационной политике издания или, как писали многие – «выход в интернет» способны привести к увеличению тиража газеты. В других газетах полагают, что только снижение цены издания или «привлечение средств, выделяемых социальными органами» может способствовать увеличению тиража, в то время как изучение читательской аудитории не даст такого ощутимого результата, «поскольку число читателей в последние годы стабилизировалось».

Если попытаться аккумулировать общероссийский и региональный опыт изучения аудитории, призванный оказать практическую помощь новому или уже существующему печатному изданию в формировании взаимоотношений с читателем, в успешной реализации тиражной политики и продвижении газеты в среду своего сегмента потребителей, то необходимо начинать с описания азов. Ведь даже простой анализ редакционной почты или сообщений форума (если, конечно, таковой имеется) может предоставить редакции немало полезных сведений – о популярности газеты, частично – о составе читательской аудитории, недостатках распространения и многом другом. Редакционной почте можно придать более направленный характер, регулярно публикуя на своих страницах, например, рубрики «Клуб читателей газеты», «Читатели о нашей газете» или им подобные.

В целом же работа с читательскими письмами, сообщениями, как показывает практика, имеет свои специфические особенности в разных редакциях. Одни редакции при изучении читательской аудитории, ее мнений, интересов и пожеланий используют для анализа, прежде всего корреспонденцию, приходящую в редакцию как ответ на какую-то публикацию под одной из рубрик газеты. Причем редакция газеты определяет для себя закономерность: письма идут – рубрика продолжает свое существование, приток писем прекращается – сигнал о необходимости корректировки или даже «закрытия» данной рубрики.

Другие редакции при изучении читательской аудитории используют для анализа всю корреспонденцию: содержащую предложения и замечания, корреспонденцию с бытовыми и другими вопросами, в том числе корреспонденцию, приходящую в редакцию как ответ на какую-то публикацию в одной из рубрик газеты. Причем ряд газет как бы провоцирует приток писем в редакцию с целью изучения в том числе и читательской аудитории. Так было, например, осенью 2012 года, когда после трагических событий, связанных с тем, что в Москве пьяный водитель сбил насмерть семь человек, на волне общественного негодования по этому поводу журналисты многих редакций не просто актуализировали на своих страницах тематику противостояния пьянству на дорогах, но и в ряде случаев делали «срез» мнений, характеризующий внимание различных аудиторных групп.

Разумеется, современные технологии во многом облегчают данного рода деятельность. При условии, если это делается постоянно, системно и помогает таким образом влиять на контент. Можно в связи с этим назвать удачным оперативное изучение своей реальной и потенциальной аудитории. В целом же следует отметить, что в современных условиях стало прямой необходимостью изучение не только своей реальной, но и потенциальной аудитории. В том числе и для привлечения рекламодателей, для которых аудитория стала рынком товаров и услуг. А Интернет-возможности практически стерли географические ограничения данного рода деятельности. Соответственно, в этих условиях важной составной частью в деятельности редакции газеты становится рекламная служба, работающая в тесном контакте с отделом (иногда, как свидетельствует опыт, состоящем в городской или районной газете из одного двух сотрудников) изучения аудитории или связей с общественностью. Правильно выработанная рекламная политика служит не только доходности газеты, она должна быть полезна и читателю, помогая ему сделать правильный потребительский выбор, что в результате повышает популярность газеты. Не случаен и тот факт, что многие печатные СМИ в последние три года стали не только выпускать рекламные приложения, но и оперативно печатать на сайте рекламу, в том числе и объявления частных лиц.

Мы исходим из того, что без освоения тех или иных форм изучения своей аудитории редакциям не добиться независимости и даже минимального материального благополучия. Также полагаем, что часть методов изучения своей аудитории доступна редакциям местных газет при наличии интереса и некоторой квалификации. Качественный состав различных групп аудитории современных СМИ, безусловно, во многом определен и в целом социальной структурой российского

общества. Раскрыть же механизм развития, изменения такого сложного объекта, как аудитория СМИ, по мнению социологов, можно только системой показателей.

Чаще всего к первой группе характеристик аудитории относят качественно-количественные признаки, с помощью которых описывается внутренняя структура аудитории, относительно независимая от системы средств массовой информации. Среди них выделяются социально-демографические (пол, возраст, уровень образования, социальное положение, профессиональная принадлежность, семейное положение и т. д.) и социально-психологические характеристики (потребности, установки, мотивы, интересы и т. п.).

Среди широкого спектра потребностей человека зачастую отдельно выделяются информационные потребности (в числе их проявлений – информационные интересы, то есть субъективные склонности, стремления, пожелания, в которых эти потребности находят свое отражение). Они пронизывают все другие виды потребностей индивида, но в то же время носят самостоятельный характер. Конкретизирует сложившиеся интересы аудитории изучение мотивов выбора того или иного средства информации, передачи, сообщения. Результаты различных социологических исследований показывают, что знание, понимание и учет журналистами многоплановых и многосторонних духовных, информационных и других потребностей аудитории – один из основных факторов эффективной работы средств массовой информации в диалоге со зрителями, слушателями, читателями.

Вторая специфическая группа признаков характеризует аудиторию в ее непосредственных взаимоотношениях со СМИ. Она может быть выражена рядом качественно-количественных характеристик, описывающих процесс потребления массовой информации. Так, к примеру, можно выделить такие признаки, как характеристики включенности аудитории в процесс потребления массовой информации, внимание к отдельным типам публикаций, характеристики информированности аудитории о различных событиях, фактах, отражающихся в сообщениях средств массовой информации, а также информированности о деятельности самой газеты и т. п.

Третья группа характеристик связана с изучением воздействия сообщений средств массовой информации на сознание аудитории. При их помощи социологами, психологами, политологами (как правило, в ходе комплексного анализа деятельности не только СМИ, но и всей системы жизнедеятельности аудитории, образа жизни) фиксируются изменения, происходящие в сознании и поведении зрителей, слушателей, читателей.

Вместе с тем, современная массово-коммуникационная практика, на наш взгляд, дает основания дополнить систему показателей

аудитории средств массовой информации. Так, к примеру, мы обнаружили, что при реализации диалогового взаимодействия достижение понимания и взаимопонимания между журналистом и аудиторией нельзя рассматривать только на уровне содержания общения. Эмоциональная сторона восприятия также является одной из основных целей журналиста (зачастую – просто определяющей) и безусловным ориентиром участников коммуникации.

И еще. Всякое журналистское произведение можно рассматривать как систему раздражителей (слов, приемов невербальных коммуникаций, эстетических конструкций, способов активизации «ролевого соучастия» и т. д.), сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать определенную реакцию аудитории газеты. Да, как и во всякой творческой деятельности здесь возможно под-сознательное «конструирование», но оно все же является преобладающим при индивидуальной творческой деятельности журналиста.

В данном же случае можно говорить о вполне высокой степени прагматического моделирования технологий журналистской деятельности. Ведь анализируя структуру раздражителей, мы в этом случае должны воссоздать (смоделировать) структуру реакций. Причем понятие «творче-

ство» мы в равной степени относим как к создателям данного вида продукции, так и к потребителям. Ибо только сотворчество характерно для истинно демократического государства, для отношений, основанных на принципах гуманизма.

Описанные выше некоторые методы изучения аудитории, а также ряд других, конечно же, по отдельности не дают ответов на все вопросы о читателях конкретной газеты. В то же время их сочетание может значительно увеличить эти знания. Например, проведенные по одной методике, по одному плану серия анкет в газете или на сайте и две-три дискуссии в фокус-группах (еще один эффективный метод) могут существенно прояснить представления о реальной аудитории газеты, ее месте среди других печатных изданий, дать материал для изменений редакционной политики и возможностях привлечения рекламодателей. А правильно организованные акции, к примеру, социальной направленности, зачастую прибавляют городской или районной газет не только авторитета, но и дают журналистам пищу для размышлений и возможность скорректировать творческие установки и в целом курс газеты. Все это можно назвать также тиражной политикой редакции, которая способствует установлению диалоговых отношений с реальной и потенциальной аудиторией печатного СМИ.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕЧАТНЫЕ СМИ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ И ШРИФТОВОЙ КУЛЬТУР

Для журналистского сообщества все более актуальной становится проблема формирования и развития информационной культуры. Ведь каждое средство массовой информации сегодня имеет свои выразительные средства: в аудиовизуальных – видеоряд, звуки, в печатных – слово, цвет и изображение. Таким образом, крайне важно всесторонне рассмотреть варианты эффективного транслирования медиаконтентов.

К примеру, особенное значение шрифта, этого важнейшего элемента оформления печатных СМИ, трудно переоценить. Он как «перевозчик смысла» несет в себе более половины информации. И не только содержание, но и сама структура, вид, рисунок гарнитуры ориентирует читателя на полосу или журнальной странице. И порой форма начинает управлять содержанием. При определении места искусства шрифта в эстетическом освоении действительности нужно исходить из специфики шрифта как визуальной системы знаков. Существование в качестве материального образа приближает его к прикладному искусству. Ведь он – основной носитель информации в печатном издании. А также, что важно, правильно подобранные и удобочитаемые шрифты в целом – показатель культуры издания.

Одним из примеров зависимости восприятия от объективных биологических законов нашего организма является иррадиация (по-латыни – неправильное излучение). Сущность данного явления в том, что светлые предметы на темном фоне кажутся более увеличенными против своих настоящих размеров и как бы захватывают часть темного фона. Светлая поверхность на темном фоне, вследствие несовершенства хрусталика, как бы раздвигается, кажется больше своих истинных геометрических размеров. За счет яркости цветов белый квадрат кажется значительно большим относительно черного квадрата. Именно за счет этого и возникает эффект неосознанного выделения фотографий, жирных заголовков, очерченных линейками врезок, почти полностью залитых краской. Они кажутся нам гораздо больше.

В этом состоит главный и единственный принцип чтения – иллюзия знаков, которые накрепко связаны с символами в нашем сознании. И поэтому полноцветные журналы проигрывают газетам. Пропадает эффект иррадиации, и глазу просто не за что зацепиться. Вот почему газеты как носитель информации еще долго не умрут,

хотя, с приходом Интернета, их в очередной раз пытаются похоронить.

Шрифт может оперировать и художественными образами. Ведь искусство шрифта всегда было сродни гравюре, живописи. Например, средневековые живописцы часто включали в картину выполненные экзотическими шрифтами надписи, которые органично входили в общую структуру произведения. Следовательно, и в этом контексте можно говорить о развитии психологической культуры тех, кто имеет прямое отношение к формированию «лица» изданий. А сам рисунок, отпечаток гарнитуры может быть объектом искусства.

Шрифт позволяет вызывать вполне определенные ассоциации. К примеру, жирные буквы крупных кеглей давно стали традицией при создании заголовков. Размер, в этом случае, управляет вниманием читателя, ориентирует его на полосу. Обычно глаз движется по следующей схеме: залитые краской фотографии, жирные, крупные шапки заголовочного комплекса (вплоть до лида), заметные «иконки», крупные выделительные детали (вроде буквицы). Это описание только составляющих взгляда на полосу, еще до прочтения текста и осознания его смысла. Издалека, и при большом приближении, полоса выглядит как набор серых, черных областей и белых промежутков между ними. По большому счету, форму и вид любого печатного СМИ формируют именно эти пробелы. Поэтому задача опытного дизайнера на этапе выбора и использования шрифта – создать максимально удобочитаемый и определенным образом организованный текст, сочетая «напряженные» куски текста и «расслабленные» полосы с гораздо более «жидкими», «светлыми» шрифтами.

Общих рекомендаций в таких случаях дать просто нельзя, все решают содержание конкретного материала и политика СМИ, или общая культура и вкус ответственного секретаря или дизайнера. Но зависимость шрифтового оформления от смысла текста, конечно, обязательно должна присутствовать. Странно бывает видеть тематические вкладки (молодежные, детские, спортивные, и т. д.), все отличие которых в небольшой заставке в углу страницы и «дикая», ломаная верстка. Шрифт сам по себе еще ничего не меняет. «Теория стимулов» в таком тонком деле, как фирменный дизайн издания, не работает.

Чтение – это умение видеть на месте набора черных точек набор определенных звуков. Обучение детей азбуке – это классический пример коллективного бессознательного, причем формируемого специально. Едва научившись писать буквы, человек обретает великий дар овеществления слова. Такой способ письма чрезвычайно интересен как всякое пограничное явление.

Фактор бессознательного важен и в контексте развития шрифтовой культуры СМИ. К примеру, компьютерный набор открыл для них неограниченные возможности по использованию, применению, конверсии латинских гарнитур и еще многого другого. В этот период вырабатывались, зачастую интуитивно, черты «фирменного» стиля изданий. Определившись с выбором, штатные дизайнеры, как правило, ограничивались несколькими формальными визуальными приемами. Затем стало уже как-то и не принято подавать информацию иначе. Так взрослый, уже выработав почерк, не способен повторить наивно-прекрасные каракули ребенка. Обучение свою роль выполнило, осознаваемая в настоящем мысль перешла в сферу бессознательного.

Таким образом, в выборе и использовании шрифтов сходятся многие сознательные и бессознательные параметры человеческой психики, составляя неразделимое целое. Причем нигде, пожалуй, так ярко не обнаруживается взаимосвязь физиологических и психических явлений, тела и души, как в психологии эмоций. Эмоциональные переживания всегда сопровождаются более или менее глубокими изменениями деятельности нервной системы. К сожалению, главная задача шрифтов: передавать все многообразие и оттенки человеческой речи, не выполняется. Для сегодняшнего оформления приняты два-три штампа в передаче смысловых оттенков.

Особенное место в создании эмоционального облика текста имеет такое понятие, как смысловая экспрессия. Само начертание порой говорит об определенной реакции, которую собирается вызвать у читателя создатель текста. Например – курсивное начертание, как правило, предполагает легкость, непринужденность. Не даром устную речь, цитаты дают таким шрифтом. Грамотный дизайнер с помощью умелого выбора гарнитур может придать нужный эмоциональный оттенок, создать определенный графический образ. В начале XX века активно велся

поиск новых форм для выражения печатной речью всего многообразия устной интонации: игра самыми причудливыми гарнитурами, активизацией незапечатанного фона и уподобления строки изображению.

Цвет, форма, фон, контраст, выделительные эффекты, подчеркивающие линейки и пробелы, все это делает каждую букву отдельно звучащей. К сожалению, в сегодняшней повседневной деятельности мало уделяется места поиску новых форм воздействия на читателя. Все находки, как правило, относятся к рекламной сфере. Мы видим буквы, изъеденные ржавчиной, вздутые как шары, отливающие металлом, светящиеся неоновым цветом, объемные и рельефные. Но не на полосе набора СМИ, а в отдельном «рекламном заgone», хотя при сегодняшнем развитии техники журнальные варианты верстки и газетные методы оформления мало чем различаются.

Современный дизайнер СМИ работает обычно с довольно небольшими кусками информации. Дозирование и яркие акценты – основное оружие современного специалиста. Поэтому выделительных приемов обычно немного, они должны бросаться в глаза издали, сразу привлекая внимание на прилавке, но при этом еще выполнять свою прямую задачу, вести читателя на полосу. Важно не только сделать издание узнаваемым с помощью специфических шрифтов, но и сохранить методы работы с ними. Во многих серьезно озабоченных своим имиджем изданиях имеются «книжки стилей», в которых собраны примеры оформительских приемов, характерных для этого издания. В том числе и со шрифтами.

В повседневной жизни нам часто встречаются газеты, которые оформлены интересней и по всем параметрам превосходят журналы. Есть книги, которые приятно просто просматривать, даже не обращая внимания на смысл. В каждом из удачно оформленных печатных СМИ талантливый дизайнер, типограф, верстальщик, оформитель может проявить себя как творческая личность и создать опровергающую все каноны скучного ремесла работу. Но пока, к сожалению, еще не наступило время, когда не только скороспелая прибыль интересует владельцев газет и журналов, а также и возможности формирования и развития как художественной, так и общей культуры работников массмедиа и их читателей.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ КИНОКРИТИКА: ФУНКЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ

В наше время кинокритика, как, впрочем, и вся современная аналитическая журналистика, переживает явный кризис. Причина – активное внедрение интернета в повседневную и интеллектуальную жизнь потенциального читателя, и, как следствие, утрата прежней «монополии» журналиста на информацию. Многие журналисты и критики считают, что сеть оказывает в первую очередь негативное влияние на развитие как кинокритики, так и всей публицистики в целом. Всемирная паутина стирает границы между маститым профессионалом и школьником, выкладывающим полуграфоманские рецензии в своем популярном блоге. К сожалению, у последнего запросто может оказаться гораздо больше читателей и последователей, чем у ревнителя старых журналистских устоев. Маргинальный, «уличный» язык блогосферы постепенно проникает и на страницы толстых научно-теоретических и аналитических журналов. Однако в интернете каждый день рождается много нового, и развивается он гораздо быстрее, чем традиционные виды СМИ.

Зарождение кинематографа датируется концом XIX века. Будучи изначально задуманным не более как революционный по тем временам развлекательный аттракцион, кино довольно быстро превратилось в один из самых популярных видов искусства. Без него сейчас уже сложно представить себе окружающий мир. К началу XX века критики поняли, что кино нельзя оценивать по тем же параметрам, по которым они привыкли судить более традиционные виды художественного творчества. Киноискусство является органичным синтезом литературы, изобразительного искусства, театра и музыки, но вместе с тем не дублирует и не заменяет эти виды искусства, а перерабатывает их опыт в соответствии с особенностями широкого экрана.

Итак, кино включает в себя различные элементы, требующие иной оценки, чем более старые и традиционные виды искусства. Действительно, если об игре киноактера скажут, что она излишне «театральна», это вряд ли можно будет назвать комплиментом. Появление кино, его массовая популярность и быстрое развитие (в том числе и техническое) подготовило почву для рождения нового вида критики – *кинокритики*. Кинокритика является одним из основных раз-

делов науки, получившей название *киноведение*. Людей, профессионально занимающихся вопросами кинематографа, рецензирующих кинофильмы и анализирующих кинопроцесс в целом, называют *кинокритиками*. Кинокритикой занимаются либо профессиональные журналисты, либо люди, получившие специальное киноведческое образование. Основными (и наиболее популярными) жанрами кинокритики являются анонс, отзыв, обозрение, рецензия, эссе, творческий портрет.

Кинокритика требует от людей, которые профессионально ею занимаются, обширных знаний в различных областях киноискусства. Биографии наиболее известных актеров и режиссеров, особенности сценарного мастерства, монтажа, операторской работы плюс различные субъективные характеристики вроде врожденного или «благоприобретенного» хорошего вкуса – вот лишь малая часть из большого перечня черт, которыми должен обладать хороший кинокритик. Кроме того, кинематограф крайне чувствителен к появлению различного рода технических усовершенствований. Возникновение новых инновационных средств не приводит к вытеснению и гибели киноискусства, а, напротив, расширяет сферу кинематографического творчества, а также предоставляет новые возможности людям, работающим в этой сфере. Например, в настоящее время огромной популярностью пользуется так называемое 3D. Кинокритики, рецензирующие вышедший в данном формате фильм, должны теперь разбираться и в этой, казалось бы, чисто технической особенности, что не всегда бывает просто.

Кинокритика, являясь неотъемлемой частью журналистики и киноведения в целом, порой носит ярко выраженный национальный колорит. Русскоязычная школа кинокритики довольно специфична и имеет богатую историю. Не секрет, что окончательное становление русскоязычной кинокритики (та самая ступень развития, когда она превратилась в отдельную профессию) произошло уже после того, как к власти в нашей стране пришли большевики. Строгая идеологическая направленность и жесткая цензура в определенной мере «сковали» новый вид критики, заставили работающих в этом жанре людей искать в рассматриваемом ими фильме не только авторский замысел, но и обязательные

элементы, сочувствующие идеям коммунизма (в противном случае мимо отечественных любителей кино прошли бы многие шедевры западного кинематографа). Однако лучшие советские кинокритики все-таки умели элегантно уходить от задач партии и оценивать киноленты по иным, вневременным параметрам – параметрам искусства, а не политики. Современное же состояние кинокритики в России многие специалисты оценивают как неоднозначное.

Несмотря на то, что российская кинокритика прошла длинный путь развития, на данный момент ее история, специфика и особенности изучены не слишком подробно и обстоятельно. Советские и российские кинокритики выпустили множество книг, статей и монографий, повествующих об актуальных проблемах кинематографа, творчестве знаменитых режиссеров, актеров и кинодраматургов, но вот исследований, посвященных непосредственно отечественной кинокритике, нами было обнаружено крайне мало. В основном это небольшие статьи, опубликованные либо в блогах, либо на страницах немногочисленных русскоязычных киножурналов. Посвященные российской кинокритике публикации можно найти в журналах «Искусство кино» и «Киноведческие записки», а также на страницах «Новейшей истории отечественного кино. 1986–2000» – фундаментальной семитомной энциклопедии советского и российского кинематографа, над которой работали сотрудники знаменитого журнала «Сеанс» (в сети есть электронная база данных, основанная на материалах этой энциклопедии).¹ Также нельзя не выделить такие исследовательские статьи, как «Эти старые, старые журналы...» М. Кушнирова², «История журнала «Искусство кино» О. Ковалова³, «Реальное кино в виртуальном мире» С. Кузнецова⁴.

Говоря о тенденциях, то есть основных направлениях развития, и приоритетах (первенствующем положении), господствующих в современной российской кинокритике, следует учитывать, что они разнятся в зависимости от того, о каких СМИ идет речь – печатных или электронных. Сходства в данном случае меньше, чем отличий, но оно все-таки присутствует.

1. Киноматериалы, публикуемые в современных российских СМИ, довольно четко ориентированы на определенную читательскую

аудиторию. В случае с солидными журналами вроде «Искусства кино» или «Сеанса» это – киноманы с многолетним стажем, профессионалы от мира кино, организаторы кинофестивалей, люди, хорошо ориентирующиеся в искусстве и т. д. Если говорить о сетевых киноресурсах, то их целевую аудиторию составляют в основном активные молодые пользователи интернета. Отсюда – различия в подаче материала (глубокий, но сложный анализ, требующий тщательного и вдумчивого изучения против показной хлесткости, провокационности, желания стать понятным максимально большим количеством читателей и, соответственно, быть процитированным ими в своих блогах, на персональных страницах в многочисленных соцсетях и т. д.).

2. И печатная, и сетевая кинокритика довольно противоречиво отзываются о современном российском развлекательном кинематографе, а также о продукции ведущих отечественных телеканалов. Возможно, эта оценка вполне справедлива. Однако это не мешает многим экспертам упрекать кинокритиков в априори высокомерном и чересчур взыскательном отношении к становящейся российской киноиндустрии, в распространении пессимизма и излишней комплиментарности в сторону «опытного» западного киноискусства.

3. О следующем сходстве не принято говорить открыто, так как речь идет о вопросе, непосредственно связанном с этикой журналиста. Существует мнение, что некоторые кинокритики не гнушаются выполнять и чисто «рекламную» функцию, пишут хвалебные рецензии не по заданию редакции и не по «зову сердца», а исключительно за гонорар. Следует отметить, что обвинения в продажности и предательстве профессиональных интересов традиционно получают не только кинокритики, но и журналисты в целом. Так или иначе, это мнение имеет право на существование. В блогосфере об этом явлении говорят довольно откровенно: «Сегодня активно формируется перекрестный рынок – критика связана уже не с обычным потребителем своей продукции и фильмов, которые она, критика, представляет, но также с производителями, продюсерами, дистрибьюторами, рекламодателями. Критика сегодня играет все более осязаемую и все более непростую роль, участвуя в создании и распределении статусов

¹ *Новейшая история отечественного кино. 1986–2000.* – Режим доступа : <http://www.russiancinema.ru/> (дата обращения : 31.03.12).

² Кушниров, М. *Эти старые, старые журналы...* / М. Кушниров – Режим доступа : http://www.istrodina.com/rodina_articul.php?id=2674&n=130 (дата обращения : 09.03.12).

³ Ковалов, О. *История журнала «Искусство кино»* / О. Ковалов. – Режим доступа : <http://seance.ru/blog/zhivoy-zhurnal> (дата обращения : 01.03.12).

⁴ Кузнецов, С. *Реальное кино в виртуальном мире* / С. Кузнецов. – Режим доступа : <http://kinoart.ru/1999/n3-article25.html> (дата обращения : 25.02.12).

и имиджей, что, в свою очередь, влияет на распределение денег»⁵.

В современной российской печатной кинокритике наблюдаются две основные тенденции. Во-первых, журналов о кино в России сейчас выходит крайне мало. Пользующиеся устойчивой популярностью киножурналы вроде «Total DVD» не могут претендовать на образцы серьезной аналитической журналистики. Если говорить о Сахалинской области, то в розничной продаже здесь можно найти исключительно вышеупомянутое развлекательное издание «Total DVD». Новые номера «Искусства кино» можно обнаружить только в Сахалинской областной универсальной научной библиотеке. Печатных версий «Сеанса» и «Русского экрана» нет. Сахалинский читатель при всем желании имеет возможность ознакомиться исключительно с интернет-версиями данных журналов.

Во-вторых, представители печатной кинопрессы, с одной стороны, хотят сохранить традиции, пишут сложные, малопонятные для массовой аудитории тексты. Однако невысокая популярность такого консервативного подхода дает о себе знать. Поэтому, наравне с материалами о независимых кинолентах, журналисты в последнее время пишут и о блокбастерах, и о популярных телесериалах. Так, «Искусство кино» публикует рецензии на фильмы «Тор» и «Люди Икс: Первый класс», рецензент «Сеанса» разбирает по полочкам сериал «Доктор Хаус».⁶ Массовое, развлекательное, «попкорновое» искусство признано достойным внимания. Кроме того, редакции солидных печатных киноизданий активно осваивают интернет-пространство, выпускают версии своей печатной продукции для iPad и прочих современных инновационных устройств. Данную тенденцию можно обозначить и как главный приоритет отечественной печатной кинокритики – сохранение традиций с вкраплениями (лексическими, жанровыми, техническими) современности:

«Левак фон Триер лицемерит, когда талдычит про мейнстрим, неприличную красоту и музыкальный допинг. Ему нужен этот антураж, чтобы замылить глаз истеблишмента, чтобы утешить публику обманом их зрения сказкой о конце света. Свой интимный сюжет о меланхолии он отчуждает в гламурные картинки, доведенные до совершенства, торжеству которого сопротивляется талантливая Жюстина

(альтер эго режиссера), несостоявшийся арт-директор рекламного агентства»⁷.

Главные приоритеты киберкинокритики – интерактивность, оперативность, «демократизация» языка. Преобладание данных моментов не может не сказываться и на основных тенденциях. Если говорить о кинокритике, то наиболее популярными жанрами в ней всегда были рецензия и обзор. Эта традиция перекочевала в интернет, однако многие материалы, расположенные на сайтах в разделе «рецензия», по сути таковыми не являются, по своим структурным и лексическим признакам напоминая скорее обычную запись в блоге. Многие интернет-кинокритики, как правило, в оценке того или иного фильма руководствуются скорее своими личными впечатлениями (субъективность в этом случае нарочито подчеркивается обильным употреблением личных местоимений), поэтому их анализ выглядит поверхностно и однобоко: *«Сомнения в психическом здоровье создателя фильма: не долго думая, в данном пункте Никита Сергеевич решил быстро вывести меня из состояния сомнения в состоянии полной убежденности. Да, мы имеем дело с больным человеком, который остро нуждается в помощи. Либо надо выкрасть Барина из поместья, поместить его в Центральный архив министерства обороны и заставить читать архивы за еду, либо я сам поменяюсь с ним местами и все будет в плюсе: Михалков на историческом факультете узнает, что существует такая наука как история да и вообще о существовании Науки, Разума и Логики, я же на его месте ничего не буду снимать и вся Россия будет от этого в плюсе»⁸ (орфография и пунктуация рецензента сохранены – А. С., К. Л.)*. Итак, в интернете традиционные жанры кинокритики претерпевают значительные структурные и лексические изменения. Говорить о «чистоте» жанров уже не приходится.

Язык сети – специфическое явление, не имеющее аналогов в реальном мире. В рунете есть собственные аббревиатуры (ИМХО, ППКС), жаргонизмы (клава, хытымыэль, троллинг), фразеологизмы («Спасибо, кэп!», «Ктулху фхтагн») и т. д. В последнее время интернет-лексика встречается не только в блогах и на форумах по интересам, но и просачивается в серьезные журналистские тексты. Это необходимый компромисс, своеобразный поиск диалога с виртуальной аудиторией, попытка говорить с ней на ее

⁵ Кинокритика. – Режим доступа : <http://karagen.livejournal.com/4801.html> (дата обращения : 02.05.12).

⁶ Ткачев, Д. Теория Хауса / Д. Ткачев. – Режим доступа : <http://seance.ru/blog/teoriya-hausa> (дата 15.05.12).

⁷ Абдуллаева, З. *Enfant très terrible* / З. Абдуллаева. – Режим доступа : <http://kinoart.ru/journal/melankholia.html> (дата обращения : 06.03.12).

⁸ С праздником по-михалковски. – Режим доступа : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/481101/> (дата обращения : 23.02.12).

языке. «Сейчас, конечно, перед журналистикой стоит сложная задача. С одной стороны, ей требуется всегда быть адекватной лексическим тенденциям, возникающим в сети и транслируемым не без помощи той же журналистики вовне сети (если такое место еще есть), а с другой – нужно выполнять культурную миссию по охране традиционных ценностей».⁹

С точки зрения лексики можно выделить следующие особенности интернет-кинокритики:

1) наличие сленга и жаргонизмов; подчеркнутая «сниженность» лексики, обилие просторечных слов (*«А то ребятеночек Ренесми (при выборе имени сплошь состоящий из женищинок кинокритикесс зал дружно заржал) – это, конечно, дико романтично (равно как и помереть при родах, да), но непорочные зачатия в наше время практикуются нечасто, да и ребенок – это не только пугающий автора секс (обожы!) и слабое пищеварение, а это еще и всякие предлежаия, продыхивания, гимнастики, курсы молодых матерей, схватки-воды, а впоследствии пеленки, «гэвэ» (мамочка!) со сцеживанием, лютый недосып, газики, колики, попеременные срыгивания, пеленки, ползунки, и прочая, и прочая»*).¹⁰

3) подчеркнутая при помощи личных местоимений субъективность авторской оценки рецензируемого произведения (*«Я не такой крупный специалист, который с первого же просмотра выявит все неточности в форме, технике, деталях и так далее. Более того, ведь для этого фильм, или его отдельные моменты, нужно пересматривать, а я теперь на это соглашусь только за деньги (не меньше стоимости билета)»*).¹¹

Зачастую, пользуясь отсутствием каких-либо языковых табу, даже маститые интернет-кинокритики позволяют себе нецензурную брань. В печатной прессе это невозможно. В данном случае уместно говорить и о негативной стороне отсутствия в интернете какой-либо лексической цензуры.

В настоящее время среди сетевых авторов большой популярностью пользуется еще одно новшество, по техническим причинам недоступное традиционным печатным СМИ – «критика с видеоцитатами». Вот что говорит об этом явлении известный российский кинокритик Виктор

Матизен: «Говоря о новых формах критики, я недавно обнаружил для себя такую форму, как критика с видеоцитатами. К мысли автор тут же подверстывает фрагмент из фильма, подвергает его разбору и идет дальше. Поскольку мы все теперь имеем возможность вставлять в интернет-статьи ссылки по типу «YouTube», эта форма критики, по-моему, имеет большую перспективу. Она позволяет работать с режиссером и аудиторией одновременно. Меня такой способ немедленной апелляции к картине сильно впечатлил».¹²

И, наконец, едва ли не главное преимущество, которое интернет дает и кинокритике, и журналистике в целом – наличие гипертекстуальности. Гипертекст – это текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов.¹³ Гипертекст значительно облегчает навигацию, однако ссылок на другие источники в рамках самого журналистского материала все-таки должно быть в меру. «Нет никакого резона выделять жирным каждое слово, а каждое третье сопровождать ссылкой... Вообще, ссылки следует делать только на основополагающие понятия».¹⁴

Итак, подводя итоги, можно выделить следующие основные тенденции: «смерть» печатной кинокритики; прогрессирующий количественный (но отнюдь не качественный) рост виртуальной кинокритики; оторванность русскоязычной кинокритики (не информационная, но, по крайней мере, идеологическая) от популярного национального кинематографа.

В приоритетах у нынешних отечественных киножурналистов значатся оригинальность, интерактивность, поиск новых форм и идей, сохранение традиций (печатная кинокритика) и рассчитанные на эффект «скандальности» провокационность, неконформизм и лексическая разнузданность (виртуальная кинокритика).

И, наконец, нельзя не упомянуть и о пресловутом кризисе, поразившем в последнее время отечественную кинокритику. «Нынешнее печальное, чтоб не сказать катастрофическое, положение критики – это, с моей точки зрения, расплата за ту абсолютную и, главное, невозможную ранее власть, которую она получила в пер-

⁹ Калмыков, А. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 223.

¹⁰ Корнеев, Р. Ты беременна, это временно / Р. Корнеев. – Режим доступа : <http://www.kinokadr.ru/articles/2011/11/16/twilightsgabreakingdawn1.shtml> (дата обращения : 06.03.12).

¹¹ С праздником по-михалковски. – Режим доступа : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/481101/> (дата обращения : 23.02.12).

¹² Блогеры убивают кинокритику? – Режим доступа : <http://community.livejournal.com/kinoclub/1167462.html> (дата обращения : 26.12.11).

¹³ Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М. : АГАФ, 1997.

¹⁴ Калмыков, А. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – С. 202.

вой половине 90-х... Любой серьезный кризис, во-первых, имеет более давнюю предысторию, чем последнее пятилетие, и, во-вторых, кризис кинокритики в России – это одна из форм бытования кризиса культуры как таковой».¹⁵ Журнал «Искусство кино» посвятил данной проблеме много любопытных и полемичных публикаций. Например, вот что думает о современной российской кинокритике западный исследователь Римгайла Салис: «Киноведение как отдельная самостоятельная научная дисциплина так и не прижилось в российских высших учебных заведениях, вследствие чего о традициях европейской и американской кинокритики студентам не рассказывают в аудиториях, так же как и не знакомят их с основополагающими критическими текстами – зачастую их нельзя достать даже в библиотеках. За исключением нескольких человек, российские кинокритики редко используют в своей работе подходы, основанные на теориях постструктурализма и иных культурологических исследованиях. В преподавательской деятельности, как и в критике, почти не используются методологии гендерной теории, постколониальной теории и исследований этнических групп (особенно ценных при изучении кинематографа бывших советских республик). То же касается и более новых областей, включающих исследования ограниченной дееспособности (инвалидности) и травматизма»¹⁶.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что проблема кризиса волнует не только отечественных журналистов. Вот что думает о сложившейся ситуации Ник Джеймс, главный редактор британского «Sight & Sound»: «Популярность любительских кинорецензий и свобода слова в Интернете привели к тому, что профессиональные критики начали терять свой авторитет (а ведь это признак деградации всей современной журналистики)»¹⁷.

Очевидно, что однозначного ответа на вопрос о качественном состоянии современной российской кинокритики нет. Споры и дискуссии по данной теме не утихнут еще длительное время, а результат этих споров может привести к серьезным изменениям не только самой кинокритики, но и всего отечественного киноведения в целом.

Литература

1. Джеймс, Н. Кому нужны критики / Н. Джеймс // Искусство кино. – 2009. – № 1. – С. 92.
2. Калмыков, А. А. Интернет-журналистика : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021400 «Журналистика» /

А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

3. Карачарова, С. Цензоры и рецензии / С. Карачарова // Мир фантастики. – 2009. – № 12(76). – С. 161.

4. Кихтан, В. В. Информационные технологии в журналистике / В. В. Кихтан. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004.

5. RuData.ru/rudata.ru/wiki/Гильдия киноведов и кинокритиков России (03.05.12).

6. Абдуллаева З. *Enfant très terrible*. – Режим доступа : <http://kinoart.ru/journal/melankholia.html> (дата обращения : 06.03.12).

7. Белинский Г., Корнеев Р. Сериалы: кровь, троны, гильдии и британский акцент. – Режим доступа : <http://kinokadr.ru/articles/2011/10/02/serials.shtml> (дата обращения : 29.02.12).

8. Блогеры убивают кинокритику? – Режим доступа : <http://community.livejournal.com/kinoclub/1167462.html> (дата обращения : 26.12.11).

9. Кинокритика. – Режим доступа : <http://karagen.livejournal.com/4801.html> (дата обращения : 02.05.12).

10. Ковалов О. История журнала «Искусство кино». – Режим доступа : <http://seance.ru/blog/zhivoy-zhurnal> (дата обращения : 01.03.12).

11. Корнеев Р. Ты беременна, это временно. – Режим доступа : <http://www.kinokadr.ru/articles/2011/11/16/twilight-sagabreakingdawn1.shtml> (дата обращения : 06.03.12).

12. Кузнецов С. Реальное кино в виртуальном мире. – Режим доступа : <http://kinoart.ru/1999/n3-article25.html> (дата обращения : 25.02.12).

13. Кушниров М. Эти старые, старые журналы... – Режим доступа : http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=2674&n=130 (дата обращения : 09.03.12).

14. «Новейшая история отечественного кино. 1986 – 2000». – Режим доступа : <http://www.russiancinema.ru/> (дата обращения : 31.03.12).

15. Салис Р. Киноведение в кризисе? – Режим доступа : <http://kinoart.ru/2011/n4-article9.html> (дата обращения : 02.05.12).

16. С праздником по-михалковски. – Режим доступа : <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/481101/> (дата обращения : 23.02.12).

17. Ткачев Д. Теория Хауса. – Режим доступа : <http://seance.ru/blog/teoriya-hausa> (дата обращения : 15.05.12).

18. <http://www.25-k.com>

19. <http://www.exler.ru>

20. <http://www.kinokadr.ru>

21. <http://www.kinomania.ru>

22. <http://www.kinopoisk.ru>

РАЗДЕЛ V

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ МАГИСТРОВ

ТЕХНИКА ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ОБЛАСТНОЙ ОЧНО-ЗАОЧНОЙ ШКОЛЫ «ЛИДЕР»

Проблемной сферой современного школьного образования остается устное общение. Если умение вести диалог еще как-то формируется, то монологическая речь оставляет желать лучшего.

Главную практическую задачу школы мы видим в формировании такой базовой компетенции современного человека, как коммуникативная. Увы, на классных и факультативных занятиях, а также и во внеурочной деятельности все еще уделяется недостаточное внимание формированию навыков грамотного изложения своих мыслей. В силу объективных причин, в частности, повсеместного внедрения тестовой проверки знаний на всех уровнях, упускается главное – обучение «говорению» в прямом смысле этого слова. На уроках учат находить, а если быть точнее, подбирать правильный ответ. Доклад или реферат, подготовленный дома, ученик опять же читает, а не проговаривает и т. д. Но мы не ставим своей целью подвергнуть критике все, что делает в этом направлении учитель – нам хочется поделиться опытом обучения публичным выступлениям, апробированном нами в работе областной очно-заочной Школы ученического актива «Лидер».

Областная очно-заочная Школа ученического актива «Лидер» проводится областным Центром внешкольной воспитательной работы при поддержке Министерства образования Сахалинской области.

Цель Школы – развитие самостоятельного ответственного мышления и лидерских способностей подростков через систему проведения учебных занятий и мероприятий.

Образовательная программа школы «Лидер» является экспериментальной.

В течение двух лет учащиеся школы получают дополнительное образование по основным образовательным модулям:

- духовно-нравственное воспитание и развитие личности;
- психология саморазвития личности;
- креативное мышление;
- инновационный менеджмент;
- эффективные коммуникации;
- самоуправление;
- проектное мышление.

Одновременно с учащимися обучение проходят педагоги – руководители делегаций от образовательных учреждений.

Формы обучения, принятые в Школе:

- сессии (осенняя, весенняя) – по шесть дней каждая сессия;
- дистанционное обучение – межсессионный период.

В школе обучаются 60 старшеклассников из образовательных учреждений девяти муниципальных образований Сахалинской области: Анивский, Александровск-Сахалинский, Долинский, Невельский, Ногликский, Поронайский, Тымовский, Углегорский районы и г. Южно-Сахалинск.

В работе Школы я принимаю участие с ноября 2010 года. В настоящее время являюсь преподавателем по блокам «Основы школьного самоуправления» и «Эффективные коммуникации». Цель работы с участниками Школы «Лидер» – научить организовывать свою внеучебную деятельность и выработать навык грамотного изложения своих мыслей. Основная целевая аудитория – старшеклассники, которые активно принимают участие во внеучебной жизни своей школы. Основная трудность – разный уровень восприятия информации, ребята порой приезжают не готовые воспринимать нестандартную информацию. Для комфортного восприятия новых знаний мы используем в своей работе активные и интерактивные образовательные модели.

Одна из существенных проблем у старшеклассников – отсутствие навыков публичной презентации, несмотря на то, что большинство из учеников нашей Школы – активные участники районных и областных мероприятий. Однако, по их собственным утверждениям, далеко не каждому удаются публичные презентации, даже при долгой подготовке. В связи с этим администрацией Школы было принято решение уделить внимание развитию навыков выступлений на публике. Положительная динамика от занятий по техникам публичных выступлений была замечена еще до окончания очной сессии. Слушатели Школы перестали испытывать «страх сцены». А в дальнейшем администрация Школы «Лидер» не раз получала положительные отзывы по поводу активности учеников в учебной и внеучебной жизни, а также их успехов в сфере публичных выступлений.

Далее остановлюсь на описании занятий по формированию навыков публичных выступлений. Каждое занятие состоит из трех частей.

Первая часть – введение в курс. Беседа с ребятами по поводу проблем, с которыми они сталкиваются по этой теме. Выявление причин, предпосылок их заинтересованности в вопросах формирования навыков публичной речи, определение актуальности предстоящих занятий. Каждый раз во время таких бесед я обращаюсь к личному опыту ребят, выявляя те барьеры, которые стоят на пути свободного публичного общения.

Вторая часть – базовая теоретическая. Вопросы техники публичных выступлений занимались многие ученые. Однако, теория – ничто, если не подкреплять ее практикой. Как правило, я сама моделирую различные ошибки во время выступлений, а дети их идентифицируют и исправляют.

Третья часть – подведение итогов занятия, резюмирование полученных знаний, умений и навыков: получение «домашнего задания» к следующему занятию, например, подготовить одноминутные выступления для отработки новых знаний.

Хочу подробнее остановиться на информационной, второй части занятия, а именно на теоретической базе.

Есть несколько незыблемых истин в ораторском искусстве, зная которые, можно завоевать безграничное внимание аудитории, к которой обращена речь говорящего: постановка на публике, кредит доверия и поведение «хозяина». Теория техники публичных выступлений строится на этих трех китах.

С самого начала у ребят возникают вопросы: С чего же начать, чтобы сразу понравиться? Как появиться на сцене? Как встать, чтобы это выглядело естественно? Как сразу завоевать доверие публики? Как произвести благоприятное первое впечатление?

Известно, что у нас никогда не будет второго шанса произвести первое впечатление – поэтому важно использовать шанс первый и единственный. Существуют закономерности впечатления и восприятия, которые должен учитывать любой человек, появляющийся в центре внимания. Есть важное наблюдение, много раз проверенное опытными ораторами – после того, как оратор сказал «Здравствуйте!», можно считать, что он произнес 70 % своей речи. А после приветствия будет происходить лишь дополнение к уже сложившемуся впечатлению о говорящем.

В самом выражении «постановка на публике» заключен некий двойной смысл. Первый смысл, прямой и буквальный, происходит от слова «ставить» или «стоять» – куда и в какую позу себя поставить, какое положение тела принять? И зачастую это является проблемой для оратора, который не знает, какое место на сцене, в зале ему занять, как встать, как сесть, что делать с ногами и куда девать руки? И второй смысл – переносный. Есть такое устойчивое словосочетание в

нашем языке – «он поставил себя в коллективе». Что имеется в виду? Что этот человек заслужил уважение, авторитет, положение в негласной ранговой иерархии коллектива. Если же оратор является новым человеком для слушателей – он должен заслужить уважительное отношение. Сразу! И даже если выступающего знают, положение на сцене обязывает на особую роль. И в этой роли – он все равно новый человек для публики.

При этом первый и второй смысл словосочетания «постановка на публике» тесно связаны между собой. От расположения в зале и позы зависит первое впечатление, произведенное на зрителей. А от первого впечатления, как следствие, зависит и дальнейшее отношение зрителей к вам – симпатия и доверие к вашим словам, либо холодная нейтральность и желание поспорить. И задача оратора, разумеется, за счет своих знаний и мастерства добиваться максимально убедительного первого впечатления.

Эффект «кредита доверия» от сцены – это важное явление, которое выступающий обязан использовать. Само по себе знание об этом кредите доверия должно прибавить уверенности оратору! Сцена или любое место выступления дают не только испытание на прочность для оратора, но и несут некий изначальный положительный для оратора эффект. Сцена поднимает человека не только физически, но и психологически, в глазах слушателей. Мы готовы слушать человека, вошедшего на сцену, только потому, что он занял это центральное, главное место. Может быть, вы и на своем опыте замечали, что, когда сидишь в зале, а на сцену выходит человек, он автоматически вызывает некое «притихание» слушателей и первоначальную долю уважения. И это только благодаря тому, что он появился на этом главном месте. Этот эффект изначального кредита доверия и уважения идет еще откуда-то с подсознательных детских времен. Когда мы были школьниками, в класс входила учительница, она занимала главное место – и мы автоматически начинали уважать, слушать и бояться. А кто это забывал делать, тому напоминали, кто здесь главный.

Изначальный кредит доверия и уважением – это закономерность, но, конечно, она не исключает, что в зале могут находиться люди, еще до этого настроенные против вас, пришедшие специально сорвать выступление или поглумиться. Как их нейтрализовать – это отдельная тема. А закономерность первоначального кредита доверия важно знать и использовать – то есть увеличивать, а не обесценивать своим поведением этот кредит уважения от зала.

Психологами выявлено, что первое впечатление формируется всего лишь за первые семь секунд появления человека перед публикой, а далее только закрепляется. И мы уже знаем, что первое впечатление всегда одно. Конечно, теоретически

можно попытаться сгладить и исправить, но это очень сложно. Уже через семь секунд люди думают, что они многое про вас поняли. Уже через семь секунд зрители думают, что они вас уже прочитали. К этому времени зритель уже оценил оратора и сделал вывод: интересен – неинтересен, симпатичен или нет, нравится – не нравится, умный – глупый, сексуален – несексуален. В реальности наша личность может совершенно не соответствовать этому образу в сознании, но это представление рождается как результат нашего поведения и судить будут по нему. При этом слушатели могут совершенно ничего и не знать ни про первое впечатление, ни про формирование образа, все это работает помимо их воли, то есть подсознательно, помимо сознания, не подчиняясь осознанному решению. Этот эффект работает не только для публичного выступления, но и для личного общения. Наверняка вы когда-то ощущали на себе, что если человек сразу при знакомстве не понравился, это шлейфом несет отпечаток на дальнейшее к нему отношение. И наоборот, если сразу понравился, расположил, то и дальше хочется с ним общаться и сближаться.

Итак, выступление начинается с момента формирования первого впечатления, а не с первых слов. Самое важное – понять, когда начинаются эти семь секунд. Когда оратор появляется в поле внимания публики, а не когда начинает говорить! Когда вы встаете со своего места в зале и идете на сцену – семь секунд уже начались. Когда выходите из-за кулис – впечатление автоматически начало складываться. Идете по проходу в зале – вы уже в поле внимания. Внимание публики автоматически реагирует на движущиеся и новые объекты. С момента появления включается следующая аксиома – «поведение хозяина».

В этом емком слове – Хозяин – заключены все сильнейшие качества человека: уверенность, независимость от мнения других, внутренняя сила, стопроцентный психологический комфорт, несмотря ни на что. А также неспешность, допустимая вальяжность, отсутствие суеты. Такое поведение ассоциируется с властью, надежностью, смелостью, лидерством, с вожаком и даже вождем. Уверенный и внутренне сильный человек вызывает уважение, люди ему невольно подчиняются, впечатление о нем сильное, слова его имеют особенную значимость.

К сожалению, публика заставляет оратора все делать быстрее и провоцирует его на суету, вследствие дискомфорта и психологического давления, которое она создает самим фактом присутствия. В чем причина суеты? В том, что, когда мы испытываем неприятные и дискомфортные ощущения, хочется побыстрее от них избавиться. А как это сделать на сцене? Убежать, мы понимаем, нельзя. Но зато можно побыстрее выполнить свою задачу – выступить, а уж затем уйти со сцены. Поэтому на тренингах рекомен-

дую участникам идти от обратного – двигаться на публике чуть более замедленно, неторопливо, как будто слегка тормозя (по своим ощущениям), и тогда суета компенсируется размеренностью и вы достигнете золотой середины.

Отсюда вывод: идем на сцену уверенно и спокойно, с видом Хозяина и абсолютно независимо – так, как будто в зале никого нет. Далее занимаем центральное место. Хозяин всегда достоин главного места. Поэтому не обесценивайте себя речью с краю, а смело ищите главное место, достойное вас!

Кроме центрального расположения, главное место должно удовлетворять «правилу девяноста градусов». То есть угол обстрела, или сектор охвата аудитории, должен быть примерно 90 градусов, если вы вытянете, стоя в центре, руки по флангам аудитории. Если подойдете слишком близко, угол обзора будет уже под 180 градусов, и в этом случае боковые зрители будут выпадать из вашего поля зрения и «уходить» от вашего влияния, а в первых рядах будут излишне напряжены. Если вы уйдете слишком далеко, угол будет градусов 45 и расстояние для выступления будет далекое и неудобное. Найдя взглядом во время спокойной ходьбы главное место, смело занимаем его, как и подобает Хозяину, поворачиваемся к залу и фиксируем на нем взгляд.

Далее занимаем основную стойку оратора: ноги на ширине плеч, одна из ног на полступни вперед, выпрямляем спину, руки брошены вдоль корпуса, локти чуть прижаты, ладони слегка развернуты на публику. И перед началом выступления делаем паузу.

Пауза выполняет очень важную функцию. Во-первых, она привлекает и захватывает внимание публики. Во-вторых, в паузе, собственно, и происходит так называемая «постановка на публике», то есть окончательно устанавливаются отношения между оратором и аудиторией, «кто главный»: оратор говорит – публика слушает. Конечно, пауза – это испытание для нервов оратора, но если вы прошли это испытание, публика вас зауважает. Аудитория примет ваше право быть лидером на время этого выступления.

Сама пауза также не должна быть пустой – пустая пауза разочаровывает зрителей. Она должна быть заполнена внутренней жизнью. Напомним историю про Константина Сергеевича Станиславского, который на актерском тренинге давал задания своим ученикам просто держать паузу на сцене перед зрителями. Почти все не выдерживали: улыбались, хихикали, мялись на месте, играли мимикой лица. И, наконец, Станиславский вышел сам и стал внимательно смотреть в зал – и все студенты почувствовали наполненность, значение паузы, даже его внутренние размышления. Он молча смотрел в зал две минуты, и аудитория не скучала – насыщенная пауза держала внимание.

Поэтому правило такое: в паузе вы собираете взгляды людей из разных секторов зала, оцениваете их готовность, думаете об их лицах и внутреннем состоянии.

Внешне ничего специально демонстрировать не надо – это приведет к фальши. Только внутренняя работа делает паузу насыщенной, а не пустой.

Секрет такой паузы – в концентрации внимания на людях в зале.

И только когда уже публика готова к восприятию, вы открываете рот и начинаете говорить. Предложу универсальное начало почти для любой речи:

— *Здравствуйте! Я очень рад вас видеть! Меня зовут ... (имя)! Я являюсь ... (кем являетесь)! Тема моего выступления... (и далее по теме).*

Здесь все, что требуется для начала. Универсальное приветствие. Универсальный комплимент публике. Представление себя. Презентация своей социальной роли.

Подводя итог, могу сказать, что ученики Школы «Лидер» без особого труда воспринимают эту информацию, особенно при подаче ее в шуточной форме. Всегда приятно посмеяться над преподавателем, на занятиях я предоставляю им такую возможность. Находя ошибки в смоделированных мной ситуациях, они стараются их не повторять, дабы не выглядеть так же смешно. Потому считаю свой опыт преподавания техники публичных выступлений с использованием приведенного выше материала успешным.

Литература

1. Лешутина, И. А. Риторика. Искусство публичного выступления / И. А. Лешутина. – Претекст, 2011. – 320 с.

2. Искусство публичного выступления. How to have the Awesome Power of Public Speaking: The book for mastering the crowd (The House of Tabor, 1988), 2005. – 106 p.

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Пристальное внимание к внутреннему миру человека – отличительная черта реалистической русской литературы на всех этапах ее развития. Раскрытие закономерностей, характера, содержания и структуры самого процесса развития ребенка в детстве, осмысление детства как обобщенного субъекта, противостоящего миру взрослых, всегда было актуальным для русской литературы. Образу детства, так или иначе, уделяли внимание все русские поэты и писатели XIX–XX веков.

Многие романисты, мыслители, просветители писали и говорили о воспитании и образовании юношества, но только у Ф. М. Достоевского, исключительно серьезного, взрослого писателя, не представившего никакого определенного образовательного проекта, тема детства звучит крайне трепетно и напряженно во многих его произведениях. Тема детства представлена во всех крупных романах Достоевского и доминирует в романтических повестях раннего периода, таких, как «Униженные и оскорбленные», и в особенности – в повести «Неточка Незванова».

Горячая любовь к детям – это важнейшая черта духовного облика Достоевского. Писатель умел тонко вникать в душевную жизнь детей, раскрывать всю глубину, разнообразие и оригинальность их характеров. Долгие годы мечтал он написать роман о детях. В «Дневнике писателя» Достоевский замечает: «Я и прежде смотрел на детей, но теперь присматриваюсь особенно. Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о теперешних русских детях»¹ (XII, 112). Этому замыслу не суждено было сбыться, но образы детей поразительной художественной правдивости и силы встречаются почти в каждом произведении писателя. Как справедливо отмечает Т. А. Степанова, ребенок в творчестве Достоевского «символизирует и высший Суд над человечеством, и само страдающее Человечество, и веру в бесконечное Совершенство человеческой природы, и признание ее Слабости»².

Многие исследователи полагают, что у писателя была своя «концепция детства». Ребенок для Достоевского – это воплощение лучших ду-

шевных качеств человека, «ангельской» чистоты, невинности, доброты, открытости, отделяющих его от взрослого человека.

В повести «Неточка Незванова» Достоевский впервые обращается к разработке образа, который позднее занял в его произведениях очень важное место. Это – образ ребенка из городской мещанской семьи, выросшего среди нищеты и страданий, рано развившегося и узнавшего изнанку жизни, привыкшего вглядываться в окружающий мир глубоким и пытливым взором. Таким ребенком является Неточка, образ которой открывает длинную галерею психологически близких к ней детских образов Достоевского.

В «Неточке Незвановой» Достоевский рисует формирование характера юной «мечтательницы», выросшей в одной из петербургских мансард. Уже обстановка, окружавшая Неточку в раннем детстве, способствовала развитию ее мечтательности. Она росла в семье неудачника-музыканта Ефимова, среди непрерывных раздоров между матерью и отчимом. Строгость матери, измученной бедностью и вечным трудом, создала отчуждение между нею и дочерью; тем более страстно Неточка привязалась к отчиму, вместе с которым она мечтала о том, что после смерти больной матери для них обоих начнется новая жизнь. После смерти матери Неточка, покинутая отчимом, попадает в аристократический дом старого князя, а затем в семью его старшей, замужней дочери Александры Михайловны. Но и там, и здесь она остается одинокой и все больше погружается с годами в свои размышления и книги. Скрытая в ней жажда непосредственной жизни, обостренная долгим одиночеством, находит выход сначала в страстной детской влюбленности в младшую дочь князя – Катю, позже – в горячем интересе к «тайне» отношений между Александрой Михайловной и ее мужем – отношений, которым она стремится найти разгадку.

В «Елке и свадьбе», в «Неточке Незвановой» и позднее в «Униженных и оскорбленных» и «Братьях Карамазовых» Достоевский показывает, что уже первые детские впечатления у большинства

¹ Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1989–1996. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках тома и страницы. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде наш.

² Степанова, Т. А. Тема детства в творчестве Достоевского / Т. А. Степанова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1988. – № 4. – С. 94.

детей в условиях буржуазного мира связаны с глубоким ощущением социального неравенства. В дворянско-буржуазном обществе не существует «счастливого детства», единого для детей богатых и детей бедняков. Здесь есть немногие избранные баловни судьбы вроде дочери откупщика из рассказа «Елка и свадьба» или Кати из «Неточки Названовой» и тысячи бедных и нищих детей, с юных лет узнающих всю горечь голода и унижений, нередко целомудренных и гордых душой, ожесточившихся в результате вынесенных страданий, изверившихся в возможности счастья. Нищета и социальное унижение, с которыми они знакомятся с детства, болезненно ранят их детское самолюбие, калечат их натуру, но и способствует раннему их развитию, делают чуткими к чужому страданию, воспитывают в них нравственную твердость, способность ясного понимания окружающих людей и событий – все это дает им большое превосходство перед детьми, вырастающими в тепличной обстановке аристократического дома.

Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» воспроизводит кризисное состояние мира, и главным обвинением миру зла являются муки и страдания невинных детей.

Сокровенные мысли писателя-гуманиста о детях высказывает в своей исповеди перед Соне Раскольников: «Неужели не видела ты здесь детей по углам, которых матери милостыню посылают просить? Я узнавал, где живут эти матери и в какой обстановке. Там детям нельзя оставаться детьми. Там семилетний развратен и вор. А ведь дети – образ Христов: «Сих есть царствие Божие». Он велел их чтить и любить, они будущее человечество...»³.

Образ «обиженного ребенка» не раз возникает на страницах романа. Вот перед нами пятнадцатилетняя девушка, поющая романс, в ожидании двухкопеечника из лавочки. А вот внимание Раскольникова привлекает пьяная девочка на бульваре... Особенно сильное впечатление производят кричащая нищета и обездоленность детей Катерины Ивановны. Предположение Раскольникова, что Поленька рано или поздно пойдет по стопам Сони, не лишено основания. После смерти Мармеладова и изгнания семьи на улицу обезумевшая Катерина Ивановна тащит детей на проспект. «Сама бьет в сковороду, детей заставляет петь и плясать. Дети плачут»⁴.

Среди «униженных и оскорбленных» героев Ф. М. Достоевского особенно выделяются дети,

страдающие без вины, наказанные без преступления. Именно эта тема детского страдания звучит в святочном рассказе «Мальчик у Христа на елке». В произведении образ детства скорбный – «дите плачет». Детские слезы здесь воспринимаются как результат несправедливой, злой жизни взрослых, эти слезы чистой, невинной души, слабый крик о помощи, зывание к людской доброте.

Дети у Достоевского порой говорят и ведут себя не по-детски, а как мудрые и опытные взрослые. Несомненно, что мы имеем дело с особой поэтикой детских образов, и только вникнув в эту поэтику, можно адекватно авторскому замыслу понять и оправдать странности детских персонажей писателя. Для Достоевского ребенок – «образ Христов на Земле». Обидеть ребенка – значит оскорбить Христа. По Достоевскому, «грех по отношению к ребенку – абсолютный грех. Детское страдание – абсолютное страдание, неуравновешенное никакой виной»⁵. Поэтому у Достоевского, по сравнению с Л. Толстым, Чеховым или Короленко, детская точка зрения абсолютна, а не специфична, и ее не с чем соотносить. По направлению от периферии к центру этой концепции и по их месту в сюжете детские персонажи в произведениях Достоевского В. А. Михнюкевич распределяет по следующим типологическим рядам:

1) маргинальные (дети Горшкова, Катерины Ивановны, дети в швейцарской деревушке «Идиота», малолетние проститутки в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и «Преступлении и наказании», ребенок Марии Шатовой, девочка в «Елке и свадьбе», девочка-нищенка в «Сне смешного человека»);

2) страдальцы (дети из коллекции Ивана, герой рассказа «Мальчик у Христа на елке», мальчик из сказа о купце Скотобойникове в «Подростке», Матреша в «Бесах», Лиза Труссоцкая из «Вечного мужа»);

3) «гордые» (Неточка Незванова, Нелли, Коля Иволгин, Илюша Снегирев);

4) готовые и на подвиг, и на преступление, не знающие границы между добром и злом (персонажи «Маленького героя», «Мальчика с ручкой», Коля Красоткин, Лиза Хохлакова);

5) «идеологи» (Аркадий Долгорукий, Алеша Карамазов)⁶.

Дети у Достоевского отнюдь не всегда благостны и добры. И это как будто бы вступает в противоречие с художественно-философской

³ Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1989–1996. – Т. V. – С. 351.

⁴ Там же. – С. 65.

⁵ Померанц, Г. С. Открытость бездне / Г. С. Померанц. – М., 1990. – С. 231.

⁶ Михнюкевич, В. А. Поэтика детских образов Ф. М. Достоевского в контексте «народного христианства» / В. А. Михнюкевич // Вестник челябинского университета. – 1994. – № 1. – С. 21–29.

идеализацией писателем ребенка. «Ребенок до- нравственнен, он, по выражению Достоевского, яблока еще не съел, добра и зла не различает, потому-то он абсолютно добр и абсолютно зол одновременно – immoralен».⁷

Таким образом, тема детства в творческом сознании Ф. М. Достоевского связана с темой человеческого страдания. Кроме того, образ ребенка приобретает в его произведениях метафорически-аллегорическое значение как символ невинности, чистоты и незащитности.

Достоевский был уверен в чистоте и безгрешности детской души и даже настаивал на этом: «Слушайте, мы не должны превозноситься над детьми, мы их хуже. И если мы их учим чему-нибудь, чтоб сделать их лучшими, то и они научат многому и тоже делают нас лучшими уже одним только нашим соприкосновением с нами. Они очеловечивают нашу душу одним только своим появлением между нами. А потому мы их должны уважать и подходить к ним с уважением к их лику ангельскому, к их невинности и к трогательной их незащитности».⁸

Маленький ребенок для Достоевского, особенно смеющийся и веселящийся, – это «лучик из рая», он словно приоткрывает тайну будущего, когда человек станет так же чист и простодушен, как дитя. Эта же тайна «обжигает» все существо героя рассказа, и поэтому он будет стремиться к людям, чтобы помочь восстановить им в себе замутненную доброту и утраченную искренность, а значит, восстановить в себе ребенка. «Если мы все станем как дети – установится земной рай», – утверждает Г. С. Померанц.⁹

Не только в маленьких детях Достоевский видит эти черты, он неоднократно наделяет ими и взрослых, словно переводя их за руку из мира жестокого в мир светлый. Причем эти черты иногда едва уловимы, они есть в некоторых деталях, тонких моментах, на которые зачастую не обращаешь внимания. Например, в романе «Преступление и наказание» многие детские черты обнаруживаются во взрослых героях: в Катерине Ивановне и Лизавете, Соне и Раскольникове. Соня, с которой все больше сближается Раскольников, напоминает ему ребенка. Детское выражение было и на лице Лизаветы в момент нападения на нее Раскольникова. В эпизоде признания Раскольникова в преступлении Достоевский прямо сравнивает Лизавету и Соню с детьми.

При встрече с Раскольниковым Свидригайлов замечает, что между ними есть «какая-то общая точка», что они – «одного поля ягоды», мы знаем, что они герои-антиподы. Кроме того, и сам писатель в известной степени сближает героев, развивая в изображении их один и тот же мотив – мотив ребенка, мотив невинности и чистоты. О Раскольникове сказано, что у него «детская улыбка», в первом сне своем он видит себя семилетним мальчиком. Свидригайлову же дети являются в кошмарных сновидениях, напоминая о совершенных им злодеяниях. И уже в развитии этого мотива обнаруживается разница между героями: если Раскольников эту детскость и чистоту несет в себе (это лучшее в герое), то для Свидригайлова – это поруганная чистота и невинность.

В облике Сони, падчерицы Катерины Ивановны и дочери Мармеладова, несмотря на то, что она намного старше всех детей и зарабатывает деньги таким путем, мы тоже видим много детского: «безответная она, и голосок у ней такой кроткий... белокуренькая, личико всегда бледненькое, худенькое, угловатое, ...нежная, болезненная, ...маленькая, кроткие голубые глаза»¹⁰.

Именно стремление помочь Катерине Ивановне и ее несчастным детям заставило Соню преступить через себя, через нравственный закон. «И тут только понял он, что значили для нее эти бедные, маленькие дети-сироты и эта жалкая, полусумасшедшая Катерина Ивановна, с своею чахоткой и со стуканием об стену»¹¹. А если бы Сониная жизнь была другой, то Ф. М. Достоевский не смог бы осуществить своего замысла, не смог бы показать нам, что, будучи погруженною в порок, Соня сохранила свою душу чистой, потому что спасалась верой в Бога. «Да скажи же мне, наконец, ... как этакой позор и такая низость в тебе рядом с другими противоположными и святыми чувствами совмещаются?»¹² – спрашивал ее Раскольников.

Соня – ребенок, незащитный, беспомощный человек со своей детской и наивной душой, который, казалось бы, погибнет, находясь в губительной атмосфере порока, но она, помимо детской чистой и невинной души, обладает огромной моральной стойкостью, сильным духом и поэтому находит в себе силы спастись верой в Бога и поэтому сохраняет свою душу. Дети Катерины Ивановны сыграли свою определенную роль в судьбе каждого из основных персонажей произведения. С помощью детских образов писатель

⁷ Эпштейн, М. *Образы детства* / М. Эпштейн, Е. Юкина // *Новый мир*. – 1979. – № 12. – С. 247.

⁸ Барсотти, Д. *Достоевский. Христос – страсть жизни* / Д. Барсотти. – М., 1999. – С. 127.

⁹ Померанц, Г. С. *Открытость бездне* / Г. С. Померанц. – М., 1990. – С. 104.

¹⁰ Достоевский, Ф. М. *Собрание сочинений : в 15 т.* / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1989–1996. – Т. V. – С. 117.

¹¹ Там же. – С. 331.

¹² Там же. – С. 213.

показывает нам, что Мармеладов, причинявший столько горя и боли своей семье, все-таки думал о жене и детях, и это заключалось в том, что он хоть какое-то время пытался не пить. Когда его раздавило повозкой, и он умер, в кармане у него нашли пряник, который он нес детям.

В романе «Идиот» тема детской чистоты выразилась особенно ярко. Каждый раз, желая возвысить своего героя, писатель прибегает к детской теме, наделяя Мышкина чертами «детскости». Князя Мышкина отличает от всех других героев романа именно эта естественная «детскость» и связанная с нею «непосредственная чистота нравственного чувства». Князь начисто лишен эгоизма и оставлен Достоевским при открытых источниках сердца и души. В его «детскости» есть редчайшая душевная чуткость и проницательность.

Исследователи отмечали, что «детскость» входит и в идеальный женский тип, устойчиво повторяющийся во многих произведениях Достоевского и найденный им в его родной матери, Марии Федоровне. Таков образ Софии Андреевны Долгорукой, матери из романа «Подросток», – высоко положительный женский образ, созданный Достоевским. Образ Сонечки Мармеладовой, еще одного положительного женского характера Достоевского, имеет две трактовки: традиционную

и новую, данную В. Я. Кирпотиным.¹³ Согласно первой, в героине воплощены христианские идеи, по второй – она носительница народной нравственности. В Соне воплощен народный характер в его неразвитой «детской» стадии, причем путь страданий заставляет ее эволюционировать по традиционной религиозной схеме – в сторону юродивой – не даром она столь часто сопоставляется с Лизаветой. У Сони детства как такового и не было. Она была просто выставлена на улицу, принесена в жертву, один ребенок был принесен в жертву трем другим, чтобы сестра по тому же пути не пошла. И вера Сонечки Мармеладовой тоже какая-то детская и наивная, но всепоглощающая и светлая. Она сама ребенок и видит эту детскость в других, ибо не хочет замечать грязь и пороки взрослой жизни. И они, благодаря защите этого маленького ребенка в ней, ее не коснулись.

«Детскость», отмеченная в поведении или в характере того или иного человека, для Достоевского не столько художественная идиоматика, но еще и оценочная категория, причем совмещающая как положительные, так и отрицательные характеристики. Мерой «детскости» являются для Достоевского нравственная чистота, духовный потенциал личности, способность любить. Детство – не возраст, а состояние души и взгляд на мир, отношение к жизни.

¹³ Кирпотин, В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова / В. Я. Кирпотин. – М., 1974. – С. 32.

АНТОНИМИЯ КАК ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В РУССКИХ САТИРИЧЕСКИХ ПЬЕСАХ XVIII–XIX ВЕКОВ

Лексика представляет собой определенным образом организованную систему, элементы которой (слова, значения) связаны многочисленными и разнообразными отношениями. Эта система значительно сложнее фонетической и грамматической: она многомерна. Одним из многих проявлений системных отношений в лексике является антонимия.

Парадигматические свойства антонимов описываются следующим образом: антонимы имеют противоположные или обратные, но не противоречащие значения. При этом подчеркивается свойственная антонимам семантическая общность, которая проявляется в соотносительности значений, или в их принадлежности к одной лексико-семантической парадигме, или в том, что они выражают одно и то же родовое понятие. Обязательным для антонимов признается обозначение качественных признаков, допускающих градуирование. В качестве рабочего для нашего исследования мы взяли определение М. И. Фоминой: «Лексической антонимией называется способность слов обозначать семантически противоположные понятия, которые с точки зрения логико-предметных отношений соотносятся друг с другом... Соответственно лексическими антонимами являются разные по звуковому составу противоположные по значению слова, выражающие логически контрастные, но соотносительные друг другом понятия, характеризующиеся одинаковой или сходной сферой лексической сочетаемости...»¹.

В своем исследовании мы опирались на работы Л. А. Введенской², Л. А. Новикова³, Э. И. Родичевой⁴, Ю. Д. Апресяна⁵, В. А. Ивановой⁶ и др.

Антонимы – яркое средство для антитезных построений большой художественной выразительности, для создания оксюморонов, более наглядного

противопоставления и сопоставления контрастных явлений. Именно поэтому так охотно и часто (и в то же время с таким мастерством) прибегают к антонимам в своей речевой практике художники слова.

В качестве языкового материала для исследования использовались примеры употребления антонимов в сатирических произведениях Д. И. Фонвизина «Недоросль», «Бригадир», Н. В. Гоголя «Ревизор», Козьмы Пруткова «Фантазия», «Блонды», «Черепослов, сиречь Френолог», «Опрометчивый турка, или: приятно ли быть внуком?», «Сродство мировых сил», «Любовь и Силин», «Торжество добродетели».

При исследовании текстов методом сплошной выборки было выявлено 179 антонимических пар. В выборке представлены индивидуально-авторские и языковые антонимы. Все слова проверены по Словарю антонимов русского языка.⁷ Структурная классификация позволила выделить среди единиц исследования как однокорневые, так и разнокорневые антонимы.

Разнокорневые антонимы в исследуемых примерах представлены разными частями речи, например:

а) **антонимы в кругу существительных:**

[Касимов]: ...*Готов я в ад, лишуся рая...* (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 192)

[Хлестаков]: *Я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 427.)

[Г-жа Простакова]: *Где гнев, тут и милость.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 147.)

б) **антонимы в кругу прилагательных:**

[Софья]: ...*В которых дурное чувство родится точно оттого, что есть в других хорошее.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 132.)

¹ Фомина, М. И. Лексика современного русского языка / М. И. Фомина ; под ред. Н. М. Шанского. – М. : Высш. шк., 1973. – С. 28.

² Введенская, Л. А. Сочетаемость антонимов в русском языке / Л. А. Введенская // Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д. : изд-во «Феникс», 1995. – С. 497–505.

³ Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М., 1973.

⁴ Родичева, Э. И. К проблеме антонимии / Э. И. Родичева // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. – М., 1968.

⁵ Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1974.

⁶ Иванова, В. А. Антонимия в системе языка / В. А. Иванова. – Кишинев, 1982.

⁷ Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. – Ростов н/Д. : изд-во «Феникс» 1995. – 542 с.

[Городничий]: *Проклятый купчишка Абдулин – видит, что у городничего **старая** шпага, не прислал **новой**.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 377.)

в) антонимы в кругу глаголов:

[Вральман]: *Лютей **пасматреть** и сепя **покачать**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 128.)

[Софья]: *Вижу, какая разница **казаться** счастливым, и **быть действительно**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 133)

[Бригадир]: *Я, матушка, боюсь вас **прогневать**, а без того бы я, конечно, или **засмеялся**, или **заплакал**.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 55.)

г) антонимы в кругу наречий:

[Силин]: *...**но рано** или **поздно** неминуемо совершится.* (Козьма Прутков. Любовь и Силин, с. 230.)

[Автор]: *Ходит **взад** и **вперед**, погруженный в соображения.* (Козьма Прутков. Торжество добродетели, с. 241.)

[Стародум]: *...**рано** или **поздно** сверзится.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 133.)

Представленные разнокорневые антонимы используются для противопоставления в одной реплике, тогда как однокорневые – в репликах разных героев. Антитеза создается в рамках диалогического единства. Например:

[Софья]: *Вы изволили здесь **остаться** одни, матушка; я нарочно пришла к вам для того, чтобы вам одним не было **скучно**.*

[Советница]: *Нам здесь **нескучно**.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 37.)

[Скотинин]: *Да видно, брат, **поужинал** ты плотно!*

[Митрофан]: *А я, дядюшка, почти и вовсе **не ужинал**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 88.)

[Простаков]: *Да я и сам уже **вижу**, матушка, что он узок.*

[Скотинин]: *Я и этого **не вижу**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 88.)

[Анна Андреевна]: *В самом деле, как вам должно быть **неприятно**.*

[Хлестаков]: *Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень **приятно**.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 400.)

Как видим, основным средством выражения однокорневой антонимичности является присоединение приставки **не-**. Следует иметь в виду, что добавление к глаголам или наречиям приставок **не-** чаще всего придает им значение лишь ослабленной противоположности, так что контрастность их значения в сравнении с бесприставочными антонимами оказывается «приглушенной» («нескучно» – это еще не означает «весело»).

Главным при определении антонимии является понятие противоположности, раскрытие ее философского, логического и лингвистического содержания. Философский аспект понятия противоположности позволяет рассматривать явление лексической антонимии как опосредованный результат действия диалектического закона единства противоположностей. С точки зрения логики антонимия имеет опору в противопоставлении друг другу видовых понятий, объединенных общим значением родового понятия, «которое отражает единую и вместе с тем дифференцируемую, «раздвоенную» сущность»⁸. Например, вес: *легкий – тяжелый*; скорость: *медленный – быстрый*; вертикальное движение: *подниматься – опускаться*; цвет: *белый – черный* и т. д. Родовое понятие – вес, скорость, цвет – «раздваиваясь», служат логической базой противопоставляемых друг другу видовых понятий (*легкий – тяжелый, медленный – быстрый* и т. д.).

Различают два вида противоположности: контрарная (от лат. *contrarius* – противоположный) и комплиментарная (от лат. *complementum* – дополнение). Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями, между которыми возможно третье, среднее и которые не только отрицают друг друга, но и характеризуются своими положительным содержанием: «*молодой*» – < «*средних лет*», «*пожилой*» > – «*старый*». Комплиментарная противоположность представлена видовыми понятиями, дополняющими друг друга до родового, так что между ними невозможно никакое третье, среднее понятие: «*истинный – ложный*». Родовое понятие здесь исчерпывается двумя видовыми, поэтому отрицание одного из них дает содержание другого: «неистинный» значит «ложный» и наоборот.

Противоположные видовые понятия в отличие от противоречащих определяют предел проявления качества, свойства, действия. Они и образуют логическую модель истинной антонимии. Логическая модель противоположности является необходимым, но недостаточным условием лексической антонимии: она проявляется в языке моделью антонимии только у слов, обозначающих качество, выражающих противоположность действий, состояний, признаков, свойств, а также у некоторых других лексических единиц.

В анализируемых нами текстах сатирических пьес контрарная и комплиментарная антонимия представлена следующими примерами

а) контрарная (качественная) противоположность:

[Стародум]: *Самый мелкий **подвиг** ведет его во всякое **преступление**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 109.)

⁸ Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка / М. Р. Львов ; под ред. Л. А. Новикова. – 3-е изд., стер. – М. : Рус. яз., 1985. – С. 9.

[Стародум]: *Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 115.)

[Анна Андреевна]: *Расскажите, каков он собой? Что, стар или молод?* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 394.)

[Анна Андреевна]: *А собой каков он: брюнет или блондин?*

[Добчинский]: *Нет, больше шантрет...* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 394.)

[Автор]: *Городничий ...говорит ни тихо, ни громко* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 364.)

б) антонимы, выражающие комплиментарность:

[Бригадир]: *Тем, матушка, что она не к месту печальна, не к добру весела, греха много нехстати.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 68.)

[Бригадирша]: *Положим, что это правда; однако и то не ложь, что я в супруге твоём также много теперь вижу, чего ты не видишь.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 71.)

[Милон]: *Я влюблен, имею счастье быть любим... Часто приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию...* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 96.)

[Бригадирша]: *Закажу и другу и врагу идти замуж.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 61.)

[Бригадир]: *Ты, жалуя нас, так говорить изволишь, а мне кажется, будто премудрость ее очень на глупость походит.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 26.)

[Аммос Федорович]: *...сам Соломон не разрешил, что в ней правда и что неправда.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 376.)

[Городничий]: *Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать...* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 371.)

Семантическая классификация антонимов может быть дополнена следующим типом противоположностей – антонимы, выражающие противоположную направленность действий, свойств и признаков. Это векторная (от лат. *vector* – несущий, то есть направленный отрезок) противоположность, основанная на логически противоположных понятиях.

Антонимы, обозначающие противоположную направленность лексических единиц, оставались долгое время за пределами лингвистического исследования. Все внимание лексикологов было сосредоточено на изучении противоположности качественных слов. Кроме глаголов, векторная противоположность представлена существи-

тельными, прилагательными, предлогами: *светать – темнеть; теплеть – холодать; въезжать – выезжать; прилетать – улетать; завязывать – развязывать; замедлять – ускорять; бледнеть – краснеть; полнеть – худеть; забывать – вспоминать; разрешать – запрещать; богатеть – беднеть; жениться – (выходить замуж) – разводиться; ругать – хвалить; восход – заход; сборка – разборка; сторонник – противник; законный – противозаконный; вверх – вниз; вперед – назад; туда – оттуда; в-из; к – от; на – с и др.* Приведем примеры векторных антонимов:

[Сын]: *Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снутри, а не снаружи.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 34.)

[Стародум]: *Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже того, кто на земле.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 113.)

[Правдин]: *Пойдем!*

[Стародум]: *Постой.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 109.)

[Городничий]: *...пришли, понюхали – и пошли прочь.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 366.)

[Князь Батог – Батыев]: *Вообразите: направо – гора, налево – гора, впереди – гора; а сзади – синее гнилой Запад!* (Козьма Прутков. Опрометчивый турка, с. 211.)

Л. А. Новиков выделяет неполные антонимы, он их называет «приблизительными» («квазиантонимами»). «Это прежде всего семантически неоднородные противопоставления, в которых слова могут отличаться друг от друга тем или иным элементом (компонентом) значения, входящим в смысловую структуру только одного из них: от антонимов *давать – брать* оппозиция *давать – отнимать*, не представляющая точной противоположности, отличается тем, что в толковании второго члена этой пары есть указания на совершение действия с применением силы, не выраженное в первом. Семантическая неоднородность других проявляется в том, что они выражают не одинаковую, а различную степень проявления взаимности противоположных качеств, признаков и свойств, принадлежащих одной сущности».⁹

Например:

[Чупурлина]: *...взявши собаку, мой первый долг и священный долг – отдать тебя.* (Козьма Прутков. Фантазия, с. 163.)

Возможна и другая семантическая систематизация антонимов – их распределение по основным темам (полям). С этой точки зрения можно выделить большие классы противоположных слов, которые обозначают:

а) явления природы:

⁹ Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. – М.: Высш. шк., 1982. – С. 26.

[Ночные часы]: *Бегут, при свете, наши братья; Впотьмах мы медленно бредем.* (Козьма Прутков. Сродство мировых сил, с. 220.)

[Г-жа Простакова]: *Митрофанушка мой ни днем, ни ночью покою не имеет.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 121.)

[Касимов]: *Э-эк, вскочила! ...И тень и свет я понял вдруг... В глазах как будто зарябило, и словно радуги вокруг.* (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 196.)

б) понятие времени:

[Правдин]: *Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?*

[Милон]: *Через несколько часов иду отсюда.*

[Правдин]: *Что так скоро?* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 96.)

[Касимов]: *Опоздало!.. Ох, рок мне строит все на смех. Терпенье надо бы сначала, а не вконец, не позже всех.* (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 196.)

[Советник]: *Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая охотница до корнетов была, не служащих ни к временному, ни к вечному блаженству.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 28.)

в) этическая и эстетическая оценка:

[Сын]: *Вы, monsieur, конечно, знаете сами много детей, которые делают честь своим отцам.*

[Добролюбов]: *А еще больше таких, которые им делают бесчестье.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 68.)

[Бригадир]: *Ведь я, говоря о жене моей, не говорю того, чтобы она всех была глупее.*

[Советник]: *А я говорю о твоей супруге и всегда скажу, что нет ее разумнее.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 26.)

[Стародум]: *Умны будут, без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 115.)

[Сын]: *Разве в России Бог в такие дела мешается? По крайней мере, государи мои, во Франции он оставил на людское произволение – любить, изменять, жениться и разводиться.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 28.)

[Советница]: *В самом деле, жизнь моя, мне кажется он не умнее моего мужа, которого глупее на свете и бывают, однако очень редко.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 33.)

г) понятие пространства:

[Сын]: *Педанты думают, что это вздор и что надобно украшать голову снупри, а не снаружи.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 34.)

[Автор]: *Шишкенгольм (Делает строгий знак Лизе указательным перстом правой руки, качая оный вправо и влево, как маятник; а затем обращается к Касимову и Вихорину).* (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 190.)

[Автор]: *Мина Христиановна, вправо от него, вяжет чулок. Лиза – влево от него, сидит*

у стола... (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 188.)

д) физические качества и свойства предметов:

[Лиза]: *Холодной с теплой пополам.* (Козьма Прутков. Черепослов, сиречь Френолог, с. 203.)

[Кутило-Завалдайский]: *...Но на это я вам доложу, что между моськами бывают большие и маленькие, как между людьми.* (Козьма Прутков. Фантазия, с. 160.)

[Чупурлина]: *Немножко маловат, вот хоть бы насколько был побольше.* (О собачонке, которую принес Кутило-Завалдайский). (Козьма Прутков. Фантазия, с. 159.)

[Автор]: *После некоторого молчания подымает с земли два желудя; сперва маленький, а потом крупный.* (Козьма Прутков. Сродство мировых сил, с. 221.)

Антонимам свойственно контактное употребление в определенных контекстах, в которых раскрываются их важнейшие семантические функции. Укажем наиболее характерные из этих функций для текстов сатирических пьес XVIII–XIX веков:

– противопоставление противоположностей реализуется обычно в антонимических контекстах посредством соответствующих сочинительных союзов (реже – бессоюзная связь) с интонацией противопоставления:

[Стародум]: *Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 113.)

[Скотинин]: *Всякой женись на своей невесте. Я чужую не трону.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 100.)

[Простаков]: *...Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.*

[Скотинин]: *А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитник...* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 90.)

[Г-жа Простакова]: *Как! Стародум, твой дядюшка, жив!*

[Софья]: *Да он никогда не умирал!* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 91.)

[Городничий]: *Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбой, а хоть и не с просьбой...* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 408.)

[Городничий]: *Всем довольны, ваше благородие; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 378.)

[Скотинин]: *О том вся и душа, то только и вижу во сне, как наяву, а наяву, как во сне.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 100.)

– значение соединения, «сложения» противоположностей свойственно прежде всего в контекстах с союзом *и*. Повторяющийся союз подчеркивает, делает экспрессивным значение соединения, «сложения» противоположностей:

[Городничий]: *Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитывать...* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 371.)

[Стародум]: *...Я не был в числе **первых** и не хотел быть в числе **последних**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 113)

[Городничий]: *...Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – **и правому и виноватому**.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 378.)

– выражение взаимоисключения, разделения свойственно контекстам с союзом *ИЛИ*. Указанные примеры иллюстрируют исключаящее значение союза или (или одно, или другое). Однако союз ИЛИ может, правда, значительно реже, употребляться и в неисключающем значении (*или одно, или другое, или и то и другое вместе*):

[Городничий]: ***Мотает или не мотает**, а я вас, господа, предупредил.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 367.)

[Лука Лукич]: *...**Брать или не брать?*** (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 413.)

[Мишка]: *Что ж, это **больше или меньше** настоящего генерала?* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 396.)

[Бригадир]: *Я, матушка, боюсь вас **прогнать**, а без того бы я, конечно, **или засмеялся, или заплакал**.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 55.)

– значение чередования, последовательности фактов, в которых один не может быть одновременно с другими, но возможен после другого, выражается в контекстах с союзом *ТО-ТО*:

[Автор]: (о генеральше Кислосветдовой) *В продолжении следующего разговора она **то появляется, то исчезает**.* (Козьма Прутков. Любовь и Силин, с. 228.)

– значение охвата всего класса предметов, всего явления, действия, качества, свойства, отношения и т. п. раскрывается в следующих контекстах:

[Автор]: (о Городничем) *...от **низости к высокомерию. От страха к радости**.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 364.)

– значение превращения одной противоположности в другую, противоречия, то есть совмещения противоположностей в предмете, лице, действии, свойстве, характерно для таких контекстов употребления антонимических слов:

[Софья]: *Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из **грубой** и бранчивой сделалась **ласковой** до самой низости...* (о Г-же Простаковой). (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 97.)

Как мы убедились, семантические функции антонимов очень разнообразны: они тесно связаны с важнейшими сферами деятельности человека и являются образным, оценочным выражением его мыслей, эмоций, воли. С семантическими функ-

циями антонимов тесно связаны их стилистические функции. Они находят выражение в особых фигурах речи, которые широко используются при реализации эстетической функции языка.

При рассмотрении стилистических фигур, помимо «стандартных» (антитеза, оксюморон, диатеза), можно выделить следующие фигуры, основанные на антонимии, такие как: акротеза – подчеркнутое утверждение одного из признаков или явлений реальной действительности за счет отрицания противоположного (*не слабость, а мужество*); амфитеза – утверждается не один, а оба противоположных явления или оба признака и тем самым явление или признак охватываются полностью, включая промежуточное звено, если оно имеется (*и стар, и млад*).

Диатеза – прием утверждения среднего признака путем отрицания противоположных признаков (*ни голодный, ни сытый*):

[Советник]: *Может быть, я имел бы свой кусок хлеба и получше, ежели бы жена моя не такая охотница до корнетов была, не служащих ни к **временному**, ни к **вечному** блаженству.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 28.)

[Автор]: *Городничий говорит, **ни много ни мало**. Городничий говорит **ни громко, ни тихо**.* (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 364.)

[Стародум]: *...**Ни предки, ни потомки**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 113.)

Приведем примеры акротезы:

[Сын]: *Я хочу быть лучше **голоден**, нежели **сыт** за гривну.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 73.)

[Г-жа Простакова]: *Ведь я **человек**, не **ангел**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 151.)

[Стародум]: *Тут не **самолюбие**, а, так сказать, **себялюбие**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 113.)

[Правдин]: *С вашими правилами людей **не отпускать от двора, а ко двору призывать** надобно.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 114.)

Антитеза позволяет авторам резче подчеркнуть несовместимость явлений, наличие диаметрально противоположных признаков, качеств, раскрыть диалектическую противоположность окружающего.

Антитеза и антитезные конструкции:

[Стародум]: *Ты меня счастливее. Меня **трогают люди**.*

[Скотинин]: *А меня так **свиньи**.* (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 141.)

[Бригадир]: *О Господи! Нет, брат, я вижу поэтому что у кого чаще всех **Господь на языке**, у того **черт на сердце**.* (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 81.)

[Поэт]: ***Великий** ум, при росте **малом**, по-служит мне надежным **пьедесталом**.* (Козьма Прутков. Сродство мировых сил, с. 218.)

[Цыфиркин]: *Так, я его **благородию** докладывал, что в **иног пня** в **десять лет** не **вдолбишь***

того, что другой ловит на полете. (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 105.)

Особую выразительность имеет **оксюморон** (от греч. *охуторон* – остроумно-глупое) – стилистическая фигура, представляющая собой сочетание несовместимых, противоположных по значению слов, образно раскрывающих в обозначаемом взаимоисключающие, противоречащие друг другу начала:

[Автор]: **Георгий Александрович Беспардонный, человек застенчивый.** (Козьма Прутков. Фантазия, с. 132.)

Этот прием используется для создания оригинальных, противоречивых в своей основе образов.

Амфитеза:

[Советник]: **Каждый человек имеет дух и тело.** (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 44.)

[Вральман]: **Не я первый, не я последний.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 155.)

[Милон]: **И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 151.)

[Советник]: **Так хорошее ли дело? А в мое время всякий и с правым и с неправым делом шел в приказ.** (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 60.)

[Городничий]: **...Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому.** (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 378.)

Выражения, построенные на основе указанных стилистических функций, настолько точны и образны, что звучат сейчас как афоризмы:

[Бригадирша]: **Что и говорить, ученье свет, неученье тьма.** (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 30.)

[Митрофанушка]: **Не хочу учиться, а хочу жениться.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 123.)

[Стародум]: **Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 109.)

[Городничий]: **...Да сказать Держиморде, чтобы не слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами – и правому и виноватому.** (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 378.)

[Поэт]: **Великий ум, при росте малом, послужит мне надежным пьедесталом.** (Козьма Прутков. Сродство мировых сил, с. 218.)

[Бригадир]: **...У кого чаще всех Господь на языке, у того черт на сердце.** (Д. И. Фонвизин. Бригадир, с. 81.)

В текстах сатирических пьес Козьмы Пруткова, Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя можно выделить индивидуально-авторские антонимы, носящие ситуативный характер, например:

[Либенталь]: **Лизавета Платоновна! реши, душка, судьбу мою: или восхитительным отве-**

том, или ударом! (Козьма Прутков. Фантазия, с. 144.)

[Барон]: **Любезные мои, лучше пусть остынут эти блюда, чем сердца ваши.** (Козьма Прутков. Блонды, с. 181.)

[Г-жа Простакова]: **Пусть же все добрые люди увидят, что мама** (в значении «нянька») **и что мать родная.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 108.)

[Хлестаков]: **Но нет вам должно не стул, а трон.** (Н. В. Гоголь. Ревизор, с. 424.)

[Стародум]: **...чины нередко воспринимаются, а истинное почтение необходимо заслуживается.** (Д. И. Фонвизин. Недоросль, с. 112.)

Таким образом, антонимия в сатирических пьесах Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя, Козьмы Пруткова служит для выделения неожиданного и в событии, и в облике персонажей, насыщает произведение юмором, заставляет в них зазвучать острое слово. Проведенное исследование свидетельствует о том, что антонимия является важным средством, которое используется писателями-сатириками как опосредованный результат диалектического закона единства противоположностей. И автор-сатирик, и читатель хорошо знают, как надо поступать и что делать, но жизнь предполагает свои жизненные условия, чаще всего противоположности, и не всегда нужные и достойные человека.

Литература

1. Берков, П. Козьма Прутков / П. Берков. – Режим доступа : <http://slovari.yandex.ru>
2. Введенская, Л. А. Синонимические пары антонимов / Л. А. Введенская // Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д. : изд-во «Феникс», 1995.
3. Введенская, Л. А. Сочетаемость антонимов в русском языке / Л. А. Введенская // Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д. : изд-во «Феникс», 1995.
4. Введенская, Л. А. Стилистические фигуры, основанные на антонимах / Л. А. Введенская // Словарь антонимов русского языка. – Ростов н/Д. : изд-во «Феникс», 1995.
5. Введенская, Л. А. Словарь антонимов русского языка / Л. А. Введенская. – 2-е изд., испр. и доп. – Изд-во Ростовского ун-та, 1982. – 176 с.
6. Гоголь, Н. В. К нам едет ревизор / Н. В. Гоголь. – М. : Молодая гвардия, 1979. – 445 с.
7. Козьма Прутков. Сочинения / Козьма Прутков. – М. : Худ. лит., 1987. – 335 с.
8. Матвеев, Б. И. Изобразительные и выразительные возможности антонимов / Б. И. Матвеев // Рус. словесность. – 2000. – № 6. – С. 69–72.
9. Сахаров, В. Д. И. Фонвизин – сатиры смелый властелин / В. Сахаров / <http://arhives.narod.ru/Fonvizin.htm>
10. Фонвизин, Д. И. Комедии / Д. И. Фонвизин. – М. : Детская литература, 2000. – 221 с.

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ УРОК «ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С РУССКОГО НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК»

Интегрированный урок по-прежнему является одним из новшеств современной методики школьного образования, хотя технология интеграции в образовании далеко не нова. Эта технология все чаще вторгается в традиционную школьную методику и связывает, на первый взгляд, несовместимые предметы. Не является исключением и иностранный язык. Напротив, по своей сути школьный предмет «Иностранный язык» является интегрированным. Он весь пронизан межпредметными связями и предлагает учащимся знания многих областей науки, искусства, культуры, а также реальной повседневной жизни.

Интеграция – это объединение в целое разрозненных частей, глубокое взаимопроникновение, слияние в одном учебном материале обобщенных знаний в той или иной области.

В чем же преимущества интегрированных уроков по сравнению с традиционными?

1. Зачастую предметы школьного цикла, направленные на изучение отдельных явлений, не дают представления о целом явлении, дробя его на разрозненные фрагменты. Интегрированные уроки дают целостное представление об изучаемом предмете с учетом его многомерности.

2. Интегрированные уроки развивают потенциал самих учащихся, побуждают к активному познанию окружающей действительности, к осмыслению и нахождению причинно-следственных связей, к развитию логики, мышления, коммуникативных способностей. В большей степени, чем обычные, они способствуют развитию речи, формированию умения сравнивать, обобщать, делать выводы.

3. Форма проведения интегрированных уроков нестандартна, она более увлекательна а потому и более результативна. Использование различных видов работы поддерживает внимание учеников на высоком уровне, что позволяет говорить о развивающей эффективности таких уроков; снимает утомляемость, перенапряжение учащихся за счет переключений на разнообразные виды деятельности; значительно повышает познавательный интерес; служит развитию воображения, внимания, мышления, речи и памяти школьников.

4. Интеграция является источником нахождения новых фактов, которые подтверждают или

углубляют определенные выводы, наблюдения учащихся в различных предметах.

5. Интегрированные уроки дают ученику достаточно широкое и яркое представление о мире, в котором он живет, о взаимопомощи, о существовании многообразного мира материальной и художественной культуры.

Основной акцент в интегрированном уроке приходится не столько на усвоение знаний о взаимосвязи явлений и предметов, сколько на развитие мышления. Интегрированные уроки также предполагают обязательное развитие творческой активности учащихся. Это позволяет использовать содержание всех учебных предметов, привлекать сведения из различных областей науки, культуры, искусства, обращаясь к явлениям и событиям окружающей жизни.

Структура интегрированных уроков также отличается от обычных уроков следующими особенностями:

- предельной четкостью, компактностью, сжатостью учебного материала;
- логической взаимообусловленностью, взаимодействием материала интегрируемых предметов на каждом этапе урока;
- большей информативной емкостью учебного материала, используемого на уроке.

При планировании и организации таких уроков учителю важно учитывать следующие условия:

1. В интегрированном уроке объединяются блоки знаний двух-трех различных предметов, поэтому чрезвычайно важно правильно определить главную цель такого урока. Если общая цель определена, то из содержания предметов берутся только те сведения, которые необходимы для ее реализации.

2. Интеграция способствует снятию напряжения, перегрузки учащихся за счет переключения их на разнообразные виды деятельности в ходе урока. При планировании требуется тщательное определение оптимальной нагрузки различными видами деятельности учащихся на уроке.

3. При проведении интегрированного урока требуется тщательная координация действий учителей. Чаще всего интегрированные уроки являются спаренными и проводятся учителями совместно. Но при этом из нескольких предметов один является ведущим.

Следует отметить, что в форме интегрированных уроков целесообразно проводить обобщающие уроки, на которых будут раскрыты проблемы, наиболее важные для двух или нескольких предметов. Кроме того, интегрированным уроком может быть любой урок со своей структурой, если для его проведения привлекаются знания, умения и результаты анализа изучаемого материала методами других наук, других учебных предметов.

В качестве примера предлагаем разработку интегрированного урока по русскому и английскому языкам для 11-го класса. Прежде всего определяем цели такого урока.

Общедидактические цели:

- создать условия для осознания и осмысления блока новой учебной информации;
- применить знания и умения в знакомой и новой учебной ситуации через групповую форму организации познавательной деятельности.

Общеобразовательные цели:

- обобщить и систематизировать знания об одном из функциональных стилей русского и английского языков – официально-деловом;
- формировать способности сравнительного языкового анализа;
- совершенствовать навык поиска трансформаций в предложениях, свойственных официально-деловому стилю;
- совершенствовать умения и навыки практического владения английским языком.

Развивающие цели:

- повысить интерес к изучаемым языкам;
- развивать навыки контроля и самоконтроля;
- развивать познавательную активность, умение наблюдать, сравнивать, обобщать и делать выводы;
- формировать эмоционально-положительное отношение к предмету.

Вначале, на этапе актуализации опорных знаний, мы предлагаем старшеклассникам вспомнить, что же такое официально-деловой стиль общения и в каких случаях он применяется. Эти знания актуальны еще и потому, что выпускники готовятся к сдаче государственных экзаменов, в которые включены сведения из раздела «Стили речи и их языковые особенности».

Ученикам были предложены следующие вопросы:

1. Каковы основные требования к языку служебных документов? (*Это соответствие нормам и особенностям официально-делового стиля*).

2. Что характерно для делового стиля в английском и русском языках? (*Деловой стиль отличается логичностью, краткостью высказывания, нейтральным тоном и личным характером изложения*).

3. Какова основная функция делового стиля? (*Информировать о бесспорных фактах*).

4. Что воспринимается как нарушение официально-делового стиля? (*Грубые нарушения – использование в языке служебных документов жаргонных, просторечных, разговорных, эмоционально окрашенных слов, а также специфических средств, свойственных другим функциональным стилям*).

Далее, на следующем этапе интегрированного урока, мы говорим о сходстве и различии грамматического строя русского и английского языков при переводе текстов официально-делового стиля.

Различие грамматического строя английского и русского языков, с точки зрения перевода, выражается в двух категориях переводческих проблем: проблемы перевода в условиях сходства грамматических свойств языковых единиц и проблемы перевода в условиях различия грамматических свойств языковых единиц в исходном и переводящем языках. Кроме того, специфические осложнения связаны с преобразованием отдельных грамматических единиц (морфологические преобразования на основе словоформ) и составных грамматических единиц (синтаксические преобразования на основе словосочетаний, предложений и сверхфразовых единств).

Общность между грамматическими свойствами русского и английского языков задается их общей принадлежностью к индоевропейской семье и проявляется в наличии общих грамматических значений, категорий и функций, например: категории числа у существительных, категории степеней сравнения у прилагательных, категории времени у глагола, функциональной значимости порядка слов и т. п.

В некоторых случаях те или иные грамматические формы, внешне совпадающие, требуют более сложного преобразования при переводе в силу различия функций или традиций выражения. К числу таких приемов можно отнести уподобление, конверсию и антонимический перевод грамматических форм.

Для закрепления этих приемов мы разделили класс на две группы.

1-я группа учащихся работала с приемом **уподобления**.

Для перевода были предложены два предложения:

There are already forces that prompt us to enter an era of peace.

The company got bankrupt leaving the workers unemployed.

Учащиеся переводили предложения с учетом уже полученных на предыдущих занятиях знаний об уподоблении при переводе. В итоге учащиеся пришли к следующим выводам, которые они оформили в виде коллективной письменной работы.

Уподобление, то есть придание общих грамматических свойств разным грамматическим

формам, применяется, в частности, при переводе английских оборотов с инфинитивом в тех функциях, которые инфинитив, как правило, не выполняет в русском языке, например для выражения последующего или постоянного действия. Согласно высказываниям английских стилистов, при описании процессов английский язык отдает предпочтение другим языковым средствам, таким, как инфинитив, причастие герундий и прилагательное. Глагольные имена, выполняющие функцию объекта, могут передаваться инфинитивом или герундием.

There are already forces that prompt us to enter an era of peace.

Силы, побуждающие к вступлению в мирный период, уже сложились.

Личная форма глагола часто переводится причастием, например:

The company got bankrupt leaving the workers unemployed.

Предприятие обанкротилось, и сотрудники остались без работы.

Очевидно, что, используя при переводе любые грамматические замены частей речи, переводчику часто приходится сопровождать их также и заменой членов предложения, то есть перестройкой синтаксической структуры предложения. Таким образом, синтаксические и морфологические трансформации постоянно находятся во взаимодействии.

2-я группа работала с приемом переводческой конверсии. Для перевода были предложены предложения:

He did his best to place his firm among the most notable companies. (С английского на русский.)

В результате кампаний по массовому изъятию ценностей из частных собраний многие дворцы Петербурга лишились своих художественных коллекций. (С русского на английский.)

Результаты работы учащиеся также оформили в виде письменного отчета. Их выводы были такими:

переводческая конверсия, или изменение морфологического статуса формы, обычно применяется в тех случаях, когда, как уже говорилось выше, имеет место традиционное несовпадение степени эксплицитности элементов сообщения или стилистическая неуместность экспликации. Например, выражение *as long as/live* может быть переведено функциональным соответствием *покуда я живу* или грамматически перенесенной формой (конверсией) *в жизни*, в зависимости от контекста.

Применение этого приема ведет, главным образом, к морфологическому преобразованию исходного слова. Наблюдения показывают, что в английском языке, как правило, преобладает глагольный способ выражения многих предикативных отношений, тогда как русский язык тяготеет к именному способу. Не случайно при переводе с

русского на английский язык самое характерное преобразование – это трансформация отглагольного имени в глагольную форму – и наоборот, при переводе с английского языка на русский: глагольные формы нередко требуют именного преобразования.

Он потратил много сил на выведение фирмы в ряды наиболее заметных компаний.

He did his best to place his firm among the most notable companies.

Применение какого-либо из этих приемов перевода в значительной мере зависит от направления перевода: например, при переводе с русского языка на английский немаловажно учитывать разницу в характере грамматических структур. В частности, характерное для русского предложения многочленное перечисление, особенно однородных сказуемых, желательно трансформировать при переводе на английский язык, разбивая длинную цепочку форм пополам или меняя морфологический состав предикации, например, заменяя личные глаголы вербалиями. Сохраняя исходную синтаксическую структуру, полный перевод создает искусственные для английского языка предложения. Аналогичный фактор действует и для перечисления, в котором встречаются несколько причастий или отглагольных существительных, столь характерных для русского научного стиля. Рассмотрим два перевода русского предложения:

В результате кампаний по массовому изъятию ценностей из частных собраний многие дворцы Петербурга лишились своих художественных коллекций.

1) *As a result of the campaigns of mass confiscations of artistic values from private collections, many palaces of St. Petersburg lost their arts collections.*

2) *In the course of confiscating campaigns, many palaces of Petersburg lost their arts collections as private.*

Совершенно очевидно, что первый вариант перевода, сохраняя исходные грамматические формы, вынужденно строит длинную *of*-фразу, к тому же логическая структура предложения в переводе отличается размытостью, в то время как прием конверсии во втором варианте позволил построить логически выдержанное и хорошо структурированное предложение.

Выводы были зачитаны в конце урока как отчеты рабочих групп. Такой урок представляет собой довольно сложную форму: это и интеграция двух предметов, и деловая игра. Конечно, в большей мере на уроке был представлен материал английского языка. Но для того чтобы овладеть элементарными правилами перевода с английского на русский и наоборот, ученики постоянно должны обращаться к грамматическому строю русского языка, к его особенностям. В этом им помогал преподаватель русского языка, присут-

ствовавший на этом интегрированном уроке в качестве консультанта.

В целом такая форма работы хоть и сложна и для учителя, и для ученика, но очень эффективна для обучения старшеклассников в процессе их подготовки к ЕГЭ.

В заключение хотела бы сказать следующее: термин «интегрирование» на примере этого урока я понимаю не только в том, что идет сопоставление двух языков. Изучение сходства и различия язы-

ков ведется не узко – как явление грамматическое, а как часть окружающего нас мира. Это основная философия интегрированных уроков: дать ученику достаточно широкое и яркое представление о мире, в котором он живет, о взаимосвязи явлений и предметов, о существовании многообразного мира. Основной акцент приходится не столько на усвоение определенных знаний, сколько на развитие образного мышления. Предложенная разработка является этому ярким примером.

РЕАЛИИ В ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Вопросы соотношения культуры в самом широком понимании этого слова и информации, заложенной, хранимой и сообщаемой в словах как элементах языка, издавна привлекали внимание не только лингвистов, но и представителей других наук. Все особенности жизни данного народа и его страны (такие, как природные условия, географическое положение, ход исторического развития, характер социального устройства, тенденция общественной мысли, науки, искусства) непременно находят отражение в языке этого народа. Поэтому можно утверждать, что язык является собой некое отражение культуры какой-либо нации, он несет в себе национально-культурный код того или иного народа. В нем встречаются слова, в значении которых может быть выделена особая часть, отражающая связь языка и культуры, и которая называется культурным компонентом семантики языковой единицы. К таким словам, прежде всего, относятся слова-реалии.

Как лингвистическое явление, реалии относятся к категории безэквивалентной лексики. Они являются частью фоновых знаний и представляют собой значительный интерес при исследовании взаимодействия языка и культуры. Характерной чертой безэквивалентных слов является их непереводаемость на другие языки с помощью постоянного соответствия, их несоотнесенность с некоторым словом другого языка. Но это не означает то, что они совсем непереводимы. Само собой разумеется, что возможность правильно передать обозначения вещей, о которых идет речь в подлиннике, и образов, связанных с ними, предполагает знание действительности, изображенной в переводимом произведении. За этими знаниями, как в страноведении, так и в сопоставительном языкознании и теории перевода закрепилось определение «фоновых». Фоновые знания – это «совокупность представлений о том, что составляет реальный фон, на котором разворачивается картина жизни другой страны, другого народа»¹.

Для теории и практики перевода большое значение имеет одна из групп фоновых знаний – та,

которая относится к явлениям специфическим для иной культуры, иной страны и необходима читателям переводимого произведения, чтобы без потерь усвоить в деталях его содержание. Такой частью фоновых знаний являются слова-реалии. В лингвистике существует несколько определений реалий.

Согласно определению О. С. Ахмановой, реалии – это «в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке». О. С. Ахманова отмечает, что реалии – это также предметы материальной культуры.²

По определению Г. Д. Томахина, реалии – это «названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п.»³.

Наиболее полное определение реалии дают болгарские ученые

С. Влахов и С. Флорин: «Реалии – это слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, и, следовательно, не поддаются переводу на общем основании, требуя особого подхода»⁴.

Сопоставление различных языков и культур, по мнению Г. Д. Томахина, позволяет выделить следующие особенности употребления реалий:

1. Реалия свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом она отсутствует: Амер. *drugstore* – аптекарский магазин с закуской, в русском языке такой реалии нет.

2. Реалия присутствует в обоих языковых коллективах, но в одном из них она имеет дополнительное значение: Амер. *clover leaf* – клеверный

¹ Федоров, А. В. Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М. : Высш. шк., 1983. – С. 146.

² Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – С. 381.

³ Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 13.

⁴ Влахов, С. Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1986. – С. 55.

лист; автодорожное пересечение с развязкой в виде клеверного листа.

3. В разных обществах сходные функции осуществляются разными реалиями: Амер. *sponge* – губка – мочалка (при мытье в ванной, в бане).

4. В разных обществах сходные реалии различаются оттенками своего значения: *cuckoo's call* – кукование кукушки в народных поверьях американцев предсказывает, сколько лет осталось девушке до свадьбы, в русских – сколько лет осталось жить.⁵

По своим свойствам и функциям реалии близки к терминам и именам собственным. Исследователи культурно-маркированных единиц неоднократно отмечают, что граница между терминами и реалиями весьма условна и очень подвижна. В ряде случаев достаточно сложно установить отличие языковых реалий от терминов. Но все же можно вычленить ряд признаков, на основании которых проводится дифференциация понятий «реалии» и «термины».

Сфера применения терминов – научная литература. Реалии, напротив, чаще используются в художественной литературе и прессе, где они служат не только стилистическим целям, но и используются для воссоздания национального, местного и исторического колорита. Термины создаются большей частью искусственно для наименования тех или иных понятий и предметов, для чего иногда используются греческие и латинские морфемы. Реалии возникают естественным путем, в результате народного словотворчества.

Рассматривая соотношение реалий и имен собственных, необходимо заметить, что мнения исследователей по поводу принадлежности имени собственного к реалиям во многом расходятся. Собственное имя всегда является носителем страноведческой, культурной информации.

Г. Д. Томахин из общей массы ономастической лексики выделяет ономастические реалии, которые, в отличие от обычных имен собственных, являются всегда национально окрашенными. К числу ономастических реалий он относит:

1. Географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации.

2. Антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажей художественной литературы и

фольклора.

3. Названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и многое другое.⁶

В. С. Виноградов считает, что имя собственное – всегда реалия. В каждом имени обычно содержится информация о локальной и национальной принадлежности обозначаемого им объекта.⁷

Представляет интерес концепция, сформулированная С. Влаховым и С. Флориным. Они рассматривают имена собственные как самостоятельный класс безэквивалентной лексики, «которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, разумеется, нередко совпадающие с приемами “перевода” реалий»⁸.

Г. Д. Томахин, рассматривая американские реалии, выделяет три большие группы: ономастические реалии, реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой, реалии афористического уровня.⁹

К ономастическим реалиям относят:

1) географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации: *Nebraska* – *Небраска*, *Nevada* – *Невада*;

2) антропонимы – имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства, популярных спортсменов, персонажи художественной литературы и фольклора: *Shakespeare* – *Шекспир*, *Santa Clause* – *Санта Клаус*;

3) названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений: *War of American Independence* – *Война за независимость Америки*, *House of Commons* – *Палата Общин*.

Ономастические реалии всегда национально окрашены, так как имена собственные, как единицы языка, выступают носителями определенного национального колорита.

К реалиям, обозначаемым апеллятивной лексикой, относят:

1) географические термины, обозначающие особенности природно-географической среды, флоры, фауны: *Death Valley* – *Долина Смерти*, *Great Lakes* – *Великие Озера*, *Missouri River* – *Река Миссури*;

2) некоторые слова (в том числе общеизвестные термины), относящиеся к государственному

⁵ Томахин, Г. Д. Реалии в языке и культуре / Г. Д. Томахин // Иностранные языки в школе. – 1997. – № 3. – С. 14.

⁶ Томахин, Г. Д. Америка через американизмы / Г. Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1982. – С. 10.

⁷ Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М.: изд-во Московского университета, 1978. – С. 124.

⁸ Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1986. – С. 21.

⁹ Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы / Г. Д. Томахин. – М.: Высш. шк., 1988. – С. 11.

устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, быту, традициям и обычаям, и другие: *academic costume color* – цвет академического костюма, *Great Depression* – Великая депрессия.

К реалиям афористического уровня относятся цитаты: *Tania, ia tibia lioubliou* – Таня, я тебя люблю, *tu jiviom khorochu* – мы живем хорошо, *noy-hay* – know-how, хэллоу – hallo.

Г. Д. Томахин также считает необходимым выделение в языке коннотативных и денотативных реалий¹⁰.

Денотативные реалии, которые можно считать элементарными единицами сопоставительного лингвострановедения, наглядно демонстрируют национальное своеобразие культур. Значительную же трудность в сопоставительном лингвострановедении представляет выделение слов с национально-культурными коннотациями. Самые обычные слова, совпадающие в своем предметном значении, могут обладать дополнительными значениями, обусловленными национально-культурными факторами. Они связаны с фольклором и другими культурными традициями народа – носителя языка.

Коннотативные реалии – это слова, обозначающие предметы, ничем не отличающиеся от аналогичных предметов сопоставляемых культур, но получившие в данной культуре и языке особые дополнительные значения, основанные на культурно-исторических ассоциациях, присутствующих только данной культуре.

На сегодняшний день не существует единой классификации культурно-маркированных единиц. Исследователи предлагают различные классификации реалий, основываясь на тех или иных принципах.

Согласно В. С. Виноградову, содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия и т. п. – то есть все то, что в теории перевода обычно именуют реалиями. Те понятия, которые отражают реалии, носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике. В. С. Виноградов рассматривает проблему реалий на основе латиноамериканского материала. Запас лексических единиц, передающих исследуемую фоновую информацию, этот ученый подразделяет на ряд тематических групп:

1. Лексика, называющая бытовые реалии:

а) жилище, имущество (*wigwam* – вигвам, *bungalow* – одноэтажная дача);

б) одежда, уборы (*sagging* – стиль ношения брюк низко на талии);

в) пища, напитки (*Coca-Cola*, *barbecue*, *hamburger*, *hot dog*);

г) виды труда и занятия (*buffalo hunter* – охотник за быками);

д) денежные знаки, единицы меры (*dollar* – доллар, *mile* – миля);

е) музыкальные инструменты, народные танцы и песни, исполнители (*Twist* – твист, *hip-hop* – хип-хоп, *Elton John* – Элтон Джон);

ж) народные праздники, игры (*Guy Fawkes' Day* – День Гая Фокса, *golf* – гольф);

з) обращения (*Miss* – мисс, *mister* – мистер, *sir* – сэръ).

2. Лексика, называющая этнографические и мифологические реалии:

а) этнические и социальные общности и их представители (*индейские племена Abnaki, Pueblo, Yupic* – Абнаки, Пуэбло, Юпик и их вожди *Hiawatha, Tammany, Massasoit* – Хуавата, Тамани, Массасоит);

б) божества, сказочные существа, легендарные места (*boogeyman* – бармалей, *thunderbird* – птица, мечущая гром и молнию).

3. Лексика, называющие реалии мира природы:

а) животные (*American shorthair cat* – американский короткошерстный кот, *Chow-Chow* – чау-чау, *Eskimo Dog* – лайка);

б) растения (*chaparral* – заросль вечнозеленого карликового дуба);

в) ландшафт, пейзаж (*prairie* – степь).

4. Лексика, называющая реалии государственно-административного устройства и общественной жизни (актуальные и исторические):

а) административные единицы и государственные институты (*South Dakota* – Южная Дакота, *House of Commons* – Палата общин);

б) общественные организации, партии и т. п., их функционеры и участники (*Aid to Families with Dependent Children* – Материальная помощь бедным многодетным семьям, *feminism* – феминизм, *The Blue Dogs Party* – партия синих собак (консерваторы);

в) промышленные и аграрные предприятия, торговые заведения

(*McDonald's Corporation* – корпорация Макдональдс);

г) основные воинские и полицейские подразделения и чины (*cop* – мент, *sheriff* – шериф, *the Eye* – детективное агентство);

¹⁰ Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 220.

д) гражданские должности и профессии, титулы и звания.

5. Лексика, называющая ономастические реалии:

а) антропонимы (*John – Джон*);

б) топонимы (*Mississippi – Миссиссиппи*);

в) имена литературных героев (*Scarlet O'Hara – Скарлет О'Хара*);

г) названия компаний, музеев, театров, ресторанов, магазинов, пляжей, аэропортов и т. п. (*Kennedy Airport – аэропорт имени Кеннеди*).

6. Лексика, отражающая ассоциативные реалии:

а) вегетативные символы (например: *мадронья – поэтический символ Мадрида*);

б) цветовая символика (например: *зеленый – цвет надежды в Панаме, Чили, символ будущего; желтый – цвет траура в Испании в средние века*);

в) фольклорные, исторические и литературно-книжные аллюзии. В них содержатся намеки на образ жизни, поведение, черты характера, деяния и т. п. исторических, фольклорных и литературных героев, на исторические события, на мифы, предания и т. п.;

г) языковые аллюзии. Они обычно содержат намек на какой-либо фразеологизм, пословицу, поговорку, крылатую фразу или ходячее выражение.¹¹

В ряде работ исследователей культурно-маркированной лексики слова-реалии представляют собой отдельный разряд безэквивалентной лексики. Так, Л. С. Бархударов выделяет следующие категории безэквивалентной лексики:

1. Имена собственные, географические наименования, названия учреждений, организаций, газет и пр., не имеющие постоянного соответствия в лексике другого языка.

2. Слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

3. Случайные лакуны – единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам нет соответствий в лексическом составе другого языка.¹²

Наиболее развернутую классификацию слов-реалий дают С. Влахов и С. Флорин:

Предметное деление

А. Географические реалии:

1) названия объектов физической географии, в том числе и метеорологии;

2) названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью;

3) названия эндемиков (названия животных и растений).

Б. Этнографические реалии:

1) быт: пища, напитки, одежда, жилье, мебель, посуда, транспорт, другие;

2) труд: люди труда, орудие труда, организация труда;

3) искусство и культура: музыка и танцы, музыкальные инструменты, фольклор, театр, другие искусства и предметы искусства;

4) исполнители, обычаи, ритуалы, праздники, игры, мифология, календарь;

5) этнические объекты: этнонимы, клички, названия лиц по месту жительства;

6) меры и деньги: единицы мер, денежные единицы.

В. Общественно-политические реалии:

1) административно-территориальное устройство: административно-территориальные единицы, населенные пункты, части населенного пункта;

2) органы и носители власти: органы власти, носители власти;

3) общественно-политическая жизнь: политические организации и политические деятели, патриотические и общественные движения, социальные явления и движения, звания, степени и т. п., учреждения, учебные заведения и культурные учреждения, сословия и касты, сословные знаки и символы;

4) военные реалии: подразделения, оружие, обмундирование;

5) военнослужащие.

Местное деление

А. В плоскости одного языка:

1. Свои реалии – это большей частью исконные слова данного языка:

а) национальные реалии – называют объекты, принадлежащие данному народу, данной нации, но чужие за пределами страны;

б) локальные – принадлежат не языку соответствующего народа, а либо диалекту, его наречию, либо языку менее значительной социальной группы;

в) микролокальные – реалии, социальная или территориальная основа которых уже даже самых узколокальных: слово может быть характерным для одного города или села, не теряя своих особенностей и, следовательно, требуя такого же подхода при переводе.

2. Чужие реалии – это либо заимствования, либо транскрибированные реалии другого языка:

а) интернациональные – это реалии, которые фигурируют в лексике многих языков и вошли в

¹¹ Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 97.

¹² Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – С. 94–95.

соответствующие словари и обычно сохраняют вместе с тем исходную национальную окраску;

б) региональные – те, которые перешагнули границы одной страны или распространились среди нескольких народов (необязательно соседних), обычно с референтом, являясь, таким образом, составной частью лексики нескольких языков.

Б. В плоскости пары языков – реалии рассматриваются с точки зрения перевода:

1) внешние реалии – одинаково чужды обоим языкам;

2) внутренние реалии – слова, принадлежащие одному из пары языков, и, следовательно, чужие для другого.

Временное деление

А. Современные

Б. Исторические:

1) знакомые (словарные);

2) незнакомые (внесловарные)¹³.

Тесно связаны с историческими модные и эпизодические реалии. Модные – они врываются в язык, завладевают вниманием широких кругов общества, в первую очередь молодежи, и обычно скоро забываются. Эпизодические реалии – это внесловарные реалии. Авторы и переводчики вводят их в зависимости от требований контекста однократно или несколько раз, одним словом, эпизодически, но они не получают распространения, не закрепляются в языке.

Классификация, предложенная Г. Д. Томахиным:

I. Этнографические реалии. Реалии быта. Речевой этикет и нормы поведения: жилище, одежда, пища, напитки, бытовые заведения, реалии транспорта, почта, телеграф, телефон, отдых, времяпрепровождение, обычаи и традиции, праздники, меры, деньги; рутинное поведение.

II. Географические реалии: классификация географических реалий (названия особенностей береговой линии, названия особенностей рельефа, гидрографические названия и др.), флора, фауна, культурные растения, природные ресурсы и особенности их освоения.

III. Общественно-политические реалии: государственные символы, реалии, связанные с конституцией, реалии законодательной власти, президент, исполнительные ведомства, агентство, государственные служащие, судебная система, правительство штатов и местное самоуправление, выборы, политические партии и общественные организации.

IV. Реалии системы образования, религии и культуры: система образования, религия, лите-

ратура, театр и кино, средства массовой информации, изобразительное искусство, музыкальная культура.

V. Ономастические реалии, включающие в себя: географические названия (топонимы), особенно имеющие культурно-исторические ассоциации; антропонимы – имена исторических личностей, персонажей художественной литературы и фольклора; названия произведений литературы и искусства, исторические факты и события в жизни страны, названия государственных общественных учреждений и многие другие.¹⁴

Различные исследователи предлагают разнообразные приемы перевода слов-реалий, включая тот или иной прием передачи национально-маркированной языковой единицы и не принимая во внимания другой. Самыми распространенными способами являются транслитерация, транскрипция, калькирование, описательный перевод, трансформационный перевод.¹⁵

При транслитерации передается средствами переводного языка графическая форма слова исходного языка, а при транскрипции – его звуковая форма. Эти способы применяются при передаче иноязычных имен собственных, географических наименований, названий разного рода компаний, фирм, пароходов, газет, журналов и т. д. (например: Бэнк оф Америка, Дженерал моторс). В настоящее время прием транслитерации и транскрипции при переводе художественной литературы используется гораздо реже, чем прежде. Это вполне обоснованно – передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы не раскрывает ее значения, и такого рода слова читателю, не знающему иностранного языка, без соответствующих пояснений остаются непонятными.

Калькирование – передача иноязычных реалий при помощи замены ее составных частей – морфем или слов их прямыми лексическими соответствиями в переводном языке (например: brain drain – утечка мозгов). Данный способ имеет такой же недостаток, как и первый.

Описательный («разъяснительный») перевод. Этот способ заключается в раскрытии значения лексической единицы иностранного языка при помощи развернутых словосочетаний, раскрывающих существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей явления (например: landslide – победа на выборах с большим перевесом голосов). Этот способ считается весьма громоздким и неэкономным. Поэтому не всегда возможно применить его при переводе текстов. Часто переводчики прибегают к сочетанию двух

¹³ Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1986. – С. 60–75.

¹⁴ Томахин, Г. Д. Реалии-американизмы / Г. Д. Томахин. – М. : Высш. шк., 1988. – С. 197.

¹⁵ Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – С. 103.

приемов – транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске или в комментарии. Этот дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, свойственных транскрипции, с раскрытием семантики данной единицы, достигаемой через описательный перевод.

Трансформационный перевод. В некоторых случаях переводчику приходится прибегать к перестройке синтаксической структуры предложения, к лексическим заменам с полным изменением значения исходного слова, то есть к тому, что называется лексико-грамматическими переводческими трансформациями. Например: *glimpse* – употребляется в выражениях *to have, to catch a glimpse of smth.*, что дает возможность применить в переводе глагол и тем самым использовать синтаксическую перестройку предложения.

Следует добавить, что В. С. Виноградов и А. В. Федоров выделяют еще один способ – гипонимический (от английского слова «*hyponym*», составленного из греческих корней). Для этого способа перевода характерно установление отношения эквивалентности между словом оригинала, передающим видовое понятие – реалию, и словом в языке перевода, называющим соответствующее родовое понятие. Например: *нопаль* (вид кактуса) – кактус, *кебраго* (вид дерева) – дерево.¹⁶

С. Влахов и С. Флорин сводят, обобщая, приемы передачи реалий к двум: транскрипции и переводу. Общая схема приемов передачи реалий в художественном тексте, определенная

болгарскими учеными, выглядит следующим образом:

I. Транскрипция.

II. Перевод (замены):

1) неологизм: калька, полукалька, освоение, семантический неологизм;

2) приблизительный перевод: родо-видовое соответствие, функциональный аналог, описание, объяснение, толкование;

3) контекстуальный перевод.¹⁷

Итак, на основании представленных данных можно утверждать, что наличие безэквивалентных единиц не означает, что их значение не может быть передано в переводе или что они переводятся с меньшей точностью, чем единицы, имеющие прямые соответствия. Дело в том, что реалии каждый раз ставят переводчика перед проблемой выбора того или иного способа их передачи. Выбор пути зависит от нескольких предпосылок:

1) от характера текста;

2) от значимости реалии в контексте;

3) от характера самой реалии, ее места в лексических системах переводного языка и исходного языка;

4) от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции;

5) от читателей перевода (по сравнению с читателем подлинника).¹⁸

Поэтому культурно-маркированная лексика требует творческого подхода и глубоких лингвострановедческих знаний переводчика при передаче ее на другие языки.

¹⁶ Виноградов, В. С. Лексические вопросы перевода художественной прозы / В. С. Виноградов. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1978. – С. 56.

¹⁷ Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1986. – С. 93.

¹⁸ Там же. – С. 94.

ИЗУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Устойчивые фразеологические сочетания представляют собой интересный, но в то же время сложный материал для их изучения в иностранной аудитории.

Сталкиваясь с фразеологизмами в разговорной речи, иностранные студенты зачастую испытывают трудности в переводе этих единиц, поэтому нам представляется актуальным исследовать особенности фразеологизмов на материале отечественных художественных фильмов.

Фразеологизмы, во-первых, функционируют в языке на правах отдельного слова, во-вторых, по своей структуре они являются сложным целым, компоненты которого осознаются как самостоятельные слова.¹

Основным свойством фразеологизма является воспроизводимость, то есть они не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы.² Например: «за тридевять земель», «след простыл», «взять свои слова обратно».

В отечественной лексикологии классификацию фразеологизмов по степени их семантической слитности разработал академик В. В. Виноградов. Он выделил три основных типа фразеологических единиц: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические (несвободные) сочетания.

Большая заслуга в изучении фразеологизмов принадлежит профессору Н. М. Шанскому, который развил классификацию В. В. Виноградова и выделил четвертый тип фразеологических единиц, который он назвал «фразеологическими выражениями». Н. М. Шанский делит фразеологизмы по степени происхождения: на исконно русские и заимствованные.

Фразеологические обороты – яркое стилистическое средство, призванное сделать речь сильной и красочной, образной и убедительной³.

Фразеологические единицы богаты своеобразными элементами национальной культуры, которые вмещаются в понятие культурный

компонент слова или словосочетания, поэтому изучение фразеологизмов представляет для исследователя широкую картину специфики национальной цивилизации.

Фразеологизмы оживляют язык, делают его более эмоциональным и выразительным. Это проявляется даже в разговорно-бытовой речи, когда не ставится художественно-изобразительных целей, фразеологические обороты используются как готовые и целостные смысловые единицы языка. Фразеологизмы нельзя перевести дословно (без утраты смысла) на другие языки. В иностранной аудитории некоторые учащиеся уже обладают знаниями фразеологии родного языка, в которых отражены в полной мере и страноведческие, и культурологические национальные концепты, не совпадающие, как правило, с аналогичными явлениями в русской среде.

При обучении иностранцев-филологов русскому языку проблемы усвоения русской фразеологии оказываются весьма актуальными.

Общеизвестно, что комплексное изучение языка и культуры, то есть усвоение культурологического содержания с активизацией языковых средств ведет к повышению и углублению уровня владения иностранным языком. У иностранных студентов возникает интерес к фразеологии языка как образному отражению национальных традиций, культуры и цивилизации региона изучаемого языка. Однако фразеологизмы представляют собой не только культурно-информативный источник, они содержат богатейший лингвистический материал, позволяющий на его основе изучать различные аспекты русской грамматики, синтаксиса, фонетики, лексики.

Изучение фразеологизмов в иностранной аудитории – проблема интересная и сложная. Значение фразеологии в практическом овладении русским языком обусловлено тем, что фразеологизмы, как и слова, являются строительным материалом языка. Изучение речевого поведения носителей языка на материале фильмов пред-

¹ Современный русский язык : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» : в 3 ч. – Ч. 1 : Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 192 с.

² Там же.

³ Лексика и фразеология современного русского языка : пособие для студентов-заочников факультетов русского языка и литературы педагогических институтов. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 136.

ставляется чрезвычайно важным, так как незнание элементов речи приводит к непониманию при общении в межкультурном контексте.

При отборе фильмов для изучения студентами-иностранцами фразеологизмов в разговорной речи носителей языка основными критериями выступают:

1. Насыщенность фильма фразеологическими оборотами.
2. Сбалансированность лингвистических и нелингвистических особенностей речевого поведения носителей языка.
3. Языковая доступность фильма.
4. Содержательная (контекстная) доступность фильма, необходимая для изучения речевого поведения, представленного в нем.

Работу по изучению фразеологизмов на занятиях по русскому языку как иностранному (далее – РКИ) необходимо разделить на несколько этапов:

1. Ознакомление студентов-иностранцев с наиболее употребляемыми фразеологизмами.
2. Обучение студентов работе с различными словарями.
3. Просмотр кинокартины (по фрагментам).
4. Работа с упражнениями.

Для анализа фразеологизмов на занятиях по РКИ мы выбрали комедию «Бриллиантовая рука» Леонида Иовича Гайдая. Фильм уже был просмотрен иностранцами. На предыдущих занятиях иностранцы знакомились с сюжетом, с лексикой фильма, в том числе с понятием «разговорная лексика». Следует отметить, что анализ фразеологизмов может проводиться только после предварительной работы с лексикой кинокомедии. При повторном просмотре фрагментов комедии преподаватель обращает внимание на пять фразеологизмов, которые чаще всего употребляются в фильме:

1. На всякий пожарный случай.

В диалоге милиционера Володи и главного героя Семена Семеновича милиционер протягивает Семену Семеновичу пистолет:

– Держите.

– Зачем?

– Ну, как говорится, **на всякий пожарный случай**.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова дается толкование: «**На всякий пожарный случай**» – Прост. Шутл. Допуская возможность экстренной необходимости.⁴

Фразеологизмы, употребляемые в просторечной лексике, отличаются резкой, сниженной эмоциональностью, оценочностью и экспрессивностью. Исследователи относят сюда фамильярные, вульгарные, презрительные и бранные фразеологические единицы. Просторечные фразеологизмы находятся или на границе разговорной и просторечной речи, или выходят за пределы этой границы. Например: «**стоишь, как истукан**», «**неуклюжий медведь**», «**куриные мозги**», «**типун тебе на язык**», «**на кудыкину гору**», «**чтоб у тебя язык отсох**», «**дурья башка**» и др.⁵

2. Ни пуха, ни пера!

В следующем диалоге Семена Семеновича и Володи перед поездкой на рыбалку:

– **Отдыхайте, хорошего вам клева. Значит, вы точно будете на Черных камнях?**

– Да-да, на Черных камнях.

– **Ну, ни пуха вам, ни пера!**

– **К черту, к черту!**

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова дается толкование: «**Ни пуха вам, ни пера!**» – разг. экспрес. Пожелание кому-либо успеха, удачи в нелегком или рискованном деле⁶. Первоначально «ни пуха, ни пера» использовалось как пожелание удачи охотнику, отправляющемуся на охоту, высказанное в отрицательной форме, чтобы не «сглазить», если пожелать прямо удачи.

Разговорные фразеологизмы, употребляемые в устной форме речи, выполняют роль стилиобразующих средств в разговорном стиле. По подсчетам специалистов, разговорную окраску имеет 80 % фразеологизмов от общего количества фразеологических единиц. Разговорные фразеологизмы отличаются образностью, непринужденностью, экспрессивностью. Стилиевая сниженность, бытовой характер, вольность семантики – их отличительные черты. Им присущи ласкательность, шутливость, ирония, неодобрительность, пренебрежительность. Они употребляются не только в разговорном стиле, но и в художественном, публицистическом: «**чудеса в решете**», «**сделай, будь другом**», «**умирать со страху**», «**строить глазки**», «**хорошенькое дело**», «**чудо-юдо рыба-кит по веревочке бежит**», «**темная лошадка**» и др.⁷

Милиционер Володя использует в своей речи фразеологизмы, связанные с экстренными случаями, опасными делами, что связано с особенностями профессии – служба в милиции. Раз-

⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008.

⁵ Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань : изд-во «Пилигрим», 2010.

⁶ Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М. : Астрель, АСТ, 2008.

⁷ Термины и понятия лингвистики: Лексика. Лексикология. Фразеология. Лексикография : словарь-справочник / Т. В. Жеребило. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2011.

говорный характер фразеологизмов, которые использует герой, сближает героя с собеседником, придает дружеский характер беседе.

3. К черту!

Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова дается толкование: «*К черту!*» – *прост.* 1. Прочь, долой, вон (знать, прогонять и т. п.); выражение злобы, пренебрежения к кому-либо, желания отделаться, избавиться и т. п. от кого-либо или чего-либо.⁸ Но в контексте фильма эта фразеологическая единица приобретает другое значение: ответная реплика на пожелание удачи – «ни пуха, ни пера».

Данный фразеологизм может охарактеризовать Семёна Семеновича как человека простого, среднестатистического, среднего образования. Примерный гражданин, соблюдающий порядки и живущий по правилам, которому важен покой, привычный образ жизни. Авантюры не для него.

4. С кем имею честь?

Еще один фразеологизм, употребляемый в диалоге между Гешей и Евгением Николаевичем. В ресторане к главному герою подсел подвыпивший мужчина, принявший Семёна Семеновича за своего школьного друга:

– Простите, с кем имею честь?

– Ладыженский Евгений Николаевич, школьный друг этого дурика.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова дается толкование: «*С кем имею честь?*» – *Устар.* В речевом этикете: форма вежливо-официального приветствия или прощания.⁹

Устаревшие фразеологизмы, как и устаревшие слова, могут быть использованы для создания языкового колорита эпохи, торжественно-патетической речи или, в данном случае, комического эффекта¹⁰.

Данный фразеологизм рисует перед нами образ манерного, наигранного Геси, сыплющего заученными фразочками на все случаи жизни.

5. Милости просим!

В этом же диалоге незнакомец употребляет устаревший этикетный оборот:

– Будете у нас на Колыме – *милости просим!*

– Нет, уж лучше вы к нам.

Во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова дается

следующее толкование: «*Милости просим!*» – *Устар.* В речевом этикете: выражение вежливого приглашения прийти, приехать в гости или войти, чтобы принять участие в беседе, в обсуждении чего-либо.¹¹

Данный фразеологизм характеризует Евгения Николаевича как гостеприимного, простодушного человека.

В своей речи герои употребляют фразеологизмы с пометами *прост.*, *разг.*, *устар.* Сфера употребления фразеологизмов в фильме – разговорная, диалоговая речь.

Художественные фильмы предоставляют широкий аудиовизуальный контекст для изучения, включая неречевые факторы, расширяющие восприятие фильма и помогающие наиболее адекватно интерпретировать события и поступки персонажей.

Иностранные студенты, изучая фразеологизмы на материале художественных фильмов, знакомятся с особым национальным колоритом, фильмы упрощают понимание и активизируют усвоение фразеологии. Кроме того, работа над фразеологизмами в иностранной аудитории расширяет фразеологический запас иностранных учащихся, помогает правильному пониманию богатой русской речи во всех ее проявлениях и способствует свободному владению русской речью.

После просмотра фильма студентам предлагаются следующие виды заданий:

1. Найти толкование фразеологизмов, употребленных в фильме, в различных словарях.

2. Выбрать примеры фразеологизмов-синонимов из данных в тексте.

3. Ввести эти фразеологизмы в речь по заданной ситуации («На экзамене», «В магазине», «В столовой», «В гостях» и т. д.).

4. Привести аналогичные фразеологизмы из родного языка (если есть).

При овладении устойчивыми сочетаниями русского языка необходимо учитывать реалии родного языка учащихся. Сравнение фразеологических единиц изучаемого языка с соответствующими единицами родного, выявление общего и специфического в языках, выявление национального своеобразия языков способствует более точному пониманию семантики устойчивых сочетаний, их правильному употреблению и закреплению в памяти обучающихся.

⁸ Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е изд., стер., – М.: Русский язык, 1978. – 543 с.

⁹ Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008.

¹⁰ Современный русский язык: учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и лит.» : в 3 ч. – Ч. 1 : Введение. Лексика. Фразеология. Фонетика. Графика и орфография / Н. М. Шанский, В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1987. – С. 87.

¹¹ Фразеологический словарь русского литературного языка / А. И. Федоров. – М.: Астрель, АСТ, 2008.

Таким образом, изучение фразеологизмов на материале художественных фильмов расширяет представление студентов-иностранцев о языке, о культуре, традициях и быте русского человека, способствует усвоению русской разговорной речи.

КЛАССИФИКАЦИОННОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА С АНТРОПОКОМПОНЕНТОМ

У исследователей фразеологического состава имеется множество мнений о том, что такое фразеологизм, причем наблюдается разница во взглядах на то, каков состав таких единиц в каждом из языков. Так, например, Шанский Н. М. в состав фразеологизмов включает пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы¹; а Агрикола Е. к фразеологизмам относит простые фразеологические сочетания, фразеологические единства и идиомы.² Большой фразеологический словарь русского языка (БФСРЯ) в состав фразеологизмов включает различные описательные и аналитические обороты речи, сложные союзы, сложные предлоги, составные термины и т. д. В целом фразеологизм характеризуется как «сочетание слов с переносным значением», как «устойчивое словосочетание с идиоматическим значением», как «устойчивая фраза». Фразеологизмам присущи метафоричность, образность, экспрессивно-эмоциональная окраска.

Шанский Н. М. считает, что к фразеологическим оборотам относятся как устойчивые сочетания слов, семантически эквивалентные слову, так и единства, в структурном и семантическом плане представляющие собой предложения, то есть буквально все воспроизводимые в готовом виде единицы³.

Фразеологический оборот, прежде всего, отличается от свободного словосочетания обобщенность значения всего оборота в целом. Именно это и позволяет выделить особый вид значения оборота – фразеологическое значение, которое не совпадает с лексическим значением слов – компонентов, его составляющих.

Кроме того, фразеологическое значение, как правило, не прямое, а переносное, возникающее на базе первичных, номинативных значений слов в тех или иных свободных сочетаниях.

Далее, по сравнению с прямым значением слов, в семантике фразеологизмов заметно усиление оценочности выражаемых наименований, признаков, действий и т. д. Например: *убить* –

сломать хребет, перегрызть горло, blow out somebody's brains.

Таким образом, под фразеологическими единицами мы понимаем обороты речи, состоящие из двух или более слов, обладающие воспроизводимостью, устойчивостью состава и структуры, а также целостным значением.

Необходимо отметить, что в английской и американской лингвистике более употребимым является не термин «фразеологическая единица» (phraseological unit), а так называемое «set-expression», что означает в сущности одно и то же, наравне с последним также используется понятие «идиомы» (idiom). В английском языкознании оно не имеет узкого значения фразеологического сращения, а обозначает все устойчивые выражения в целом.

Итак, фразеологические единицы, то есть фразеологические выражения – это устойчивые сочетания слов с осложненным смыслом отдельного слова, оборота речи, которым присущи такие признаки, как раздельно-оформленность, воспроизводимость, иногда эквивалентность и соотнесенность со словом. Рассмотрим эти признаки отдельно.

Первым признаком является воспроизводимость. В данном случае фразеологическое выражение не выдумывается каждый раз заново, а присутствует в языке и знакомо большинству индивидов языкового коллектива или общества. Хотя в начале у фразеологического выражения был конкретный автор, но затем оно становится общим достоянием и языковым явлением.

Рассмотрим английское выражение *blue stocking* – синий чулок. Обращаясь к истории появления этого выражения, можно узнать, что автором этой фразеологической единицы является голландский адмирал Босковен, который в Англии в середине XVIII века назвал один из литературных салонов «собранием синих чулков», когда увидел, как ученый Бенджамин Спеллингфлит появился в этом салоне в синих

¹ Шанский, Н. М. *Фразеология современного русского языка* / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк., 1969. – С. 98.

² Agricola, E. *Textstruktur aus linguistischer Sicht* / E. Agricola // *Wissenschaftliche Zeitschrift der pädagogischen Hochschule Dr. Theodor Neubauer, Erfurt: Mühlhausen*, 1970. – H. 2 ; Agricola, E. *Vom Text zum Thema. Studia Grammatica II* / E. Agricola // *Probleme der Textgrammatik*. – Berlin : Akademischer Verlag, 1976.

³ Шанский, Н. М. *Фразеология современного русского языка* / Н. М. Шанский. – М. : Высш. шк., 1969. – С. 105.

чулках. В настоящее время вряд ли кто знает о происхождении этой фразеологической единицы. Насколько нам известно, все члены языковой общности воспринимают ее как данность, и используют в значении «сухая педантка, лишённая женственности».

Вторым немаловажным признаком является семантическая целостность. Значение фразеологического выражения частично или полностью переосмыслено, то есть значение фразеологической единицы не совпадает со значением составляющих ее отдельных слов. Например, выражение *he is wet behind ears* дословно переводится «у него мокро за ушами», а само значение фразеологического выражения – «он еще зеленый», то есть неопытный. Это английское выражение соответствует русскому фразеологизму «у него молоко на губах не обсохло».

Третим признаком является раздельнооформленность. Фразеологическое выражение состоит из двух и более слов, морфологически оформленных, но со смыслом отдельного слова в обороте речи, то есть слова в составе фразеологического выражения обладают морфологическими показателями слов, но значение фразеологического выражения не является суммой значений этих слов, компоненты фразеологического выражения являются словами, специфически употребленными, значение которых в той или иной степени затемнено или потеряно.

Четвертый признак – это устойчивость. Фразеологическое выражение – это степень слитности ее компонентов, мера возможности/невозможности изменений во фразеологическом выражении, как в составе фразеологического выражения за счет расширения/сокращения компонентного состава или замены одного из компонентов этого выражения сходной ему по тематическому ряду лексической единицей (структурная устойчивость), так и в значении фразеологического выражения (семантическая устойчивость). Примером семантической неустойчивости является фразеологическое выражение в английском языке *there's no love lost between them* (или *us*), которое до первой половины XIX века означало «они любят друг друга», в современном английском языке это фразеологическое выражение употребляется в противоположном значении «они терпеть не могут друг друга», или же «они невзлюбили друг друга».

Структурная устойчивость фразеологических выражений проявляет себя по-разному: одни более устойчивы, другие – менее. Слова в составе фразеологического выражения могут менять свои грамматические показатели, или одно слово может быть заменено однородным ему словом.

В этом случае мы имеем дело с фразеологической вариативностью, которая подразделяется на следующие виды:

- Лексические варианты – варианты с разным лексическим составом: *closed (sealed) book* – книга за семью печатями.

- Грамматические варианты – это выражения с теми или иными грамматическими изменениями: *the promised land/the land of promise* – земля обетованная.

- Квантитативные варианты – варианты с неодинаковым числом компонентов, образованные путем их усечения или расширения: *between the devil and the deep blue sea/between the devil and the deep sea* – между дьяволом и морской пучиной (в безвыходном положении).

- Позиционные варианты – это выражения с перестановкой двух или более компонентов без изменения структуры фразеологического выражения: *the short and the long of it/the long and the short of it* – короче говоря, одним словом.

Фразеология предлагает различные типы классификаций фразеологического состава языка в зависимости от свойств фразеологизмов и методов их исследования.

Впервые классификацию фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности представил Ш. Балли⁴. Он разделил фразеологические обороты французского языка на три типа: обычные сочетания, возникающие, когда свобода выбора ограничена определенными пределами; фразеологические группы, образующиеся тогда, когда два понятия почти сливаются в одно; и фразеологические единства, которые обозначают одно неразложимое целое.

В работах, посвящённых типологии фразеологических оборотов, прослеживается тенденция к классификации по нескольким критериям. Например, по их происхождению.

Источники происхождения фразеологизмов в современном английском языке очень разнообразны. По происхождению английские фразеологизмы можно разделить на два класса: исконно английские фразеологические единицы (ФЕ) и заимствованные ФЕ. Заимствованные фразеологизмы в свою очередь подразделяются на межъязыковые и внутриязыковые. В особую группу выделяются заимствования в иноязычной форме. Таким образом, можно выделить четыре группы:

- 1) исконно английские;
- 2) межъязыковые заимствования, то есть ФЕ, заимствованные из иностранных языков путем того или иного перевода;
- 3) внутриязыковые заимствования, то есть ФЕ, заимствованные из американского варианта

⁴ Балли, Ш. *Общая лингвистика и вопросы французского языка* / Ш. Балли. – М. : УРСС, 2001. – 416 с.

английского языка (фразеологизмы, заимствованные из других вариантов, немногочисленны).

ФЕ, заимствованные в иноязычной форме.

Фразеологизмы в английском языке в своем большинстве являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Примерами таких широко распространенных оборотов, созданных народом, являются:

astonish the Browns – «бросить вызов общественному мнению»;

Brown, Jones and Robinson – «Браун, Джонс и Робинсон», простые, рядовые англичане (ср. Иванов, Петров, Сидоров);

go for a Burton – 1) (of smb.) пойти в бой и не вернуться, погибнуть (о летчике) 2) (of smb. or smth.) сгинуть, пропасть, погибнуть.

Исконно английские фразеологизмы связаны с традициями, а также с реалиями, преданиями, историческими фактами.

1. Фразеологические единицы, отражающие традиции и обычаи английского народа:

by George! – Клянусь святым Георгием!, ей-богу!, видит бог!, честное слово!, черт возьми!, вот те на! боже!, боже мой!, вот так так!, вот те на! (восклицание, выражающее восхищение, удивление, досаду и т. п.). Св. Георгий считается покровителем Англии;

All work and no play makes Jack a dull boy – работа без отдыха вредна для здоровья; нужно не только работать, но и отдыхать; мешай дело с бездельем, проживешь век с весельем.

2. Фразеологические единицы, связанные с английскими реалиями:

Tom Tiddler's ground – 1) место легкой наживы; золотое дно; 2) спорная территория, ничейная земля (выражение происходит от названия старинной детской игры *Tom the Tiddler's ground*);

a Jim Crow car – амер. особый вагон для негров; *презр.* Джим Кроу – кличка, данная неграм американскими расистами; по названию песни Т. Райса (*Th. Rise, 1808–1860*), исполнявшейся в негритянском шоу;

Uncle Sam – «дядя Сэм» а) США, правительство, власти; США б) представитель государственной юстиции; в) агент, агенты ФБР. Дядюшка (Дядя) Сэм – прозвище правительства Соединенных Штатов, иногда всей страны.

3. Фразеологические единицы, связанные с именами английских писателей, ученых, королей и др. В пределах данной группы можно выделить три подгруппы:

а) фразеологизмы, содержащие фамилии:

according to Cocker – «как по Кокеру», правильно, точно, по всем правилам (Э. Кокер – автор английского учебника арифметики, широко распространенного в XVI веке);

Morton's fork – выбор между двумя одинаково неприятными альтернативами; связано с историческими событиями Англии XV века. Выражение происходит из политики взыскания налогов,

разработанного Джоном Муртоном, лордом-канцлером Англии в 1487 году.

б) фразеологизмы, содержащие имена:

King Charles's head – навязчивая идея, предмет помешательства, «пунктик» (выражение из романа Диккенса «Давид Копперфилд», связанное с увлечением полоумного мистера Дика Карлом I);

Uncle Tom – «дядя Том», покорный, много-страдальный негр-слуга. Дядя Том – центральный персонаж романа Г. Бичер-Стоу [Stowe, Harriet Beecher] «Хижина дяди Тома, или Жизнь среди бедняков» [*Uncle Tom's Cabin, or Life Among the Lowly*] (1851–1952).

в) фразеологизмы, содержащие имена и фамилии:

a Florence Nightingale – Флоренс Найтингейл, медицинская сестра (Флоренс Найтингейл – английская медсестра, организатор и руководитель отряда санитарок во время Крымской войны (1853–1856);

a Mark Tapley – человек, не унывающий ни при каких обстоятельствах; по имени персонажа в романе Ч. Диккенса «Мартин Чеззлвит»;

a Jimmy Woodser – человек, пьющий в одиночку; from a line in the poem *Jimmy Wood* (1892) by Barcroft Boake.

4. Фразеологические единицы, связанные с поверьями:

Murphy's law – идиома, которая обычно переводится как: «Что-либо, что может пойти не так, как надо, пойдет не так, как надо»;

in the arms of Morpheus – в объятиях Морфея, во сне [в древнегреческой мифологии Морфей – бог сна и сновидений].

5. Фразеологические единицы, взятые из сказок, басен и др.:

Billy Bunter – прожорливый, толстый, неуклюжий подросток [по имени школьника из рассказов Фр. Ричардса] Билли Бантер (мальчик в рассказах о школе Грейфрайарз славился прожорливостью, тучностью и неловкостью);

Fortunatus's purse – неистощимый кошелек (*Fortunatus* – сказочный персонаж).

6. Фразеологические единицы, связанные с преданиями:

face/be faced with a Hobson's choice – (accept what is offered or you get nothing; tight spot) не иметь выбора; выбирать не из чего; выбора нет.

7. Фразеологизмы, связанные с историческими фактами:

good-time Charlie – разг. неодобр. гуляка, повеса, прожигатель жизни; *Charlie* – так американцы во Вьетнаме [Vietnam War] первоначально называли членов военной организации Фронта национального освобождения Южного Вьетнама («Вьет Конг» [Viet Cong = V.C.]), поскольку слово «Charlie» – принятое в армии кодовое обозначение буквы «С». Позже так называли любого вьетнамца из враждебного лагеря, в том числе и гражданских лиц.

Многие из приведенных выше фразеологических единиц уже не ассоциируются с породившими их явлениями, вследствие чего их значения не могут быть выведены из буквальных значений их компонентов, а внутренняя форма может быть установлена только путем этимологического анализа.

8. Шекспиризмы.

По числу фразеологизмов, обогативших английский язык, произведения Шекспира занимают второе место после Библии. Число их свыше 100. Большинство шекспиризмов встречаются в произведениях Шекспира лишь один раз, и форма их является фиксированной. Примером могут служить следующие широко известные ФЕ:

laugh like little Audrey – «смеяться, как малышка Одри», от души смеяться (особенно находясь в тяжелом положении) [по имени действующего лица в комедии Шекспира «Как вам это понравится?»];

all shall be well, Jack shall have Jill – «все будет хорошо, и Джилл достанется Джеку»; говорится о счастливом конце книги, пьесы и т. п., выражение популяризировано Шекспиром;

a Daniel come to judgement – 1) праведный, нелицеприятный судья; 2) мудрый человек (в современном языке иронически).

9. Библизмы.

Библия является важнейшим литературным источником ФЕ. Библейские ФЕ являются полностью ассимилированными заимствованиями:

the old Adam – «ветхий Адам», греховность человеческой натуры [намек на грехопадение Адама; Romans VI, 6. В Библии *our old man* – наш ветхий человек. Выражение *the old Adam* возникло позднее];

Adam's ale (или wine) – шутл. «вино Адама», вода;

Balaam's ass – «валаамова ослица», молчаливый, покорный человек, который вдруг заговорил, запротестовал;

the brand of Cain – каинова печать; *Cain* – (in the Bible) the eldest son of Adam and Eve and murderer of his brother Abel;

David and Jonathan – Давид и Ионафан, неразлучные друзья; Давид – богоизбранный царь Израиля, псалмопевец; в юности – пастух, одолевший великана Голиафа; Ионафан – сын первого израильского царя Саула, друг будущего царя Давида; в Ветхом Завете.

Фразеологизмы библийского происхождения часто во многом расходятся с их библийскими прототипами.

а) библийский прототип употребляется в буквальном значении, соответствующий же фразеологизм создается в результате переосмысления его.

Например, оборот *one's outward Adam*. Имя *Adam* имеет буквальное значение «первый мужчина, созданный Богом». Позднее этот оборот приобрел новое значение «бренная плоть, тело».

б) вариант библийского прототипа становится фразеологизмом. Так, например, оборот *live on the fat of the land* – жить в роскоши, жить припеваючи (ср. кататься как сыр в масле) вытеснил библийский прототип *eat the fat of the land*, который не вошел во всеобщее употребление.

в) изменение формы образного библийского оборота.

Фразеологизм *a drop in the bucket* (капля в море) является измененным библийским выражением: *Behold the nations as a drop of a bucket...*

г) компоненты фразеологизма употребляются в Библии в своих буквальных значениях, но не образуют переменного сочетания.

Фразеологизм *loaves and fishes* означает «земные блага». *Loaves* (хлебы) и *fishes* (рыбы) употребляются в евангельском предании о том, как Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами сотни людей, собравшихся его слушать. В Библии употребляется слово *loaves* и слово *fishes*, но не сочетание *loaves and fishes*.

д) некоторые ФЕ восходят к библийскому сюжету, в котором упоминается лишь один компонент фразеологизма. Например, выражение *a doubting Thomas* (Фома неверующий) возникло из евангельской легенды о том, как один из апостолов, Фома, когда ему рассказывали о воскресении распятого Христа, не поверил этому.

е) создание фразеологизма в результате игры слов.

Фразеологическая единица *the land of Nod* (царство сна) возникло в результате игры слов, основанной на одинаковом звучании английских слов *nod* – дремота и *Nod* – название библийской земли Нод, куда был сослан Каин после убийства Авеля. Выражение создано Свифтом: *go into the land of Nod* – отправиться спать.

Наиболее распространенной классификацией английских фразеологических единиц является тематическая. В ее рамках разными учеными выделяются группы фразеологизмов по семному составу значений. Классификация имеет основные типы, сформированные по наличию основной архисемы (например, испытывать эмоции), которые далее делятся на более частные группы (такие, как волнение, страх, безразличие и т. д.).

Применяется также и классификация по соотношенности фразеологизмов с определенными частями речи (так называемая смысловая классификация). В основе разделения – принадлежность основного слова выражения к какой-либо части речи:

– глагольные устойчивые сочетания: *not to know somebody from Adam*, *to laugh like little Audrey* и др.

– устойчивые сочетания с прилагательными: *a proper Charlie*, *clever Dick*, *a coal-oil Johnny*, *a Judas kiss*, *Platonic love*, *a Nosey Parker* и др.

– устойчивые сочетания с существительными: *throw a sop to Cerberus, Tom Thumb, the thread of Ariadne* и др.

– устойчивые выражения с предлогами: *the vicar of Bray, according to Cocker, go for a Burton, face/be faced with a Hobson's choice* и др.

Семантическая классификация Виноградова В. В. была переработана в соответствии с английским языком Куниным А. В. Он последовательно разрабатывал структурный аспект английских фразеологических единиц. Также Кунин А. В. разработал, помимо вышеуказанной классификации фразеологических единиц по соотносительности с частями речи, и классификацию английских фразеологизмов с точки зрения их происхождения. Он выделил следующие категории: собственно английские (которые он подразделяет по времени возникновения на древне-английские, средне-английские, ново-английские) и заимствованные (в том числе библеизмы: *Achilles' heel, one's own flesh and blood*, грецизмы и т. п.).

Смирницкий А. И. делит английские устойчивые выражения на:

– те, которые обладают яркой экспрессией и эмоциональной маркированностью (*imaginative, expressive and emotional*): *(even) Homer sometimes nods, Homeric laughter, a doubting Thomas*

– и те, которые лишены этого, стилистически нейтральные: *keep up with the Joneses, Morton's fork, Murphy's law, Adam's ale (или wine)*

Арнольд И. В.⁵ делит английские фразеологизмы на так называемые *set-expressions, semi-fixed combinations and free phrases*, что в целом соответствует классификации Виноградова В. В.⁶ Как известно, фразеологизмы возникают из свободного сочетания слов, которое употребляется в переносном значении. Постепенно переносность забывается, стирается, и сочетание становится устойчивым. В зависимости от того, насколько стираются номинативные значения компонентов фразеологизма, насколько сильно в них переносное значение, В. В. Виноградов и делит их на три типа: «фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания»:

1. Фразеологические сращения – семантически неделимые обороты, значение которых совершенно не выводимо из значений составляющих его компонентов. Например, *Tom Thumb, between Scylla and Charybdis*.

Фразеологические сращения возникли на базе переносных значений их компонентов, но впоследствии эти переносные значения стали

непонятны с точки зрения современного языка. Образность фразеологических сращений раскрывается только исторически. Подобное наблюдается во фразеологизме *between Scylla and Charybdis* – между Сциллой и Харибдой, между двух огней, который связан с мифологией. Scylla – морской монстр-женщина, которая пожирала моряков, когда они попытались проплыть через узкий канал между ее пещерой и водоворотом Charybdis. В более поздней легенде Scylla была опасной скалой, расположенной на итальянской стороне Мессинского пролива.

Фразеологические сращения обладают рядом характерных признаков:

– в их состав могут входить так называемые некротизмы – слова, которые нигде, кроме данного сращения, не употребляются, непонятны вследствие этого с точки зрения современного языка;

– в состав сращений могут входить архаизмы;

– они синтаксически неразложимы;

– в них невозможна в большинстве случаев перестановка компонентов;

– они характеризуются непроницаемостью – не допускают в свой состав дополнительных слов.

Утрачивая свое самостоятельное лексическое значение, слова, входящие в структуру фразеологического сращения, превращаются в компоненты сложной лексической единицы, которая приближается по значению к отдельному слову. Поэтому многие фразеологические сращения синонимичны словам: *Tom Thumb* – *midget* (крошка, карлик, лилипут). Но не стоит забывать, что с точки зрения стилистики ФЕ и слово далеки друг от друга.

2. Фразеологические единства – устойчивые обороты, в которых, тем не менее, отчетливо сохраняются признаки семантической раздельности компонентов. Например, *the thread of Ariadne, Adam's apple*.

Фразеологические единства несколько сближаются с фразеологическими сращениями своей образностью, метафоричностью. Но в отличие от фразеологических сращений, где образное содержание раскрывается только диахронически, во фразеологических единствах образность, переносность осознается с точки зрения современного языка. Недаром академик В. В. Виноградов считает образность характерным признаком только фразеологических единств: «Связь между компонентами фразеологического единства мотивирована, отчетливо ощущается метафоризация»⁷. Для понимания фразеологиче-

⁵ Арнольд, И. В. *Стилистика современного английского языка* / И. В. Арнольд. – М.: Просвещение, 2000. – 304 с.

⁶ Виноградов, В. В. *Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины* / В. В. Виноградов // *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. – М., 1997. – 354 с.

⁷ Там же. – С. 105.

ского единства необходимо его компоненты воспринимать в переносном значении.

В составе фразеологических единств нет слов, не понятных с точки зрения современного языка.

Характерные признаки фразеологических единств:

- яркая образность и вытекающая отсюда возможность совпадения с параллельно существующими словосочетаниями;

- сохранение семантики отдельных компонентов;

- невозможность замены одних компонентов другими;

- эмоционально-экспрессивная окрашенность играет решающую роль;

- способность вступать в синонимические отношения с отдельными словами или другими фразеологизмами.

Фразеологические сочетания – устойчивые обороты, в состав которых входят слова как со свободным значением, так и с фразеологически связанным, несвободным (употребляемым лишь в данном сочетании). Фразеологические сочетания являются устойчивыми оборотами, однако их целостное значение следует из значений составляющих их отдельных слов. Например, *in the arms of Morpheus*, *Johnny on the spot*.

В отличие от фразеологических сращений и фразеологических единств, обладающих целостным неразложимым значением, фразеологические сочетания характеризуются смысловой разложимостью. В этом отношении они сближаются со свободными словосочетаниями.

Характерные признаки фразеологических сочетаний:

- в них допустима вариантность одного из компонентов;

- возможна синонимическая замена стержневого слова;

- возможно включение определений;

- допустима перестановка компонентов;

- обязательно свободное употребление одного из компонентов и связанное употребление другого.

Выдвижение воспроизводимости в качестве основного признака фразеологизмов позволило профессору Н. М. Шанскому развить дальше классификацию академика В. В. Виноградова и выделить четвертый тип фразеологических единиц – так называемые «фразеологические выражения».

К фразеологическим выражениям относятся такие устойчивые в своем составе и употре-

блении фразеологические обороты, которые целиком состоят из слов со свободным номинативным значением и семантически членимы. Их единственная особенность – воспроизводимость: они используются как готовые речевые единицы с постоянным лексическим составом и определенной семантикой.

Фразеологические выражения – это только обороты с буквальным значением компонентов. В состав фразеологических выражений включают многочисленные английские пословицы и поговорки, которые употребляются в прямом значении, не имеют образного аллегорического смысла: *Bacchus has drowned more men than Neptune* – «Бахус утопил больше людей, чем Нептун», *Pandora's box* – ящик Пандоры, *the brand of Cain* – каинова печать.

Таким образом, классическая классификация фразеологических единиц Виноградова В. В.⁸ также применима и к английскому материалу, хотя наиболее представленной в литературе является структурная классификация английских устойчивых выражений по соотносительности с частями речи. Каждый автор определяет свои критерии соотносительности того или иного многокомпонентного фразеологизма с той или иной частью речи.

Другим критерием для классификации фразеологических оборотов Н. М. Шанский считает их структуру, поскольку в качестве воспроизводимых языковых единиц фразеологические обороты всегда выступают как структурное целое составного характера, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам слов, находящихся между собой в разных синтаксических отношениях. По этому признаку фразеологизмы Шанский Н. М.⁹ разделил на две группы:

- соответствующие предложению: *Bacchus has drowned more men than Neptune* – «Бахус утопил больше людей, чем Нептун»;

- соответствующие сочетанию слов: *Teddy bear* – плюшевый мишка, медвежонок (детская игрушка).

Фразеологические обороты, относящиеся к первой группе, Шанский Н. М., в свою очередь, разделил на две группы по значению:

- номинативные – фразеологизмы, называющие то или иное явление действительности, выступающие в функции какого-либо члена предложения: *in the arms of Morpheus* – во сне;

- коммуникативные – фразеологизмы, передающие целые предложения, употребляющиеся или самостоятельно, или в качестве части струк-

⁸ Виноградов, В. В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1997. – 354 с.

⁹ Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М.: Высш. шк., 1969 – 232 с.

турно более сложного предложения: *appeal from Philip drunk to Philip sober* – *просить кого-либо трезво подумать и пересмотреть скороспелое решение*.

Взяв за основу классификацию фразеологических оборотов по структуре соответствующих сочетанию слов, можно выделить следующие типичные группы сочетаний:

1. «имя прилагательное + имя существительное»

Имя существительное и имя прилагательное могут быть семантически равноправны, и оба являются смыслообразующими компонентами: *nice Nelly* – *ханжа*, *bluestitle* *nравов*, *Augean stables* – *авгиевы конюшни*.

2. «имя существительное + форма родительного падежа имени существительного»

Такие фразеологические обороты по значению и синтаксическим функциям эквивалентны имени существительному: *the thread of Ariadne* – *нить Ариадны*, *the vicar of Bray* – *беспринципный человек*, *renegat*, *приспособленец*.

3. «глагол + имя существительное»

Фразеологизмы данной группы в основном являются глагольно-предикативными и в предложении выступают в роли сказуемого, порядок расположения компонентов и их семантическое соотношение могут быть разными: *break Priscian's head* – *нарушать правила грамматики*, *bend the bow of Ulysses* – *«согнуть лук Одиссея», то есть сделать что-либо чрезвычайно трудное*.

4. «конструкции с сочинительными союзами»

Компоненты фразеологизма представляют собой однородные члены предложения, выраженные словами одной и той же части речи, порядок расположения компонентов закреплённый: *Brown, Jones and Robinson* – *«Браун, Джонс и Робинсон»*, *простые, рядовые англичане*; *Gog and Magog* – *Гог и Магог (две статуи в Лондонской ратуше)*.

Следует отметить, что наиболее развитой теорией фразеологии отличается русское языкознание, в котором разработаны многие аспекты фразеологических единиц: их семантика, структурная слитность, компонентный состав, происхождение. Русские ученые занимались исследованием фразеологических систем не только русского, но и многих иностранных языков.

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации.

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение.

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ В РАМКАХ ПРОЕКТА «СРАВНЕНИЯ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Современная языковая ситуация вновь и вновь обращает нас к таким понятиям, как филологическая культура, языковая личность, понятиям, хорошо известным из таких смежных областей лингвистических наук, как психолингвистика, речевая коммуникация, лингводидактика. Если под филологической культурой в широком смысле мы понимаем ответственность перед словом, умение работать со словом, интерес к феномену языка вообще, способность уважения к родному языку каждого человека, становящегося личностью, то важный источник в становлении языковой личности мы видим в изучении языка художественной литературы на материале прецедентных текстов.¹

Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании современной языковой личности обусловлена теми свойствами, которыми подобные тексты обладают. Во-первых, эти тексты «значимы для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях»; во-вторых, эти тексты имеют сверхличностный характер, «то есть хорошо известны широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников»; в-третьих, обращение к таким текстам происходит неоднократно в дискурсе данной языковой личности.²

Знание прецедентных текстов, неоднократно обращение к ним не только повышают речевую культуру человека, но и формируют уровни структуры языковой личности (вербально-семантический, лингвокогнитивный, прагматический), являются показателем принадлежности личности к данной эпохе и культуре. Состав прецедентных текстов формируется из произведений русской и мировой классики и насчитывает три способа существования. В нашем исследовании представлен третий способ – семиотический – вторичные размышления по поводу исходного текста, когда мы используем лишь фрагменты текста, коммуникативно значимые в данном дискурсе.

В качестве фрагментов прецедентного текста в нашем исследовании использованы сравнения из книги А. П. Чехова «Остров Сахалин».

Обращение к описанию сравнений в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» является, на наш взгляд, актуальным для современной теории коммуникации и лингвосомиотики. Компонент культуры, относящийся к прошлому веку, не менее актуален для века нынешнего, для ментальных характеристик коммуникативного акта сегодняшней языковой личности.

Известно, что имена выдающихся деятелей не только остаются в анналах истории. Происходит еще один важный процесс: эти имена становятся лексическими компонентами соответствующего языкового ряда, а поскольку каждое слово порождает целые серии ассоциаций, то у имени собственного ассоциаций оказывается не меньше, чем у обычного слова. Таким ассоциативно насыщенным словом для нас стало в литературе имя А. П. Чехова. При упоминании его имени рождается ассоциативный ряд, связанный с высоким уровнем владения языком: умение писать кратко («Краткость – сестра таланта», – говорил сам А. П. Чехов), просто («волшебная способность в хаосе слов находить «простые словечки»), образно, музыкально («звуковой оттенок придает каждому прозаику свойственное ему своеобразие»).

В нашем исследовании используется ассоциативный подход, с помощью которого прецедентный текст вводится в дискурс языковой личности школьника, тем самым актуализируется в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации. Ассоциативный подход является одним из множества существующих в психолингвистике подходов, связанных с функционированием слова в сознании человека и формирующих сознательный (лингво-когнитивный) уровень языковой личности. С помощью этого подхода мы можем найти ответ на очень важный для речевой коммуникации вопрос: как автору удается

¹ Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М., 2007. – С. 28.

² Там же. – С. 216.

выбрать нужную ассоциацию для более точного выражения коммуникативного намерения. В центре внимания оказываются ассоциативное значение слова, специфическая структура ассоциаций, глубинные связи и отношения, которые складываются в процессе создания словесного образа.

Одним из способов ассоциативного выражения словесного образа мы считаем сравнения как художественно-изобразительное средство. Сравнения выделяются из многочисленных и многообразных компаративных связей предметов и явлений действительности, устанавливаемых индивидуально-речевыми актами образного сопоставления. Индивидуально-творческие образные сравнения ассоциируются прежде всего со сравнениями литературными. Однако индивидуально-творческими являются также и те никем не фиксируемые образные сопоставления, которые непрерывно порождаются в повседневной устной речи. Сравнения, воспроизводимые в речи как отражение реальной действительности в коммуникативном акте, дискурсивно обусловлены и национально специфичны.

В творческой манере А. П. Чехова есть еще одна необыкновенная черта: ярко выраженный лиризм чеховского повествования. Этот сдержанный, как будто завуалированный, лиризм проявляется и в суровом гражданском повествовании «Острова Сахалин». Лиризм этот отражен в чеховских сравнениях. Сравнение стремится внести в отражение действительности то общее ее понимание, которое свойственно писателю. Конкретное содержание сравнений, сопоставляемые в них явления, тот колорит, который они им придают, их функции – все это становится моментом образного отражения писателем действительности. Слово-стимул в чеховских сравнениях вызывает совершенно неожиданную ассоциацию. Но вместе с тем слова-реакции в структуре сравнения (то, с чем сравнивается) имеют зачастую национальную маркированность.

Например:

*В первый день идти мучительно, выбиваешься из сил, на другой день болит все тело, но идти все-таки уж легче, а в третий и затем следующие дни чувствуешь себя как на крыльях, точно ты не идешь, а несет тебя какая-то неведомая сила...*³ (Здесь и далее выделено нами – Т. Т., Н. В.) (с. 131).

Это место, помимо красоты положения, чрезвычайно, богато красками, так что трудно обойтись без устаревшего сравнения с пестрым ковром или калейдоскопом (с. 102).

Ввиду сложности языковой материал, предлагаемый нами, рекомендуем использовать в

старших классах. Настоящее «погружение» в стихию родного языка может происходить не только на уроках словесности, но и в процессе исследовательской работы. Большое количество сравнений может дать основу для школьного исследовательского проекта «Сравнения в книге А. П. Чехова “Остров Сахалин”». После этапа выборки сравнений из текста участники проекта приступают к анализу, описанию, систематизации собранного материала. Например, одно из заданий может быть таким: выделите из собранного материала сравнения, выраженные не сравнительным оборотом или придаточным сравнением, а другим способом.

Школьники приходят к выводу, что сравнения у Чехова могут быть выражены лексически (то есть описательным способом) при помощи слов **подобный, похожий, кажется** и т. п. Эти сравнения выразительны, эмоционально-экспрессивны, сближены по функции с метафорой. Например:

Когда усковцы со своими семьями собрались около надзирательской, где мы пили чай, и когда женщины и дети, как более любопытные, вышли вперед, то толпа стала походить на цыганский табор (с. 130).

Или:

Чем дальше от Александровска, тем долина становится уже, потемки густеют, гигантские лопухи начинают казаться тропическими растениями, со всех сторон надвигаются темные горы (с. 50).

Или:

Я стоял один на корме и, глядя назад, прощался с этим мрачным мирком, оберегаемым с моря Тремя Братьями, которые теперь едва обозначались в воздухе и были похожи впотмах на трех черных монахов... (с. 153)

Школьники отмечают, что ряд подобных сравнений связан у Чехова с ностальгическими настроениями, тоской по той России, которая сейчас далеко и кажется недостижимой:

Тут даже местность похожа на Россию. Это сходство, очаровательное и трогательное для ссыльного, особенно заметно в той части равнины, где находится селение Рыковское... (с. 132).

Внешностью своею Корсаковка до обмана похожа на хорошую русскую деревишку, и притом глухую, которой еще не коснулась цивилизация (с. 88).

В Корсаковке есть дом, который своими размерами, красною крышей и уютным садом напоминает помещичью усадьбу средней руки (с. 90). *Дни стояли хорошие, с ясным небом и с прозрачным воздухом, похожие на наши осенние дни* (с. 49).

³ Здесь и далее цит. по кн.: Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М., 1984. – 368 с.

Но все-таки наиболее употребительны у Чехова союзные сравнения (с союзами **как, как бы, как будто, словно, точно, чем, чем... тем**). Такой вывод делают школьники, выполнив еще одно задание: проведите анализ и описание союзных сравнений. Найдите принцип классификации союзных сравнений (сравнительный оборот в простом осложненном предложении, придаточное сравнения в сложноподчиненном предложении).

Грамматическая форма таких построений весьма разнообразна, как многообразна и их семантика. Например:

Жена его сидит около дома в палисаднике, как маркиза, и наблюдает за порядком (с. 126).

Около тюрьмы ходят часовые, кроме них, кругом не видно ни одного живого существа, и кажется, будто они стерегут в пустыне какое-то необыкновенное сокровище (с. 71).

Встречаются у Чехова сложные конструкции с двойным развернутым сравнением, относящимся к одному и тому же предмету или лицу или имеющим разные объекты и признак сравнения. Например:

Она ходит по своей камере из угла в угол, и кажется, будто она все время нюхает воздух, как мышь в мышеловке, и выражение лица у нее мышиное (с. 71).

Или:

По дороге встречаются бабы, которые укрылись от дождя большими листьями лопуха, как косынками, и оттого похожи на зеленых жуков (с. 102).

Выявление особенностей семантики союзных сравнений возможно с помощью, например, такого задания: попробуйте заменить союз КАК другими сравнительными союзами. Всегда ли возможна или удачна такая замена?

Функционально-семантический и стилистический аспекты исследования позволили школьникам в ходе работы над проектом сделать вывод о том, что в использовании сравнений Чехов достигает своей главной цели – в сознании читателя возникает нужный автору образ, отражающий действительность, дискурсивно обусловленный. Например, сравнения, отражающие внутреннее состояние людей, с которыми встречается писатель, их настроение. Чаще всего эмоции, чувства сравниваются с мрачными, унылыми картинами действительности, что отражает общее психологическое состояние сахалинской каторги, какой ее увидел А. П. Чехов. Например:

Ни песен, ни гармоник, ни одного пьяного, люди бродили, как тени, и молчали, как тени. Каторга и при бенгальском освещении остается каторгой... (с. 49).

Громадная казенная квартира с высокими и широкими комнатами, в которых гулко и одиноко раздаются шаги, и длинное тягучее время, кото-

рое некуда девать, угнетают его до такой степени, что он чувствует себя как в плену (с. 139).

Выражение лица не выдает в нем дикаря; оно у него всегда осмысленное, кроткое, наивно-внимательное; оно или широко, блаженно улыбается, или же задумчиво-скорбно, как у вдовы (с. 146).

Но скоро и это все исчезло, и остались лишь потемки да жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна (с. 154).

Примечательно, что если в сравнениях, используемых автором при описании внешности или внутреннего состояния человека, преобладают существительные и при них одиночные распространенные или однородные определения, эпитеты, эмоционально экспрессивные слова, то в сравнениях, используемых Чеховым для пейзажных зарисовок, больше динамики, в обоих или в одном из элементов таких сравнений обычно есть скрытое сравнение-метафора, выраженное глаголами, глагольными формами и отглагольными существительными, поясняющими действие, состояние или признак действия. Например:

На песке, где волны уже разбиваются в пену и, точно утомленные, катятся назад, коричневым бордюром лежит по всему побережью морская капуста, выброшенная морем (с. 168).

Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать в отчаянии: «Боже, зачем ты нас создал?» (с. 92).

Только на самом северном конце равнины, где местность вновь делается холмистой, природа на небольшом пространстве, у преддверия в вечно холодное море, точно хочет улыбнуться на прощание... (с. 204).

Следует отметить – редко в описаниях сахалинской природы у Чехова встретишь светлые, красочные сравнения, отражающие положительное эмоциональное восприятие окружающего мира. Писатель еще и еще раз подчеркивает непригодность острова для жизни людей в силу невыносимых, на его взгляд, климатических и природных условий. И этот изобразительный прием в описании природы достигает цели: Сахалин читателю представляется унылым, мрачным местом, в котором не может выжить человек. Кажется, что и природа ополчилась против людей, вопреки своей воле попавших на остров, и губит, убивает их:

Ни сосны, ни дуба, ни клена – одна только лиственница, тощая, жалкая, точно огрызенная, которая служит здесь не украшением лесов и парков, как у нас в России, а признаком дурной, болотистой почвы и сурового климата (с. 41).

Было темно и тихо. Море глухо шумело и звездное небо хмурилось, как будто видело, что в природе готовится что-то недоброе.

Река Дуйка, всегда убогая, грязная, с лысыми берегами, а теперь украшенная по обе стороны разноцветными фонарями и бенгальскими огнями, которые отражались в ней, была на этот раз красива, даже величественна, но и смешна, **как кухаркина дочь**, на которую для примерки надели барышнино платье (с. 49).

Такие сравнения используются и в описании сахалинских селений:

В первые минуты, когда въезжаешь на улицу, Дуэ дает впечатление небольшой старинной крепости: ровная и гладкая улица, **точно плац для маршировки...** (с. 106).

Теперь же почти половина домов покинута своими хозяевами, полуразрушена, и темные окна без рам глядят на вас, **как глазные впадины черепа** (с. 27).

Стены и потолок, **казалось, были покрыты траурным крепом**, который двигался, **как от ветра...** Слышались шуршание и громкий шепот, как будто тараканы и клопы спешили куда-то и совещались (с. 124).

Выразительны у Чехова портретные характеристики. В описании внешности автор находит такие ассоциации, выделяет такие признаки для сравнений, которые вызывают сострадание к человеку, желание чем-то помочь убогому, жалкому, страдающему:

...Все они отощали **и словно облезли**, но глядят бодро. Я был тут в 5 часов утра, когда поселенцы только что встали. Какая вонь, темнота, давка! Головы разломаченные, точно всю ночь у этих людей происходила драка, лица желто-серые и, спросонья, **выражения как у больных или сумасшедших** (с. 117).

...Невьющиеся жесткие волосы у них висят через лицо патлами, **точно солома на старом сарае** (с. 187).

Часто объектами ассоциативных сравнений избраны представители мира природы. Словно люди, находясь в таких невыносимых условиях, теряют человеческое и во внешности, и в характере. Например:

Ему лет сорок, и представляет он из себя человека неуклюжего, неповоротливого, как говорится, увальня, с простодушным, на первый взгляд, глуповатым лицом и с широким, **как у налима**, ртом (с. 81).

В одной избе помещается мужик, мохнатый, **как паук**, с нависшими бровями, каторжный, грязный... (с. 101).

Сравнения у Чехова в «Острове Сахалин» несут не только смысловую, но и эстетическую нагрузку и являются одним из важных средств выражения гражданской позиции автора. В письме к А. С. Суворину А. П. Чехов пишет: «Я видел **все**: стало быть, вопрос теперь не в том, **что** я видел, а **как** видел»⁴. Языковое сознание автора в использовании сравнений актуализировано представлением реальной действительности в коммуникативном пространстве текста. При восприятии анализируемых сравнений в приведенных фрагментах текста актуализируется для современного читателя весь прецедентный текст, то есть приводится в состояние готовности для использования в дискурсе по разным параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических (содержательных или формальных) характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний.

В заключение отметим: успешность занятий языком определяют не только знания и умения, но и чувство языка, любовь к слову. Общение с текстами мастеров слова и воспитывает это чувство прекрасного, чувство гармонии.

⁴ Чехов, А. П. В человеке все должно быть прекрасно / А. П. Чехов. – М., 1980. – С. 56.

РАЗДЕЛ VI

ВОПРОСЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В ШКОЛЕ

Предлагаемые материалы ориентированы на учителей средних общеобразовательных школ Сахалинской области при изучении курса «Краеведение». Материалы включают в себя семь тем, в процессе освоения которых ученикам дается общее теоретическое представление о литературном краеведении и о ряде произведений (фольклорного характера и собственно литературного). Все материалы подобраны с учетом психолого-педагогических особенностей учеников 5-го класса. Приводимые тексты художественной литературы соответствуют основным проблемам, рассматриваемым в курсе обязательного школьного предмета «Русская литература» 5-го класса средней общеобразовательной школы. В виду того, что предлагаемые материалы могут быть не только использованы на уроках учителями, но и самостоятельно прочитаны школьниками, автор попытался использовать простой, доступный для детей язык. Кроме того, в материалах дается полная расшифровка имени и отчества того или иного автора, с обязательным указанием дат рождения и смерти упоминаемых представителей русской национальной истории и культуры.

Все предлагаемые материалы апробированы на занятиях вариативного курса «Сахалинская детская книга», читаемом при подготовке студентов направления «педагогическое образование» (профиль: «начальное образование») в Сахалинском государственном университете.

Предлагаемые для изучения поэтические тексты, а также небольшой формы прозаические образцы в материалах приводятся целиком или фрагментарно. На более объемные произведения даются необходимые библиографические ссылки для облегчения поиска текстов учителями и школьниками.

Тема 1. ЛИТЕРАТУРА О РОДНОМ КРАЕ И ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ

1. Ранние упоминания о Сахалине и Курильских островах в русской литературе

Первооткрыватели Дальнего Востока, возвращаясь в родные края, составляли особые отчеты обо всем, что им удалось увидеть во время путешествий. Эти отчеты могли носить самые разные названия – «расспросные речи», «скаски» или даже «отписки». И именно эти тексты

способствовали созданию первых впечатлений о дальневосточных землях, в том числе – о Сахалине и Курильских островах.

Рассказы и иные живые свидетельства путешественников становились бесценным материалом для литературного творчества их современников. Нередко никогда не бывавшие на Дальнем Востоке писатели идеализировали неизвестный им мир. В середине XVIII века русский ученый и поэт **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711–1765) в одной из своих од, обращенных к императрице Елизавете Петровне, так описывал Тихий океан и «посеянные» на нем острова:

Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежных весны;
Питаюсь в рощах ароматных
И плаваю в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

В представлении Ломоносова Дальний Восток был благодатным краем. А полвека спустя другой русский поэт **Гавриил Романович Державин** (1743–1816), вспоминая мореплавателей Давыдова и Хвостова и обращаясь к музе, называл природные силы Тихого океана «грозными», «свирепыми» и «бездонными»:

И юных двух отважных
Сподвижников оплачь,
Что сквозь стихиев грозных
И океанских бездн
Свирепых и бездонных,
Колумбу подражая,
Два раз Титана вслед
Прошли к противуножным.
Меж гор лазурных, льдистых,
Носящихся в волнах...

2. Сахалин и Курильские острова в русской литературе XIX и XX веков

В начале XIX века самой полной и достоверной книгой о Дальнем Востоке России и его ближайшем соседе – Японии стали изданные в 1816

году «Записки флота капитана Головнина оключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе». Автор «Записок...» – **Василий Михайлович Головнин** (1776–1831) – русский мореплаватель, воспитатель целой плеяды знаменитых подвижников России, в том числе и **Фёдора Федоровича Матюшкина** (1799–1872), лицейского друга **Александра Сергеевича Пушкина** (1799–1837).

Книга Головнина, рекомендованная **Львом Николаевичем Толстым** (1828–1910) для обязательного чтения детям, была переведена почти на все языки стран Западной Европы. Особое место в «Записках...» отведено рассказу об айинском переводчике, жителе Курильских островов, которого русские путешественники называли Алексеем Максимовичем. Автор ценит доброту, отзывчивость и честность этого человека, восхищается его уважительным отношением ко всем людям. Изображение коренных народов Дальнего Востока и, прежде всего, Курильских островов в русской литературе впервые встречается именно в документально-исторической прозе Головнина.

Эпизодические упоминания о Сахалине есть и в книге **Ивана Александровича Гончарова** (1812–1891) «Фрегат «Паллада». Судно, на котором плыл русский писатель в 1853 году, проходило недалеко от южных границ острова.

В самом конце XIX века на Сахалине побывал русский писатель **Антон Павлович Чехов** (1860–1904), нарисовавший правдивый образ каторжного острова. Поездка писателя была нелегкой – он проделал сложный путь через всю Россию. Тяготы пути не сломили писателя. Он провел большую работу по переписи и обследованию населения Сахалина. Результатом его пребывания на Дальнем Востоке стала книга «Остров Сахалин», увидевшая свет в 1895 году. В ней Чехов развенчал сложившиеся в царской России иллюзии о благополучном устройстве каторжан. В тяготах жизни каторжных сахалинцев, – писал Чехов, – «...виноваты не смотрители, а все мы».

Интерес к Сахалину и Курильским островам продолжился в творчестве писателей XX столетия. Рассказы об островном крае, о его богатой истории, о загадочных морских просторах, об удивительных силах природы, о нетронутых человеком заповедных местах, о необычных людях можно найти в произведениях **Власа Михайловича Дорошевича** (1865–1922), **Алексея Силыча Новикова-Прибоя** (1877–1944), **Валентина Саввича Пикуля** (1928–1990), **Николая Павловича Задорнова** (1909–1992) и других авторов.

3. Русская литература XX века на Сахалине и Курильских островах

Литература Сахалина и Курильских островов активно развивалась в советское время.

Говорят, мы живем
У земли на краю.
Сахалином зовем
Нежно землю свою, –

так начинается одно из стихотворений **Валентина Анатольевича Богданова**, который родился и вырос далеко за пределами Дальнего Востока, но именно на Сахалине и Курильских островах состоялся как журналист и поэт. Судьба этого человека типична для Дальнего Востока. В послевоенные годы литература родного края славилась именами многих талантливых поэтов и писателей, приехавших на острова: **Евгения Дмитриевича Лебкова**, родившегося на Брянщине, свердловчанина **Владимира Владимировича Денисова**, одессита **Михаила Петровича Финнова**, астраханца **Бориса Петровича Репина**. Эти и многие другие авторы, в числе которых были, конечно же, и коренные сахалинцы и курильчане, своим творчеством укрепляли и развивали дальневосточную литературу нового времени.

Сегодня сахалинские поэты и писатели известны далеко за пределами родного края. Это **Анатолий Самуилович Тоболяк**, **Анатолий Сергеевич Ткаченко**, **Николай Антонинович Тарасов**, **Олег Николаевич Кузнецов**, **Роман Хе**. А с богатым литературным наследием **Владимира Михайловича Санги** или **Анатолия Андреевича Кима** знакомы и зарубежные читатели. Произведения дальневосточных авторов публикуются в центральных книжных издательствах, в известных российских журналах и газетах.

На Сахалине работают детские поэты и писатели – **Иван Григорьевич Рогожкин**, **Анатолий Алексеевич Дёшин**, **Елена Владимировна Намаконова**, **Наталья Константиновна Капустюк**, **Людмила Степановна Сапрыгина-Антипина** и другие. Сахалинские авторы пишут юмористические стихи, волшебные сказки и сказочные истории о животных, приключенческие и исторические повести, рассказы о дружбе, о природе островного края. В истории литературы Сахалина и Курильских островов существовал и долитературный период, связанный с мифологическим творчеством коренных народов Севера. Коренные народы Дальнего Востока создавали мифы и легенды, сказания и предания. Родившиеся в глубокой древности, они сохранены до наших дней.

Тема 2. МИФЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

1. Мифы Сахалина и Курильских островов как культурное достояние коренных народов Севера

В мифологическом творчестве коренных народов Сахалина и Курильских островов раскры-

ваются представления древних людей о мире – сотворении земли, рождении человека, появлении животных и растений. Айнские, нивхские, уйльтакие, эвенкийские, нанайские мифы создавались коллективно. На протяжении многих лет их содержание могло меняться и дополняться.

Когда жители дальневосточных поселений узнавали, что к ним приехал сказитель, они оставляли свои занятия, собирались вместе и слушали сказания предков. У айнов мастерство сказителей ценилось очень высоко. Хранители старины не занимались иной работой – им были чужды рыбный промысел или охота. В древние времена дальневосточные народы не обладали письменным языком, поэтому легенды и предания существовали только в устной форме. К сказителям предъявлялись обязательные требования – хорошая память и мелодичный голос. Интересно, что одна из айнских легенд в современной записи могла бы занять свыше одной тысячи страниц.

Нивхские сказители говорили: «Тылгур¹ – правда. Сочинять от себя – грех». Поэтому слушатели воспринимали все события в мифах как реальные. Мифологическое творчество народов Сахалина и Курильских островов бережно хранилось на протяжении многих столетий сказителями и рассказчиками, передавалось от одного поколения к другому. На основе мифов формировались и религиозные убеждения коренных народов Дальнего Востока: люди верили, что душа есть не только у человека, но у животных и у всего, что существует в природе – воды, камней, деревьев и многого другого. А невидимый человеческому глазу мир заселен различными божествами.

2. Отечественные исследователи мифологии Сахалина и Курильских островов

Мифы, сказания, предания и легенды коренных народов Сахалина и Курильских остров современными читателям известны по разным источникам. Одним из первых исследователей айнских мифов стал **Бронислав Осипович Пилсудский** (1866–1918). Вместе с Пилсудским героические мифы нивхов и других коренных народов Дальнего Востока изучал знаменитый этнограф **Лев Яковлевич Штернберг** (1861–1927). Но наиболее полное собрание долитературных памятников нивхского народа подготовлено, обработано и изучено **Владимиром Михайловичем Санги**. О добром и мужественном характере нивхов, о победе добра над злом рассказал в легендах **Василий Васильевич Чесалин**. Эвенкийские сказы, древние сказания и предания записал **Семен Александрович Наденин**. По этнографическим работам современные читатели имеют возмож-

ность познакомиться с мифологическим творчеством народов родного края, попытаться понять их религиозные и нравственные ценности. Каким же представляли себе мир коренные народы Сахалина и Курильских островов?

3. Представления о мире и рождении первого человека в мифологии Сахалина и Курильских островов

Айны полагали, что мироздание включает в себя верхний и нижний «миры», а каждый из «миров» имеет еще и шесть ярусов. Жизнь айнских племен относилась к первому ярусу верхнего мира. «Мир» этот устроен в виде острова, располагающегося на спине лосося. В айнской мифологии существовало несколько версий о происхождении человека: например, от вяза или от небольшой птички, похожей на трясогузку. По отцу или по матери айны всегда были носителями божественного начала.

Согласно нивхским мифам, мир делился на три уровня: верхний (небо), средний (земля) и нижний (подземный мир). В языке древних нивхов Сахалин назывался землей Ых-мифа (или Ыг-мифа). В каждом нивхском роду имелись свои мифы о появлении первого человека. По преданию рода Кевонгов нивх родился от капли смолы лиственницы. Сказители других родов утверждали, что их предки появились от брака человека и рыбы, от тигра или медведя.

Эвенки верили, что существует пять земель: верхняя и средняя земли, морские острова, земля сумрачности и холода и подземный мир. Первый эвенк носил имя Абданыкан, но не знал, откуда он появился. Благодаря своей находчивости, Абданыкан стал мужем небесной девы.

Большое место в культуре родного края отводится нивхской мифологии. В мифических сказаниях нивхов говорится и о других народах, населявших Сахалин и Курильские острова, – айнах и ороках.

4. Мифы нивхского народа в поэтическом изложении Владимира Санги

4.1. Детские годы

Владимир Михайлович Санги (род. в 1935) родился и вырос на Сахалине в стойбище Набиль в семье охотника-рыбака. Первые мифы своего народа он услышал от бабушки и матери.

В статье для журнала «Детская литература» Санги так рассказывал о своем непростом детстве, которое прошло на Дальнем Востоке: «... Была зима, военная: голодная, холодная и потому долгая. Мы жили в маленькой избушке-

¹ В переводе с нивхского языка слово «тылгур» означает предание, легенду или миф.

землянке: скрюченная ревматизмом мать, мой брат-подросток, сестрица еще меньше и я, едва помнивший себя. Рядом с нами, тоже в землянке, жила ослепшая бабушка – мать моей матери. В дни, когда погода позволяла, она, ведома посохом, ходила по домишкам других родов. Там, соблюдая древние нивхские обычаи, угощали кто чем мог, и она приносила нам в подоле все до крохи. Но когда разыгрывался буран, нашу бабушку заносило с трубой, становилось темным-темно <...>, и мы не знали, когда день, а когда ночь, теряли счет времени. Я, голодный, плакал, и мать в ожидании, когда бабушка нас откопает, и, желая отвлечь мои мысли от еды, рассказывала старинные предания». Самыми прекрасными, по воспоминанию писателя, были летние дни: бабушка «уходила из нашей деревни в ближайшую бухточку, ставила на ее песке посуху, а в прилив набежавшая вода одаривала слепую добытчицу рыбой. Бабушка пекла у костра бычка, а камбалу мы ели сырой. Потом запивали чаем из диких трав. И бабушка, довольная сытым днем, рассказывала мне очень древние мифы о сотворении мира, о том, кто и как создал рыбу, птиц и зверей».

В школьные годы Санги жил в интернате, куда съезжались дети из отдаленных селений и стойбищ. По его воспоминаниям, любимым занятием школьников, переживших военные годы, было рассказывание древних преданий, легенд и сказок, когда-то услышанных от родителей. Обычно это происходило холодными зимними вечерами: мальчики сдвигали свои кровати, укрывались несколькими одеялами и погружались в таинственный мир родовых историй.

4.2. Создание «Песни о нивхах».

Поэтическое богатство памятника

В течение тридцати лет Санги работал над расшифровкой магнитофонных записей сказителей нивхского народа – знаменитой певицы Хыткук из Ногликов, своей матери Полдох и других хранителей старины. Записанные на бумагу сказания и предания одного из древних народов легли в основу эпической поэмы «Песнь о нивхах», впервые опубликованной в Москве в 1989 году.

Текст этого произведения, состоящего из трех частей, написан Санги на нивхском языке, но переведен на русский язык талантливыми поэтами-переводчиками. В «Песни о нивхах» представлены мифы, сказания, исторические и родовые предания древнего народа Дальнего Востока. «С чего началась земля», «Отчего нивхов мало» или «Как нерпа стала невестой человека» – такие и

другие названия носят собранные в этой книге сказания и предания нивхов.

Традиционно нивхские сказания исполнялись особым образом – произносились нараспев. Иногда такое пение могло растягиваться на длинную ночь. Переводчики «Песни о нивхах» для русских читателей постарались сохранить мелодику древних сказаний, их языковое богатство.

Прочитайте два фрагмента из «Песни о нивхах»: «С чего началась земля» и «О двух девушках, которые оставили свои имена потомкам»².

Темы 3–4. СКАЗКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

1. Особенности сказок коренных народов Сахалина и Курильских островов

На Сахалине и Курильских островах бытуют сказки многих коренных народов Дальнего Востока. Айнские, нивхские, уйльтакие и другие сказки обладают неповторимым национальным колоритом, но при этом имеют и общие черты. Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов близки к мифологическим произведениям. Но если в мифах рассказывается о происхождении мира, об истории отдельных племен, о названиях тех или иных географических мест, то сказки имеют иное содержание и иное назначение. Основной целью сказки становится поучение. Через поступки и действия сказочных героев объясняется, что такое добро и что такое зло.

Очень часто в народных сказках Сахалина и Курильских островов основные события происходят в таежных буреломах, поросших густым лесом непроходимых сопках, на безлюдных побережьях или опасных морских просторах. Главный герой – человек – в сказках охотится в тайге или занимается рыбным промыслом, ищет наиболее благоприятное место для постройки своего жилища. Чаще всего сказочные события происходят в зимнее время года. Это объясняется особыми природно-климатическими условиями севера Дальнего Востока: преобладанием холодного времени года над теплым.

2. Животные в сказках коренных народов Сахалина и Курильских островов

Сказки о животных в фольклоре народов Дальнего Востока встречаются чаще, чем бытовые или волшебные. В сказках нередко объясняется, почему

² См.: Санги, В. Песнь о нивхах: Эпическая поэма в мифах, сказаниях, исторических и родовых преданиях / В. Санги ; пер. с нивхск. Н. Грудининой и др. – М. : Современник, 1982. – 372 с.

животные приобрели тот или иной облик или же особые повадки. Например, в нивхской сказке «Бурундук, кедровка и медведь» разъясняется, почему связаны тесной лесной дружбой маленькая птичка кедровка и бурундук, почему медведь не делает на зиму съестных запасов. А в другой нивхской сказке рассказывается о том, что тюлень стал обладателем пестрой кожи по вине камбалы. Тюлень в наказание за ее нерадивость и безответственность бросил в рыбу горсть морского песка, поэтому на теле камбалы теперь много колючих наростов.

Звери, птицы и рыбы в сказках коренных народов – помощники или противники человека. Они могут принимать человеческий облик, наделяются умением думать, нередко им свойственны хитрость и даже коварство. Однако человек в сказках всегда стремится к гармонии с окружающим его миром. Сказки учат смелости и находчивости при встрече с опасным животным, побуждают жить в дружбе со всей природой, разумно пользоваться дарами тайги и моря.

3. Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов в записи и обработке отечественных ученых и писателей

Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов дошли до современного читателя благодаря кропотливой работе ученых-этнографов и собирателей фольклора. Значительная заслуга в этом принадлежит **Брониславу Осиповичу Пилсудскому**, записавшему несколько десятков народных сказок. В процессе этнографических и языковых исследований изучением сказок занимался и **Лев Яковлевич Штернберг**. Многие сказки дальневосточных народов известны в литературной обработке **Владимира Михайловича Санги**, **Чунера Михайловича Таксами**, **Василия Васильевича Чесалина**, **Олега Павловича Кузнецова** и других авторов. Сказки нанайского народа переведены на русский язык **Андреем Александровичем Пассаром**. Эвенкийские сказки представлены в творческом наследии **Семена Александровича Надина**.

В результате литературной обработки (изложения сказочного повествования в соответствии с литературными нормами, уточнения сюжета и персонажей при сохранении языковой выразительности и этнических особенностей) сказки приобрели еще большую ценность. Айнские, нивхские, орокские, нанайские и другие сказки стали доступны большому числу читателей.

Сахалинской поэтессе **Елене Владимировне Намаконовой** чтение сказок дальневосточных народов навеяло следующие поэтические строки:

Над глубокой речкой Вени³,
Где ветра к деревьям льнут,
Тени прошлых поколений
Старый домик берегут.

Ветхий домик односкатный,
Кривобокий теремок,
Где теперь твой ароматный,
Словно трубочный дымок?

Хороводят в этом месте
Только ливень да метель,
Здесь единственная песня –
Скрип несмазанных петель...

Но когда ночные тени
Скроют огненный закат,
Над глубокой речкой Вени
Сказки старые звучат.

Их рассказывает ветер
И несет с собой волна,
Тихо вторит сказкам эти
Полноликая Луна,
Этот длинный шест пастуший,
И цветущий бересклет...

Затаи дыхание.
Слушай
Сказки стародавних лет.

4. Айнская сказка «Молодая ворона» в записи Бронислава Пилсудского

4.1. Биографические сведения

Бронислав Осипович Пилсудский (1866–1918) родился в местечке Зулово Виленской губернии в состоятельной семье польского дворянина. За причастность к покушению на жизнь императора Александра III был арестован и приговорен к смертной казни. Но приговор был заменен на 15 лет отбывания каторги на Сахалине. На острове Пилсудский был приписан к Рыковской тюрьме Тымовского округа, где отбывал наказание на общих работах, а позднее – в канцелярии Тымовского окружного полицейского управления. После окончания срока каторги Пилсудский остался на Сахалине и посвятил себя изучению культуры айнов, нивхов и ороков.

4.2. Этнографическая работа

Ученые-этнографы изучают материальную и духовную культуру, исследуют бытовые особенности того или иного народа. До Пилсудского на Сахалине этнографическая работа не прово-

³ Вени – небольшая речка на севере острова Сахалин.

дилась. Пилсудский первым глубоко заинтересовался самобытной культурой коренных народов Сахалина, особенно айнов и нивхов. Он сделал записи эпических сказаний, легенд, преданий, сказок и других фольклорных текстов. Все это – богатейший материал для современных специалистов по этнографии.

Записанная Пилсудским айнская сказка «Молодая ворона» напоминает басню: в ней говорится о необходимости прислушиваться к советам старших. Однако молодая ворона поступает опрометчиво, из-за чего и лишается собственной жизни.

МОЛОДАЯ ВОРОНА (айнская сказка)

В обработке О. П. Кузнецова

Грустно бывает, когда кто-нибудь делает глупость. И раз. И другой. А потом уже все, поздно уметь.

Молодая ворона была дочерью старой и мудрой вороны. Но сколько и чему ни учила мать свою дочь, та ничего не запоминала. Будто ветер выдувал из головы молодой вороны все материнские советы.

Больше всего молодая ворона любила прилетать на морской берег. Сюда волны выбрасывали и серебристых рыбешек, и маленьких крабов, и волосатых червяков, и всякие ракушки, и много всего другого, что можно склевать. И подолгу ходила по берегу и склевывала ненасытно все, что попадалось.

Особенно молодой вороне нравилась водоросль, которую собирали, варили и ели люди. Ну, люди – понятно, они разные растения едят. А ей, вороне, зачем? Но она каждый день ела их, и так много, словно хотела, чтобы людям ничего не осталось. И правда, как-то не стало на берегу морских водорослей. Она принялась клевать сухие. И подавилась. Дышать уже не может.

Увидела старая ворона, что с ее дочерью случилась беда. Прилетела к ней, вокруг бегают, а помочь не может – задыхается молодая ворона. И погибла бы, если б рядом не очутилась вертиголовка – птичка маленькая, но умелая. Она многих лечит. И молодой вороне прочистила горло.

Казалось бы, теперь молодая ворона должна вести себя осторожней, умнее. Но куда там! Она опять клевала что попало. Жадно, торопливо, словно у нее кто собирался отнять краба или червяка.

Однажды среди мокрых, только что выброшенных волною водорослей она заметила большую синеватую ракушку. Это была мидия. Мидии, конечно никак не хотелось оставаться на берегу. Ей бы в море, на дно поглубже. А

тут водоросли со всех сторон опутали. И стала она выбираться из них трудно, неуклюже. Выберется немного, отдохнет и снова выбирается. Но вот устала вконец и воды свежей не хватает – она раскрыла створки. Надеялась, что, может, какая волна подкатится поближе и оплеснет ее.

В этот момент и подскочила к ней молодая ворона. Увидела между створок белое упругое тело ракушки. Ох, как это вкусно – проглотить ее! Клювом – тюк...

И тут – в мгновение! – мидия свела свои створки и так сжала их, так прищемила клюв молодой вороне, что той – ни крикнуть, нидохнуть. Только головой отчаянно мотает, чтобы отшвырнуть мидию. Но нет, ракушка мертвой хваткой вцепилась. Попробовала молодая ворона лапами стащить ее со своего клюва. Нет, видимо, большую боль причинила мидии, и та решила: погибну вместе с вороной, но не прощу.

Так и погибли.

5. Эвенкийская сказка «Эвэкэчен и Чиндэкэ» в литературной обработке Семена Надеина

5.1. Биографические сведения

Семен Александрович Надеин (1929–1981) родился на Сахалине в стойбище Лок. Его отец происходил из эвенкийского рода дер (или джер), а мать была негидалкой. В средней школе Надеин проучился только четыре года. Его учителем был эвенкийский поэт **Григорий Яковлевич Чинков-Эдян**. Надеин – потомственный охотник и оленевод. С детских лет он добывал в тайге пушнину, ловил рыбу, кочевал со стадами оленей. Однажды в тайге Надеин отморозил ноги. Но болезнь не сломила его. Будучи прикованным к постели, он продолжал творческую работу.

5.2. Творческая работа

Надеин писал стихотворения и прозаические произведения – сказки и рассказы. Также ему принадлежат многочисленные графические работы, выполненные в технике силуэта и аппликации.

Эвенкийская сказка «Эвэкэчен и Чиндэкэ»⁴ учит заботиться о пожилых людях, надеяться на собственный труд, любить весь окружающий мир. Однажды совершенное зло с удвоенной силой вернется к тому, кто сотворил его. Обманувшая добрую бабушку Эвэкэчен рыжая Лиса наказана не только своим супругом лисовином. Отныне весь лисий род живет по своим норам, а лисьи сородичи уже не помогают друг другу, как прежде.

⁴ См.: Надеин, С. Эвэкэчен и Чиндэкэ // Надеин С. Энгесал. – Южно-Сахалинск : Сахалинское областное книжное издательство : Сахалинский областной краеведческий музей, 1996. – С. 41–45.

5.3. Слова из эвенкийского языка на страницах сказки

При чтении сказки многие слова могут вызвать затруднение. Часть слов объясняется непосредственно внутри сказочного повествования. Так, например, из общего содержания сказки становится понятно, что слово «эвэкэчен» означает бабушку, а «чиндэкэ» – синицу. В сказке эти два нарицательных слова используются как имена собственные и наряду с другими словами, означающим названия зверей и птиц, пишутся с заглавных букв.

Однако некоторые из слов, обладающие специальной сферой употребления, не имеют необходимых пояснений. Поясним такие слова. «Уки» называют частокол для ловли рыбы. Слово «сулаки» относится к вежливым словам, оно присоединяется к именам собственным в эвенкийском языке и означает почтение и уважение перед человеком, имя которого произносят. Под словом «камлать» (а его можно встретить во многих произведениях народов Севера и Дальнего Востока) подразумевается совершение обрядовых действий под пение пляски и удары бубна. Обычно это слово используется в одном пространстве со словами «шаман» или «шаманка» – так у северных народов называют колдунов или знахарей. Слово «искэкэ», которое обнаруживается в самом конце сказки, когда читатели узнают о том, чем была награждена за помощь Чиндэкэ, означает пинцет, изготавливаемый из кости морских животных.

Тема 5. ПОВЕСТЬ ГЕННАДИЯ МАШКИНА «СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД»

1. Биография и творческая деятельность

Геннадий Николаевич МАШКИН (1936–2005) родился в Хабаровске, в рабочей семье. В возрасте десяти лет он был привезен родителями на Сахалин. Прожил несколько лет в Невельске, учился в школе вместе с японскими и корейскими детьми. Детские воспоминания Машкина о жизни на послевоенном острове воспроизведены в повести «Синее море, белый пароход»⁵. Эта книга, написанная в 1965 году, переведена на несколько языков – английский, немецкий, французский, польский и другие. Среди зарубежных читателей повесть особенно популярна у японских школьников.

Почти все книги Машкина, адресованные детям и взрослым, посвящены Сибири и Дальнему Востоку. Последней литературной работой

Машкина стала повесть «Бродяги с Сахалина». В этом произведении продолжается история всех героев из самой первой повести Машкина – «Синее море, белый пароход». Родители Герки и Юрика, бабушка Федора через всю страну возвращаются на поезде на родину отца. Писатель рассказывает, какие новые испытания выпали на долю повзрослевших детей и их близких.

2. «Белый пароход» как главная мечта героев книги

В своем произведении Машкин описывает дружбу русских и японских детей, говорит о первой любви юного Герки, о его ошибках и горьких потерях.

Синее море,
Белый пароход,
Сядем – уедем
На Дальний Восток... –

такую простую песню поют дети в самом начале книги.

Белый пароход в синем море – это искренняя и чистая мечта всех ребят повести. Болеющий туберкулезом маленький брат Герки Юрик мечтает оказаться на белом пароходе с придуманным названием «Оранжед». Он верит, что на пароходе его мечты живут веселые загорелые ребяташки, цветут сады и плещутся озера с золотыми рыбками. Свой белый пароход ожидают Ивао и его сестра Сумико, которые в конце книги возвращаются на родину своих родителей, в Японию. Под влиянием мечты о белом пароходе взрослеет и самый главный герой повести – Герка. Герке не хочется расставаться с Сумико, он тайно влюблен в эту красивую и добрую японскую девочку. Мальчик мечтает о том, что, став взрослым, он будет делать все самое хорошее, чтобы чувствовать, будто все люди плывут на одном белом пароходе.

3. Взрослые герои книги и их жизненные позиции

В книге Машкина меняются не только характер и представление о жизни у детей, но и у взрослых. Почтительность японцев при встрече русских переселенцев на послевоенном Сахалине настораживает некоторых героев повести. Несмотря на внешнее спокойствие, которое царит на острове, мать Герки называет японцев ненадежными людьми. В бесконечной вражде с японцами живет Рыбин, желающий собственного

⁵ См. фрагменты повести из четвертой, пятой и шестой глав: Машкин, Г. Синее море, белый пароход / Г. Машкин. – М. : Детская литература, 1982. – С. 24–54.

обогащения и не заботящийся о других людях.

Самую благодушную позицию по отношению к японцам занимает много познавший на своем веку Семен. Оставшийся когда-то по вине японского солдата без пальцев на левой руке, он был спасен от неминуемой смерти японской семьей. Не участвующие в военных действиях японцы вовремя предупредили русского солдата о вражеской засаде на старом складе. Семен верит, что земля для людей разных национальностей – это общий дом, в котором должны царить только мир и порядок. Семен знает обычаи японского народа, немного говорит по-японски и надеется на то, что в новой, свободной от войны жизни уже больше не будет несчастий и страданий. Но светлым мечтам Семени не суждено было сбыться. Он трагически погибает во время морской бури при спасении японца. В день смерти Семени о нем скорбят не только русские люди. Проститься с героем приходит кореец Ким. Почти не знающий русский язык Ивао несет траурный венок. На могиле Семени плачет любившая его японка. И новую школу, названную именем этого героя, строят плотники трех разных национальностей – японцы, корейцы и русские.

4. Нравственные уроки книги

В повести «Синее море, белый пароход» Машкин призывает и детей и взрослых отбросить горькие воспоминания о войне, постараться забыть страшные потери. Главная идея книги заключается в необходимости искренней и чистой дружбы между людьми разных национальностей. Писатель показывает, как меняется представление Герки о японцах. До приезда на Сахалин и в первые дни жизни на острове мальчик, как и его отец, испытывал глубокое чувство ненависти к японцам. Он помнил о своем деде, заживо сожженном японскими солдатами в паровозной топке, помнил о гибели на озере Хасан отца своего друга. Но близкое знакомство с мирной японской семьей, которая тоже пострадала во время войны, меняет убеждения героя. В порту во время расставания со своими японскими друзьями Герка пытается скрыть слезы. Мальчик надеется, что он никогда не забудет Сумико и ее брата, а дружба между детьми не будет иметь никаких границ.

Тема 6. РАССКАЗ АНАТОЛИЯ ТКАЧЕНКО «МЫС РАМАНОН»

1. Биографические сведения

Анатолий Сергеевич ТКАЧЕНКО (1926–2009) родился в селе Грибское Амурской обла-

сти в казацкой семье, затем жил в эвенкийском поселке Тугур на Охотском побережье. В годы войны Ткаченко служил в армии радистом. В 1958 году он приехал на Сахалин, где работал редактором книжного издательства. Пришел в литературу Ткаченко как поэт, а позже целиком посвятил себя прозе, сделав своим любимым жанром рассказ. Рассказы и повести Ткаченко с удовольствием читаются и детьми, и взрослыми. Несмотря на то, что большую часть своей жизни Ткаченко провел за пределами острова, Сахалин он называет своей «литературной родиной». Именно на Сахалине были изданы его первые книги, именно сахалинская природа и ее люди вдохновляли писателя.

2. Главный герой рассказа

«Мыс Раманон»⁶ был написан в 1961 году. Герой рассказа – Петя Трушин, который учится в поселковой школе и живет вместе с семиклассником Глебом Самохиным у бабки Сидорченки. Семья мальчика далеко: его отец служит на маяке начальником. Только летом Петя может жить на маяке. Он очарован всем, что его окружает. В представлении Петя Татарский пролив и каменистый утес – Старики, враждующие друг с другом при молчаливом свидетеле – Маяке. Мальчик рад описать в школьном сочинении все, что видел и испытал летом. Но рассказ о летних каникулах учительница оценила двойкой.

Сможет ли Петя Трушин написать сочинение «как положено», где море будет «именем существительным неодушевленным»? Или мыс Раманон и Татарский пролив останутся живыми? На эти вопросы ответит рассказ Ткаченко.

3. Географические названия рассказа на карте Сахалина и Курильских островов

Место, где живет семья Петя Трушина, действительно существует на карте Сахалина и Курильских островов. Мыс Ламанон (а не Раманон, как в рассказе) находится на западной стороне Сахалина и омывается водами Татарского пролива. Свое название это географическая точка получила от мореплавателя Жана Лаперуза в 1787 году в честь натуралиста Поля Ламанона.

Мыс Ламанон образует выступ, на котором и расположен маяк – высокая башня на берегу, которая своими огнями служит ориентиром для судов. Маяки удалены от крупных поселений, но на них всегда живут люди. Смотрители маяков особенно внимательны во время морских бурь – ведь свет маяка может быть необходим для спа-

⁶ См.: Ткаченко, А. Мыс Раманон: Повесть, рассказы, сказка / А. Ткаченко. – М. : Детская литература, 1982. – С. 51–60.

сения больших и малых кораблей. Маяк на мысе Ламанон был построен еще японцами, которые из-за особенностей своего языка называли это место Раманомом, как и в рассказе Ткаченко.

Тема 7. СТИХОТВОРЕНИЯ НИКОЛАЯ ТАРАСОВА

1. Биография и творческая деятельность

Николай Антонинович Тарасов (род. в 1947) родился в Одессе в семье военнослужащего. Детские годы Тарасова прошли в Сибири и на Дальнем Востоке. На Сахалине он служил в рядах советской армии. Затем вернулся на остров, где работал школьным учителем – преподавал уроки труда, русского языка и литературы, позже – возглавлял Станцию юных техников.

Поэтические произведения Тарасова традиционно адресуются взрослой аудитории. Однако дети – частые герои его стихотворений. Сам поэт смотрит на мир глазами ребенка. Он ощущает мир вокруг себя необыкновенно ярким и добрым, а иногда веселым и озорным, как в строчках стихотворения «Малиновое лето»:

Внизу волна играет,
И с самого утра
Малину собирает
На сопках детвора.
Огромные корзины
У ребятни в руках,
И сладкий сок малины
Алеет на губах.

«Малиновое лето» – такое название получила первая из девяти поэтических книг этого автора. Тарасов – поэт многогранный. На его стихи написаны песни к нескольким художественным кинофильмам, снятым на центральных киностудиях страны. Тарасов переводил с нивхского языка стихотворения **Владимира Михайловича Санги**. Но даже в переводах поэта можно увидеть особенности его собственных стихов: простоту и точность художественных образов, несложные и хорошо запоминающиеся рифмы.

В настоящее время Тарасов живет в Южно-Сахалинске, он ответственный секретарь Сахалинского регионального отделения Союза писателей России. Тарасов и его сахалинские коллеги по Союзу писателей России часто выступают перед читателями.

Поэт руководит литературным объединением «Лиры». На заседаниях «Лиры» обсуждаются поэтические и прозаические работы сахалинцев, в том числе – школьников и студентов. Многие авторы, представители молодого поколения островной литературы держали свой первый творческий экзамен на обсуждениях «Лиры» – **Анна Алексеевна Сафонова, Елена Владимировна**

Намаконова, Дарья Николаевна Данилова (Кротова), Ольга Владимировна Олоу, Ирина Вячеславовна Чаленко, Артемий Семичаевский и др.

Тарасов часто принимает участие в поэтических вечерах, любит встречаться со школьниками. Он замечательный рассказчик, в его исполнении стихи звучат искренне и просто.

2. Поэтический образ России

Поэтический образ России в стихотворениях Тарасова складывается из героев русского фольклора и православных святых, исторических деятелей и литературных персонажей. Колобок и Иван-дурак, Василий Блаженный и церковный звонарь, Аввакум и Иоанн Грозный, Фамусов и Городничий, деревенский «колдун» Федя и безымянные первопроходцы соседствуют друг с другом в единой культурной реальности, существующей под «крутобокими» облаками:

Из-за гор, издалека-издалека,
Из-за леса, из-за кромки рассвета
Выплывают облака крутобоко,
Выплывают и плывут через лето.
А под ними старый пруд и дорога,
И трава росой ранней примята.
Облака плывут над Родиной строго,
А под ними все, что было когда-то.

Поэтический образ России немыслим и без ее природного естества. Он рисуется солнечным цветом подсолнухов и одуванчиков, зелеными красками крапивы и лопухов, голубыми и синими отсветами озер, рек и морей, «пушистыми» звездами в студеную ночь, запахом лесной пихты. Неповторимое ощущение природных ритмов созвучно всему тому, что создается человеком, верящим в значимость своего существования на земле.

В творческой мастерской Тарасова родилось стихотворение с названием «Первопроходец». В нем рассказывается о тех безымянных героях, которые в разные исторические периоды осваивали Сибирь и Дальний Восток.

ПЕРВОПРОХОДЕЦ

В тайге я видел крест еловый,
А на кресте, как сквозь туман –
Когда-то врезанное слово,
Дождем черное – ИВАН.
Чья позабытая могила
Тайгой укрыта от людей?
Чье имя смутно проступило
Среди негнущихся ветвей?
Ему свои сложить бы кости
В родном краю, что так далек...
Но он не думал о погосте,
Торя дорогу на восток.
И здесь упал он среди елей

От дома отчего вдали.
 Но звезды те не отгорели,
 Что на восток его вели!
 Друзья срубили крест Ивану,
 И, помолясь, без суеты
 Пошли упрямо к океану.
 По следу их кресты, кресты...
 Потом по черным векам этим,
 Как по зарубкам, люди шли,
 И падали стволы столетий,
 И приближался край земли.
 Бород лопаты индевели
 От студных северных ветров,
 И на восходе пламенели
 Знамена острых топоров!
 Не все дошли до океана.
 Кто не дошел, того прости,
 Россия...
 Помнишь ли Ивана,
 Чей крест стоит на полпути?
 Кто не страшился расстояний,
 Не выбирал себе погост,
 И верил, что когда-то встанет
 Россия в свой великий рост.
 Кто ведал в дальности резоны,
 Из дома уходя в бега,
 Кто открывал нам горизонты
 И выводил на берега.

3. Отражение русской литературы в поэзии

В стихотворениях Тарасова можно встретить образы многих русских поэтов и писателей XIX века – Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова. Все они – герои его поэтической вселенной, иного, удаленного от современности мира. Поступки и действия этих героев просты, но не всегда понятны обычным людям. Но именно эта простота позволяет увидеть в человеке тонко чувствующего окружающий мир поэта или смелого писателя: Пушкин очарован своей последней в жизни осенью, Гоголь обличает несправедливость, Чехов видит «в человечке – че-ло-ве-ка».

И в неведомой нам смуте
 Выбрать остров Сахалин
 И дойти до гиблой сути
 Человеческих глубин, –

так емко и крайне точно характеризует Тарасов гражданский подвиг Чехова, по велению собственного сердца отправившегося на далекий каторжный остров царской России.

Достаточно много у Тарасова упоминаний, обращений или посвящений друзьям – сахалинским писателям, художникам, историкам, ученым, близким людям. Внимательный читатель находит в его книгах такие имена, как **Анатолий Самуилович Тобояк, Евгений Дмитриевич**

Лебков, Владимир Иванович Переверзев, Ким Цын Сон, Анатолий Алексеевич Дёшин. Творческое наследие всех этих авторов, как и произведения Тарасова, входит в багаж самобытной островной литературы, продолжающей свое развитие. Через выносимые поэтом перед стихотворениями посвящения вдумчивые и ищущие читатели могут много узнать о самом авторе, о его друзьях, о времени, к которому относится написание произведения, или особых обстоятельствах его создания.

Стихотворение «Осень 1836 года», написанное Тарасовым в 1970-е годы, имеет посвящение его другу молодости – **Виктору Арамовичу Мамонтову**. Мамонтов родился на Дальнем Востоке, он известный сахалинский критик, литературовед, до 1980 года был преподавателем кафедры русской и зарубежной литературы Южно-Сахалинского государственного педагогического института (в настоящее время – Сахалинского государственного университета). Сейчас Мамонтов – настоятель Свято-Евфросиниевского православного храма в латвийском городе Карсава. Мамонтов – автор статей по истории Русской церкви, им написано несколько книг на религиозную тематику. Посвящение стихотворения «Осень 1836 года» Мамонтову становится выражением дружбы, почтительного отношения поэта к ученому, специалисту по литературе.

ОСЕНЬ 1836 ГОДА

Виктору Мамонтову

Кружился лист и падал. А над ним
 Листва дрожала, тая понемногу...
 И солнца луч багровил, как сквозь дым,
 Далекий холм и дальнюю дорогу.
 А он смотрел, бездумно трость крутя,
 На этот холм, на тающие кроны.
 Смотрел, как лист, по кругу нисходя,
 Неспешно опускался в пруд зеленый.
 Смотрел, как будто те считал круги,
 Уже и сам в преддверии полета.
 За кругом круг – стихи, любовь, долги
 И этих крон ущербных позолота.
 А впереди кружит снега метель.
 Чего-то там еще она накружит?!
 Предчувствие невыразимой стужи
 Закружит душу, будто горький хмель...
 Но – стихли на мгновенье все ветра.
 О как покойно осени дыханье!
 И он вздохнул: – Унылая пора...
 И прошептал: – Очей очарованье...
 А лист упал. Медлительно.
 Не вдруг. Коснулся вод недвижных и пугливых.
 Как будто бы из рук упал счастливых!
 Качнулся пруд. Пошел последний круг.

ИВАН ДА МАРЬЯ НА КАТОРЖНОМ САХАЛИНЕ

Россия являла миру немало славных имен женщин – подвижниц, бескорыстно служивших Родине и народу. На разных поприщах, но всегда с беззаветностью, а часто с героической жертвенностью посвящали они свою жизнь избранному пути. Имя Марии Антоновны Кржижевской, приехавшей в Рыковское селение на Сахалине, чтобы «умереть с каторжными», стоит в ряду этих подвижниц.

«Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч вёрст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников, и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не смотрители, а все мы...» – пишет А. П. Чехов А. С. Суворину 9 марта 1890 года.¹ Чехов «испытывал чувство патриотической гордости за все лучшее, что сделали русские люди, совершавшие изумительные подвиги, но он же ощущал мучительное чувство личной ответственности за любую несправедливость, ложь, обман, преступления, которые происходили в его стране. Поэтому Чехов не снимал ответственности за Сахалин, за каторгу ни с самого себя, ни вообще с образованного общества: виноваты мы все», – указывает М. В. Теплинский.² А. П. Чехов высоко ценил тип подвижнической личности, да и сам он был таким подвижником. В статье «Н. П. Пржевальский (1839–1888)» писатель утверждает, что «подвижники нужны, как солнце». На взгляд писателя, эти люди, составляя «самый поэтический и жизнерадостный элемент общества», «возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что... есть люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, то те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой ЦЕНЫ».³

Отмечая некоторые подвижки к лучшему на каторжном Сахалине в 1890-е годы, Чехов связывает их с началом функционирования в 1879 году Добровольного флота, когда на Сахалине в роли администраторов стали появляться уроженцы Европейской России, а также с введением в 1884 году нового положения об административном устройстве каторжного Сахалина, «вызывавшего усиленный прилив, или, как здесь говорят, сплав новых людей»⁴.

«На Сахалине среди интеллигенции, управляющей и работающей в канцеляриях, мне приходилось встречать разумных, добрых и благородных людей, присутствие которых служит достаточной гарантией, что возвращение прошлого уже невозможно... Хорошие люди и хорошие дела уже не составляют редкости. Недавно в Рыковском скончалась фельдшерница, служившая много лет на Сахалине ради идеи – посвятить свою жизнь людям, которые страдают», – пишет А. П. Чехов в XX главе «Острова...»,⁵ не называя имени Кржижевской. Используя мемуары И. П. Миролубова-Ювачева «Восемь лет на Сахалине» (1901), Семанова М. Л., автор «Примечаний» к «Острову Сахалину» (14–15 тома в 30-томном собрании сочинений А. П. Чехова), раскрывает это имя. О встрече с будущим автором этих мемуаров, также не называя его имени, рассказывает писатель в главе IX «Острова...»: «В Рыковском есть школа, телеграф, больница и метеорологическая станция имени М. Н. Галкина-Враского, которой неофициально заведует привилегированный ссыльный, бывший мичман, человек замечательно трудолюбивый и добрый; он исполняет также должность церковного старосты».⁶ Имя упомянутого в «Острове...» мичмана установлено в конце 1950-х годов. Честь этого открытия принадлежит М. В. Теплинскому, опубликовавшему в 1959 году статью «Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова»⁷.

¹ Чехов, А. П. Полное собр. соч. и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 4. Письма. – М. : Наука, 1976 – С. 32.

² Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1990. – С. 12.

³ Чехов, А. П. Соч. Т. 16 / А. П. Чехов. – 1979. – С. 236.

⁴ Чехов, А. П. Соч. Т. 14–15 / А. П. Чехов. – 1978. – С. 318.

⁵ Там же. – С. 320–321.

⁶ Там же. – С. 160.

Иван Павлович Ювачев (1860–1940)⁸, писавший под псевдонимом Миролубов, был в 1883 году арестован, приговорен к смерти, замененной затем 15-ю годами каторги, за организацию военно-революционного кружка морских офицеров. «Почти 4 года до суда и после него Ювачев провел в одиночном заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. В Шлиссельбурге Ювачев после многих лет “юношеского отступничества” обратился к религии», – пишет Е. Н. Строганова.⁹ Говоря о духовном перевороте, пережитом Ювачевым в одиночном заключении в Шлиссельбурге, В. Фигнер отметила, что «из борца, завоевателя свободы насильственным путем он превратился в миролюбца в духе Толстого»¹⁰. Повторное обращение Ювачева к религии (в детстве он был очень религиозным мальчиком) было полным и окончательным. О нем в 1901 году известный поэт Максимилиан Волошин писал матери: «Он какой-то совсем удивительный человек – примиренный, ровный, – в типе Достоевского и религиозный»¹¹. Это обращение к религии помогло Ювачеву сохранить рассудок в одиночном заключении, благополучно отбыть каторгу, сделало его религиозным проповедником (о чем он будет писать в своих сахалинских мемуарах), а в 1890 годы – известным и плодовитым религиозным публицистом.

В июле 1887 года Ювачев из Одессы был отправлен морским путем на Сахалин, куда, судя по его первому письму с каторжного острова, прибыл в первых числах августа¹². Все время ссылки Ювачев провел в селении Рыковское (за исключением 2-х месяцев пребывания в Александровске), где первое время работал плотником на строительстве церкви, а затем наблюдателем на метеостанции. При этом он принимал самое деятельное участие в церковной жизни, исполняя должности псаломщика, регента и церковного старосты. «Через пять месяцев моего пребывания на острове случилась ожидаемая перемена моего положения», – отмечает Ювачев И. П. в своей книге «Восемь лет на Сахалине» – главе 1 (ч. II) под названием: «Новое назначение. – М. А. Кржижевская. – Ее деятель-

ность. – Метеорологическая станция. – Тайная благотворительность». Речь идет о том, что начальник округа по телеграмме из Александровска назначил Ювачева наблюдателем на метеорологическую станцию. Об этом он сообщит в письме к родным от 19 января/1 февраля 1888 года: «Занят я новою службою, лучше сказать, не новою, а тою, которою я был занят, будучи офицером. Я делаю метеорологические наблюдения при здешней станции, носящей название Галкина-Враского (в честь начальника Главного Тюремного управления)»¹³.

Мемуарист рассказывает, что если, отправляясь на метеостанцию, он, по совету товарищей, меняет арестантский костюм на чужую, хотя и очень неказистую блузу с ремнем, «чтобы не испугать барыню своим арестантским видом», то вскоре после знакомства с Кржижевской настроение его резко меняется. В письме от 19/31 июля 1888 года он сообщает родным: «До сих пор главного не написал. Благодаря метеорологу-акушерке-фельдшерице Марии Антоновне Кржижевской, я забываю, что живу на Сахалине. Метеорологические наблюдения заставляют меня бывать у нее не менее 3-х раз в сутки. Она меня всегда любезно принимает, поит, кормит (я уже дома не пью, по три раза у ней горячую воду с вареньем, с вином или молоком) и заботится обо мне как родная мать или сестра. Она мне и рубашку перешьет и куличей на пасху настряпает, и полечит, и сумеет сделать кучу подарков, как бы я не отказывался от них»¹⁴. Желая отблагодарить Марию Антоновну за ее заботы о нем, он в этом же письме просит своего брата Андрея прислать что-нибудь для этой цели (перчатки, шерстяной плед или шерстяной материи).

Это была счастливая встреча. Встретились два интеллигентных человека, люди с широкими умственными интересами, очень трудолюбивые, добрые и религиозные. Они стали не только товарищами по работе, но и близкими, душевными друзьями.

Мария заменила Ивану семью и товарищей, стала его доктором, в котором он так нуждался после четырех лет пребывания в «каменном гробу» (так называет свое пребывание в одиночной

⁷ Теплинский, М. В. Новые материалы о сахалинском путешествии А. П. Чехова / М. В. Теплинский // Антон Павлович Чехов : сб. статей. – Южно-Сахалинск, 1959. – С. 182.

⁸ Дата смерти И. П. Ювачева указана по вступительной статье Е. Н. Строгановой к публикации: «Мне кажется, я люблю и любил искренне...»: Эпистолярный дневник Ивана Ювачева // Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 128.

⁹ Там же. – С. 128.

¹⁰ Сахарова, Е. М. А. П. Чехов и автор книги «Восемь лет на Сахалине» И. П. Ювачев / Е. М. Сахарова // А. П. Чехов и Сахалин. – Южно-Сахалинск, 1996. – С. 209.

¹¹ Там же. – С. 208.

¹² Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...: (Письма И. П. Ювачева родным из сахалинской ссылки) // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. – № 5. – Южно-Сахалинск, 2001. – С. 176.

¹³ Там же. – С. 182.

¹⁴ Там же. – С. 189.

камере), лечила его душу своей добротой и сочувствием, стала его духовной опорой и олицетворением того идеала, к которому он сам теперь стремился. «Перемена убеждений Ювачева была столь разительной, — отмечает его биограф и родственница Сахарова, — что товарищи в начале полагали, что он сошел с ума. Свое прошлое увлечение революционными идеями он теперь считал ошибкой и даже думал, не стоит ли ему довести до сведения правительства об известной ему тайне — Ювачев знал место, с которого предполагали сделать покушение на Александра III, жившего в Аничковом дворце, где как раз находилась казенная квартира его отца. Отказаться от этого решения Ювачева уговорил его напарник по тюремным прогулкам И. А. Морозов, революционер-народник»¹⁵. Безусловно, все это должно было привести Ювачева И. П. к духовной изоляции в прежней среде, повлиять на его характер. «Иван Павлович до болезненности подозрителен, принимает все за какую-то конспирацию перед ним, довольно ревнив и требователен по отношению внимания к нему, что вытекает, пожалуй, из его чисто личной жизни. Главным интересом жизни, здесь, по крайней мере, служит его личность, его сны, его совпадения в личной жизни, его оригинальные мысли и т. п. Он не столь входит в чужое положение, не так старается понять психологию другого, как по принципу христианского смирения заставляет себя перенести то или другое, в душе оставаясь непомиренным и убежденным в своей правоте и в виновности, даже злой воле другого», — пишет Бронислав Пилсудский в своем письме к Штернбергу Л. Я. 6 февраля 1884 года.¹⁶

Некоторое представление о характере Ювачева, — указывает Е. П. Строганова, — дает своеобразная анкета, которую он составил в мае 1893 года: «Попробую ответить на вопросы: моя любимая (теперь) добродетель: любовь, качество у мужчин: рассудительность, женщин: нежность, доброта, сочувствие. Занятие: исследовать Библию. Отличительная черта: боязнь и сомнение <...> Любимые прозаики: раньше Гюго и Писарев, теперь Евангелие и Толстой». Отмечает также исследовательница его дневников, что он «явно ощущал в себе проповедническое призвание: в его дневниках часто встречаются записи вроде — «сегодня много проповедовал». Раньше он увлекал слушателей «освободительными иде-

ями», то теперь, испытывая чувство вины перед теми, кто пострадал по его вине, он с еще большей энергией стремился нести свет религиозного учения».¹⁷ В это время складывается тот строй мыслей И. П. Ювачева, который будет обозначен как «культ Мира и Любви» (отсюда и его псевдоним — Миролубов). «Бескорыстная любовь от чистого сердца — что может быть выше этого?» — вопрошает Ювачев И. П. в письме от 11 мая 1936 года и утверждает: «Вот почему надо дорожить малейшей каплей любви и поощрять ее, не тушить пламень холодным рассудком ума. Христиане и мыслить и чувствовать должны преимущественно сердцем».¹⁸ Марии Антоновне Кржижевской, «святая деликатность духа» которой бесконечно восхищала Ивана Павловича и которая являла живой пример такой бескорыстной любви, автор книги «Восемь лет на Сахалине» (1901) посвятит несколько проникновенных страниц, где расскажет о ее христианском подвижничестве и о ее смерти: «М. А. Кржижевская известна была на Сахалине как удивительно добрая женщина, отдававшая весь свой заработок бедным ссыльным. Вся жизнь ее была сплошная жертва для ближнего. После неудачного замужества она стала искать места или случая для самопожертвования. Ей указали на Сахалин. Отказавшись от своей части наследственного имущества и порвав всякую связь с Европейской Россией, Мария Антоновна приехала в Рыковское селение, “чтобы умереть с каторжными”. Здесь ее деятельность была изумительна. Кроме ежедневных работ в аптеке и в лазарете в качестве фельдшерицы, она как акушерка неустанно ходила из одного угла селения в другой по роженицам. К своим обязанностям она относилась свято, как солдат на войне. Ее ничто не могло остановить, если она знала, что люди нуждаются в ее помощи. Там, где осенью и весной во время разлива реки не может пройти телега, она идет вброд по воде. Когда страшные бураны буквально засыпают снегом, она с большими усилиями ползет по сугробам; вся перемерзнет, измучится, но не отступит от намеченной цели. Конечно, это даром не могло пройти, и на другой год по приезде на Сахалин она сильно простудилась и заболела чахоткою».¹⁹

В своих воспоминаниях Ювачев также рассказывает, что Мария Антоновна очень обрадовалась, узнав, что ее новый помощник (на станции два наблюдателя) тоже заведовал метео-

¹⁵ А. П. Чехов и Сахалин : сб. ст. — Южно-Сахалинск, 1996. — С. 205.

¹⁶ Пилсудский, Б. О. «Дорогой Лев Яковлевич...»: (Письма Л. Я. Штернбергу. 1893–1917 гг.). — Южно-Сахалинск, 1996. — С. 70.

¹⁷ Новый мир. — 2001. — № 6. — С. 130.

¹⁸ Александров А. От народничества к Христианству: (Путь И. П. Ювачева, автора книги о Сахалине) // Сибирь. Сахалин и Дальний Восток в биографии и творчестве А. П. Чехова : тезисы докладов на международном литературоведческом конгрессе. — Южно-Сахалинск, 1990. — С. 3.

¹⁹ Миролубов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролубов. — СПб., 1901. — С. 67–68.

рологической станцией в одном из приморских городов. «Оказалось, – пишет мемуарист, – что метеорология так же близка ее сердцу, как и лазарет. Она с большим увлечением рассказывала о результатах своих наблюдений и об отчетах о них для главной физической обсерватории в Петербурге. Такие инструменты, как барометр, анероид, запасной дождемер и другие находились у нее в квартире».²⁰

В списке работ, имевшихся в библиотеке А. П. Чехова, значится «Свод метеорологических наблюдений в сел. Рыковском на острове Сахалине» (1894) с дарственной надписью «Многоуважаемому автору книги “Остров Сахалин” от Ивана Павловича Ювачева». В «Своде...» Ювачев писал: «В продолжение 9 лет на Рыковской станции не было пропущено ни одного наблюдения. Такому аккуратному и внимательному ведению дела станция обязана, главным образом, труженице Марии Антоновне Кржижевской, заведовавшей станцией с самого ее основания до 1892 года».²¹

На метеостанции до Ювачева у Марии Антоновны, часто отлучавшейся на роды, в связи с чем она не всегда могла сама делать наблюдения, был помощником псаломщик из ссыльных, по словам мемуариста, «он оказался не совсем исправным». С приходом Ювачева положение меняется: «Напротив, незаметно для Кржижевской, я мало-помалу отстранил ее от всех занятий по метеорологии, оказывая в то же время уважение ей как своей начальнице».²²

Иван Павлович стал также помощником Марии Антоновны в ее заботах по устройству ботанического сада вокруг метеорологической будки. «Она хотела собрать по возможности все виды местной флоры и с этой целью сама лично делала экскурсии в луга и леса. К моему приезду на Сахалин в ее саду уже красовались ряды лиственных деревьев. Вдоль изгороди тянулись различные виды кустарных спирей попеременно со стройными боярками и сероватым от дорожной пыли олешником. Около раскидистых вязов и душистых тополей торчали веселые березки, зеленые клены и трепетные осины. Красивые аллеи были обсажены цветущими яблонями, пахучими черемухами и рябинами. На клумбах цвели различные лилии, красные пионы, синие гентианы, желтые адонисы и лютики, и много других лиловых, розовых, белых цветов. Особенное внимание было отдано ягодным кустам.

Буйная малина, красная смородина и напоминающая крыжовник моховка занимали большую площадь рядом с огородом. Большинство этих растений было посажено собственноручно Марией Антоновной».²³

15/27 июня 1888 года Ювачев в письме к родным просит прислать описание флоры Восточной Сибири на русском или французском языке и объясняет: «Я занялся ботаникой: собираю растения, сушу их, пересаживаю из леса, из лугов в клумбы в саду, собираю семена диких растений, определяю их названия по книге. Я не один собираю растения, но вместе с Марией Антоновной Кржижевской, о которой писал в прошлом письме».²⁴ К пасхе 1888 года в селении Рыковское открылась новая церковь, жители дружно взялись за ее украшение. Иван Павлович, бывший до того псаломщиком и регентом церковного хора, был избран церковным старостой. «Желая проявить усердие к новопостроенному храму», он в письме к родным от 12/24 мая обращается с просьбой «прислать материалы для изящной работы, благо и помощница есть для таких работ – Мария Антоновна Кржижевская... Покровы на престол и жертвенник на аналои, занавес, ризы и другое – главным образом ее работы».²⁵

3 июля 1891 года Ювачев был командирован в «столицу» Сахалина – пост Александровский для выполнения ряда заданий, требовавших технических знаний морского офицера. «Все годы своей жизни на Сахалине Ювачев вел дневник... Не желая изменять обычаю ежедневного самоотчета, он продолжает вести дневник в форме писем к Марии Антоновне и просит сохранить их. После смерти Кржижевской Ювачев соединил под одной обложкой ее и свои письма – так сложился этот необычный роман в письмах», – так характеризует свою публикацию «Мне кажется, я люблю ее и любил искренне...»: Эпистолярный дневник Ивана Ювачева» автор вступительной статьи Е. Н. Строганова, использовавшая архивные материалы, имеющиеся в ГАТО (Государственный архив Тверской области), где в личном фонде Ювачева, помимо прочих документов, хранятся письма к родным с сахалинской каторги, его дневники за 1890–1917 годы.²⁶ «Изучение дневниковых записей И. П. Ювачева, – указывает Костанов А. И., – позволяет сделать вывод, что именно эти материалы послужили главной основой в работе над мемуарами “Восемь лет на Сахалине”.

²⁰ Миролубов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролубов. – СПб., 1901. – С. 68.

²¹ Чехов, А. П. Соч. / А. П. Чехов. – Т. 14–15. – С. 876.

²² Миролубов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролубов. – С. 76.

²³ Там же. – С. 76–77.

²⁴ Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. – Т. 5. – С. 188.

²⁵ Там же. – С. 186.

²⁶ «Мне кажется, я люблю ее и любил искренне...»: Эпистолярный дневник Ивана Ювачева // Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 131.

Целые фрагменты книги представляют собою литературную обработку дневников автора».²⁷

Переписка Ювачева с Кржижевской – это подлинные документы, позволяющие раскрыть историю их взаимоотношений, а также услышать голос самой Марии Антоновны, которая, судя по ее письмам, была человеком умным, тонким, начитанным, самоотверженным, сочувственно относящимся к окружающим и не умеющим заботиться о себе, увидеть ее волевой характер, ее стоицизм, ее необыкновенную, жертвенную доброту, скромность, ее «всеобъемлющее материнство».

В период со 2 июля по 3 сентября (срок командировки Ювачева) Иван Павлович написал 6 писем в форме дневника, послал несколько телеграмм, осведомляясь о здоровье Марии Антоновны. Она же написала в ответ два письма подробных – это 21 июля и 21 августа, а 28 июля, 10 августа и 27 августа – коротенькие записочки.

Главное в письмах Кржижевской – забота о здоровье Ивана Павловича, забота о его душе. В первом письме от 21 июля она сообщает: «Я очень рада, что вы ведете теперь такой оживленный образ жизни. Думаю, что поправитесь здоровьем, да и развлечетесь немного».²⁸ Об этом же пишет она и в письме от 10 августа: «Я очень довольна, что Вы поехали на “Стрелке” – отчасти интересно хорошенько ознакомиться с островом, а к тому же развлечетесь и физически еще больше окрепнете».²⁹ И ни слова жалобы в ответ на вопросы Ивана Павловича о ее здоровье, хотя перед его отъездом шла речь о необходимости отпуска для Марии Антоновны, которая из-за сильных болей не могла работать. «Надеюсь, Вы простите мое долгое молчание. Сами знаете, какая я лентяйка писать письма, да писать нечего. Образ жизни мой Вам так хорошо известен. Отпуска я не брала, так все боли у меня прекратились, осталась только сильная слабость. Хожение в будку меня не утомляет и не затрудняет, а грозы, слава богу, не было. Хотела подсчитать вам бланку, да некогда было: все вышивала рубахи. Кстати, напишите маленькую записочку Пилсудскому, что Вы посылаете им 3 рубашки и 3-е подштанников, и записочку пришлите мне. Я скоро, даст Бог, покончу с этой работой и с этой записочкой отошлю», – просит она в письме от 21 июля.³⁰

В своей книге «Восемь лет на Сахалине» Ювачев рассказывает о тайной благотворительности

Кржижевской, за что ее называли «сахалинская ходатаица». «Работая в аптеке, где ее осаждала масса приходящих больных, мужчин и женщин, Мария Антоновна внимательно прислушивалась к разговорам. Она знала каждую женщину по имени, знала их семейное положение, их болезни и нужды, не раз обращалась к начальнику округа с просьбами о помощи для своих пациентов. Но делала это секретно, так же как давала им деньги тайно, через какого-нибудь посредника»³¹.

О такой же тайной благотворительности речь идет в ее письме от 21 июля. Она и ее подруга Попова Надежда Михайловна (жена телеграфиста, приехавшая в Рыковское вместе с мужем из Де-Кастри в 1885 году) готовят в подарок Пилсудскому и его товарищам несколько комплектов белья, причем рубашки вышивают. И здесь Мария прибегает к уловке, прося записочку у Ювачева, чтобы послать подарок от его имени.

Заботится Мария и об Иване. Она отдает ему свой зонтик перед его поездкой в Александровск, шьет и посылает ему шапку, передает ему носки, белье, продукты и, конечно, книги. Зная состояние его здоровья, Мария посылает ему лекарства, дает советы купить дождевик, кожаную куртку, галоши. Она переписывает его стихи, помогает ему в литературной работе, пишет письма его родным по его просьбе, делится с ним своими впечатлениями о прочитанных книгах, сообщает ему последние новости, в том числе об отделке построенной церкви.

Кржижевская, такая рачительная, когда дело касалось общественных интересов или других людей, была удивительно скромным человеком. «Отдавая так много внимания, времени и своих заработанных денег другим, эта удивительная труженица мало занималась собой, – отмечает мемуарист. – Ее скромные костюмы обличали ветхость зачиненными прорехами. В небольшой квартире стояла простая некрашенная мебель. Она имела обед, по выражению ее подруги, хуже, чем у каторжных»³². И большим событием для нее становится покупка пальто, о чем она извещает Ювачева в письме от 21 августа: «Купила у Овчинниковой пальто за 18 рублей, да отдавала перешить за 1 руб. 50 коп., зато теперь в будку хожу по вечерам в пальто, а раньше все мерзла. Положим, что не ахти какое, но все-таки приличное»³³.

²⁷ Костанов, А. И. Личные фонды и коллекции бывших Сахалинских политкаторжан и ссыльнопереселенцев / А. И. Костанов // Источники по истории Сахалина и Курильских островов в фондах и коллекциях личного происхождения. – Владивосток, 1994. – С. 42–43.

²⁸ Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 139.

²⁹ Там же. – С. 146.

³⁰ Там же. – С. 138.

³¹ Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролюбов. – С. 70.

³² Там же.

³³ Новый мир. – 2001. – № 6. – С. 149.

Из первого письма Кржижевской от 21 июля известно, что она живет в ветхом доме, предназначенном на слом, который не собираются ремонтировать, так что слухи, дошедшие до Ювачева, что она отказалась от ремонта, ложные. Сцепенский, военный врач, говорил ей, что «она еще больше болеет от этой квартиры» и что ей «следует позаботиться об ее исправлении».³⁴ Когда же хлопоты Ювачева и переговоры Сцепенского В. Я. с Бутаковым А. М., начальником Тымовского округа, дали результаты и дом стали ремонтировать (сделали новые окна и обмазали дом глиной), она пишет Ювачеву: «Сам Господь позаботился об этом деле, я же никого ни о чем не просила».³⁵

«Наше знакомство началось уже в то время, когда у нее обнаружили явные признаки чахотки, — рассказывает Ювачев в своих мемуарах. — Бледная, с впалыми щеками, с горящими темными глазами, она постоянно покашливала. Военный врач Тымовской команды давно считал ей минуты, но она все еще крепилась и, пересиливая свое недомогание, продолжала работать с прежней энергией».³⁶ Так продолжалось 4,5 года. В последнее время Мария Антоновна, несмотря на мучающий ее кашель, водянку и язвы на ногах, продолжала аккуратно ходить в аптеку и в больницу. Однажды утром она пришла к своим больным, но вдруг почувствовала острую боль в груди и со стоном опустилась на стул... Через три дня непрерывного страдания ее не стало.

«Похороны этой исключительной женщины на Сахалине собрали все село Рыковское. Каждый считал себя счастливым оказать покойной то или иное внимание. От начальника до последнего каторжника — все понимали, что Тымовский округ лишился самого дорогого человека, служившего не из-за денег и не ради каких-либо личных выгод для себя, а единственно ради простой идеи — помочь несчастным. Когда опустили гроб в землю, толпа женщин навзрыд заплакала, вспоминая все добро, которое она им оказала. Тут только развязались языки, замкнутые при жизни Марии Антоновны ее смирением: все они наперебой спешили поведать публике удивительные примеры самоотверженной любви к ним покойницы... Как бы в дополнение деятельности

Марии Антоновны на Сахалине оставшееся после нее небольшое имущество все было роздано бедным... Величая покойницу своей матерью, некоторые простодушные люди чуть ли не боготворили ее, как святую»³⁷, — так заканчивает рассказ о жизни Кржижевской автор сахалинских воспоминаний. Смерть Марии Антоновны была для него тяжелым ударом: он осиротел, лишившись не только друга и товарища по работе, но и единомышленницы в своих духовных поисках, помощницы в литературных занятиях, возлюбленной. Безутешный после ее кончины, он записывает в дневнике: «Мне кажется, я люблю ее и любил искренне, даже страстно».³⁸ Не стало той, которой он писал 27 августа, узнав из ее письма, что ее здоровье сильно ухудшилось: «Бедная моя Мария Антоновна, как мне Вас жалко! Добрая, хорошая Мария Антоновна, простите меня за все неприятности, причиненные мною Вам. Вы и без того много в своей жизни страдаете. Теперь праздник — память Иоанна Предтечи — моего и Вашего Ангела-Хранителя. Да поможет и Он нам и да ускорит и благопоспешит мой путь в Рыковское, чтобы я мог увидеть Вас после долгой разлуки и целовать милые, дорогие руки».³⁹ 29 августа — праздник Усекновения главы Иоанна Предтечи. Ювачев называет Иоанна ангелом хранителем Марии Антоновны потому, что родилась она 23 января 1854 года, крещена была 25 января, а именины праздновала 26 января, в день памяти Иоанна (об этом он пишет в дневнике 25 января 1843 года...)⁴⁰.

Из дневника Ювачева известно, что М. А. Кржижевская приехала на Сахалин осенью 1885 года вместе с Акорчевой Марией Федоровной (1832–1901).⁴¹ Рассказывая об Александровском лазарете в своей книге «Остров Сахалин», А. П. Чехов в числе медицинского персонала называет повивальную бабку (одну на два округа).⁴² Семанова М. Л. в своих «Примечаниях» к «Острову...» устанавливает это имя на основе данных ЦГАОР и сообщает, что «Мария Федоровна окончила училище при Санкт-Петербургской Калининской больнице, получила звание повивальной бабки; в 1885 году была назначена фельдшерницей (в Александровский и Тымовский округа)»⁴³. Та-

³⁴ *Новый мир*. — 2001. — № 6. — С. 70.

³⁵ Там же. — С. 148.

³⁶ *Миролюбов, И. П. Восемь лет на Сахалине / И. П. Миролюбов*. — С. 69.

³⁷ Там же. — С. 178, 180.

³⁸ *Новый мир*. — 2001. — № 6. — С. 131.

³⁹ Там же. — С. 152.

⁴⁰ Там же. — С. 158.

⁴¹ Там же. — С. 156. Вызывает сомнение дата рождения Акорчевой М. Ф. — 1832 год, так как трудно предположить, что она в 53 года закончила курсы и получила направление на Сахалин. Вероятней всего, что Акорчева родилась в 1852 году. Ошибка допущена в «Примечаниях» к «Острову...».

⁴² Чехов, А. П. Соч. / А. П. Чехов. — Т. 14–15. — С. 371.

⁴³ Там же. — С. 886.

ких данных нет на Марию Антоновну Кржижевскую, также пока неизвестно, где она родилась и где окончила медицинские курсы. Возможно, что публикация всех сахалинских дневников Ювачева откроет эту тайну. В своей книге «Восемь лет на Сахалине» Ювачев не называет точной даты смерти Марии Антоновны, сообщает только, что это случилось незадолго до храмового праздника Казанской иконы Божией Матери, который летом совершается 21 июля. Но в ГАСО (Государственный архив Сахалинской области) сохранилась Метрическая книга на 1892 год. Надпись на ней гласит: «Метрическая книга, данная из Камчатской духовной консистории притчу Александровской, Тымовской, Анивской, притчу Дуйской, Дербинской, Березняковской тюремных церквей на Сахалине для записи родившихся, браком сочетавшихся и умерших на 1892 год»⁴⁴. В ней 349 листов, на листе 216 есть запись:

июнь 1892 г.

июнь 8.

Погребение 10

Священник Александр Винокуров

№ 2496 Рыковское кладбище

Фельдшерница тюремного лазарета

Мария Антоновна Кржижевская

Метрическое свидетельство от 7 сентября 1892
за № 1540.

На кладбище села Кировское (бывшее Рыковское) сохранилась могила М. А. Кржижевской, а в Сахалинском краеведческом музее выставлен барометр, находившийся в квартире М. А. Кржижевской, переданный в музей учителем истории Тымовской средней школы К. И. Гета. Через два года после кончины Кржижевской метеостанцию перенесли в другой дом, о чем сообщает Б. Пилсудский, назначенный помощником Ювачева, в своем последнем сохранившемся за 1894 год письме к Л. Я. Штернбергу.⁴⁵ Церковь в Рыковском сожгли до основания во время русско-японской

войны.⁴⁶ Не сохранились или, может быть, еще не найдены стихотворения, которые Ювачев посвящал Марии Антоновне, о чем он пишет во «Введении к книге своих стихотворений» и рассказывая «Об истории своей маленькой книжонки стихотворений»⁴⁷. В книге «Восемь лет на Сахалине» 700 иллюстраций, все они, вероятно, фотографии, в том числе и портрет Марии Антоновны Кржижевской-Хантыйской, помещенный на странице 69. Исследовательница дневников Ювачева Е. Н. Строганова в своих примечаниях к публикации «Мне кажется, я люблю ее...» сообщает, что в дневнике Ювачева есть запись, датированная 13 февраля 1890 года: «Рисовал утром Марию Антоновну», — и высказывает предположение, что этот портрет воспроизведен в «Историческом вестнике» (т. 79, стр. 661).⁴⁸ Это предположение нуждается в доказательствах.

Память о Марии Антоновне Ювачев свято хранил. 4 сентября 1903 года его молодая жена Надежда Ивановна Колюбакина (1876–1928), вскоре после венчания, сообщает ему в письме, что отслужила панихиду по родителям и Марии Антоновне: «Все они мне дороги, так же как и мои родные, даже гораздо больше, так как ты, мой хороший, для меня все на свете...».⁴⁹

О том, что встреча с Кржижевской была определяющей в судьбе Ювачева, свидетельствует и его очерк «Сестра Варвара» из сборника «Очерков и рассказов» (изд-во «Лестница», 1903), где он повествует еще об одной христианской подвижнице — Варваре Александровне Шкляревич, известной больше под скромным именем сестры Варвары, отдавшей также все силы несчастным.

Крестный подвиг Марии Антоновны Кржижевской — вся ее беззаветная жизнь, отданная другим, и потому ее заслуги трудно измерить обычными человеческими мерками. Выделяя подобный психологический тип человека, И. С. Тургенев писал в статье «Гамлет и Дон-Кихот»: «...и когда переведутся такие люди, пуская закроется навсегда книга истории! в ней ничего будет читать»⁵⁰.

⁴⁴ Дата смерти Кржижевской М. А. установлена нами. — Г. К.

⁴⁵ Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. — № 5. — Южно-Сахалинск, 2001. — С. 195.

⁴⁶ Новый мир. — 2001. — № 6. — С. 155.

⁴⁷ Там же. — С. 131.

⁴⁸ Пилсудский, Б. О. Дорогой Лев Яковлевич... / Б. О. Пилсудский. — С. 110.

⁴⁹ Новый мир. — 2001. — № 6. — С. 154.

⁵⁰ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. — Т. VIII. — М.; Л., 1964. — С. 181.

ТОПОНИМЫ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

По жанру произведение А. П. Чехова «Остров Сахалин» – путешествие. Форму он определил сам – «Из путевых записок». Автору пришлось преодолеть долгий и трудный путь, на который ушло много времени (с 21 апреля до 9 декабря 1890 года).

Для обозначения неразрывной связи времени и пространства, воплощенной в литературном произведении, лингвисты используют термин *континуум*, различая географическое пространство, психологическое и социальное. В данном случае географическое пространство – это конкретное место, своеобразно обжитая среда, пространственные координаты которой заданы заглавием – «Остров Сахалин». Точная пространственная адресация облегчает восприятие текста читателем, подготавливает его к информации определенного рода.

Топоним *Сахалин* содержит не только информацию об определенном пространстве, но и представляет собой свернутый текст, в котором заключены исторические знания: открытие Г. И. Невельского и сведения о сахалинской каторге. А. П. Чехов сознательно, уже заглавием, создает ассоциативный пространственно-временной континуум. Топонимы, являясь словами – языковыми единицами, выполняющими текстообразующую функцию, в то же время связаны с географическим пространством и с историей, являясь носителями информации об определенных исторических событиях.

Дорога – это тип художественного пространства, «... универсальная форма организации пространства, в соответствии с которой строится литературно-художественное произведение».¹ А. П. Чехов был в дороге до Сахалина 80 дней, путешествие проходило следующим образом: из Москвы до Ярославля ехал по железной дороге; из Ярославля до Перми плыл на пароходе; из Перми до Тюмени ехал по железной дороге, останавливаясь в Екатеринбурге; из Тюмени до Байкала ехал на лошадях, останавливаясь в Красноярске и Иркутске; переправившись на пароходе через Байкал, на лошадях добрался до

Сретенска; из Сретенска плыл на пароходе уже по Амуру до Николаевска, из которого на пароходе, переправившись через Татарский пролив, добрался наконец до Александровского поста.² Впечатления о многих сибирских городах он изложил в очерках «Из Сибири». 10 июля 1890 года писатель ступил на сахалинскую землю.

Без учета сорока пяти совсем небольших нивхских, айнских и орокских поселений на чеховской сахалинской карте было представлено 65 населенных пунктов. До некоторых из них А. П. Чехов не мог добраться из-за бездорожья, но он познакомил читателя с названиями поселков и помог представить их расположение на острове: «По западному побережью, выше устья Аркая, имеются шесть незначительных селений. Я не был ни в одном из них и относящиеся к ним цифры взяты мною из подворной описи и исповедной книги». Ниже по тексту перечисляются эти селения: Мгачи, Танги, Хоэ, Трамбаус, Виахту. В другом месте автор вспоминает: «В Бутакове я не был». На юге Тымовского округа Чехов доезжал до Палево: «Еще южнее, по линии проектируемого тракта есть селение Вальзы... Посланы три семьи еще южнее для основания Лонгари».

10 сентября 1890 года на пароходе «Байкал» Антон Павлович выехал из Александровского поста на юг, в пост Корсаковский, в книге дано описание встретившегося по пути селения Маука (ныне город Холмск). В описании этого селения нет деталей, которые приводил автор, когда рассказывал о том, что видел сам. В Корсаковском округе не был и в таких селениях, стоящих в стороне от тракта, как Лютога (ныне город Анива), Ближнее, Дальнее, Серороко, Чиписан (или Чибисани), Селютору, и в упраздненных военных постах – Муравьевском, Кусунае, а также Барановском и Тихменевском (ныне Поронайск). Таким образом, из 65 русских селений, обозначенных на карте Сахалина 1890 года, Антон Павлович описал или упомянул 54 и лично посетил 39 из них, в том числе – на Северном Сахалине: Александровск и его окрестности, включая маяк на мысе Жонкьер, Михайловку (прежнее

¹ Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 107.

² Крушанов, А. И. А. П. Чехов и его поездка на Сахалин / А. И. Крушанов, А. Н. Рыжков // Чехов А. П. Остров Сахалин. (Из путевых записок). – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1980. – С. 7.

название – Ново-Михайловка), Красный Яр, Арково-берег, Арково – село и рудник (у Чехова названы Арково первое, Арково второе, Арково третье, Арково-кордон), Дуэ и его окрестности (включая бывшую Воеводскую тюрьму), Верхний Армудан, Нижний Армудан, Тымовское (Дербинское), Воскресенское, Усково, Кировское (Рыковское), Палево, Мало-Тымово, Белое (Андрее-Ивановское).

На Южном Сахалине писатель посетил: город Корсаков (прежнее название пост Корсаковский и Поро-ан-Томари), Первую Падь, Вторую Падь, Третью Падь, Соловьевку, Дачное (Голый мыс), Мицулевку (Мицулька), Лиственничное, Христофоровку, Хомутово (Хомутовка), Большую Елань, город Южно-Сахалинск (Владимировка или Черная речка), Луговое (Лужки), Ново-Александровск (Поповские Юрты или Ново-Александровка, или Варшава), Березняки (Березники), Старорусское (Кресты), Такое (Большое и Малое Такое), город Долинск (Галкино-Враское, или Сиянцы), Стародубское (Дубки) и Усть-Долинку (бывший русский военный пост Найбучи).³

У Чехова сохранены названия разных топонимических пластов Сахалина. Самый древний, нижний пласт географической номенклатуры, относится к жизни коренных жителей Сахалина и Курил: айнов, нивхов, эвенков и ороков. Поверх этого пласта – русские наименования. Японские наименования возникли на Курилах во второй половине XIX века, а на Южном Сахалине после 1905 года – и у писателя не встречаются.⁴

13 октября 1890 года А. П. Чехов закончил свою поездку по Сахалину и отправился в обратный путь. Через Японское море, Владивосток, где был пять суток, получил заграничный паспорт, досконально изучил подшивки газеты «Владивосток», выписывая все, что касалось Сахалина – и это нашло отражение в его книге, представлено в авторских сносках. Через Индийский океан, остров Цейлон, Суэцкий канал и Черное море прибыл в Одессу, а 9 декабря 1890 года возвратился в Москву.

Писатель работал над книгой «Остров Сахалин» несколько лет. Только летом 1895 года это произведение увидело свет в виде отдельного издания. Так как это путевые записки, то определяться на местности предпочел с помощью топонимов. В данной статье рассматривается топонимический

материал, представленный в этом произведении с учетом того, что: «...топонимы выполняют текстообразующую, моделирующую функцию».⁵

В книге, по нашим подсчетам, 1676 словоупотреблений различного рода топонимов. Первая тысяча приходится на первые главы произведения. Самыми редкими в тексте являются оронимы (названия гор и долин), так как оронимия нашла полное отражение на картах Сахалина только в 1950–1960-е годы. У Чехова оронимы немногочисленны: они должны были быть или очень известными ориентирами, или чем-то поразить писателя.

Например:

*В шесть часов были в самом узком месте пролива, между мысами Погоби и Лазарева, и очень близко видели оба берега, в восемь проходили мимо **Шапки Невельского** – так называется гора с бугром на вершине, похожим на шапку.*⁶

*Когда из Александровска едешь в Ново-Михайловку, то на переднем плане возвышается хребет, загораживая собой горизонт, и та его часть, которая видна отсюда, называется **Пилингой**. С высоты этой **Пилинги** открывается роскошная панорама, с одной стороны на долину Дуйки и моря, а с другой – на широкую равнину, которая на протяжении более чем 200 верст к северо-востоку орошается Тымью и ее притоками. Эта равнина во много раз больше и интереснее Александровской... Если бы не горы, равнина была бы тундрой, холоднее и безнадежнее, чем около **Виахту**. (98–99)*

В природных хоронимах – оронимах используются в качестве географических терминов апеллятивы: долина, равнина, падь, расщелина, яма и канава.

Например:

*...приходится держать более 700 каторжных, их семьи, солдат и служащих в таких ужасных **ямах**, как Воеводская и Дуйская **пади**... (93)*

*Верстах в семи берег обрывается **расщелиной**. Это воеводская **падь**; здесь одиноко стоит страшная Воеводская тюрьма. (86)*

*[В Дуэ] Большинство хозяев каторжные. Что побуждает администрацию сажать на участки их и их семьи здесь, в **расщелине**, а не в другом месте, не знаю. (87)*

Там, где короткая улица кончается, поперек ее стоит серая деревянная церковь, которая загоразживает от зрителя неофициальную часть порта;

³ Крушанов, А. И. А. П. Чехов и его поездка на Сахалин / А. И. Крушанов, А. Н. Рыжков // А. П. Чехов «Остров Сахалин» (Из путевых записок). – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1980. – С. 9–10.

⁴ Там же. – С. 13.

⁵ Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 108.

⁶ Чехов, А. П. «Остров Сахалин» (Из путевых записок) / А. П. Чехов. – Южно-Сахалинск : Дальневосточное книжное издательство, Сахалинское отделение, 1980. – С. 23. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием страницы. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде наш.

тут *расщелина* двоится в виде буквы *изрек*, посылая от себя *канавы* направо и налево. В левой находится слободка..., а в правой – всякие тюремные постройки и слободка без названия. (87)

Среди хоронимов, используемых А. П. Чеховым, есть природные и административные; некоторые из природных сформировались в документах каторги и по линии распространения, охвата районов каторгой.

Например:

...*Северный Сахалин* (природный) делится на два округа: *Александровский* и *Тымовский* (административные). (26)

Самый частотный природный хороним в книге – *Сибирь*, который может фигурировать рядом с административными.

Например:

Крестьянин из ссыльных может оставить Сахалин и водвориться, где пожелает по всей Сибири, кроме областей *Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской...* (178)

Большую частотность имеет и административный хороним – *Россия*.

Например:

Известно, что южная треть Сахалина принадлежит безусловно *России...* (165)

Комонимы (собственные имена сельских поселений) часто снабжаются сносками, историческими справками, объясняющими происхождения названий.

Например:

За Александровском, вверх по течению Дуйки, следует селение *Корсаковское*. Основано оно в 1881 году и названо так в честь М. С. Корсакова, бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири. Интересно, что на Сахалине дают названия селениям в честь сибирских губернаторов, смотрителей тюрем и даже фельдшеров, но совершенно забывают об исследователях, как Невельской, моряк Корсаков, Бошняк, Поляков и многие другие, память которых, полагаю, заслуживает большего уважения и внимания, чем какого-нибудь смотрителя Дербина, убитого за жестокость.

И в сноске:

Для ссыльной колонии до настоящего времени больше всех сделали, в смысле ее созидания и ответственности за нее, два человека: М. С. Мицуль и М. Н. Галкин-Враской. В честь первого названо маленькое селение из десяти дворов, бедное и недолговечное, а в честь второго – селение, которое уже имело старое и прочное местное название – *Сиянцы*, так что только на бумагах, да и то не на всех, оно называется *Галкино-Враское*. Между тем имя М. С. Корсакова носят на Сахалине селения, и большой пост не за какие-либо особенные заслуги или жертвы, а только потому, что он был генерал-губернатором и мог нагнать страху. (69–70)

Не обошел вниманием А. П. Чехов и местные

названия селений и другие официальные названия селений, рек, слободок, постов.

Например:

Дальше вверх по Дуйке следует селение *Ново-Михайловское*, основанное в 1872 году и названное так потому, что Мицуля звали Михаилом. У многих авторов оно называется *Верхним Урочищем*, а у здешних поселенцев *Пашиной*. (76)

Река *Дуйка*, или, как ее иначе называют *Александровка*, в 1881 г., когда ее исследовал зоолог Поляков, в своем нижнем течении имела до десяти сажень в ширину. (44)

Александровский пост, или, короче *Александровск* представляет из себя небольшой образный городок сибирского типа. (28)

[Дуэ] Это пост; население называет его портом. Основан он в 1857 году, название же его Дуэ или Дуи существовало раньше и относилось вообще к той части берега, где находятся теперь дуйские копи. (15)

В книге широко используются гидронимы: потамонимы – названия рек, лимнонимы – озер, океанонимы – океанов, пелагонимы – названия морей, бухт, заливов и проливов. Для А. П. Чехова это основные ориентиры на острове и на подходе к нему.

Амур здесь [В Николаевске] очень широк, до моря осталось только 27 верст... (93)

Во втором часу вошли в бухту *Де-Кастри*. (24)

[Населенный пункт Дуэ] в узкой долине, где он расположен, протекает мелкая речка *Хойнджи*. (86)

Тынь впадает в *Ныйский залив*, или *Тро*, – маленькая водная пустыня, служащий преддверием в *Охотское море*, или, что все равно, в *Тихий океан*. (101)

Автор книги считает очень важным моментом – на какой реке находится населенный пункт.

Например:

Галкино-Враское, или *Сиянцы* – при впадении *Такое* в *Найбу*, местоположение красивое, но очень неудобное. Весной и осенью, да и летом в дождливую погоду, *Найба*, капризная, разливается... Сильное течение запирает вход для *Такое*, и эта тоже выходит из берегов. *Галкино-Враское* представляет из себя тогда Венецию и ездят по нем на айнских лодках... (154)

Чтобы кончить с обзором селений Тымовского округа, мне остается еще упомянуть только о двух селениях: *Мало-Тымове* и *Андрее-Ивановском*. Оба они расположены на реке *Малой Тыми*, берущей начало около *Пиленги* и впадающей в *Тынь* около *Дербинского*. (116)

Среди инсулонимов (названия островов, мысов, полуостровов) преобладают словоупотребления топонима Сахалин.

Например:

Сахалин ... имеет форму удлинненную с севе-

ра на юг, и фигурую, по мнению одного из авторов, напоминает стерлядь... Длина острова 900 верст, наибольшая его ширина равняется 125 и наименьшая 25 верстам. Он вдвое больше Греции и в полтора раза больше Дании. (25)

Летом 1890 года, в бытность мою на **Сахалине**, при Александровской тюрьме числилось более 2000 каторжных. (59)

Названия мысов и полуостровов встречаются реже:

После обеда, часов в шесть, мы были уже у мыса **Пронге...** (18)

Чтобы не сесть на мель, г. Л. (капитан) не решился плыть ночью, и после захода солнца мы бросили якорь у мыса **Джаоре**. (22)

Используются А. П. Чеховым в его книге и гидронимы (названия линейных объектов в городе, например, проспекта или улицы), во-первых, для сравнения:

Тут (в Рыковском) улицы не называются по-сибирски слободками, как в Александровске, а улицами, и большинство их сохраняют названия, данные им самими поселенцами. Есть улица **Сизовская**, названная так потому, что на краю стоит изба поселки Сизовой, есть улица **Хребтовая**, **Малороссийская**. (111)

И, во-вторых, представлены в ностальгических воспоминаниях ссыльнокаторжных:

Один бывший московский купец, торговавший когда-то на **Тверской-Ямской**, сказал мне со вздохом: «... я бы все отдал, жизнь бы свою отдал, что бы только взглянуть не на Россию, не на Москву, а хоть бы на одну только **Тверскую**». (107)

Тоска по родине (материковских городах, уездах, губерниях) проходит через воспоминания крестьян из ссыльных и пришедших на Сахалин за отцом или матерью, таких, как хозяйка квартиры в Александровской слободке:

– Заехали в эту пропасть!.. Теперь у нас в **Тамбовской губернии**, чай, жнут, ... а тут глаза бы мои не глядели. (29)

Материковские топонимы часто использует сам автор в рассуждениях – сравнениях о погоде (климате) и количестве каторжан по губерниям.

Например:

Зима в Александровском округе суровее, чем

в **Архангельске**, весна и лето как в **Финляндии**, и осень как в **Петербурге**, средняя годовая температура, как в **Соловецких островах**, где она тоже равна нулю. (74)

Для сравнения я возьму средние месячные температуры Александровского округа и **Череповецкого уезда Новгородской губернии**, где «суровый, сырой, непостоянный и неблагоприятный для здоровья климат». (73)

На вопрос: «Какой губернии?» мне ответили 5791 человек: **Тамбовская** дала – 260, **Самарская** – 230, **Черниговская** – 201, **Киевская** – 201, **Полтавская** – 199... Эти цифры могут дать лишь приблизительное понятие о составе населения по месту рождения, но едва ли кто решится выводить из них заключения, что тамбовская губерния самая преступная, и малороссы, которых, кстати сказать, очень много на Сахалине, преступнее русских. (183)

Итак, в книге А. П. Чехова «Остров Сахалин (Из путевых записок)» широко представлен разнородный топонимический материал: хоронимы (природные и административные), астионимы, комонимы, в большом количестве гидронимы и инсулонимы.

С помощью топонимов автор, ориентируясь на местности, ведет за собой читателя от устья Амура до юга Сахалина. Из 1676 словоупотреблений различного рода топонимов на первые 14 глав приходится их больше тысячи – разворачивается авторская пространственная ориентация читателей по острову.

Самыми редкими являются оронимы, самыми многочисленными – гидронимы, так как реки в условиях бездорожья, слабой изученности и освоенности местности в период каторги, были основными ориентирами.

Поездка Антона Павловича Чехова на Сахалин явилась событием не только личного, но и социального значения – возбудила в обществе интерес к Сахалину и сахалинской каторге. Эта поездка выдвигалась писателем как гражданская цель, личный путь ответственного человека, обязанного привлечь к Сахалину, на который ссылают тысячи людей, внимание общества.

РАЗДЕЛ VII

РЕЦЕНЗИИ

КАК РИНГ СТАЛ КРУГОМ, ИЛИ ПОЧЕМУ НА РИНГЕ НЕТ ПОБЕДИТЕЛЯ И ПОБЕЖДЕННОГО

Рецензия на книгу стихов Л. В. Дорофеевой «Круг» («Ринг»). —
Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012. — 56 с.

Возвращение в детство, или уподобление ребенку

Трудно представить себе то, что взрослые люди в своем детстве никогда не читали забавных стихотворений. В памяти многих с ранних лет хранятся рифмованные строки из наследия Самуила Маршака и Корнея Чуковского, Агнии Барто и Сергея Михалкова... То, что когда-то взрослые люди читали детские стихи, естественно, в этом нет ничего необычного. А вот случаи, когда взрослые начинают писать произведения для детей, происходят нечасто. Не распространено это обычно и в среде самих литераторов. В пространстве детской литературы всегда есть много уязвимых мест: нужно быть, безусловно, интересным детским читателям, нужно самому в какой-то мере уподобиться ребенку: научиться вновь тому, что было безусловным в далеком прошлом — быть искренним, чистым, любознательным...

Это произошло и с одним необычным человеком, с доцентом Сахалинского государственного университета Л. В. Дорофеевой. Лариса Владимировна — филолог, вся ее профессиональная жизнь подчинена работе со словом. Вот уже почти полвека Дорофеева преподает курсы зарубежной литературы будущим учителям русского языка и литературы. Страсть к сочинительству у Ларисы Владимировны родилась еще в пятилетнем возрасте. В разные годы стихи вузовской преподавательницы можно было найти в журнале «Дальний Восток», в литературно-художественных сборниках «Сахалин» и «Остров», в газете «Рыбак Сахалина».

В 2008 году Лариса Владимировна представила на суд читателей свою первую книгу, адресованную детям, «Азь буки». Особенность этой книги в том, что написана она на церковнославянском языке. Благодаря «Азь буки» язык наших предков приобрел современное звучание, а для нынешнего поколения детей приоткрылась завеса над незнакомыми, но загадочными буквами — «омегой», «ижицей», «фитой»... Вот и в нынешнем году, спустя четыре года после де-

бютного издания, Лариса Владимировна стала автором новой книги.

Новая книга и профессиональные интересы

Книга Ларисы Владимировны носит двойное название: «Круг» по-русски и «Ring» по-английски. И это не случайно. Ведь представленные в книге стихотворения (а их более двадцати) даны на русском и английском языках. Писались Ларисой Владимировной эти стихи вразнобой. Одни изначально рождались по-русски, а потом уже переводились, а иные звучали исключительно на английском языке и уже позже трансформировались в строки, понятные русским читателям.

Обращение к английскому языку для Ларисы Владимировны естественно. В свое время ее кандидатская диссертация была посвящена поэзии англичанина Томаса Харди, который даже у себя на родине чаще известен как автор прозаических произведений. Долгие годы, преподавая англоязычную литературу (а среди наиболее именитых англичан Лариса Владимировна преклоняется, прежде всего, перед гением Уильяма Шекспира), Лариса Владимировна и не помышляла писать по-английски самостоятельно. Но занятия по усовершенствованию сильно изменившегося с середины прошлого века английского языка побудили Ларису Владимировну попробовать свои силы на том поприще, на котором нередко ломаются мечты и желания людей, берущихся за изучение иностранных языков. И это удалось автору книги «Круг» («Ring»). В поэтическом воображении Ларисы Владимировны на свет появились «хвостатый» пес Тяпа и кошка, бродящая «меж капустных» гряд; чинные сельские гуси и быстрая саранча, «две вороны-скандалистки» и шустрая ящерка, веселый рыжий жеребенок и бурундук с огненными полосками на шерсти:

Сидит на пне бурундучок,
Блестит веселенький зрачок.
«Мы с тобой поладим?»
Дай тебя погладим...»

Каждое стихотворение написано с большой любовью к миру, с тем чувством, с которым смотрит ребенок на окружающую природу. Рассказывается в стихах и о том, что случается в жизни веселых и непосредственных детей: легкое чувство обиды, путешествие в мир сна, забавные ошибки.

Как и многие детские книги, стихи Ларисы Владимировны не лишены особого скрытого смысла, который могут понять только вдумчивые родители, взрослые читатели. В стихотворении «Ау!» описывается собака Муха, которую ласкают детдомовские детишки, ожидающие свершения чуда, появления собственной семьи. А в стихотворении «Кого ест жаба?» рисуется образ безобидной обитательницы пруда, которая если и ест, то только назойливых комаров.

Союз автора, редактора и художника

Многие иные стороны поэтического почерка Ларисы Владимировны могут открыть для себя читатели книги. Добавим только, что книга «Круг» («Ring») объединила в себе творческие порывы еще двух интересных людей – редактора английской версии стихов Бена Уорнера и художницы Елены Никифоровой. Для них книга Ларисы Владимировны – это, конечно же, подарок. Бен Уорнер, известный на Сахалине в музыкальных кругах как исполнитель разных песен, сейчас со своей семьей проживает в Америке, в Хьюстоне. Воспитывает двух дочерей, учениц начальной школы – Полину-Николь и Майю-Александру. Позволим предположить, что растущим в двуязычной среде дочерям Бена Уорнера (а супруга Бена Наталья – в недавнем прошлом студентка Ларисы Владимировны) книга «Круг» («Ring») будет особенно интересна. Ведь русские и английские стихи в книге Ларисы Владимировны не являются абсолютно одинаковыми друг другу.

Напротив, каждое стихотворение в сравнении с его иноязычной версией содержит в себе небольшое количество расхождений, весьма уместных и оправданных. Это равносильно той любимой игре детей, когда они смотрят на одинаковые картинки и пытаются найти в них отличия, незаметно спрятанные художником. Но в случае с книгой Ларисы Владимировны такая игра приобретает воспитательную окраску. Ребенок начинает внимательнее относиться к своему родному языку и тому языку, на котором звучит переводимое стихотворение. Приведем пример, которым открывается новая книга Л. В. Дорофеевой. Так, в стихотворении «Земляничка» собаку зовут Тяпа, а в английском варианте «The Strawberry» Бимом. В первом случае Тяпа получает из ладошки малыша лесную ягодку, а во втором – опущенную в крем (вероятно, в сливки) клубничку (в английском варианте, как известно, под «strawberry» чаще всего подразумевается именно клубника).

Это и другие стихотворения детского сборника проиллюстрированы яркими, красочными рисунками Елены Никифоровой, художницы, сотрудничающей с издательством Сахалинского государственного университета. Не будучи специалистами в области детской графики, заметим, что, по нашим наблюдениям, рисунки уже были оценены детьми, любящими разные книжные лабиринты, многочисленные линии и полосы, по которым можно водить пальчиками. На каждом развороте книги (где русский текст размещается слева, а английский – справа) обязательно есть образы дороги или пути, объединяющие две страницы русского и английского текстов. В одних местах эти образы прослеживаются как фактические – в лесной тропинке, в дорожке между огородных гряд, в иных направлениях, пригодных для передвижения по небу, земле и воде. А вот в других картинках эти образы причудливо скрыты в направленных ввысь ветвях деревьев или в длинных стеблях и листьях травы; в перекинутой через холмы радуге или канделябрах для свечей.

Русский и английский языки на поэтическом ринге

Попробуем взглянуть на книгу Л. В. Дорофеевой еще и с собственно лингвистической стороны. Сопоставим родственные по темам стихотворения, написанные на двух языках. И тем самым определим, в чем своеобразие каждого из предлагаемых читателям поэтических текстов.

Примечательно, что, с точки зрения формы, русский и англоязычный тексты в большинстве случаев равнозначны, так как количество стихотворных строк в каждом случае примерно равно. То есть плотность перевода почти не превосходит плотности оригинала. С целью соблюдения рифмы и ритма стихотворения в английских вариантах обнаруживаются синтаксические, частичечные и лексические трансформации. Например, в стихотворении «Янтарное ожерелье» («The Amber Necklace») к синтаксическим трансформациям можно отнести замену множественного числа в русском варианте на единственное в английском («янтари» – «amber drop»), замену простого предложения на сложное («Может, это в грустный час плачут ангелы о нас?» – «Maybe angels in the sky let amber tears drop down, when they cry»), а также замену сложного бессоюзного предложения на сложноподчиненное с придаточным условия («Соберем их в ожерелье – будет ангелам веселье» – «If we put that joy into an amber drop it could make that angel crying stop»). Интересно подана в стихотворении и антонимическая композиция («Есть от грусти утешенье...» – «But there are things that we can do»; «... будет ангелам веселье...» – «...it could make that angel crying stop...»).

К частеречным трансформациям относятся замена существительного на прилагательное

(«блестки» – «radiant»), именного субстантивного словосочетания на глагольное («грустный час» – «tears drop down»), существительных на глаголы («танцы, игры, песнопения» – «dance, play, sing»).

К лексическим трансформациям можно отнести такую модуляцию: «Блестки ясные зари!» – «Radiant, as a mountain top!»; «ожерелье» – «amber drop». В этом лаконичном стихотворении обнаруживается добавление («Может, это в грустный час плачут ангелы о нас?» – «Maybe angels in the sky let amber tears drop down, when they cry») и номинализация («Соберем **их** в ожерелье...» – «If we put **that joy** into an amber drop...»).

Какие котята «ждут» кошку «в углу»?

Интересным для аналогичной работы становится и сопоставление стихотворения «Кошка» с его английским вариантом «The Cat». Приведем вначале англоязычный текст:

The Cat

Silent, on her belly flat
Through our garden roams the cat
For hours on end on tippy toes
She stalks her prey through the cabbage rows
Hunting is her work, not sport
And always rewards the patient sort
'Cause home in the corner licking their mittens
Lie five tiny, hungry, furry little kittens.

А вот как выглядит стихотворение, написанное на русском языке:

Кошка

Еле слышно и сторожко
В огороде ходит кошка.
Три часа в жару подряд
Меж капустных бродит гряд.
Кошка ходит на работу,
Кошка ходит на охоту,
Кошку дома на полу
Пять котятков ждет в углу.

Это стихотворение – одно из тех, в котором смысл оказывается почти полностью идентичным, однако лексически не эквивалентным, а вариативным. Так, слово «сторожко» в английском варианте передается с помощью словосочетания «belly flat», что означает в дословном переводе «плоский живот». Образ плоского живота (живота, расprostертого на полу) отражает повадки кошки, ее осторожные движения. Словосочетание

«в жару подряд» передано в переводе как «on tippy toes», а «три часа» – как «for hours». Предложение «Меж капустных бродит гряд» в английском тексте звучит как «she stalks her prey through the cabbage rows». То есть наблюдается перестановка частей предложения для сохранения рифмического ряда. Инверсия имеется и в других частях стихотворения, как-то: в третьем двустишии. Часть предложения «кошка ходит на работу» в английском тексте опускается и звучит в иной смысловой плоскости: «haunting is her work, not sport...». В двух завершающих стихах в английском варианте появляется описание внешнего вида котят, ждущих «в углу» свою мать. Котята (никак не описанные в русском варианте) оказываются «tiny» («крошечными»), «hungry» («голодными»), «furry» («пушистыми») и little («маленькими»).

На этом поставим точку, оставив для упражнений читателям книги другие поэтические тексты. Ведь такие сопоставления дают довольно много очень интересных лингвистических открытий (и знакомство с новыми словами, и уточнения уже привычных слов и образов, и многое др.).

Постскриптум

В представлении русских читателей слово «ринг» (а это и англоязычное название рецензируемой книги) ассоциируется с площадкой, на которой встречаются боксеры. И для Л. В. Дорофеевой английский язык стал своего рода соперником. Однако для автора новой книги важно было не победить английский язык, но сделать его своим другом, единомышленником. И, на наш взгляд, Л. В. Дорофеева с этим справилась. При этом наше частное мнение подкрепляется и первыми результатами в оценке работы автора «Круга» («Ring»). За книгу стихов Л. В. Дорофеевой «Круг» («Ring») издательство Сахалинского государственного университета было награждено серебряной медалью Дальневосточного книжного форума «Печатный двор–2012» в номинации «Литературный конкурс». Это ли не лучшее из доказательств того, что новая книга обязательно найдет своих читателей: не только на Сахалине, но и за его островными пределами.

К тому же у книги Л. В. Дорофеевой есть одно бесспорное преимущество над иными аналогичными изданиями. «Круг» («Ring») может восприниматься как учебный материал для оттачивания знаний, отработки уже имеющихся теоретических представлений на практике у будущих филологов, специализирующихся на изучении английского языка¹.

¹ Отдельные стихотворения книги Л. В. Дорофеевой «Круг» («Ring») были даны для самостоятельного сравнительно-сопоставительного разбора студентам 503 группы специальности «Перевод и переводоведение» (выпуск 2012–2013 учебного года) Института филологии Сахалинского государственного университета. Анализ представленных студентами материалов (в частности, Анастасии Созиновой, Марии Савченко, Маргариты Редькиной, Маринэ Шаинян, Натальи Напалковой и др.) показал высокую учебно-методическую значимость такой работы.

РЕЦЕНЗИЯ
НА МОНОГРАФИЮ Е. А. ИКОННИКОВОЙ, О. В. ЮГАЙ,
Р. В. ЯКИМЕНКО «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ НОВЕЛЛА РУБЕЖА XIX–
XX ВЕКОВ В ПРОФИЛЬНЫХ ГУМАНИТАРНЫХ КЛАССАХ»
(ЮЖНО-САХАЛИНСК : ИЗД-ВО ИРОСО, 2012. – 100 с.)

Глубина и серьезность работы, предпринятой авторами «методической» монографии о новелле рубежа XIX–XX веков, не вызывают сомнений. Соответственно, разговор об этой работе тоже должен носить серьезный и принципиальный характер и вестись исследователями, специально изучающими данный предмет, а поскольку автор этих строк не может отнести себя к их числу, все ниже следующее – включая «критические замечания» – может восприниматься только как попытка соразмышлений.

Начну с очевидных плюсов, первым из которых (рискну еще раз повторить уже дважды произнесенное слово) является *серьезность* работы, которая выступает в качестве принципиальной установки авторов монографии, обращенной, в том числе, и к школьным учителям, но обходящимся без каких бы то ни было растолковываний и так понятных вещей. Авторы монографии говорят со своим читателем четко, ясно, точно очерчивают круг проблем, показывают, где и насколько эти проблемы решены, а где существуют разногласия и недорешенные вопросы. Этот деловой *серьезный* тон авторам монографии удается сохранить на протяжении всей книги – не только в теоретических, но и в методических ее разделах, что, на мой взгляд, очень важно, так как дефицит такой интонации в разговоре со школьным учителем ощущался ранее и продолжает ощущаться в методической литературе. Именно такой тон и необходим современной школе, может быть – больше, чем когда бы то ни было, так как только установка на обнаружение фактов, их систематизацию и анализ (а именно этому и стремятся научить своего читателя авторы монографии – обнаруживать факты, систематизировать и понимать их) являются лучшим ответом на вопрос, зачем нужна литература в школе.

Продолжением установки на конструктивный разговор с читателем является жесткая логика работы, взаимосвязь всех ее частей и разделов. Наличие трех авторов не только не нарушает этой логики, но, напротив, делает ее еще более несомненной. Налицо стремление авторов быть соавторами, включающее в этот трехсторонний диалог и ещё одну сторону – читателя.

Жесткая логика не исключает увлекательности исследовательского сюжета – эту книгу интересно читать. Интересно следить за развитием научной мысли; крайне любопытно наблюдать, как авторы монографии последовательно поверяют практической алгеброй теоретическую гармонию – ни на мгновение не забывая о прямых адресатах своего исследования, думают о том, как заставить то или иное теоретическое положение «работать» на практику школьного приближения к предмету. Интересны подобранные примеры и опыты их методической интерпретации.

Попутно отмечу, что вопрос об адресате монографии – совсем не так прост, поскольку не прост и ее предмет. Казалось бы, данная монография – о «новелле в школе», но в то же время это и монография о современной школе и, в частности, о ее возможностях (и – невозможностях) постижения действительно сложных проблем, стоящих перед нынешней гуманитарной наукой. С учетом этого обстоятельства надо констатировать, что монография Е. А. Иконниковой, О. В. Югай, Р. В. Якименко не утратит своего значения и через «дцать» лет, когда, возможно, сама превратится в объект изучения историков школьного преподавания литературы.

Переходя к разделу пожеланий, остановлюсь на двух моментах, первый из которых касается, если можно так выразиться, *философии текста*, которой мне в рецензируемой монографии несколько не хватает. Создается такое ощущение, что авторы книги ставят читателя перед фактом существования новеллы и далее начинают кропотливо расщеплять этот жанр, ищут его специфику и т. д. Между тем остается изначальная недоговоренность относительно того, чем был вызван такой мощный интерес к жанру новеллы на рубеже XIX–XX веков, явившийся ответом на крах единой смысловой сферы, ценностной системы и т. д. Здесь и кризис романа, и известное проклятие И. Анненского в адрес классика-новеллиста, который «хотел убить в нас Достоевского». Мне представляется, что сказать об этом – необходимо, чтобы сюжет, связанный с собственной новеллой, оказался продолжением

размышлений учителя и ученика о таких вещах, как мир, история, гармония, человек и т. д.

Второе соображение – частное, «методическое». Монография от начала до конца изложена так, словно бы ее авторами пройден весь путь размышлений и поисков, расставлены все точки над «и», всё учтено и принято к сведению. Это, безусловно, так и есть, – без этого не стоило бы и братья за перо (или: за перья, поскольку их – три!). Но по-читательски мне почему-то очень хочется, хоть однажды, где-нибудь почувствовать себя чуть-чуть – не умнее, нет – предусмотрительнее авторов (знает же читатель или

зритель детектива то, что не знает герой, – до поры – до времени, разумеется). Может быть, имел бы смысл предусмотреть в книге и такой методический прием? Например, подвести читателя к каким-то выводам, спровоцировав его на самостоятельное открытие? Впрочем, использовать этот прием или нет – это, безусловно, дело авторов, еще раз повторюсь, глубокой и по-настоящему серьезной монографии, которая в любом случае найдет своего благодарного читателя среди вузовских преподавателей, студентов, школьных учителей, учащихся и – «всех интересующихся литературой».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БАРЫШНИКОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Направления научных исследований: история русского литературного языка; исследование русских словарей иностранных слов XIX века; историческая лексикология, лексикография.

БАСАРГИНА ЯНА ВИКТОРОВНА – студентка 1-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Формирование коммуникативно-речевой активности современного школьника (из опыта работы областной очно-заочной школы “ЛИДЕР”)».

ВИННИК НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА – студентка 2-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Проектная и учебно-исследовательская деятельность учащихся старших классов по русскому языку в условиях модернизации школьного образования».

ВОЛОДЧЕНКО ЕЛИЗАВЕТА ВЛАДИМИРОВНА – студентка 1-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Изучение романов Ф. М. Достоевского в контексте темы детства на уроках литературы в старших классах».

ГРИГОРЬЕВА ГАЛИНА СТЕПАНОВНА – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научных исследований: роль иностранных языков в формировании ценностных ориентаций студентов.

ДОБРЫЧЕВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Научные интересы: стилеобразующие функции конструкций экспрессивного синтаксиса.

ДОЛГОПОЛАЯ МАРИНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Направления научно-исследовательской работы: терминосистема литературоведческого дискурса; просодическая организация речевого акта в английском языке.

ДОРОГОВ ПАВЕЛ ЮРЬЕВИЧ – студент 1-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Изучение антонимов комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» на занятиях по русскому языку как иностранному».

ЖУКОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИМИРОВНА – старший преподаватель кафедры журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема исследования: новостная теле- и радиожурналистика.

ЗИНОВЬЕВА НАТАЛЬЯ ВАСИЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Журнал «Числа»: литературно-эстетическая позиция и художественная практика».

ИКОННИКОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук, доцент. Направления научно-исследовательской работы: теория литературы, зарубежная литература, литературное краеведение.

КАЗАНЦЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Тема научных исследований: историческое словообразование.

КОЗЫРЕВА ЮЛИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – старший преподаватель кафедры английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научных исследований: «Функциональная переориентация языковых единиц как фактор идиоматизации английской речи».

КОЗЫРЬ ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема научных исследований: проблемы обучения устному и письменному переводу.

КОРНЕЕВА ИННА ВЛАДИМИРОВНА – доцент кафедры корейской филологии Института экономики и востоковедения Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Область научных интересов: художественная литература Кореи.

КУДРЯВЦЕВА ГАЛИНА НИКАНОРОВНА – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Направления научно-исследовательской работы: русская литература XIX века, литературная критика, творчество В. Крестовского, литературное краеведение.

ЛОЗОВАЯ ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры русского языка, аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Эволюция образа «черного человека» в русской литературе XIX–XX веков (от Батюшкова до Есенина)».

ЛОПАСОВА КРИСТИНА ГЕННАДИЕВНА – корреспондент, младший редактор ТИА «Острова», г. Южно-Сахалинск.

МАНАЕВА ДАРЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – студентка 2-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Изучение грамматических трансформаций при переводе текстов с русского языка на английский как компонент языкового образования учащихся гуманитарных классов профильной школы».

МАСЕЕВА ВЛАДЛЕНА НАИЛЬЕВНА – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Трансформация образа падшей женщины в отечественной литературе XIX–XX веков и в современной газетно-журнальной публицистике».

МАШАРИНА ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА – зав. кафедрой английской филологии Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент. Область научных интересов: английская лексико-семантическая система в диахронном аспекте; социально-лингвистическая ситуация в англоязычных странах.

МЕДВЕДЕВА ГАЛИНА ГЕОРГИЕВНА – зав. кафедрой германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат педагогических наук. Область научных интересов: словообразовательные процессы в современном немецком языке.

МИТРОХИН ВИКТОР КУЗЬМИЧ – зав. кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Сахалинского государственного университета. Научные интересы: расследовательская журналистика, криминология.

НЕЛЮБИНА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – студентка 1-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Восприятие культуры страны изучаемого языка посредством перевода реалий с английского языка на русский (на материале произведений Т. Капоте)».

НИКОЛАЕВА ТАТЬЯНА ИННОКЕНТЬЕВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат педагогических наук. Направления научных исследований: актуальные проблемы методики преподавания русского языка; основные направления реализации регионального компонента в обучении русскому языку; лингвистическое краеведение.

ОЖЕГОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – студентка 1-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Разговорная лексика на занятиях по русскому языку как иностранному (на материале отечественных художественных фильмов)».

ОЛЕШКО ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ – профессор кафедры журналистики СахГУ, заведующий кафедрой периодической печати Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, доктор философских наук. Сфера научных интересов: психология творчества, технологии журналистской деятельности, моделирование массово-коммуникационных процессов.

ОЛЕШКО ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – преподаватель кафедры периодической печати Уральского федерального университета им. первого президента России Б. Н. Ельцина, кандидат филологических наук. Сфера научных интересов: газетно-журнальный шрифт, шрифтовая культура массмедиа.

ОРЛИН ГЕННАДИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – старший преподаватель кафедры германо-романских языков Института филологии Сахалинского государственного университета. Направление научных исследований: лингвостилистика в текстовом пространстве немецких древних баллад.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА КОНСТАНТИНОВНА – аспирантка кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета по специальности 10.01.08 – Теория литературы. Текстология.

ПЕРЕПЕЛКИН МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета; научный сотрудник Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького (Музея-усадьбы А. Н. Толстого), доктор филологических наук, доцент. Автор около 150 научных и краеведческих публикаций, двух монографий, составитель и редактор научных и краеведческих изданий. Принимал участие в подготовке к изданию «Энциклопедии Самарской области». Область научных интересов – русская поэзия XX века, поэтика иносказаний.

ПОЛУПАН ЕЛЕНА БОРИСОВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Научные интересы: экспрессивные отчлененные фрагменты текста в современном русском языке.

РУБЛЕВА ЛАРИСА ИВАНОВНА – профессор кафедры русской и зарубежной литературы, профессор кафедры журналистики Института филологии, проректор по учебной работе Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук, профессор. Научные интересы: русская литература XVIII века, творчество В. Т. Нарезного.

САБУРОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА – менеджер по работе с корпоративными клиентами, типография г.Южно-Сахалинска. Область научных интересов: актуализирующий синтаксис современного русского литературного языка.

СКИБИНА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доцент кафедры теории и практики перевода, кандидат филологических наук, доцент. Область научных интересов: проявление системности на различных уровнях языка.

СЛЕПЦОВА ЕКАТЕРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Направления научных исследований: лексикология, лингвокультурология, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология.

СТЕПАНЕНКО АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – зав. кафедрой журналистики Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук. Научные интересы: жанры художественной публицистики, этика журналиста, творчество А. П. Чехова, история зарубежной литературы и культуры XVII, XVIII и XIX веков, история русской литературы XIX века.

ТАБАЧЕНКО ВАЛЕНТИНА ВИКТОРОВНА – студентка 2-го курса магистратуры профиля подготовки «Филологическое образование» Института филологии Сахалинского государственного университета. Тема диссертационного исследования: «Лингвокультурологический компонент формирования общекультурных компетенций учащихся (на примере изучения антропонимов в составе фразеологических единиц английского языка)»

ТАБАЧЕНКО ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – декан Института филологии, зав. кафедрой русского языка, доктор педагогических наук, доцент. Приоритетные направления научной деятельности: когнитивный подход в современном лингвистическом образовании; формирование филологической компетенции в профессиональном образовании; актуальные проблемы когнитивистики.

ТАРАСОВА МАРИНА РОМАНОВНА – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук, доцент. Научные интересы: современный литературный процесс, русская критика, творчество И. А. Ильина.

УШАКОВА ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА – ученый секретарь СахГУ, директор Издательства СахГУ, кандидат педагогических наук, доцент. Область научных интересов: коммуникативная лингвистика.

ФЕДОРОВА ИРИНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – специалист по учебно-методической работе кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета. Область научных интересов: проблемы сакрального в литературе.

ЧИКОВА ТАМАРА ВАСИЛЬЕВНА – доцент кафедры русского языка Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: история русского литературного языка, лексикология и лексикография, топонимика.

ЧУДИНОВА ВИКТОРИЯ ИВАНОВНА – зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: русская литература XIX века, проблемы традиции и новаторства, творчество А. П. Чехова.

ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА РОМАНОВНА – зав. кафедрой теории и практики перевода Института филологии Сахалинского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент. Научные интересы: методические основы подготовки и переподготовки переводчиков на основе интеграции очной и дистанционной форм обучения в системе непрерывного образования.

ШАТУНОВА ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА – зав. кафедрой теории и методики начального обучения Института педагогики Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: формирование языковой личности будущего учителя.

ШУМИЛОВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Сахалинского государственного университета, проректор по внеучебной работе и социальным вопросам Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук, доцент. Научные интересы: русская литература XX века, русский авантюрный роман 20-х годов XX века.